

Юлия Шолох

Дикий вьюнок

Annotation

Разливаясь, река заполняла собой целое поле. Топкие места и залитые водой выемки пересекались системой неустойчивых деревянных мостков, единственной связью с лесом у северных гор и лугами у южных. До сих пор помню, будто это случилось вчера — я иду, под ногами скрипят тонкие жерди, между хлипких пропитанных влагой досок прорастает камыш, хватается за юбку, тянет вверх острые листья осока. Медленный, густой пар от нагретой солнцем воды. Чудесная ночь, теплая, тихая, полная света сверкающих в небе звезд. Они почему-то цветные: блекло-синие, прозрачно-зеленые, дымчато-желтые. Небо над головой усыпано драгоценностями, куда более совершенными, чем пустые камешки, столь любимые людьми. Я в самом сердце водяного поля. Оглядываюсь... Так красиво! И вот накатывает дикое желание закричать. Не от страха, не от боли. От жгучего счастья. И полная душистым воздухом грудь. Я запрокидываю голову... Вначале крик чем-то напоминает волчий вой, когда зверь, подняв голову к бархатному небу, поет луне о своей преданной любви. Но только вначале. Крик очень громкий, он просто режет уши и сразу же оглушает. И вдруг... я уже не внизу... я в самом небе, прямо под цветными звездами. Я медленно плыву, парю в воздухе, раскинув руки. Руки? Не знаю, тела нет. Подо мной залитое рекой поле... покрытый водой луг, даже на таком расстоянии пахнувший сладкой травой и душистой пряной зеленью. И я кричу. Кричу о своей любви к самому прекрасному в мире месту. Потому что я счастлива...

- [Шолох Юлия](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть 1](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [Часть 2](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Часть 3](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Шолох Юлия
Дикий вьюнок

Пролог

Разливаясь, река заполняла собой целое поле. Топкие места и залитые водой выемки пересекались системой неустойчивых деревянных мостков, единственной связью с лесом у северных гор и лугами у южных. До сих пор помню, будто это случилось вчера — я иду, под ногами скрипят тонкие жерди, между хлипких пропитанных влагой досок прорастает камыш, хватается за юбку, тянет вверх острые листья осока.

Медленный, густой пар от нагретой солнцем воды. Чудесная ночь, теплая, тихая, полная света сверкающих в небе звезд. Они почему-то цветные: блекло-синие, прозрачно-зеленые, дымчато-желтые. Небо над головой усыпано драгоценностями, куда более совершенными, чем пустые камешки, столь любимые людьми.

Я в самом сердце водяного поля. Оглядываюсь... Так красиво! И вот накатывает дикое желание закричать. Не от страха, не от боли. От жгучего счастья.

И полная душистым воздухом грудь. Я запрокидываю голову...

Вначале крик чем-то напоминает волчий вой, когда зверь, подняв голову к бархатному небу, поет луне о своей преданной любви. Но только вначале.

Крик очень громкий, он просто режет уши и сразу же оглушает. И вдруг... я уже не внизу... я в самом небе, прямо под цветными звездами. Я медленно плыву, парю в воздухе, раскинув руки. Руки? Не знаю, тела нет.

Подо мной залитое рекой поле... покрытый водой луг, даже на таком расстоянии пахнущий сладкой травой и душистой пряной зеленью.

И я кричу. Кричу о своей любви к самому прекрасному в мире месту. Потому что я счастлива...

Часть 1

Как водится, детское воспоминание о счастье у каждого существует практически в одном экземпляре. И не важно, случилось оно на самом деле или просто приснилось во сне. А само счастье имеет привычку исчезать бесследно, ухнув в бездонную пропасть и не оставив после себя ни малейшего доказательства, что вообще было.

В десять лет меня забрал отец, увез из затаившегося между гор селения, где я жила вместе с бабушкой. Я оказалась в незнакомом, чужом и тоскливом месте — городе. В тесном старом доме кроме нас жил еще мой дядя и страшная женщина неопределенного возраста. Хотя страшной она казалась видимо только мне, так как женщина специально приводила себя в подобный вид с помощью косметики и щипцов для завивки, на что тратила не менее часа каждое утро. Да и не сказать, что отец с дядей пугались ее внешности. Даже улыбались частенько, хотя и не очень искренне.

Мне выделили крошечную комнату, находящуюся за кухней и огороженную от нее одной лишь плотной занавеской из выцветшей брезентовой ткани. Кровать с огромной мягкой периной, перья в которой к несчастью слежались и превратились в жесткие неровные комки. Крошечный столик в углу, на нем стопки разнообразных книг — единственного доступного мне развлечения. В другом углу — несколько вбитых в деревянную балку гвоздей, которые заменяли шкаф для одежды.

Широкая дикая равнина, где я провела детство, за раз превратилась в крошечный пыльный уголок ветхого дома. Иногда мне казалось, что я задыхаюсь, но жаловаться было некому.

Четыре года я посещала общественную школу для бедняков. Как ни странно, вспомнить о том времени почти нечего — не было ни друзей, ни врагов. Ничего примечательного, просто тянулись серые дни, полные бубнящими какою-то непроходимую чушь учителями, а после вечера, полные учебниками и одиночеством. Никого из взрослых не волновало, понимаем ли мы урок, а уж тем более откладывается ли хоть что-нибудь из выученного у нас в голове. Однако я училась, потому что делать все равно больше было нечего. К тому же бабушка, которая когда-то и научила меня читать, всегда говорила, что книги способны открыть глаза и показать цвет утреннего неба даже глупому слепому щенку. Подозреваю, речь обо мне, хотя на прямой вопрос она отвечала только смехом и прикосновением руки к волосам.

Четыре года я провела в городе, которого боялась, как только привыкший к бескрайней высоте гор человек способен бояться душного замкнутого пространства. Даже смена времен года не вытаскивала меня из пассивной спячки — зима ли, кусающая морозом за нос, жаркое ли лето, полное сухой пыли, поднятой с дороги проезжающими мимо каретами. Ничего...

А потом одним утром в обычный, ничем не выделяющийся из череды остальных день я проснулась и отправилась завтракать на кухню. В момент, когда я вежливо пожелала страшной женщине доброго утра, раздался оглушительный вопль и моя жизнь изменилась раз и навсегда. Я проследила за ее взглядом и с не меньшим ужасом увидела, что по моей руке как живой ползет четкий, словно тушью очерченный рисунок какого-то вьющегося растения. Как он выбрасывает вперед тонкие закрученные колечками усики и подтягивается за ними следом, расправляет ажурные листья. И снова пускает побеги... Я судорожно схватилась пальцами за кожу, со всей силы терла ее и скребла ногтями, желая убрать прочь это жуткое видение, желая оторвать от своей руки странное растение и отбросить подальше. И тогда... вьюнок неторопливо перекинулся на пальцы и потек по ладони к запястью.

Наверное то, что со мной случилось потом, было самой настоящей истерикой. Единственное, что помню — бешеное желание убрать со своего тела этот мертвый рисунок. Вырвать его с корнем и растоптать в прах. А перед глазами шевелятся стебли, которых все больше и больше, которые все толще... Они скручиваются и наползают друг на друга, пока полностью не перекрывают собой все, что я вижу, будто пропускающее свет окно на улицу закрыли чем-то плотным и темным. Потом немного чистейшего безумия...

Очнулась я в своей коморке, рядом сидел отец, крепко прижимая мои руки к кровати. Оказывается, в беспомощности я сдирала кожу ногтями так сильно, что местами чуть не сорвала клочьями. Слушая тихий голос отца, через некоторое время я поняла, что он пытается меня успокоить. Объяснить, что ничего ужасного не произошло. Просто вступила в силу кровь, да и рисунок появился сразу полноценным, потому он так сильно меня напугал.

— Кровь? — прошептала я, смотря на человека, которого в этот момент почему-то считала виновным в утреннем ужасе. Ведь он же... предполагал нечто подобное, но не предупредил?

— Кровь твоей матери. Кровь шайнарки.

Я застыла, вспоминая то, что слышала о шайнарах. Почти ничего.

— Она была?..

— Полукровкой, конечно же, — отец, наконец, меня отпускает. — Я надеялся, в тебе от них ничего не останется... Мне жаль.

Жаль? Я смотрела на хмурое лицо отца и понимала — ему действительно жаль. Только почему?

Мы говорили часа два, после чего я отдалено начала представлять, что теперь есть моя жизнь.

Чуждая людям раса шайнар проживала на стыке земель, на той стороне берега Великой реки и находилась с человечеством в состоянии неофициальной войны. Представители шайнарского народа, естественно появлялись на людских территориях, но все это были создания высокого ранга, каждый из которых сопровождался одним из королевских советников и охранялся десяткой из числа лучших королевских гвардейцев. А полукровок шайнары не признавали. Не говоря уже о таких как я, где крови всего на четверть. Для них нас просто не существовало и ни разу ни один чистокровный представитель шайнар не заинтересовался судьбой существа, подобного мне.

Но и для людей мы были совсем чужими, не людьми.

— Мне жаль, — повторял отец. — Я так надеялся...

Чистокровный шайнар напоминает живую картинку — его тело раскрашено множеством безупречных изображений окружающего мира. И они не просто нарисованы — в каком-то смысле они существуют, пусть и не в привычной нам реальности. Птицы летают, рыбы плавают, а цветы распускаются, нежась под мягкими лучами весеннего солнца. Основа шайнарской магии — жизненная сила окружающего мира: биение волчьего сердца, тьяканье лисы, шорох осыпающихся лепестков. Люди долгое время пытались найти похожий способ черпать силу из природного источника, но безрезультатно. Шайнары проводят свою жизнь в окружении плотной сети творимых собственным организмом несуществующих, он от этого не менее реальных картин. По сравнению с их раскраской мой дикий вьюнок — просто мелочь, мелкая мошка по сравнению с поедающей мошек ящерицей. И все же наличие даже такой мелочи практически исключает возможность жить, как все обычные люди. Для окружающих я — шайнар и точка. Но, к счастью, в отличие от чистокровных — тот шайнар, за которого никто не вступится. Меня могут купить в театр и показывать за деньги жаждущим зрелищ посетителям. Завербовать при дворе и заставить работать против своих родственников, изначально отрицающих наше родство. Шантажировать всю жизнь, грозясь выдать мое местонахождение борцам за чистоту людской крови, цель которых — уничтожить таких

мерзких существ, как я. Был еще один вариант, встречающийся чаще всех остальных, о котором отец умолчал, поэтому я узнала о нем гора-аздо позже... Наверное, к лучшему.

Когда в тот вечер, напугав меня до полуобморочного состояния, отец выходил из комнаты, неожиданно показалось, что он сильно постарел, сгорбился и даже руки безвольно болтались вдоль тела. Даже сквозь страх пробилась жалость. Так жаль...

Ночью в гостиной, что сразу за кухней, сильно кричали. Я не стала прислушиваться, хотя голоса были знакомые — отец спорил и ругался с дядей. Не знаю, о чем, но часто повторялись слова «деньги» и «убью».

Следующим утром отец вернул меня к бабушке. В небольшом домике практически у самого болота страшное известие о просыпающейся во мне шайнарской крови неожиданно перестало быть страшным.

Когда мы с бабушкой (которая была матерью отца) остались вдвоем, она рассказала то, что знала про мою мать. Оказалось, та пришла неизвестно откуда и некоторое время жила в этой самой деревне. Народу здесь совсем мало и никого особо не волновало, что чужачка наполовину шайнарка. Поэтому и мне боятся нечего...

И с отцом мать познакомилась, когда он приехал навестить бабушку. А вскоре отправилась вместе с ним в город. Через год отец привез на воспитание младенца женского пола, то есть меня, потому что мамы не стало. Подробностей бабушка и сама не знала, и мне не советовала спрашивать. Мать умерла родами, повторяла, запомни и смирись.

Жизнь снова наполнилась красками: лето золотом и лазурью, зима — серебром и серым бархатом.

Вместе с вьюнком во мне проявилась магия, непонятная неуправляемая сила, с которой ни я, ни бабушка не знали, что делать. К счастью, никакого вреда от нее не было и быть не могло, насколько знала бабушка, разрушением владеют только темные маги, светлые в основном занимаются защитой, а шайнары — преображением, превращением одной материи в другую. Иногда я брала в руки листок, а через секунду он светился бледным светом и становился гладким прохладным кусочком ткани. Иногда превращался в хрупкое на вид, но совершенно негибкое пальцами ажурное украшение — стебелек, от которого расходились сплетенные между собой тонюсенькие прожилки. Такие игрушки очень ценились местной детворой, а позже и женщины стали украшать ими себя и свою одежду, так что от происходящего была одна только польза.

Никогда в моих руках не менялся предмет размером больше моей ладони. Вначале, после первого раза, когда сорванный одуванчик вспыхнул

белым светом и стал серебристым, словно выполненным искусным ювелиром предметом из металла, я жутко испугалась. Несколько дней боялась прикоснуться к бабушке и даже к самой себе. Потом рискнула... Поймала на болоте лягушку и, закрыв глаза, сжала в ладони. Представлять, что она станет бездушной статуэткой было очень страшно, но я должна была знать точно! Ведь иначе будет риск для бабушки и остальных жителей... Или для соседского щенка с белым пятном на носу, который всегда так радовался моему появлению!

Некоторое время я, затаив дыхание, ждала. И — ничего. Руку сводило от усталости, лягушка обмякла, потеряв желание вырваться и только безвольно болтала в воздухе лапами, а больше ничего не произошло. Не помню, испытывали ли я еще когда-нибудь такое огромное облегчение.

Единственно, о чем жалела бабушка — невозможность найти учителя, способного объяснить назначение и возможности моей магии. Ну что поделывать, нет так нет...

Два года счастья, разбитого на равные промежутки приездами отца. Его я по-прежнему боялась и старалась держаться как можно дальше.

Что значил для меня мой собственный отец? Кем был? Мы практически никогда не общались и даже толком не разговаривали. Тот день, когда на моей руке ожил вьюнок, был единственным, когда я говорила с отцом и совершенно точно знала, что он у меня есть. К следующему его приезду все вернулась на круги своя — он отдельно, я отдельно. Доброе утро. Как здоровье? Как ваши дела? Спокойной ночи. Все.

Наверное, он очень любил маму. По крайней мере, я так думала когда видела, с каким лицом он о ней вспоминает (хотя эти случаи были настолько редки, что их можно посчитать по пальцам одной руки). Или когда смотрит на меня, точнее, на мой рисунок, выпускающий усики из-под рубашки с максимально длинными рукавами. Теперь я старалась носить как можно более закрытую одежду, чтобы ползающий где ему вздумается вьюнок не вылез наружу в самый неподходящий момент. И волосы носила распущенными, прикрывая лицо — мое растение не разбирало частей тела и ползало, где хотело, оставляя под кожей мягкое прикосновение, похожее на дуновение легкого нежного ветерка. Отец сказал, у мамы были бабочки... много крошечных бабочек и еще пчелы. Однажды пчела даже цапнула его за палец, когда он прикоснулся к маме в то время как она спала.

А я на нее не очень похожа. Разве что разрез глаз, хотя цвет отцовский — светло-карий, почти желтый. Да и лицо отцовское, только более тонко очерченное. Фигура тоже вполне человеческая, природного изящества

жестов и плавности движений, присущих шайнарам, мне практически не перепало. Хотя иногда бабушка, наблюдая, как я делаю что-нибудь по хозяйству, замирала и негромко просила:

— Повтори еще раз...

И я послушно протягивала руку к чашке или вставала на носочки, дотягиваясь до стоящей на полке посуды.

— Твоя мама временами двигалась удивительно красиво... Словно плыла. Сейчас ты немного на нее похожа.

Но то мама... а я всего лишь ее слабое отражение, полустертый след, полуночное видение, которое тает быстрее утреннего придорожного тумана. Не знаю, что значила для отца я, но когда в шестнадцать вместо очередного посещения пришло известие о его смерти, мне было всего лишь немного печально.

Весть привез дядя, сутулый сморщенный человек с копной темных волос. Он забрал меня с собой в город. Не знаю, почему бабушка меня отпустила. Вернее, подозреваю, что ее никто и не спрашивал, судя по тому, в какой спешке мы уезжали. Как утверждал дядя по дороге, перед смертью отца он дал обещание обо мне заботиться. Сухо говорил, сквозь зубы и тогда впервые закралось подозрение, что забрал он меня совсем не по доброте душевной... Иначе отчего смотрит так оценивающе, как на кошелек, пытаюсь на глаз определить, сколько внутри монет.

2

Дом был прежним и комната моя практически не изменилась, разве что книг не осталось, а в занавеске на уровне колен образовалась широкая рваная дыра. Женщина тоже была другой. Хотя она мало отличалась от прежней, но теперь я стала старше и уже не считала ее страшной, хотя и не могла понять, зачем портить здоровый цвет лица пудрой, а красивые каштановые локоны выжигать до состояния сухой соломы.

Не знаю, смогла бы я с ней подружиться. Наверное, да. Если бы успела...

Через два дня после нашего приезда вечером к дяде пришли гости. Женщина спешно собралась к подруге, что-то судорожно бормоча себе под нос и нервно на меня поглядывая. Перед уходом ткнула пальцами в стоящие на столе чашки, а после напомнила, где лежат мешочки с травяным чаем и сахаром. Я даже не сразу поняла, зачем. Но как только женщина исчезла за порогом, даже стук захлопнувшейся двери не смолк, как дядя крикнул, чтобы я принесла гостям чай.

Я послушалась. Разве можно оставить гостя без угощения? Не знаю, правда, принято ли в городе подавать к чаю печенье, а вот мы с бабушкой всегда подавали. Крошечные такие круглые монетки с ягодой малины или черники посередине. Очень вкусные.

Однако печенья не было, вот если бы я знала про приход гостей заранее, обязательно бы испекла. Но теперь придется ограничиться чаем.

С такими мыслями я собрала поднос и отправилась в гостиную, где ждал дядя. Вошла, вежливо улыбаясь, чтобы пришедшие чувствовали себя в нашем доме уютно.

Гости были странные... очень странные.

Бородатый тощий дед с круглым, надутым животом, будто на барабан натянули тканый сюртук. Огненно рыжий мужчина примерно дядиных лет. Плотный лысый коротышка с густыми усами. И еще один, единственный из присутствующих молодой, темноволосый, с бледными голубыми глазами. Он бросался в глаза, потому что был одет в глухую одежду, закрывающую руки до самых запястьев и шею полностью, как будто старался спрятать побольше кожи, как я.

Странные это были гости.

Когда я вошла, они резко замолчали. И ладно бы только это... Но они так смотрели! Не знаю, как удалось ни разу не споткнуться и ничего не

уронить. Жутко захотелось побыстрее разлить чай и вернуться на кухню, подальше от неприлично изучающих взглядов. Щеки покраснели, дышать стало сложно и вообще было удивительно стыдно. Особенно в момент, когда усатый, принимая протянутую чашку, вдруг быстро наклонился ко мне, настолько близко, что его усы почти прикоснулись к моей щеке. Я вздрогнула от неожиданности, но чашку удалось удержать и даже чай не пролить.

— Благодарю, — фальшиво процедил усатый и я, неловко кивнув, поспешила отойти к последнему, молодому.

Он смотрел тоже очень пристально, изучающе, но хотя бы без многозначительной, отдающей пошлостью улыбочки. Наверное потому, что сам он был ненамного меня старше, подавая чашку, я рискнула посмотреть ему в глаза.

На первый взгляд он мне показался удивительно безобразным — слишком ровное, тонко выточенное лицо, недостаточно грубое, чтобы казаться мужественным, слишком узкие губы и длинные волосы. Слишком светлая кожа.

Я отвернулась, поднимая опустевший поднос. Наконец-то можно уйти! И пожалуй, когда дядины гости явятся в следующий раз, я притворюсь больной и не выйду. А уж печенье печь и подавно не буду! Разве что с ядом!

Уйти мне помешали.

— Как вас зовут? — с улыбкой спросил молодой человек.

Я посмотрела на него еще раз. Интересно, с чего я решила, что он безобразен. Может, плохо рассмотрела? Ну что же... я была неправа. Он утонченно, невероятно красив. По крайней мере, когда так улыбается.

— Улана.

— Сколько тебе лет?

Я крепко сжала губы. С какой стати эти люди задают мне подобные вопросы? И почему дядя позволяет?

— Ей шестнадцать, — ответил он за меня.

Больше меня не задерживали и я с превеликим удовольствием оттуда убралась. Впрочем, странности на этом не закончились — когда я закрывала дверь, вдруг услышала, как гости быстро заговорили, торопясь и друг друга перебивая.

— Тридцать, — ломкий старческий голос.

— Сорок, — чей-то глухой и прокуренный.

— Имейте совесть! Не меньше шестидесяти! — это дядя возмущается.

— Семьдесят, — молодой, тот, что в черном.

Осторожно прикрыв дверь, я опустила пустой поднос на стол и замерла. Это ведь никакие не гости, верно? Это торговцы, у которых с дядей какие-то общие дела. Только почему он привел их на ночь глядя домой? Почему они так смотрели? Отец предупреждал держаться от незнакомцев подальше, потому что от них может быть уйма неприятностей, неужели дядя об этом не знает? Непохоже...

Думай, Ула, думай, повторяла я, как обычно делала бабушка. Думай и возможно однажды увидишь звезды...

Додуматься я ни до чего не успела. Дверь распахнулась и на кухню торопливо зашел дядя. Он был в хорошем настроении, надо же... Глаза так и сияли!

Он даже мне подмигнул. Жутковато стало. Сколько помню дядю, никогда он не веселился, будто вовсе и не знал, как это делается.

— А ну пойдём, — поманил меня одним пальцем. Игриво подтолкнул в спину, когда я осторожно проходила мимо него в гостиную.

Теперь там остался только один гость, молодой. Он стоял напротив двери, заложив руки за спину и внимательно следил за нашими перемещениями. Я встала на пороге, как вкопанная и удивлено оглянулась на дядю.

— Давай, давай, не бойся, — бодро повторял дядя. Прошел и уселся в свое кресло. Потом повернулся ко мне и мягко сказал.

— А теперь, Ула, покажи ему свой рисунок.

На меня в упор смотрели холодные серьезные глаза.

Я не сразу смогла вдохнуть.

— Что?..

Он... как он посмел? Рассказать чужаку о моем происхождении? Раскрыть мой секрет и практически дать тому в руки возможность распоряжаться моей жизнью? Отец никогда бы подобного не позволил! Это называется позаботиться? Нет, это не забота. А значит, а это значит...

— Ула, мы ждем, — теперь дядя говорил без улыбки. — Все уже решено. Я обещал отцу о тебе позаботиться и я это сделал. Ты поедешь с этим человеком, он прекрасно устроит твоё будущее. Ты будешь жить в роскоши и ни в чем не нуждаться.

— То есть устроит? — я не поверила своим ушам! Странная какая забота — передать чужаку, открыв мою тайну. Кто я ему? Никто! А значит, он вполне может попытаться извлечь из ситуации выгоду, к примеру, сдать меня тем, кто готов платить деньги за...

Платить деньги! Торговый спор в гостиной. О, мать всех звезд, ну что за дура!

— Вы меня продали? — почти беззвучно спросила я.

Дядя имел совесть принять слегка нашкодивший вид. Как будто... как будто кошку пнул, а не продал собственную племянницу, о которой обещал заботиться, как о родной дочери. Да, не хотелось бы быть дочерью такого типа...

— Ула, так будет лучше. Этот человек пристроит тебя наложницей к какому-нибудь знатному вельможе и ты не будешь ни в чем нуждаться. Для твоего же блага.

— Для моего блага отправьте меня обратно к бабушке!

Губы дяди, который вдруг совершенно перестал быть даже отдалено родным, сложились в прямую жесткую полосу.

— Сейчас ты покажешь ему свой рисунок. А после послушно отправишься, куда скажут. А добровольно это произойдет или нет, решать только тебе. Иначе заставим силой. Ты все поняла?

Руки привычным жестом прижались к груди. Я всегда так делаю, когда чего-то пугаюсь. Нужно бежать, да? Нужно хотя бы попытаться!

— Уважаемый, не могли бы выйти и оставить нас одних? — вдруг вкрадчиво заговорил мой покупатель. Как я могла считать его красивым? Это же работороговец! Как бы мне хотелось, чтобы сейчас он упал прямо у моих ног и в жутких конвульсиях издох. Если бы взгляд способен был остановить сердце, то его уже давно бы не билось!

Даже не заметила, как дядюшка удалился. И что мы имеем? Дверь недалеко, если удастся вырубить этого... этого... его на пару минут, я смогу выбежать на улицу. Только что дальше?

Но разве это важно? Одна, без денег и знакомых. С трудом помню, в какой вообще стороне дорога к бабушке. А иначе. Вот оно... Только что догадалась. Еще один вариант, о котором умолчал отец. Помню, открыл тогда рот, посмотрел в глаза и сник, промолчал. Не рискнул пугать четырнадцатилетнюю девчонку. А я все думала, почему промолчал... Ответ-то простой — шайнарских полукровок любят держать в качестве наложниц, ведь это такая экзотика, когда по твоей обнаженной женщине волной плывет изящное изображение какого-нибудь живого существа. Наверное, подобным зрелищем можно любоваться вечно, я иногда так засматривалась на вьюнок, что часы проходили, пока удавалось от него оторваться. Неудивительно, что кто-то готов за такое зрелище платить.

— Ула!

Чего он так кричит! Ненавижу уже. Купил меня, как кусок мяса на рынке. И подошел так близко. Как же его остановить? Надо бежать...

— Послушай. Ты не сможешь убежать! Тебе некуда идти, а на улице,

поверь моему опыту, тебя ждут такие ужасы, что продажа в гарем по сравнению с ними, как несколько песчинок в лицо по сравнению с грузом земли над захороненным заживо. Понимаешь? Про побег забудь. Сейчас мы поговорим и ты все выслушаешь. Ты же девочка неглупая, правда? У тебя красивое имя. У меня тоже есть имя. Меня зовут Янош, — работорговец говорил медленно, практически по слогам, будто я мало разумное существо, не понимающее человеческого языка. Что, кстати, говорит?

— Не нужно меня бояться. Сейчас просто поверь, что ничего страшного с тобой не случится. Обещаю. Доверься мне! А теперь просто покажи свой рисунок. Мне нужно его видеть.

Руки сжали ткань платья еще крепче. Он вообще в своем уме? Хочет, чтобы я раздевалась? Перед чужим мужиком? Добровольно?

— Мне не нужно, чтобы ты раздевалась, — терпеливо продолжил он. — Мне нужен только рисунок. Где он сейчас?

Я машинально кивнула назад.

— На спине? Переместить на руку можешь?

Переместить? Неужели их можно перемещать? Ни разу о подобном не слышала, хотя с другой стороны, что я вообще знаю о шайнарах? Так, разные слухи да домыслы.

— Похоже, не можешь, — пробормотал он. — Ну, все равно... Покажи просто ту часть спины, где рисунок, большего я не требую. Я отвернусь. Поверь мне! Всем будет проще, если мы побыстрее с этим разберемся.

Не знаю, почему я послушалась. Что-то было в его голосе, как будто он пытался сказать гораздо больше, чем сказал.

Тем более он действительно сразу отвернулся. Правда, в сторону двери, перекрывая проход.

Не знаю, что бы я сделала, но вьюнок решил все проблемы самостоятельно. Словно поняв слова работорговца и сложное положение, в котором я оказалась, он переполз с левой лопатки прямо к основанию шеи. Когда он торопиться, это почти щекотно. К счастью, шея не из тех мест, которые следует тщательно скрывать от постороннего взгляда, потому я расстегнула ворот и отогнула воротник. Провела пальцами по рисунку. Не знаю, как я ощущала вьюнок, каким чувством, ничего необычного на коже не было и все же я знала — он там.

— Эй ты... — работорговец напрягся. — Смотри. Только быстро, пока не уполз.

Он мгновенно оказался за спиной. Мама дорогая, знала бы ты, что я делаю — показываю мужчине, которого сегодня впервые увидела, самое

ценное свое сокровище. Свое наследство. Свое приданное, губы сами собой усмехнулись. Тоже мне счастье, на такое приданое вряд ли кто позарится...

Неожиданно к моей шее прикоснулся теплый палец.

Раньше, чем я успела возмутиться, палец отдернули.

— Ай, — почти по-детски сказал работорговец. — Надо же... Разве у дикого вьюнка бывают колючки?

— Колючки? — изумилась я. Ни разу не видела на своем растении ничего напоминающего колючки.

— Он меня уколол! — обвиняюще сообщил этот... этот продажный человек. Бессовестный работорговец! И безобразный к тому же!

— А нечего руки распускать!

— Да я только...

Спор вынуждено прекратился, когда в гостиную тяжелым шагом зашел дядя. Я мгновенно поправила воротник, закрывая рисунок и накрепко его застегнула.

— Ну что? — дядя остановился так близко, что стало противно. Нет уж, рядом с ним оставаться нет никакого желания. Не хочу рядом. Я отошла, надеюсь, получилось не очень демонстративно.

Работорговец вдруг преобразился. Никаких следов эмоций на лице, только чрезвычайно скучающее выражение, такое правдивое, будто давно уже на нем находится. А это не так, я совершенно точно знаю. Каков лицемер! Взгляд с налетом благородной утомленности. Спина прямая, как официальном приеме у короля.

— Обычное растение, дикое. Ничего ценного, хотя и лучше насекомых. Еще три золотых добавлю, не больше, — томно сообщил работорговец.

Я заработала от дяди возмущенный взгляд. Похоже, мой рисунок не оправдал его надежд обогатиться еще больше. Взгляд я вернула обратно. У меня больше нет дяди, заявила ему! И мне стыдно, что у нас с тобой общая кровь.

Тем временем работорговец неторопливо отсчитал монеты из бархатного черного мешочка и оставил их на столе.

— Пойдем, — мимоходом бросил мне, засовывая опустевший кошелек за пазуху.

Пойдем? Ноги идти отказались. Куда пойдем? Добровольно отправляться в место, где меня продадут какому-то старому любвеобильному торгашу? Как же мерзко, звездная даль, как гадко...

— Не бойся, — тихо сказал работорговец, оказавшись ближе и почти

силой развернул меня к выходу.

— Вещи...

— Не нужны. Что у тебя там есть хорошего? — поморщился он.

И правда, ничего там нет. Одежда старая, сто раз штопаная-перештопаная, половина из которой вообще мне давно мала. Вряд ли новый хозяин захочет видеть свою наложницу в таком ободранном виде. О, мать синей звезды, о чем я вообще? Не собираюсь я быть ничьей наложницей!

— Уважаемый, не могли бы вы проводить нас до экипажа? — вежливо промурлыкал работорговец, одновременно довольно невежливо толкая меня в спину.

— Непременно, — дядя был само великодушие.

Как же так?! Обидно. О, звездная даль, как же обидно!

На улицу меня почти вытолкали. Мысли о необходимости бежать прервались в один момент, когда работорговец крепко схватил меня за локоть и быстро потащил к стоящему за воротами темному экипажу. Дверца сама собой отворилась, он приподнял меня и еще быстрее запихнул в салон. Тут же заскочил следом и захлопнул дверцу.

3

Оказалось, внутри находится еще один человек, пожилой, почти седой. Он сидел на редкость прямо, хотя на таких мягких сидениях прямо сидеть практически невозможно. Раньше, чем я успела его испугаться, на улице раздался грохот, так что пугалась я уже несущихся оттуда звуков.

— Именем закона! — кричал грозный голос и надо признать, звучала эта угроза довольно фальшиво.

Я сжалась на сидении, пытаюсь спрятаться в мягком сидении. Ну и денек сегодня...

— Сюда его!

— Давай к остальным и вперед, сколько можно тут торчать?! Я еще не ужинал!

— Да не дергайся, меня тоже жена заест, что без предупреждения полночи где-то шатаюсь!

Работорговец тем временем приоткрыл шторку и выглянул в окошко. Что-то внимательно разглядывал, потом кивнул кому-то невидимому. Когда шторка опустилась на место, карета дернулась и медленно поехала по дороге. Как только это произошло, работорговец вдруг совершенно изменился. Ожил, повернулся ко второму мужчине.

— Мы их взяли! — восторженно крикнул, сверкая в полумраке экипажа глазами и зубами одновременно. Жуткое сочетание. — Гектор, все удалось, ни единого сбоя! Здорово, правда?

Мужчина довольно спокойно кивнул. Его руки аккуратно лежали одна поверх другой на набалдашнике толстой трости, упертой в пол.

— Вы молодец, Янош, хорошо сработано.

Работорговец тем временем схватился за ворот плотного черного камзола, недовольно поморщился, расстегнул его.

— Жарко как, да еще и натирает. Ула, как вы умудряетесь ходить в такой неудобной одежде? Ощущение, будто в кокон завернули! — пробормотал, расстегивая камзол и с удовольствием его с себя стаскивая. Под ним обнаружилась белая рубашка с открытой шеей и тогда я увидела то, что дядин гость так старательно прятал — в ямке между ключиц находился маленький круглый жетон с крошечными, практически неразличимыми символами. О, звездная даль! Это же... Я подняла глаза.

Работорговец весело подмигнул.

Это же маг!

— Ну что Ула, испугалась? — насмешливо заговорил фальшивый работорговец. — Успокойся, бояться больше нечего. Мы представители закона. Все участники торгов арестованы, а ты теперь под защитой королевской службы правопорядка. Поняла? — он просто сиял от удовольствия и если уж на то пошло... Он оказался младше, чем выглядел в доме! Это, вероятно, результат использования иллюзия, меняющая внешность. Маг, однако. Теперь иллюзия местами таяла, открывая похожие, но все же другие черты лица — глаза такие же голубые, но более раскосые. Подбородок тяжелее, скулы более острые.

Жетон сверкнул желтым...

Светлый маг! Хотя, раз он на службе королевства, значит, другим быть и не может. Пойдите, пойдите... Получается, меня теперь никуда не продадут? А что со мной теперь сделают?

Вон как мужчина внимательно смотрит, тот который Гектор. Понимающе...

— С вами все будет в порядке, — мягко говорит. Неужели по моему лицу так легко читать? — В любом случае лучше, чем было бы, останься вы в обществе вашего дядюшки.

Работорговец, оказавшийся магом, тут же закивал головой, так часто, будто начал и не мог остановиться.

— Тебе повезло, что твой родственник так плохо разбирается в тонкостях этого специфического рынка. А то попала бы к настоящим торговцам и все... пропала бы. — Он смешно округлил глаза. — И вообще! Ты — самое сложное, с чем я столкнулся за время операции. Чуть не открылся из-за тебя! Обычно товар знает, что его продают, а тут... Даже не знал чего делать, не силой же тащить!

Меня непроизвольно передернуло. Только сейчас в полной мере дошло, во что меня пытался втянуть дядя. О, полуночная царица!

— Ну все уже, все, не бери в голову, — легко махнул рукой маг.

Тоже мне, образец спокойствия! Самому-то не пришлось пройти через такое унижение и страх. Я молчала всю дорогу. Разглядывала закрывающую окно шторку из золотистой парчи. О дальнейшем думать не хотелось. Как так получилось? Совсем недавно жила себе спокойно у бабушки, ловила с соседским мальчишкой и его дедом рыбу и раков, пекла печенье. А теперь сижу в карете с неизвестными людьми и еду неизвестно куда!

Запугала бы я себя хорошо, но к счастью довольно быстро экипаж добрался до места назначения. Им оказалось одно из зданий на территории королевского замка. Правда, эти здания были обособлены и ведущая к ним

дорога, по которой мы прибыли, выходила в сторону жилых кварталов, а ворота, ведущие в королевский двор, были наглухо закрыты и загорожены двумя огромными булыжниками.

В этой части города я раньше не бывала, потому что тут обитали самые достойные жители города. К ним ни я, ни отец не относились.

Усталость навалилась страшная. Маг почти нес меня, беспрестанно продолжая болтать с Гектором. Куда мы идем? Даже не знаю, стоит ли спрашивать. Где-то тут допрашивают преступников и даже держат в заточении мелких нарушителей. А мне что тут делать?

Гектор оставил нас у какой-то неприметной двери, а сам удалился дальше по коридору. Оказалось, за дверью находится очень уютный кабинет. Еще внутри обнаружился королевский служащий в форме, которую они все обязаны носить на службе. Кстати, тут было совсем неплохо, на казарму совершенно не похоже. Два мягких дивана по стенам, большой однотонный ковер, довольно изысканная мебель. Хотя, это на мой вкус, вряд ли я могу считаться эстетом. Эстеткой, то есть.

Мне предложили кресло. Служащий встал у стола напротив, быстро наклонил голову.

— Капитан Пестеро, представитель закона, — строго представился. Только потом сел за стол, — вы, конечно, хотите знать, что вас ждет в будущем. У вас есть другие родственники?

Маг сидел сбоку на диване у стены и имел такой вид, будто провел в этом кабинете все лучшие годы детства, а на этого строгого капитана в детских играх вообще взбирался, как на дерево. В общем, чувствовал себя, как дома.

— Бабушка... далеко.

— Она может вас забрать?

Забрать? Последнее время бабушка очень плохо себя чувствовала, почти все время с ней сидела я или бабка Кашана, которая даже предлагала забрать бабушку к себе в дом, мол, вдвоем им было бы проще. А после еще известие о смерти отца... Да еще и меня увезли. Хоть бы она догадалась уйти жить к Кашане, иначе же совсем одна...

И, конечно, забрать меня она не сможет. И денег у нее нет, чтобы заплатить за дорогу кому-то другому. В деревне, где мы жили, весь обмен был натуральным — муку на коренья, мясо на молоко, ткань на цветные камушки для украшений. Откуда деньги?

— Вас некому забрать, — сделал вывод из моего молчания капитан.

Голова опустилась. Почему кажется, будто я сама виновата в том, что у меня никого нет? Ведь от ребенка никак не может зависеть, в какой семье

ему предстоит родиться и расти.

— Тогда мы предлагаем вам схему, которую обычно используют для дочерей обедневших семейств, шайнарских полукровок и прочих благородных девиц, оставшихся без опеки родственников и без собственных средств к существованию. Королевство возьмет вас под свое попечение.

Смешно даже, ей мать звезд! Тоже мне благородная девица. Капитан моих сомнений не заметил, или сделал вид, что в принципе одно и то же.

— Вам сейчас шестнадцать, — возраст он назвал после заминки, когда заглянул в лежащий перед ним на столе лист. — Значит, вас отправят в закрытую школу, где будут обучать всему, что пригодится в дальнейшей жизни. По достижению восемнадцатилетнего возраста, после выпуска из школы вас определят в один из существующих пансионатов, хозяйками которые являются приличные женщины, чье право держать пансионат подтверждено полученным от короля разрешением. Там за небольшую плату вы найдете кров и питание, да и работу вам подберут. Собственно, это единственный вариант, который я могу вам предложить, — задумчиво закончил он. — Вы согласны?

Интересно, на такой вопрос возможно ответить отрицательно? Вероятно, просто нужно мое формальное согласие.

Я молча кивнула. Даже говорить не о чем. Наверное, я могу отказаться и тогда меня просто выставят сейчас на улицу, за ворота. А тут пусть и приличный район, но вряд ли я далеко уйду... По крайней мере, целой. О возможности вернуться к дяде и речи нет, тем более даже приди мне в голову такая глупость, его, судя по разговору в карете, арестовали и будут держать в заключении, по крайней мере, до суда. Отправляться в дорогу к бабушке без денег и почти не зная дороги даже полному идиоту в голову не придет. А тут мне предлагают достойную жизнь и возможность научиться самой зарабатывать себе на жизнь. В деревне я прекрасно с этим справлялась, но это же город... вряд ли кого заинтересуют найденные мной цветные камешки, потому что здесь они не имеют ровно никакой ценности, так как не относятся к драгоценностям. И вряд ли кто-то станет кормить меня бесплатно.

А кроме того... Школа где учатся шайнарские полукровки. Может там появится возможность узнать что-нибудь новое о магии? Может, там даже учитель будет!

Капитан без промедления крикнул своего помощника.

— Подгоните карету для панны Уланы. Лично доставите прямо сейчас в закрытую Северную школу. Пока подготовьте сопроводительные бумаги.

Помощник поклонился и тут же пропал за дверью.

— Теперь осталось немного подождать и вы сможете отдохнуть, — сказал мне капитан и туже переключился на мага.

— Ну что, Янош, — улыбнулся на редкость задорно, — сейчас рассчитаемся или завтра придешь?

— Сейчас, естественно! А то к тебе, то есть к вам придешь завтра, а вас нет. И послезавтра нет... И через неделю. Так что не сомневайтесь, без расчета и с места не сдвинусь, — маг тут же оказался у стола. Пододвинул вытасченный откуда-то из угла стул и уселся напротив капитана, навалившись локтями на стол. — Так-с, посчитаем... Четыре торговца по три каждый, плюс вся операция в целом без единого пострадавшего! — хитро зажмурился.

— Какие четыре? Торговца вроде только три? — вкрадчиво сообщил капитан, сверяясь с лежащей перед носом бумажкой.

— А как же глубокоуважаемый дядюшка? — картинно изумился маг. — Разве он недостоин великой чести попасть в категорию работоторговцев?

— Единичный случай, — скучным голосом сообщил капитан. — Не считается.

Маг моментально обижено надул губы.

— Обижаете, господин капитан. Кто же так делает? Договаривались за каждого торговца по три, а вы экономить пытаетесь на моей работе? Я, между прочим, рисковал! Вот возьму и уйду к Стирнову. Он хоть по два платит, зато четко по головам! Да и на рабочем месте его куда проще застать!

— Не будьте столь прижимистым, мой юный друг, — с удовольствием отвечал капитан. Кажется, оба вообще наслаждались беседой. По крайней мере, обо мне напрочь забыли. — Я вставлю вам в отчет о пройденной практике кучу льстивых комплиментов!

— Плевал я на ваши комплименты!

— Да ладно... — на миг капитан удивился. — Ну, тогда пусть вам служит наградой осознание того, что с вашей помощью спасена эта милая девушка. А вашим утешением — ее искренняя горячая благодарность.

Маг перевел на меня глаза. Что это за намеки такие? Никакой благодарности я не испытывала! Янош, видимо, тоже сделал такой вывод, потому кисло скорчился.

— Я счастлив спасти от разрушения судьбу и честь юной панны, но моя квартирная хозяйка не желает брать это счастье в качестве платы за квартиру, — хмуро буркнул.

— Господин студент всегда имеет возможность получить место в общежитии, — ответил жестоким капитан.

— Угу. И жить втроем в одной комнате?

— В вашем возрасте я именно так и жил!

— А мне так неудобно! Мы с соседями не сходимся по жизненным ритмам. Когда я хочу спать, они хотят пить. Когда я хочу пить, они — учиться. И так далее... Тем более, не могу же я вести в...

Тут маг покосился на меня и замолчал. Капитан довольно оскалился.

— Девушек в гости приглашать? — невинно поинтересовался. — Поверьте мне, Янош, в вашем возрасте вас будут любить и без денег.

Тот что-то неразборчиво пробурчал.

Не знаю, в каких эти двое отношениях и до чего дошел бы разговор, но дверь распахнулась и помощник сообщил, что карета ждет, бумаги готовы, их осталось только подписать, а он сочтет за честь доставить меня до нужного места, чтобы исключить всякую возможность нежелательных происшествий.

Капитан быстро расчеркнулся на поданных помощником бумажках.

— Бывайте, панна Ула, — весело сказал маг на прощание.

Через полчаса меня доставили к невысокому зданию за высоким забором, которое пряталось в густых зарослях высоченных кустов. Из дома на крыльцо вышла дородная женщина в длинной ночной рубашке, поверх которой висела коряво связанная шаль ядовитого синего цвета, режущего глаз даже в полумраке. В ее руке болтался яркий фонарь. Получив от сопровождающего меня мужчины стопку документов, дама внимательно изучила титульный лист, а после не менее тщательно — меня. Что-то для себя решила и широко улыбнулась. Приветливо указала рукой в сторону двери.

— Ну что же, панна Улана, заходите. Теперь это ваш новый дом.

За свою недолгую жизнь одно я усвоила крепко — когда звезды хотят изменить твою судьбу, то просто это делают, без скидки на возраст, желания и силы, которых не всегда хватает подобное изменение принять и с ним смириться.

Но ведь не всегда же меняют к худшему!

Я — тому прямое доказательство. Совершенно неожиданно жизнь не просто изменилась, она стала совершенно другой, но при этом ужасно мне нравилась. Я даже представить не могла, что жизнь в школе может оказаться настолько интересной!

Как оказалось, среди учащихся есть шайнарские полукровки, да не несколько, а не менее четверти от всего числа проживающих здесь девушек! Утром после прибытия меня поселили в комнату, где уже жили две девушки примерно моего возраста, Кати и Злата. Когда воспитательница пани Клара представила меня соседкам и ушла, оставив нас одних, я думала, как сложно будет ужиться с совершенно незнакомыми людьми в одной маленькой комнатке. Не очень-то приятно делить окружающее пространство, особенно когда нет другого выхода. А еще неизвестно какими окажутся мои соседки, я хмуро на них посматривала, не зная, что сказать, но неожиданно у Кати на шее расцвел цветок и я ахнула.

Они обе оказались полукровками, причем Злата — наполовину. Это было потрясающее чувство — знать, что я в мире не одна такая! Я и раньше, конечно, это знала, но никогда не видела их живьем, а уж своими глазами убедиться в существовании себе подобных, когда они стоят прямо напротив, руку протяни и можешь дотронуться, это просто сродни чуду!

На Злате жили несколько ящериц, отличающихся друг от друга характером. Когда хозяйка злилась — оживала самая противная из них, костлявая, с длинным раздвоенным языком. Когда радовалась — самая маленькая, с глазами-бусинами навывкате, так что казалось, она вечно удивлена происходящим вокруг.

Было и второе потрясение, по силе ничуть не меньше первого. Нас учили магии! Преподавательница пани Габриела сама была с примесью шайнарской крови, правда, в таком малом количестве, что учила больше с помощью теории, чем на практике собственных примеров, но даже это превышало все мои ожидания!

Магии, впрочем, учили только шай-парс, как, оказывается,

официально называют шайнарских полукровок, и только в свободное от основных занятий время, то есть по вечерам. Днем нам преподавали, пожалуй, все, что только может прийти в голову при словах «закрытая школа для благородных девиц». Танцы, этикет, литературу, музыку, краткий лечебный курс, хозяйственный счет, рукоделие. Кроме того, раз в неделю ученицы старших классов (куда причислили и меня) посещали внеклассные чтения, где одна из воспитательниц вслух читала какой-нибудь сентиментальный роман (естественно из утвержденного главой школы списка). В каждой истории превозносилось главное в жизни любой женщины призвание — замужество и семья. Любовь к мужу и детям, и да не посетят вас сомнения, что счастье может включать нечто другое! Хвала основному женскому предназначению — суть всех зачитываемых нам книг, которые по непонятным мне причинам всегда заканчивались моментом свадьбы, будто после жизни как таковой уже не существует.

В самом начале, только оказавшись в школе, я еще раздумывала, не лучше ли вернуться к бабушке. Написала ей письмо и она ответила, чтобы я не вздумала сделать такую глупость. Ведь однажды бабушки не станет и тогда мне придется рассчитывать только на себя, а раз уж я оказалась под покровительством самого короля, терять такой шанс просто глупо! Ведь при такой защите боятся нечего, будь я хоть трижды шай-парс. Никто не посмеет меня тронуть. Меня обучат магии! Дадут шанс на достойную жизнь в будущем. В общем, даже говорить не о чем, я должна остаться и учиться дальше.

Сложно не согласиться со столько разумными доводами, которые, кстати, полностью совпадали с моими собственными. Тогда я успокоилась и с удовольствием окунулась в школьную жизнь. Никогда раньше не жаловалась на память, читать любила, соображала по утверждению бабушки весьма быстро, так что попала целиком и полностью в свою стихию.

Магия давалась мне даже легче всего остального, нескольких занятий хватило, чтобы неплохо разобраться, как ей следует управлять.

Очень легко удавалось улавливать начало процесса, когда от окружающих растений ко мне приходила сила. Даже не важно время года и почти не важно расстояние — из классной комнаты на втором этаже я улавливала свет растущих вокруг здания кустов и старательно собирала его вокруг себя. Сила и сама по себе способна копиться, но при моем сознательном участии это происходило гораздо быстрее.

Я научилась ощущать ее движение. Скапливать много энергии не получалось — это вообще доступно только избранным магам, и то только

после длительного обучения и изнурительных тренировок, но все же мой личный запас стал в несколько раз больше, чем был во время, когда я жила в деревне. Сейчас я могла сложить из травы кусок размером примерно метр на метр и сознательно изменить его, создав тончайшую паутинную ткань. Когда я сотворила самый первый, пробный кусок, жесткий и больше похожий на грубую мешковину, моя преподавательница сразу заявила, что бояться будущего мне не нужно — я могу зарабатывать созданием ткани и украшений, так что без труда себя обеспечу. Омниум — так назывались полученные в результате изменения магией предметы.

Это радовало, хотя я не спешила остаться одна. Мне очень нравилось в школе в отличие от многих других девчонок моего возраста, которых местные порядки устраивали далеко не всем. Они хотели больше свободы, ведь нас выпускали за территорию только на экскурсию или прогулку и только в сопровождении одной из воспитательниц. Девушки хотели свободы, хотели ходить на танцы и знакомиться с симпатичными молодыми людьми. Болтать с ними, кокетничать и кружить головы.

Но подобное было нам недоступно. Некоторые искали способы уйти на улицу незаметно и некоторым даже удавалось. Когда таких ловили, всех девушек старше пятнадцати лет собирали в зале и читали долгую нотацию о недопустимости подобного поведения.

— Вы ведете себя, как... как эти безнравственные магички из академии! — исчерпав другие слова, возмущалась главная воспитательница (в ее устах это звучало практически грубым ругательством). — Воспитанным Паннам не подобает такое поведение! Оно больше подходит девушкам, продающим свое тело за монету!

Виновные старательно опускали глаза долу и принимали жалостливый вид. Я оставалась к подобным укорам равнодушной, потому что не особо понимала, в чем лично моя вина — я-то никуда не бегала, а за глупости других отвечать не могла.

В конце подобных бесед нам в очередной раз напоминали главную цель, к которой стремилось королевство, беря нас на свое попечение. Причину от нас не скрывали, да и какой смысл скрывать? Школа дает приют и образование девушкам, чтобы обучающиеся в похожих мужских школах молодые люди (которых было раза в три больше) смогли найти себе пару, достойную порядочную жену и обзавестись семьей, тем самым укрепив силу и престиж королевства. По утверждениям воспитательниц, примерно 80 % девушек после выпуска из школы в течение первого же года находили себе прекрасных мужей и обретали счастье.

— И что вы хотите получить вместо этого? Вместо нормального дома

и обеспеченного мужа, уважающего свою избранницу? Подзаборного пьянчужку? Грабителя и убийцу? — возмущалась воспитательница.

Если честно, сколько ни думала, я не смогла понять, чего же нужно мне. Жизнь в школе меня полностью устраивала и ничего менять не хотелось.

А если уж совсем честно, я даже боялась совершеннолетия, потому что придется переходить к самостоятельному одинокому существованию.

Но на деле все оказалось совершенно не страшными, и даже больше — по сути практически не изменилось. Когда закончилась весна, нам выдали бумагу, подтверждающую, что податель сего получила образование в одной из школ, чье существование одобрено лично королем, плюс свидетельство шай-парс о владении минимальным уровнем магии и велели собирать вещи.

Пансионат, в который перебралась я и Злата мало чем отличался от школы. Главным различием стала пусть маленькая и скромная, но зато отдельная комната. Распорядок дня остался прежним, только учеба заменилась работой. И присмотр остался прежним, только воспитательниц сменила хозяйка пансиона мадам Анка. Насколько мы знали, пансионат, лучше всех остальных устроивший будущее своих жительниц получал от королевства повышенные денежные поощрения, потому благосостояние хозяйки напрямую связывалось с нашими судьбами.

А, чуть не забыла! Было еще одно отличие, впрочем, для меня оно не имело особого значения — мы могли свободно выходить в город и гулять по улицам без сопровождения. Естественно, предупредив заранее мадам Анку, куда, с кем и на какой срок отправляемся.

Итак, Злата поселилась в соседней со мной комнате. Работу нам тоже нашли без труда — Злату устроили помощницей ветеринара, потому что она с помощью своей магии легко устанавливала, чем болеет животное и даже в каком настроении находится.

Моим прибежищем стал салон швеи Розы, которая судя по написанному на вывеске «делает вещи нежнее и прекраснее всех существующих в мире роз». Там я творила ткань. Не скажу, что зарабатывала много, так как на кусок максимально доступного мне размера 85 на 170 единиц у меня уходили силы, накопленные примерно в течении двух суток.

Поэтому в остальное время я занималась шитьем и созданием мелких украшений. Всему этому меня обучили еще в школе.

Часть заработанных денег уходила в качестве платы за пансион, включающий проживание, питание и стирку вещей. Остального вполне

хватало на одежду и мелкие развлечения, вроде коробки сладостей к вечернему чаю. К тому же я не сомневалась, что со временем стану более опытной в плане создания бытовых предметов, так что буду зарабатывать больше.

Такая жизнь меня полностью устраивала. Даже появился первый план на будущее — накопить денег и наконец, навестить бабушку. Правда хозяйка пансиона осталась от этой идеи не в восторге, потому что не хотела отпускать меня одну. Не скажу, что меня ее мнение волновало, но денег пока не было, потому я спорить не стала. Вот соберусь в дорогу, тогда просто поставлю перед фактом, так будет проще.

Однажды вечером вторая моя соседка — тоже шай-парс по имени Кассия позвала нас со Златой в свою комнату и во время болтовни сообщила, что завтра вечером идет на сбор, устраиваемый одной из королевских служб, где по слухам желающим предложат хорошую высокооплачиваемую работу. Место и время ей назвала какая-то подруга по школе, которая живет в другом пансионате. Кассия предложила пойти вместе с ней.

Мы решили, что причин отказываться нет. Вдруг что-нибудь интересное предложат, ну в крайнем случае, потеряем вечер, зато не будем жалеть об упущенных возможностях.

Как назло в тот день я задержалась на работе и опоздала. Шел очень мелкий дождь, больше похожий на водяную пыль, отчего вокруг почти ничего не было видно.

От салона Розы до здания, где проводили встречу, нужно было пройти по улице до самого конца, а потом свернуть под арку между двух домов и сразу попадешь на небольшую глухую площадь, которая получилась из задних стен домов. Касси говорила вход только один, поэтому не промахнешься. Народу на улице, конечно же, не было — пусть дождь скорее символический, но все же мокрый.

Звук каблуков стучащих по мостовой под аркой превратился чуть ли не в барабанную дробь.

Вход и лестницу из трех ступенек я увидела сразу. На площади было пусто, но у двери стояло два человека и еще один прохаживался у стены недалеко от арки. Чуть дальше, сбоку здания виднелось несколько экипажей.

Человек у стены показался мне знакомым, но вспоминать было некогда, ведь я опаздывала! Однако стоило от него отвернуться, как раздался удивленный возглас.

— Девушка! Стойте!

Голос тоже показался знакомым. Собственно, раз уж я все равно опаздываю, пару лишних минут роли не играют. Я остановилась, чтобы рассмотреть человека получше.

Он сразу подошел ближе, покосился на крыльцо и встал спиной к нему, будто не хотел, чтобы стоящие там люди увидели его лицо. Повернулся ко мне. Надо же... Вне всяких сомнений, это тот самый маг, что спас меня от работягов! Сначала я, правда, так не думала, но со временем поняла, что пусть даже случайно, мимоходом, но все же спас.

— Пан Янош...

Что ж это я! Забываюсь!

Опомнившись, я сделала реверанс, который у меня получался на отлично. По крайней мере, преподаватели хвалили.

Маг удивленно косился на меня, скользя глазами по лицу. Не очень-то вежливо с его стороны так пристально разглядывать малознакомую девушку!

— Ула, это правда вы? — изумлено спросил он. Неужели я настолько изменилась? Вряд ли дело в лице или фигуре. А что еще? Платье обычное, глухое, для прогулок по улице, шляпка тоже скромная, тюль крошечная, только лоб прикрывает.

— Да, это правда я. Добрый вечер.

Он вдруг резко оглянулся на крыльцо, а потом снова на меня.

— Пан Янош! Я рада, что мы встретились!

— Что? — на секунду он отвлекся и посмотрел так, будто я бросилась танцевать перед ним не совсем приличный танец.

— Вы спасли меня, а я не имела возможности вас поблагодарить. Поэтому позвольте воспользоваться случаем и...

Договорить я не успела. Он коротко глянул за спину и вдруг схватил меня за локоть. Крепко сжал.

— Ула... — глухо сказал. — Шли бы вы отсюда.

Все слова благодарности моментально застряли прямо во рту.

— Ч-что?

— Идите домой, Ула, — лицо мага пряталось под полями шляпы и даже та часть, что не попадала под поля, накрылась тенью. Только губы виднелись. — Идите быстрее и оставайтесь там. Нечего вам тут делать.

Вот так вот... Я молча на него смотрела. Два года вспоминать человека, жалеть, что не успела и слова доброго сказать, а он за секунду смял все хорошее, что о нем помнилось. Ну что же, буду считать, что я его поблагодарила, а теперь пусть катится к черту!

Я задрала подбородок и сделала шаг в сторону крыльца. Дальше не

получилось — локоть крепко держали жесткие пальцы.

— Янош, что там происходит? — заорал от входа наглый мужской голос. Неприятный, как у человека, который не уважает никого кроме себя любимого. Он даже разговаривает со всеми остальными, будто с личной прислугой. Увидеть лицо этого крикуна я не смогла, на плечо легла рука, отворачивая меня в сторону арки.

— А, это знакомая одна, зашла проведать, — голос мага я не узнала. Наглый, противный, очень похожий на голос мужчины за спиной.

— Янош! Говорил же, не смей на работу баб таскать! Еще раз увижу — жалобу напишу!

— Ну вы же знаете, как это бывает, — многозначительно отвечал маг. — Не может дома дожидаться, проверяет, не с другой ли я.

— Я предупреждаю!

— Все, все, уважаемый пан Гарош! Щас вернусь.

Лежащая на плечах рука повела меня к арке. Все случилось так быстро, что я даже не успела возразить.

Протащив меня через арку на улицу, маг завернул за угол и сразу убрал руку.

— Идите домой, Ула. Быстро.

— Почему вы мной командуете? — изумилась я. Меня эти слова не разозлили, просто очень удивили. Неужели он считает, что может всем указывать и его будут слушать?

— Идите. Где вы живете?

Этот вопрос заставил меня замолчать и отступить. В общем-то, я все равно опоздала на встречу, так что чего зря спорить? Ради самого спора? Ну его... Я развернулась и ушла, пока он не попытался выведать адрес. Нет уж, такому хаму я не собиралась сообщать, где живу. Да и не человеку, если на то пошло, он же маг! А по утверждению воспитательниц, нет более ненадежных, распутных и беспринципных существ, чем маги. Это, между прочим, касается магов обоих полов.

Вернувшись домой, я еще долго не могла успокоиться, вспоминала как он меня, будто собаку бездомную выгнал. Надо было не уходить! Что бы он сделал? Только бы посмел пальцем тронуть, я бы так завизжала, что из всех окрестных домов бы жители сбежались! К тому же... О, звездная даль! Он же заявил, что я его любовница!

Несколько минут я судорожно вспоминала, не видел ли кто из окружающих моего лица. Неудобно-то как...

Но нет, никто не видел. Там вообще почти никого не было, только Янош, те, на ступеньках находились слишком далеко, чтобы рассмотреть

мое лицо, а на пана Гароша маг смотреть не позволил.

В общем, я сильно расстроилась. Вечер крайне неудачный: под дождем намокла, на сбор опоздала, маг нахамил!

Злата и Кассия вернулись тоже сердитые, зашли сразу ко мне. Я пыталась объяснить, отчего не смогла прийти, но они не стали слушать, потому что спорили.

Никогда не видела Злату такой злой! Костлявая ящерица высунула голову прямо ей на лоб и беззвучно шипела, вода из стороны в сторону тонким раздвоенным языком. Иногда с него срывались капли то ли слюны, то ли яда, стекали по коже и растворялись в ней, расходились дымными пятнами.

— Кассия, это твоя жизнь, делай, что хочешь, но ты не права!

— А по-моему, предложение отличное! Что нас тут ждет? Замужество с каким-то нищим воспитанником мужского пансиона? Рождение во благо королевства десятка-другого детей? Скукота!

— Ну и пожалуйста. И вперед! — шипела Злата.

— Да что случилось-то? — влезла я. В конце концов, они сидят в моей комнате и при этом не обращают на меня ни малейшего внимания!

Злата сумрачно посмотрела в мою сторону.

— Ула... ты не пришла.

— Да я... — сказать ничего не успела.

— И прекрасно! — резко закончила Злата.

Кассия хмыкнула.

— Нам настойчиво советовали молчать, — зловещим тоном продолжала Злата, — но раз ты тоже должна была там появиться, я расскажу!

Кассия откинулась на подушку и сделала вид, что ей все это безразлично.

— Мы пришли, — с трудом сдерживая злость, продолжала Злата. — Сначала каждую из нас попросили заполнить анкету, ответив на целую кучу вопросов. Потом собрали листки и сообщили, что подойдут только немногие из нас. Осталось всего семеро, остальных тут же попросили удалиться! Я должна была сразу понять, — пробормотала себе под нос. — В общем! Остались только шай-парс! Всех людей попросили уйти, потому что они не подходят. А потом... потом нам предложили работу.

Она сделала драматическую паузу. Кассия кривила губы в полупрезрительной усмешке, но молчала.

— Они предложили нам работу шпионов. Во благо государства. Никакого принуждения, естественно, все только по желанию! Пару лет

обучения и горы денег, почестей и славы!

— Лучше, чем прозябать всю жизнь тут! — не сдержалась Кассия.

Неприятно, конечно. Шпионство не самое достойное занятие, я немного поморщилась. Но Злата... не думала, что она настолько щепетильна! Ведь бегала же на улицу кокетничать с незнакомыми молодыми людьми! Пряталась и подсматривала, чем не шпионская тренировка?

Она поймала мой взгляд и кисло улыбнулась.

— Ты не понимаешь, — почти прошипела. — Нам прямым текстом дали понять, что самый доступный способ добычи информации для таких, как мы — узнавать ее у мужчин в постели! — она словно выплюнула какую-то гадость и теперь старалась отдышаться.

Воздух срочно понадобился и мне. Ничего себе заявление! Вот так просто... предлагать такое?! Не может быть... Может, путаница произошла?

— И что? — вызывающе заговорила Кассия. — О куртизанках ходят легенды! Это здорово! Власть над мужчинами! Приключения, деньги, слава! Или жизнь на кухне в окружении соплей и мокрых пеленок! Рядом с каким-нибудь тюфяком!

— Молчи! — ящерица на лбу Златы снова зашипела. — О скольких ходит? Одна-две? А сколько в тени остаются с изломанной жизнью? Сотни! Делай, что хочешь, но к нам не лезь!

— Да и пожалуйста, клуши! Сидите тут и ждите, пока вас замуж возьмут!

Дверь с треском захлопнулась. Злата помолчала.

— Хорошо, что ты не пришла, — тихо сказала. — Знаешь, что больше всего пугает? У них вся информация осталась... Анкеты, которые все старались заполнить поподробнее. Теперь, даже если не согласишься, останешься у них на примете.

Она резко встала.

— Спокойной ночи.

Спокойной ночи, как же...

Я долго сидела у окна, разглядывала колыхающиеся на ветру верхушки кустов. Жизнь в школе, пансионат, работа... Все казалось таким спокойным, прочным и вдруг всего после одного короткого разговора непонятным образом изменилось. Кто нас защитит, вздумай король использовать в своих закулисных играх? Но ведь подобного не станут делать насильно? В такое невозможно поверить, король заботиться о нас! Мы все на его попечении, может, он просто не знает, что его подопечных

пытаются использовать...так? Страшно.

И кстати, Янош... Ведь это он меня туда не пустил! Получается, знал, что меня ждет? Судя по всему, он не просто стоял у стеночки, он находился на службе! Он работает на этих людей? Сердце замерло. Но почему тогда не пустил?

Ответа не было...

Спала я плохо. Да и как иначе, после таких-то событий?

Через три дня я опять возвращалась в пансионат позже обычного. Завтра выходной, а сегодня нужно было доделать шляпку, украшенную измененными мною ягодами и крошечными розочками. Превращать в омниум ягоды мне было непросто, часто вместо этого они просто скукоживались и превращались в нечто напоминающее сухой изюм. Но я беспрекословно старалась снова и снова. Глупые заказчицы, ей матерь звезд! Из вьющейся травы и простых полевых ромашек я способна создать такое чудо! А они вместо этого требуют какое-то глупое нагромождение примитивных цветов и ягод!

Ну в общем, как хотят. Вначале я пыталась спорить и предлагать свои варианты, но мне быстро указали мое место. Теперь старюсь не лезть, хотя безвкусный аляпистый комок грубых украшений — пусть носят.

Дверь во двор пансионата была открыта, рядом сидел привратник — дед, который не столько охранял, сколько следил, кто куда ходит и все ли явились домой до наступления ночи.

Не успела войти во двор, как из дома выскочила Мейса, девушка с моего этажа, чистокровный человек.

— Наконец-то, — лихорадочно заговорила, — быстрее иди, тебя ждут!

— Меня? Кто? — удивилась я. Даже представить сложно, кто мог прийти ко мне в пансионат.

— Какой-то важный пан! — многозначительно сверкнув глазами, сообщила она.

Вот вам и на! Что за пан такой и с какой стати его сюда принесло?

Ну ладно. Проще разок увидеть собственными глазами, чем сто раз прослушать описание. Не мешкая, я вошла в дом, гостиная располагалась справа от прихожей. Не снимая шляпку и перчатки, я направилась прямо туда. И на входе замерла, будто меня из-за угла по голове стукнули.

Важным паном оказался маг собственной персоной. Он царственно восседал на стуле, одет был по всей форме — строгий сюртук, рубашка с воротником-стойкой, узкие брюки, начищенные туфли.

— А вот и пани Ула, — ласково пропела мадам Анка, подсакивая с кресла напротив. — Наконец-то! — воскликнула она, отворачиваясь от мага и многозначительно мне подмигивая.

Точно! Я и забыла!

Реверанс. Не очень низкий, а с чего ему быть низким? Никакой

радости появление мага у меня не вызвало. Все дни с вечера посещения сбора Злата ходит печальная и разочарованная. А он явно имеет к прошедшим сборам какое-то отношение и может даже там работает!

Мое нежелание приветствовать гостя вежливо отразилось на лице мадам недовольно поджатыми губами. Ну и пусть себе злиться! Она просто хозяйка дома, где я живу и не больше!

— Пан Янош служит в королевской службе внутреннего надзора, — важно сообщила мадам, пытаясь меня пожурить.

Ах, значит, действительно служит? Нужно было ограничиться сухим кивком головы!

И как он вообще меня нашел?

На лице мага проступила улыбка.

Хотя да... Ему-то проще простого, наверняка моя жизнь лежит расписанная по пунктам в каком-нибудь из ящиков тайной канцелярии. Или даже не особо тайной, судя по тому, что маг легко до нее добрался.

— Пан Янош рассказал, при каких грустных обстоятельствах вы познакомились. Какое счастье, что подобные ему люди следят за порядком и не позволяют такой заразе, как работорговля, пачкать честь нашего королевства! — продолжала давить на мою совесть мадам.

Ясно теперь, как он сюда попал. Кого попало мадам не стала бы пускать в пансион, полный юных незамужних девиц. Только обладающего всякими положительными качествами молодого человека. Чем быстрее и удачнее мадам нас всех пристроит, тем больше у нее шансов получить большое денежное вознаграждение. Уже поди решила, что он явился срочно на мне жениться.

А маг, похоже, не из скромных, раз упомянул о том случае.

— Оставляю вас, — мадам поощряющее улыбнулась Яношу и, попятившись, вышла из гостиной. Ежу понятно, что далеко она не уйдет, а станет подслушивать из коридора или из коморки для метелок и швабр, что примыкает к гостиной со стороны лестницы.

— Пан Янош, — я села напротив. Стягивала перчатки почти минуту, каждый палец отдельно, начинать разговор мне не хотелось.

Потом так же медленно сняла шляпку, поправила вуаль, убрала ее наверх и приколола шпилькой. Если он ждет, что я стану поддерживать дружескую беседу, ему придется ждать до завтрашнего утра!

Он все-таки заговорил.

— Ула... Сегодня вечером в главном театре выступает мадам Гур, прибывшая из земель горных горячих озер, ее голос считают чуть ли не самым изысканным в мире. Не хотите сходить со мной и послушать?

Я удивлено опустила руки вместе со шляпкой на колени. Интересные дела! Причем тут вообще приезжая певица?

— Когда?

Он вытащил из кармана круглые магические часы.

— Вы успеете умыться и переодеться, — сообщил. Опустил глаза и задумался. Больше говорить маг явно ничего не собирался, а я, честно говоря, понятия не имела, с какой стати я должна идти с ним слушать какую-то мадам Гур и один черт, как прекрасно она там поет.

Маг вдруг серьезно посмотрел на меня.

— Я хочу вас куда-нибудь пригласить, но просто не знаю, куда. В таверну, наверное, неудобно, ко мне — он усмехнулся, — еще хуже. Танцевальных вечеров никаких не намечается, гулять по улице вас вряд ли отпустят...

— Я поняла, — прервала его.

Действительно, понятно. Крайне сложно найти приличное место, куда можно пригласить выпускницу женской школы. Непонятно только, с какой стати приглашать. В этот момент в гостиную вернулась пышущая добродушием мадам.

— Ула, ты еще здесь? — изумлено вытаращилась на меня. — Иди быстрее, переодевайся, не заставляй гостя ждать! Ах, прелестный голос мадам Гур! Я слышала его, когда она приезжала в прошлый раз! Неподражаемо!

Просто слов нет! Мне бы такую наглость... даже не скрывает, что подслушивала! Но в любом случае, нам с магом стоит поговорить, не зря же он явился, а это лучше сделать в другом месте, где вокруг не кружат нескромные любительницы чужих секретов.

Поднимаясь по лестнице, я вспомнила, что вечер собиралась провести в обществе Златы, для чего уже куплено печенье с шоколадной крошкой. Хотя ладно, завтра выходной, у нас будет целый день для общения. Сегодня разберемся уж с магом. Да и еще, какое платье выбрать? Вырядаться перед ним не собираюсь, но с другой стороны я вроде иду в место, где собирается приличное общество. Нет, самое лучшее платье оставлю для более приятных встреч. Сегодня надену второе по красоте, со вставками из материи, которую сделала собственноручно. Вот парадокс — создаю весьма качественный омниум, но не могу позволить себе носить вещи из него. Слишком дорого. Смешно даже, ей мать звезд!

Когда я спустилась вниз, маг уже, похоже, изнывал от общества мадам Анки, которая, даже не сомневаюсь, времени зря не теряла и подробно расписала ему все мои положительные качества, большинство из которых

существовало только в ее фантазиях. Ну, мне собственно, какое дело?

Отделаться от мадам не удавалось еще минут пять. Я вышла первой, оставив мага прощаться с приветливой хозяйкой самому. Уже вышла за ворота, когда он, наконец, меня нагнал. Тяжело выдохнул.

— Ужас какой, — удивленно сказал.

Я промолчала. Насколько поняла, идем мы в здание главного театра, которое находится через площадь с фонтанами, что недалеко от королевского двора.

Маг пристроился рядом и только вздыхал. Не знаю, чего ему нужно, но первой говорить я не собираюсь!

— Ула, — сказал он, вздохнув не менее глубоко, чем после общения с мадам. — Я хотел извиниться за тот... За прошлую встречу. Я, наверное, вас обидел? Простите меня.

Прозвучало так искренне... Я даже оглянулась. Лицо действительно раскаивающееся. Помню, впрочем, какой он лицемер! В любом случае, раз уж начал...

— Я знаю, что произошло на сборе. Что за работу им предлагали! Моя соседка там была.

Удивительно, но он побледнел. Совершенно точно! И как неожиданно!

— Вы там тоже работаете? — вызывающе спросила я.

Маг не ответил.

— Да?

Он остановился, отошел с дороги к стене ближайшего дома и прижался к ней спиной.

— Хорошо, Ула. Я не могу не ответить, правда? Послушайте меня.

Я тоже остановилась. Пришлось подойти ближе, не думаю, что объяснения мага стоит делать достоянием всех окружающих. Народу, впрочем, вокруг не было, да и вообще мы шли по узкой улице со стороны задних торцов центральных магазинов, а тут редко кто появляется.

— В этом году я закончил академию и сейчас работаю в отделе тайной канцелярии. Не спешите делать выводов! — он резко поднял руку, хотя выводов делать я пока и не собиралась. — Помните капитана Пестеро, который устраивал вас в школу? Его перевели очень далеко, поэтому мое место работы пока окончательно не определено, я помогаю тому отделу, которому в данный момент нужна помощь. То, что произошло на сборе... Вам, наверное, сложно понять. Знаете, я со многим могу не соглашаться, но никаких сомнения, что подобный метод шпионажа очень эффективен. Не говорите ничего!

Я и не собиралась.

— Я и сам не до конца разобрался, — странным голосом сказал Янош. Потом его лицо стало строже. — Но независимо от того, что думаю лично я, в работе во благо королевства мы должны использовать все доступные методы. Одна судьба по отношению к судьбам многих... Этот тяжело понять, тяжело принять, но еще тяжелее в этом участвовать! Но мы должны. Знаете, благодаря кому год назад не случилось войны с землями, откуда прибыла несравненная мадам Гур? Благодаря куртизанке Белый пепел, которая добыла у советника короля озерной страны доказательства внутреннего заговора. Белый пепел, кстати, тоже выпускница закрытой школы...

Сказать нечего. Не ожидала... такого ответа. Маг избегал моего взгляда, как будто ему было неудобно, а может даже стыдно. Я кстати оценила поступок — совершенно незнакомому человеку так искренне ответить на такой личный вопрос. Он тяжело сглотнул, вдохнул полной грудью, будто тяжесть ушла и вдруг улыбнулся. Может, не очень искренне, пусть немного печально, но все равно ему шло.

— Не думайте, Ула, — вдруг легко сказал. — Об этом иногда слишком тяжело думать. Зачем? Вас это не касается, да и впереди чудный голос мадам Гур. Вы любите музыку?

Сбить с толку он меня не смог.

— А почему вы меня туда не пустили? — задала я следующий вопрос.

Маг ответил не сразу. Да и ответил ли? Скорее перевел внимание на другую тему.

— Мне нельзя было этого делать. Если об этом узнают, меня накажут, — спокойно сказал.

— Я никому не скажу, — мгновенно ответила я. Почему? Самой интересно... А смысл его закладывать? Ну накажут, а что измениться. Да и за что наказывать? В этот раз он может меня и не спас, но избавил от неприятностей, а это уже немало.

Янош стоял, смотрел вперед и молчал. Я осторожно взяла его под руку.

— Пойдемте, господин маг. А то опоздаем...

Не сказать, что мне особо понравилось пение мадам Гур. Голос у нее на редкость сильный, но что-то было в нем высокомерное. И посматривала она так, будто вокруг не люди, а стадо свиней, перед которыми ее угрозами вынудили метать бисер.

Я обрадовалась, когда концерт закончился. Янош, судя по облегченному вздоху, тоже. Мы выбрались на улицу в числе первых и пошли по замощенной брусчатке дороге к площади с фонтанами. Маг молчал, посматривал довольно неуверенно и я тоже не знала, о чем с ним

разговаривать. Какие у нас могут быть общие интересы? Вряд ли его волнует, останутся ли довольны моей работой покупательницы и какие пирожные купить к чаю — те, что любит Злата, чтобы поднять ей настроение или те, что люблю я, потому что я их люблю.

Мы свернули с большой улицы на более узкую и более пустую. Редкие прохожие торопились, никто не обращал на нас ни малейшего внимания.

Маг резко затормозил.

— Ула, вы не голодны? — вдруг торопливо спросил. Я тоже остановилась. Вообще я еще не ужинала, но ведь он спросил не просто так? А собственно, чего зря думать?

— В общем-то, последний раз я ела только в обед.

Улыбка ему, кстати, идет. Говорят, всем людям идет доброжелательность, но это неправда. Потому что она, прежде всего, должна быть искренней, а так бывает в лучшем случае через раз. Можно научиться улыбаться через силу, но такой улыбкой никого не обманешь, потому что глаза остаются холодными.

А Янош улыбался очень искренне.

— Пойдемте в трактир пана Седоусого? Он как раз недалеко и место там вполне приличное, чистое. Пьяных сразу выводят на улицу, драк не допускают. В общем, обещаю полную безопасность. Пойдемте?

Никогда не была в трактире, если честно. Это однозначно одно из мест, совершенно неподходящих для выпускницы закрытой школы. Если уж на то пошло, после подобного предложения мне следовало моментально дать деру и в будущем держаться от мага подальше.

Но у него такое растерянное лицо! И чуть ли не умоляющий взгляд, честное слово!

— Хорошо. Только я сама за себя заплачу.

— Если хотите... — к счастью, спорить он не стал.

Определенно, улыбка ему удивительно идет!

Резко подул сильный ветер. Пришлось хватать шляпку рукой, чтобы не улетела. Никакого желания бегать потом за ней по улице не было. Я видела такое пару раз. Зрелище просто обхохочешься! Ну, естественно, если объект хохота не ты сама.

— Ба! Кто это тут у нас? — раздался сквозь стонущий ветер игривый женский голосок.

Мы обернулись одновременно.

Девушка быстро шла по тротуару, картинно виляя бедрами и широко улыбаясь. Покосилась на меня и вернулась к магу.

— Янош! Чего делаешь?

Когда она оказалась близко, я увидела в вырезе платья круглый кулон, на секунду вспыхнувшей желтым светом. Магичка! Так близко я с ними раньше не сталкивалась. Кстати, ничего вызывающего в ее внешности не было, платье вполне приличное. Разве что волосы распущены, но магам и не такое прощается. Тем более они были прямые, не очень длинные и вполне обычного коричневого цвета. Зря выходит болтали, что магички все как одна предпочитают раскрашиваться в яркие вызывающие цвета.

— Ты с дамой? — улыбалась девушка. Подойдя ближе, она уставилась на меня с не меньшим любопытством, чем я на нее.

— Леста, — Янош вежливо поклонился. — Что ты тут делаешь?

— Кто это? — с любопытством спросила магичка, не отвечая на вопрос. Маг неожиданно вспомнил о правилах приличия.

— Ула, познакомься, панна Леста. Мы вместе учились. Леста, это панна Ула, моя...

Янош замялся, не зная, как меня представить

— Новая подружка? — вопросительно подняла бровь магичка.

— Ула — выпускница закрытой школы, — возразил Янош.

— Да? — Леста буквально вытаращилась и даже подошла ко мне ближе. — Ничего себе! Янош, ну ты даешь! Ты теперь...

— Заткнись, — очень неожиданно сказал маг.

Вот вам и на! Я жутко удивилась и в свою очередь вытаращилась на Яноша. Надо же, целый вечер рядом, а даже представить не могла, насколько он хам!

Но магичка в ответ только расхохоталась. Она совершенно не обиделась? Вот уж вдвойне странней.

— Молчу, — покладисто склонила голову. — А вы куда идете?

— К Седоусому собирались, поесть, — теперь Янош улыбался, мягко смотря на меня. Пожалуй, я забуду его хамское поведение по отношению к даме, потому что ей, похоже, без разницы. К тому же, говорят, в магической академии царит полнейший бардак и кто знает, может для них подобное общение просто в порядке вещей?

— Отлично! Я тоже туда.

Леста моментально взяла мага под руку, разворачивая в нужном направлении.

— Ула, — вдруг повернулась ко мне. — Держите его с другой стороны.

Я молча послушалась. Втроем мы неторопливо отправились туда, куда мне, наверное, идти не стоило. Но, честно говоря, отказаться просто невозможно! Ладно, таверна. Но ведь рядом живая магичка!

— Помните, Ула, — таинственно улыбалась она. — Яноша нужно

держат о-очень крепко!

Вот уж глупости какие, право слово! Нужно мне его держать! Говорить вслух я такое, правда, не стала.

— А кто там у Седоусова? — оживился Янош.

— Череп с Лукавым ждут, договорились встретиться вечерком.

— А что ты тут делаешь? Тебя вроде с группой в панство Красногорных отправляли?

— Отправляли, — мрачно подтвердила магичка. — Уже вернулись.

— Так быстро?

— Да что там делать! Больше крику было, — поморщилась Леста. На меня маги уже не обращали никакого внимания.

— Приехали на место, думали, правда, разбойники. А там жалкая кучка крестьян из деревни, где пожаром все выжгло. Они с вилами на нас бросались, жалкие, грязные, полуголодные. Как вспомню, сердце кровью обливается... А приказ короля уничтожить угрозу, не отвертись, — она вдруг замолчала и отвернулась. — Не хочу об этом! Давай не будем лучше.

— Не будем, — очень быстро согласился Янош.

Мы как раз подходили к таверне. Ветер становился все сильнее и внутрь нас почти что задуло.

Ровно через пятнадцать минут мне казалось, что я бываю тут чуть ли не каждый день, а всех окружающих магов знаю практически с детства. Остановка таверны полностью соответствовала своему назначению — деревянные столы и лавки, музыкант в углу и длинная стойка, за которой огромный усатый мужчина разливал напитки. Светло, тепло и пахнет вкусно.

Внутри мы сразу присоединились к двум магам. Один тощий, коротко стриженный, волосы такие светлые что кажется, будто он совершенно лысый. Я думала, это Череп, но оказалось — Лукавый. Черепом мне представили второго, высокого и пухлого.

— Панна Ула, — коротко назвал меня Янош, усаживая напротив остальных.

— Ула — выпускница закрытой школы, — многозначительно подняв брови, пояснила Леста.

— Да ну! — на меня тут же уставилось две пары изумленных глаз.

— Что-то не так? — спросила я. Не понимаю, прямо какие-то магические слова, после которых все сразу смотрят, как на чудо небесное.

— Нет, с чего ты взяла? — ответил Лукавый, не переставая совершенно невежливо на меня глазеть.

— Ну, если со мной все как обычно, то есть отсутствуют рога, хвост и

чешуя на носу, тогда я просто теряюсь в догадках, чем объяснить столь пристальное внимание к моей скромной персоне.

Не знаю почему, но мне жутко хотелось наругать. Еле сдержалась. Да и не стоит, наверное, грубить магам, кто знает, чем это может закончиться?

— И правда, пансионерка, — заявил Череп, косясь на Яноша.

— Закрыли тему. Ула, что вы хотите попробовать?

— На ваш вкус.

Маг кивнул и подозвал официантку.

— Давайте без вы, я путаюсь, — поморщился Череп.

— И правда, не на приеме, — поддержал Лукавый.

Почему нет? Я согласна кивнула. Пусть обращаются на ты, от меня не убудет.

Тем временем Леста уже отпивала пиво из большой кружки Череп, а после они заговорили в три голоса, обсуждая какого-то не очень умного магистра и поминая недобрым словом всех королевских советников, вместе взятых. Отменно ругались, если честно. Я просто заслушалась!

На вопрос о работе Леста помрачнела и негромко сказала.

— Работаю всего пару месяцев, а уже кажется, никогда не отмоюсь. Давайте не сегодня.

А Янош почему-то на меня посмотрел, как-то виновато, что ли. Будто извинялся. За что?

Вскоре мне принесли колбаски с капустой и морс. Слишком жирно, но все равно вкусно.

Совершенно неожиданно к вилке из-под рукава выполз вьюнок, пытаюсь ухватиться за нее усиками. Он иногда так играл, когда становилось слишком скучно.

Я не сразу поняла, что все замолчали. Леста подняла на меня круглые глаза.

— Шайнарка? — изумлено спросила.

— Шай-парс. Полукровка, — ответила я, следя как вьюнок исследует вилку и уползает назад. Предмет его не заинтересовал.

Если вспомнить, всего пару лет назад я жутко боялась, что мое происхождение станет известно посторонним людям, а сейчас совершенно спокойно к этому отношусь. Жизнь в школе убедила, что опасаться мне нечего. По крайней мере, так было до недавнего времени...

— И что ты можешь? — не унималась Леста, обнимая пивную кружку. Кружка была размером практически с голову магички.

Я пожала плечами.

— Я омни-шай. Та, что берет силу у растений. Могу делать из них

всякие украшения. Омниумы, измененная жизнь, пойманная временем. Я этим зарабатываю.

— Погоди, погоди! — магичка вдруг подскочила и убежала на улицу. Я удивиться не успела, как она вернулась и положила на стол передо мной короткую ветку с тремя небольшими листочками.

И уставилась с ожиданием, хлопая круглыми глазами.

Смешно даже... Остальные тоже скорчили просительные мины. Даже на лице Яноша застыло любопытство. На меня так дети в деревне смотрели, когда я приносила и показывала измененные предметы. С восторгом, практически открыв рот. Я подняла ветку, погладила пальцами листья, легкое свечение, которое другим незаметно и в руке осталось изящное серебристое украшение с ажурными лепестками.

— Отпад! — выдохнула магичка, выхватив ветку и поднеся к носу.

— Ничего особенного, — я пожалала плечами. Видели бы они мою паутинку, вот где сложности! Стоит на миг отвлечься или плохо сосредоточиться и кусок ткани насмарку. Его, конечно, приспособят на более мелкие, малозаметные детали кройки, но все равно заплатят куда меньше.

— Ничего особенного? — Леста наклонила голову вбок и вдруг резким движением положила передо мной ладонь, прижимая к крышке стола.

— Смотри внимательно, — сказала, прищурив глаза.

На несколько секунд замерла. Медленно выдохнула.

Потом очень неожиданно схватила второй рукой нож и со всей силы замахнулась, опустила его, целясь прямо в середину своей руки.

Я чуть не вскрикнула. Но нож отскочил от чего-то невидимого над рукой и съехал, уткнувшись глубоко в дерево рядом с ее ладонью.

Ничего себе шуточки! Она совсем, что ли дура? Я подняла на магичку глаза, Леста мрачно улыбалась одним уголком рта.

— Вот это — ничего особенного, — заявила. — Любой первокурсник может проделать подобный фокус.

И забыв про меня, снова принялась рассматривать омниум.

Аппетит неожиданно пропал, хотя порция тоже не маленькая, половины, которую я успела съесть до того, как мы тут принялись обмениваться демонстрацией своих возможностей, вполне хватит дотянуть до завтрака.

— Ула, вам наверное нельзя возвращаться домой поздно? — неожиданно подал голос Янош.

— Точно! Я и забыла. — Прекрасный повод отсюда уйти. Сложно с ними... с магами этими. За вечер не привыкнешь. — Наверное, мне пора.

— Чего так рано? — Леста на секунду оторвалась от моего произведения. — Возьмешь потом извозчика и довезешь за пять минут.

— Леста, я из нищего студента стал бедным служащим. Не с моими финансами раскатывать на извозчиках, которые перед выходными имеют дурную привычку поднимать цены втрое.

— Есть такое, — невесело вздохнула магичка. Улыбнулась мне.

— Ну что, Ула, бывай. Приятно было познакомиться. Приходи еще. И Яноша не бойся, он хороший.

— Спасибо. Мне тоже было очень приятно, — я вылезла из-за стола и пошла вслед за магом к выходу. Не бойся? Вот еще, я и не думала его бояться!

На улице оказалось удивительно свежо и приятно. Ветер отсутствовал. И кстати действительно следовало поспешить, чтобы успеть домой вовремя, а то привратник нажалуется мадам, а она потом будет долго пилить меня.

— Вообще на извозчика хватило бы, — маг достал из кармана несколько монет и посмотрел на них практически в упор, будто впервые видел. — Впритык. Но хочется пройтись. Ты как?

— Конечно, лучше пройтись, — поспешила ответить я. Не хотелось, чтобы кто-то тратил на меня последние деньги. Думаю, только один вход на концерт обошелся ему недешево, мадам Гур, судя по ее снисходительному взгляду, брала за свой голос немало. К тому же погода замечательная.

Успели мы вовремя. Калитка еще открыта, значит все нормально. Станный какой-то был вечер. Маги... Трое! Магичка! А что они вытворяют! А как общаются! Грубят друг другу прямо в лицо, говорят разные гадости, но в ответ почему-то смеются и не обижаются. Вот уже будет, что рассказать завтра Злате.

Когда мы распрощались и я уже шла ко входу, совершенно неожиданно маг догнал меня и перегордил дорогу.

— Ула... А можно я еще приду? — неуверенно спросил.

Даже странно, почему он говорит таким тоном, будто боится услышать ответ? И зачем вообще спрашивает. Вот пришел же сегодня и даже не поинтересовался, будут ли его рады видеть.

Кстати, а буду ли я рада видеть его еще раз?

Стоило на секунду заглянуть в светлые глаза напротив, как ответ был совершенно определен.

Да.

— Конечно, Янош. Я буду рада вас видеть, — тихо ответила я.

А улыбка, между прочим, идет ему просто безумно!

Какая-то польза от вечера точно была — Злата, слушая рассказ о магах так впечатлилась, что даже вопросы не сразу смогла задавать. Но уж когда смогла, вытянула все — и какое именно платье носила магичка, и не становится ли страшно, когда их жетон сверкает, ведь это значит, что у мага полный резерв силы и он может натворить много чего неприятного. И неужели они все действительно такие грубияны? Нет, просто слова любопытство Златы удовлетворить не смогли, так что пришлось клясться всеми самыми страшными клятвами, что я при первой же возможности познакомлю ее с магами лично. На том и порешили. Не уверена, правда, что еще с ними увижусь, разве что Янош...

Прошло уже несколько дней, но маг не показывался. Я не стала слишком долго об этом размышлять, предпочла с головой уйти в работу.

В последний перед выходными день салон мадам Розы встретил меня открытой нараспашку дверью и полным бардаком внутри. Служанки сломя голову носились по помещению, а хозяйка с дикими глазами стояла посреди всего этого безобразия, бессильно опустив руки и подняв к потолку умоляющий взгляд. Из ее рта безостановочно неслись слова выдуманной молитвы:

— Святая заступница! Пусть Ветта останется довольна! Пусть найдет, что ищет! Умоляю! Пусть вернется!

Я взглядом поинтересовалась у помощницы мадам Розы, что собственно тут происходит? Она тут же утащила меня за рукав в коридор, где толкнула в угол за дверью.

— Принесли записку на рассвете, наш салон сегодня посетит Ветта, одна из любовниц короля! Самая молодая, прекрасная, модная! Если ей понравится салон это будет просто шикарно! Мадам разбогатеет, прославится! Ну и нам что-нибудь перепадет.

Я поморщилась. Тяжело, когда твое будущее благосостояние в чем-то зависит от любовницы короля. Все знают, конечно, об их существовании и вначале нам со Златой было трудно понять, как он одновременно может совмещать содержание любовниц и закрытые школы и пансионаты. Что-то неправильное в этом было, будто речь о двух совершенно разных людях. Ведь он официально женат, а нам безостановочно твердили, что брак священен!

Потом мы просто махнули рукой. Потому что плохо разбирались в

мужчинах, но твердо решили — реальные мужчины мало напоминают тех идеальных, о которых нам твердили в школе. Меня чуть не продал собственный дядя, Злату бросили еще в младенчестве, она выросла в приюте и не знает, есть ли вообще у нее родственники. По кому нам судить о мужчинах? В книжках, которые нам выдавались в школьной библиотеке, они все как один описывались милыми, заботливыми, честными и порядочными. А в жизни? Ну, магов сразу можно отсеять, они, похоже, именно такие, как говорят — плюющие на все условности хамы. Даже когда ловко это скрывают. Да и чего там маги, когда сам король, не скрываясь, содержит любовниц и тратит на них немало денег из казны?

А о ком еще судить? О вечно сонном пожилом привратнике? О хмурых представителях закона, следящих за порядком на улице? Мы не знали...

До обеда я сворачивала ткани, выставляя на витрину те, что побогаче и поизящнее. Надевала на манекены самые удачные модели сезона, остальное служанки убрали с глаз подальше, в кладовку.

Созданные мной украшения мадам Роза положила на видное место прилавка вместе с образцами паутинной ткани. Я давно хотела попробовать сделать еще одну ткань — более плотную, текучую, со вставками из больших цветов, но мадам на подобное предложение отмахивалась и не разрешала напрасно тратить силу.

— Пусть пока будет, что есть! — говорила.

Ветта прибыла внезапно, хотя ждали ее с утра.

Большой роскошный экипаж с блестящими вставками и тонкими решетками на окнах появился будто ниоткуда. Резко остановился. С задней ступеньки моментально соскочил лакей и распахнул дверцу.

Я наблюдала за происходящим из окна второго этажа. Тишина в доме наступила просто мертвая.

Ветта оказалась миниатюрной смуглой девушкой, однако формы были далеко не детские. Пышные бедра, высокая грудь и перетянутая корсетом узкая талия. Вот значит, какие девушки нравятся королю...

Она стремительно прошла в здание и снизу мгновенно раздались голоса. Слов не разобрать, но первый голос явно принадлежал мадам Розе, а второй, очень тихий видимо гостье.

Я не стала прислушиваться и занялась делом — на корсаж очередного заказанного платья требовались украшения. Я сворачивала траву мелкими кольцами, пытаясь ухватить момент, когда она начнет разворачиваться, чтобы создать омниум движения. Не то чтобы сильно хотелось угодить клиентке, просто было любопытно, что получится.

Получалось, правда, не очень. Но мадам и такие использует, пусть на

мой взгляд они несовершенны, но это же на мой! Я уже убедилась, что окружающие обычно остаются в полном восторге даже от тех омниумов, которые мне самой кажутся неудачными и просто некрасивыми.

Я так увлеклась, что не слышала голосов. Оказывается, меня звали. В комнату забежала одна из служанок, срочно требуя спуститься вниз.

Вблизи Ветта оказалась еще интереснее. Пухлые губы, капризные глаза, но я бы не сказала, что она кажется глупой, как о ней говорил с утра в салоне. Смотрела она, может, и со скукой, но внимательно. По-моему дуры так не смотрят.

Как только я вошла в приемную комнату, где выставлялись примеры предлагаемых салоном моделей и работ, Ветта подняла на уровень глаз один из моих омниумов.

— Это ты сделала?

Ни здрасьте, ни до свидания, сразу к делу. Я не стала изображать оскорбленную невинность, потому что мне тоже не особо хотелось тратить время на обмен неискренними любезностями, потому просто кивнула.

Кстати вот еще что интересно — выбрала она не глупые ягоды и огромные пышные цветы, что лежали на самом виду, а тонкий стебель с крошечными игольчатыми листьями, который мадам сунула в самый край, видимо, просто для весу и общего количества.

Получается, гостья выбрала самый, на мой взгляд, качественный омниум. Интересно...

— И это ты сделала? — нетерпеливо спросила она, показывая пальцами на кусочки паутиной ткани. Их выкрасили в самые модные цвета и разложили на столике рядом с омниумами и картинками разных моделей платьев.

За спиной гостьи обмахивалась веером красная от волнения мадам.

— Да, я.

— Какой их изначальный цвет? — спросила Ветта, вороша кусочки одним пальцем.

Я посмотрела — цвета придавали ткани странный и по-моему, не совсем приятный вид. Начального не было ни одного.

— Здесь его нет.

— Сейчас, сейчас, — заторопилась Мадам, старательно взмахивая рукой. Самая догадливая помощница прибежала с куском некрашеной ткани в руках. Последние несколько сезонов в моде были осенние тона — золотистый, багровый, охряный, потому начальная серебристая ткань, невзрачного цвета по сравнению с новомодными никого не интересовала.

Кроме Ветты. Она молча крутила кусочек в пальцах, сжимала и

смотрела на свет.

— Сколько времени понадобится, чтобы сшить из такой ткани бальное платье? — развернулась к мадам.

— Какой модели?

— Утренняя дымка со шлейфом.

Мадам замерла, лихорадочно подсчитывая расход ткани. А я итак могу сказать — девять отрезов, плюс один на шлейф. Пусть даже два куска ткани сейчас лежит в кладовке, но семь по два дня... Две недели плюс шитье.

— Шестнадцать дней, — нетвердо выговорила Роза.

Ветта недовольно нахмурилась.

— А быстрее?

Пришлось пожалеть бедную мадам, в мыслях уже кажется распрощавшуюся с прибылью, а также с последующими за прибылью богатством и знаменитостью.

— Я не смогу сделать ткань быстрее. Это очень сложно, на кусок уходит энергия двух дней.

Гостья на секунду задумалась.

— А если восстанавливать твой резерв мгновенно, за сколько сделаешь?

— Восстанавливать? — я удивилась. Маги могут, конечно, восстанавливать силу друг другу, но только самые могущественные и при этом обладающие собственным огромным резервом, иначе организм откажется делиться в ущерб себе. Исключая темных магов, которые восстанавливают силы совсем другим способом, но не может же любовница короля предлагать человеческие жертвоприношения только чтобы побыстрее получить какое-то платье? Тем более метод чужой крови подходит только людям, а для шай-парс вовсе не доступен.

— Представь просто, что энергия не заканчивается, — нетерпеливо взмахнув рукой, сказала Ветта, — сколько времени понадобится, чтобы подготовить платье?

— Три дня, — быстро вставила из-за спины мадам. Ветта изволила обернуться и обратилась к ней.

— Отлично! Я приеду после выходных и эта... ваша эта... помощница сделает ткань. Все ясно?

— А энергия? — любопытствовала я. Даже обращение «эта» мимо ушей пропустила. Интересно, как она собирается восстанавливать силовой резерв?

— Не волнуйся, я привезу своего... друга, — по многозначительности

тона даже я поняла о какой «дружбе» речь. — Он будет восстанавливать твою энергию.

— Как?

— Так, — пухлые губки Ветты расплзлись в снисходительной улыбке. — Он — шайнар.

После этих слов про меня совершенно забыли, что было только на руку. Как любопытно... Я поднялась обратно в рабочую комнату и задумалась. Никогда не видела чистокровного шайнара! После выходных увижу. Что это, интересно за друг такой с огромным энергетическим резервом, да еще и согласившийся тратить силы на ерунду вроде платья любовницы? А говорят, люди их не особо интересуют, ни в каком плане. Хотя шай-парс их, похоже, интересуют еще меньше...

Как-то все было неожиданно и странно. Но к счастью у меня нет привычки долго думать о том, что от меня мало зависит, потому вскоре я снова выбросила все из головы и занялась работой. Не заметила, как день прошел.

Правда выйдя на улицу, я вдруг подумала, а какие же у шайнара будут рисунки? Вот уж правда вопрос без ответа, но как интересно! Глубоко задумавшись, я прошла по дорожке до поворота, завернула за угол и почти уткнулась носом в мага.

— Янош?

Служебная синяя форма с блестящими пуговицами ему шла, хотя и делала каким-то слишком серьезным и совсем взрослым. Кстати, я даже не знаю, сколько ему лет.

— Янош... А сколько тебе лет?

Он тихо засмеялся. Глаза прищурились, будто у довольного кота.

— Двадцать три. Ты не спросишь, что я тут делаю?

— Что ты тут делаешь? — с готовностью поинтересовалась я.

— Тебя жду.

Совершенно точно в прошлый раз я не ошиблась, я очень рада его видеть. Даже немножко настораживает — разве возможно так быстро привыкнуть к чьему-либо присутствию?

— Зачем? Хочешь меня куда-нибудь пригласить?

Домой совсем не хотелось. Ведь Яноша там точно не будет!

Он кисло поморщился.

— Нет, извини. Я ненадолго. Зашел спросить, будешь ли ты на завтрашнем празднике? Король обещал фейерверк и большой оркестр в парке.

— Конечно, буду. Но я со Златой иду. Это моя подруга.

— Ладно, я тоже с другом приду, — глаза у него сегодня немножко темнее обычного. И запавшие какие-то. Лицо кстати тоже уставшее.

— Устал?

— Немного.

— Работа?

— Да. Бывают временами срочные дела, — он задумчиво посмотрел в сторону. — Не страшно, высплусь ночью, приду в норму. Где встретимся?

— Давайте на аллее за круглым фонтаном?

— Отлично. Теперь пойдём, я тебя до дому провожу.

— А спать?

— Я буду спать куда спокойнее, убедившись лично, что по дороге к дому к тебе не пристаёт разные молодые люди, — чопорно заявил Янош, подавая мне локоть.

— О каких молодых людях речь? — поинтересовалась я. Что-то не припомню, чтобы ко мне подходили знакомиться. Такого эффекта, кстати, добиться весьма просто — достаточно сделать лицо посуровее и настойчиво смотреть прямо вперед. Еще не помешает что-то невнятно бормотать под нос, но это только в крайних случаях. Проверено — никому и в голову не придет знакомиться!

Янош, правда, не знал, какой неприступный вид мы со Златой привыкли принимать во время прогулок по улицам. Иначе вряд ли бы так разволновался.

— Ну, во-первых, о неприличных молодых людях и их назойливых комплиментах. Но куда больше меня волнуют приличные! Ведь ты можешь обратить на них внимание, — мягко объяснял Янош.

Он и правда сильно устал. Вскоре замолчал и всю дорогу только улыбался. Впрочем, мне этого хватало. Зато я успела рассказать о своей работе, о вечерних чаепитиях со Златой и обещании показать ей самых настоящих магов.

— Завтра покажешь. Бронислав так сильно похож на мага, что в официальных учреждениях от него даже доказательств не требуют, — сказал Янош на прощание. И остался стоять на месте. Как же не хотелось, чтобы он уходил! А хотелось пойти и убедиться, что он действительно ляжет спать.

— А ты далеко живешь?

— Нет, за рынком.

К сожалению, убедиться лично не получится. Я не могу идти к нему домой, как бы ни было его жаль.

— Иди, Янош. Завтра уже скоро...

Я не стала ждать, пока он решится, развернулась и ушла первой.

Злата от новости о завтрашней встрече с магами пришла в щенячий восторг. Вечер был потрачен на тщательный выбор платьев и причесок, даже купленные к чаю пирожные остались практически нетронутыми. Перед сном я их спрятала в своей комнате, чтобы Злата ночью не съела — была у нее такая привычка, проснется за полночь и ест все, чего под руку попадет. А ночью есть вредно, особенно сладкое, потому я старательно с этой ее дурной привычкой боролась. Безрезультатно, надо признать.

Утром Злата меня разбудила, даже не дав толком выспаться. Выяснилось, что выбранные вчера наряды при свете первых лучей утреннего солнца растеряли всю свою привлекательность и кроме того ей не хватает украшений для задуманной прически. Сквозь сон я пообещала сделать омниумы, чего она, похоже, и добивалась. Спать, однако, все равно не дала.

За обедом немного испортилось настроение от новости, что Кассия вчера куда-то переселилась, как сказала хозяйка, в другой пансион расположенный ближе к работе, но адрес не назвала. С того самого злополучного вечера мы с Касси так и не помирились, жаль что не удалось толком поговорить перед отъездом. С другой стороны, если бы она хотела мириться, пришла бы сама. А так... Нет, ну и не очень-то и хотелось!

Второй новостью стало известие о вечере знакомств, который проводится в пансионе несколько раз в году и куда приглашаются ищущие жен выпускники мужских школ. Значит совсем скоро придется старательно улыбаться, весь вечер говорить одни только вежливости и упаси светлое небо спрятаться в углу и попытаться избежать общения с пришедшими кавалерами — хозяйка потом все мозги выест!

Зато после обеда мы выспались всласть и уже я будила Злату. К вечеру она немного успокоилась, что было весьма кстати, потому что я боялась выводить ее в таком возбужденном состоянии в люди, все равно что пятилетнего ребенка, совершенно несдержанного на язык и каждую секунду подпрыгивающего на месте.

Я сделала омниумы и занялась ее прической. Волосы у Златы светлые, как и глаза, но кожа совсем не бледная и румянец естественный. Маленький нос, круглый подбородок, может она и не красавица, но мне очень нравилось ее лицо. Как и характер. Злата никогда глупо не хихикала, рассуждала здраво, уважала себя и других, но все в разумных пределах, без фанатизма. Практически по всем вопросам наши с ней мнения полностью совпадали.

Я любила Злату, по большому счету никого ближе у меня не было.

Бабушка разве что, но она слишком далеко. Были, конечно, у Златы недостатки, ну так у кого их нет? Она же все-таки просто обычная девчонка, а не земное воплощение безупречной матери звезд.

Я собрала мягкие золотистые волосы и убрала под омниум-сетку, украшенную по краям витой веревкой. Шея осталась полностью открытой, как она любит. А вот мне всегда больше нравились распущенные волосы, чье движение ничем не ограничено. Естественно ходить с такими можно было только по собственной комнате, даже спускаясь на обед, приходилось убирать волосы в прическу.

Злата осталась довольна и тут же принялась за меня. И вскоре уже привычно ругалась, потому что не могла толком выпрямить волосы — они у меня хоть и не выются в прямом смысле этого слова, но все равно не очень-то ровные.

В конце концов, нам все-таки удалось собраться.

Праздник лета каждый год проводился в самом большом парке города, что вокруг королевского дворца. В прошлый раз мы прошли по нему полным школьным составом, окруженные со всех сторон воспитательницами. А после большую часть ночи слушали доносившуюся оттуда музыку. Сейчас мы со Златой были полностью предоставлены сами себе и могли гулять по парку в каком вздумается направлении. Кстати если прикинуть это очень даже здорово!

Народу оказалось удивительно много, наверняка все жители собрались, да еще гости из окружающих городов и деревень прибыли.

Раскинувшаяся перед парком площадь была плотно заставлена крошечными разноцветными киосками. Мы купили сахарной ваты, хотя на улице есть некрасиво и по стаканчику лимонада, хотя пить на улице еще хуже, чем есть. Но думаю раз в году на праздник можно себе позволить немного вольностей. Тем более что и отчитываться не перед кем.

Основной оркестр располагался прямо у входа в парк, но в его глубине, подальше от главного прятались еще несколько размером поменьше. На аллею музыка накатывала сразу с двух сторон и в ушах гудели и путались сразу две разные мелодии. Хорошо хоть не очень громко.

Мы неторопливо прошли по дорожке, оглядывая сидящих на лавочках и в беседках людей, но магов не нашли.

Чтобы немного передохнуть зашли в пустую беседку, которую какая-то парочка освободила прямо у нас перед носом — иначе бы не повезло, слишком много желающих и слишком мало мест, где можно спокойно посидеть.

Не успели мы толком устроиться, как со стороны дорожки, по которой

прогуливались люди, в нашу сторону направились трое юношей, один из которых был так высок, что остальные едва доставали ему до плеча. Несмотря на теплую погоду за спиной каждого развевался плащ с символом местной магической академии.

Это были маги, но не те. Я покачала головой на изумленно-вопросительный взгляд Златы, она не думала, что маги окажутся такими мелкими, судя по всему только-только поступившими на обучение. У них и усы-то еще не росли, а вот гонору оказалось предостаточно.

— Какие тут крошки, — показал один из них крупные белые зубы. — Нас дожидаются!

Злата громко фыркнула.

— Обижаешь, — недовольно заявил самый длинный. — Думаешь, платье нацепила, прическу сделала и можешь на всех пренебрежительно фыркать? Аккуратнее нужно быть с незнакомцами. Мы, между прочим, маги! — ухмыльнулся он. — Скрутим щас и рукой не дернешь.

— Разве вам не запрещено использовать обездвиживание на рядовых жителях, да еще без крайней надобности? — тут же поинтересовалась я. За последние несколько дней я успела узнать о магах довольно много нового, ведь нужно же хоть немного разбираться в предмете, к которому имеет прямое отношение Янош!

На миг длинный запнулся.

— А кто узнает? — небрежно поинтересовался другой, темноволосый крепкий юноша с небольшим шрамом над верхней губой. — Потом почистим остаточную магию и поди докажи, что это мы сделали.

Голос у него был даже не угрожающий, а какой-то совершенно равнодушный. Оттого стало немного жутко.

— Тем более может у нас есть надобность, — нагло прибавил длинный, но взгляд его подкачал и на покорителя женских сердец ну никак не вытянул.

— Так что советую быть посговорчивее, — тут же разулыбался третий.

Мы со Златой переглянулись. На самом деле поставить подобных типов на место вполне легко — достаточно ответить настолько вежливо, чтобы они ощутили свою недалекость и тупоумие. Контраст от противного — если к свинье обратиться на Вы, с цветистыми комплиментами и еще низко кланяясь, всем вокруг становится еще более понятно, что это все-таки просто свинья. Подобное проделать не трудно ни мне, ни Злате. Но тут маги... Раньше мы с такими наглецами не сталкивались.

И я еще считала, что Янош с друзьями хамы? Каюсь! Они душевные, чуткие, воспитанные люди, разве что немного эксцентричные.

— Ну так что? Будем милыми или перейдем к силовым методам? — процедил юноша со шрамом.

Вокруг полно народу и ничего они нам не сделают, я уверена. Но все равно, какая наглость! Злата нахмурилась и подалась вперед, а значит сейчас подробно опишет, кто они есть и где их место.

Кстати, а это кто? Перед троицей вырос еще один молодой человек — светловолосый, высокий и сутулый, в темной рубашке навыпуск и грубых рабочих штанах. Откуда он тут взялся? Из воздуха, что ли соткался? Я тоже так хочу!

Новенький тем временем внимательно осмотрел тройку и вдруг громко клацнул зубами, будто укусил воздух. Юноши в прекрасных плащах магической академии резко сбилась в кучу, настораживаясь.

— Пошли вон. А после выходных я напишу на вас донос. Угрозы насилия по отношению к рядовым жителям, причем пансионеркам, причем не обычным, а шай-парс, которые находятся под личной защитой короля.

— Что? — изумленно вылупились на нас юноши. Злата мило улыбнулась им, захлопав глазами, а я вдруг догадалась обернуться налево и посмотреть на ведущие в беседку ступеньки.

Там стоял Янош...

— Может, мы просто извинимся и обойдемся без доноса? Его же внесут в карту! Тем более это просто слова, делать мы ничего не собирались! — отчаянно звучал чей-то голос, но это было неважно — Янош улыбался мне и так чудесно выглядел — свежим, отдохнувшим, чисто выбритым. Глаз отвести было просто невозможно.

— Извиниться можете, но донос я отправлю в любом случае. Если вы все еще не способны определять границ употребления силы, вам необходимо повторять магическую этику чаще и подробней, чем остальным студентам.

Я отвлеклась на секунду, когда вспыхнул амулет — пришелец тоже оказался магом. Похоже, тем самым с кем собирался прийти Янош.

Извиняться тройка не пожелала и отправилась восвояси.

— И мне тоже было очень приятно познакомиться! — крикнула им вслед Злата.

Мне малолетние агрессивные маги были совершенно неинтересны, как и их извинения, и наказание. Да и что в них может быть занятного, когда напротив, в кружевной тени дерева стоит Янош? И зрелища прекраснее невозможно представить.

Думаю, если бы не удивительно находчивый и легкий в общении Бронислав, компания получилась бы неважнецкая. Я только и делала, что пялилась на Яноша, он — на меня. Не то чтобы специально, просто как-то так получалось.

— Сейчас поворачиваем налево и выходим прямо к озеру, — командует Бронислав. Я смотрю на дорогу, чтобы вовремя свернуть, но тут же оглядываюсь проверить, а правда ли Янош здесь? Может, просто показалось?

— Вот где в этот раз разместили городской птичник, — глубокомысленно сообщает Бронислав, я послушно поднимаю голову, но что там может быть интересного? Птицы как птицы, все их цветное великолепие блекнет при одной мысли о Яноше, который так близко, всего на расстоянии вытянутой руки.

Злата как обычно в обществе незнакомцев осторожничала и помалкивала, так что Бронислав просто спасал положение, болтая обо всем, что видел — и какие чудные фонарики развешали по кружевным аркам Цветочной аллеи, и как замечательно играет оркестр, прибывший из долины Дымной топи. Правда, говорилось это все совершенно ровным и даже уставшим голосом. Похоже, работают они вместе и выспаться со вчерашнего для Брониславу, в отличие от Яноша, не удалось.

Потом вдруг как-то совершенно мимоходом выяснилось, что через день они уезжают по очередному заданию к Росчерку Асмаиловых гор и неизвестно, как долго будут отсутствовать.

Я даже от разглядывания Яноша отвлеклась.

— Подождите! Но Росчерк гор — это местность, где живет большая часть всех существующих темных магов! Там просто кишмя кишат круорги!

Наши спутники переглянулись.

— Панну Улу сложно сбить с толку, — Яношу, похоже, смешно, но он сдерживается. А что тут смешного? Поездка в горы, избранные темными магами за малонаселенность и труднодоступный рельеф, в котором при необходимости можно легко затеряться от преследования представителей закона не может быть развлекательной поездкой. Это очень опасно! И они так запросто об этом говорят, будто собрались прогуляться в лесу! Не травки редкие они туда едут собирать, ежу понятно. А светлый маг по

сравнению с темным беззащитен, как цыпленок по сравнению с ястребом!

— Зачем вам туда? — нет уж, милыми улыбками кормить меня поздно!

— Надеюсь, уважаемые панны не ждут, что мы как на духу выложим планы, которое, между прочим, относятся к заданиям из разряда тех, о которых не стоит лишний раз секретничать в людном месте, — безукоризненно вежливо заявил Бронислав.

Не стоит секретничать? Точно без разборок с темными не обойдется!

Я непроизвольно открыла рот и... сказала одно из тех слов, за которые мне в школе иногда влетало так сильно, что до сих пор помню! Воспитанная панна и знать подобных слов не должна, не то что употреблять, да еще в обществе! Помнится, однажды меня даже подвергли физическому наказанию, когда воспитательница вместо извинений за одно случайно вылетевшее слово тут же получила второе, поувесистей. Помню ее бледное лицо, ровное как доска, и такое же твердое. Я тогда получила пять ударов палкой по рукам и почти неделю не могла писать и вышивать.

— Нужно выбить из тебя эту мерзость раз и навсегда! Раз и навсегда! Для твоей же пользы! — повторяла воспитательница, лично считая удары и даже не морщилась. Я собственно пребывала в уверенности, что у нее получилось. Оказалось, как и не бывало!

О, мать всех звезд, как же я могла! Пришлось закрывать глаза ладонью, чтобы немного успокоиться. Вот безмозглая курица, учили меня, учили, а что теперь Янош подумает? Ну, Бронислав меня мало волнует, Злата, предположим, и сама такие слова прекрасно использует, вставляя в разговор, когда посторонние не слышат. А он?

Когда, наконец, я решилась взглянуть на Яноша, он казался таким довольным, будто получил лучший комплемент из всех возможных.

— Bravo, панна Ула! Вот теперь я все-таки уверен, что это действительно вы. А то меня постоянно преследует подозрение, что вы мне просто снится.

Он еще и смеется?!

— Мы вроде на ты, — пролепетала я. Как растеряно звучит мой голос, даже странно. Неужели меня правда настолько волнует, что он там подумает?

— Я помню, Ула. Просто не хотелось пугать тебя еще больше.

Бронислав вдруг одним выверенным движением склонил голову.

— Я был категорически против, когда мою кузину собрались отдать в закрытую школу. Подозревал, толку не будет. Но теперь-то уж я целиком и полностью уверился в обратном — боятся совершенно нечего и она вне всяких сомнений получит там безупречное воспитание! — важно заявил

Бронислав, а потом отвернулся и захихикал. Похоже, он тоже моим поведением не особо шокирован. Хотя, о чем я вообще? Чтобы шокировать мага парочки пансионеров маловато, пусть даже они во все стороны сыпят грязными ругательствами.

Вот и ладненько! И мы неспешно продолжили нашу прогулку.

— Вы так и не сказали, чем же собираетесь заняться у Росчерка гор, — нежно улыбаясь, поинтересовалась Злата. Судя по стальной настойчивости в глазах, ее этот вопрос тоже занимал, а Злату, как и меня не так-то легко отвлечь от цели.

— Право, панны, нужны ли вам эти скучные подробности? — поморщился Бронислав.

— Это опасно? — не выдержала я.

Наверняка опасно! Не доверяю я этой королевской тайной службе. А если Янош с работорговцами связывался, еще когда только учился, то сейчас точно ползет в самое пекло!

Они опять переглянулись.

— Не опаснее, чем шайнарская граница, — задумчиво сообщил Янош. Бронислав вздохнул и заговорил.

— Но собственно немного правды мы приоткрыть можем. Только для того, чтобы наша миссия не казалась чересчур загадочной и великой. И чтобы никто напрасно не волновался. Не предвидится ничего опасного, мы всего лишь арестуем и доставим в город темного мага, который высунулся к человеческим поселениям и причинил королевству многочисленные убытки. Учитывая, что этот экземпляр так утомил даже своих собственных братьев, что нам на помощь придет один из тех... магов, то наша задача сводится к простейшему — проследить за поимкой и отчитаться об исполнении задания.

— Подождите! Как придет на помощь? Вам, королевским представителям закона придет на помощь черный маг, который априори этот закон нарушает?

Чего-то я не понимаю! Одно прозвище уже значит, что это преступник, который должен быть пойман и обезврежен. А они намекают на какое-то сотрудничество?

Тут уж Бронислав от неожиданности замер прямо посреди дороги.

— Не хотелось бы мне работать в вашем ведомстве, господа маги, — мрачно добавила Злата, которая тоже не любила, когда высокими словами прикрывают мелкие делишки.

Бронислав со странной улыбкой высокомерно поклонился.

— Рад, что мы не враждуем. Вы стали бы опасными противниками.

Мало того что вы красивы, так еще и умны. Гремучая смесь.

Это нечто вроде комплимента? Похоже. Вот только тон такой, что хочется отойти подальше.

Бронислав неторопливо развернулся и подождал, пока мы к нему присоединимся. Янош, как ни странно, в разговор старался не лезть, а наоборот смотрел на Бронислава насторожено, словно пытался о чем-то предупредить.

— Но как вообще можно верить темному магу? Разве среди них принято держать свое слово?

— Ула, как вы понимаете в королевской академии магам не преподают темную магию, так что мы с Яношем вряд ли можем считаться в этой области специалистами. Но совершенно точно скажу одно — многие байки о черных не соответствуют действительности. Например, далеко не всегда круорги убивают, чтобы получить силу. Просто это самый легкий из всех существующих способов. В остальном, некоторые из них просто экспериментаторы, по мнению совета Магистров перешедшие однажды черту допустимого. Так что не волнуйтесь напрасно, все будет прекрасно, мы делаем это не впервые.

В общем, на этом моменте портить вечер беседой о кругоргах мы перестали. Тем более что вышли на площадь, полную народу. В такой толпе говорить о чем-то серьезном в принципе невозможно!

— Посмотрим на шутов?

— Пойдемте.

Шутов я не особо люблю и никаких шибко умных идей в их многозначительных высказываниях не наблюдаю. Думаю, тут обратный эффект — если ты шут, можешь даже не задумываться над своей болтовней, все равно, что ни ляпнешь, найдутся желающие искать в твоих словах глубокий философский смысл.

Но надо же куда-то гулять!

Вокруг помоста, на котором в данный момент кувыркались акробаты, собралось не так уж много людей. Большинство предпочитало обследовать ряды торговых палаток. Я смотрела не столько на помост, сколько по сторонам. Ну и на Яноша, конечно. А он очень мило выглядит, когда старается сделать вид, будто увлечен представлением. Но вряд ли настоящая увлеченность оставила бы его таким серьезным.

Ба, кого я вижу! За спиной мага показалась компания и, судя по взгляду уже знакомой Лесты, за плечом которой маячил Череп, компания направлялась именно к нам.

— Ула! — издали вскричала Леста и все окружающие тут же на меня

установились с превеликим любопытством. Вот что такое? Приятно, конечно, когда тебя рады видеть, но на всю площадь зачем орать?

Маги почти подошли, но тут перед ними влезла какая-то тонкая шустрая девушка с острым личиком. Скорчила презрительную мину, расправила плечи, выпятила грудь и встала передо мной и Яношем. Будто на дуэль собралась вызывать.

— Что, развлекаетесь?

Интересно, может она его жена? Я видела иногда, как жены на улице со своими благоверными общаются, когда те нашкодили. Очень похоже. Какая... неприятная мысль.

— Да, Кати, именно развлекаемся, — последнее слово Янош выделил. Вроде не бросается ее обнимать. Наверное, все же не жена. Не хотелось бы думать, что он из тех, кто обманывает вторую половину. И вообще не хотелось бы думать...

— И с кем это? — взгляд прищуренных глаз впился теперь целиком в меня.

— Кати, оставь, как ты уже достала! — вдруг простонала Леста, — Ула мне нравится! Она не дура!

— Да? Тогда может она просто не знает, с кем связалась? — охотно подхватила мелкая и ее глаза с охотой разгорелись. Как и медальон.

Вот... Злата, похоже, довольна. Получила, чего хотела. Такого изумленного лица я у нее давно не припомню. Вот уж и правда, знакомство с магами удалось! Показали себя во всей красе.

— А ты, видимо, собралась ее просветить? — вкрадчиво поинтересовался Янош. — Устроить очередной спектакль? Ну, давай, начинай. Я не против. Слушаю.

Он соорудил удивительно внимательное лицо. На секунду мелкая замялась и ее тут же оттеснила Леста.

— Бронислав, рада тебя видеть. Чего ты такой серый? Что опять случилось? О, с вами еще одна незнакомка! Голову даю, подруга Улы? Здравствуйте. Я — Леста.

Здорово болтает, плечом будто ненароком отодвигая Кати в сторону. Вот тоже любопытно, что за история такая? Я покосилась на Яноша, но он уже бодро переговаривался с Черепом о каком-то преподавателе, задержанном на днях патрулем в пьяном виде в компании преступников.

Да-а, Злата явно в восторге от сегодняшней прогулки. Радует, что ей хватило ума не лезть на мою защиту, как она делает обычно. Это я, кстати, не о Злате волнуюсь, а о Кати — самая огромная ящерица моей подруги шипит иногда так жутко, что пугаются даже те, кто осведомлен о ее

существовании. А без подготовки шок обеспечен, проверено!

Но в общем пришедшая компания с нами задержалась ненадолго и вскоре отправилась куда-то в трактир. Притихшую Кати Леста утащила практически волоком. Янош внимательно смотрел им вслед. Что ж там за история такая? Кстати, этот нарочито невинный вид у него отлично получается. Будто и правда речи о нем и не шло!

И все равно, когда он смотрит на меня так, как сейчас, остальное становится совсем неважным.

И снова затянувшееся молчание прервал Бронислав.

— Злата, а не хотите покататься на лодке? Правда, они всего двухместные, но думаю, наши друзья прекрасно обойдутся и без нашей компании. Обещаю проводить вас домой, когда захотите, хоть засветло.

Злата покосилась на меня и быстро согласилась.

А мы просто гуляли. Ничего не хотелось — ни мороженого в крошечных желтых стаканчиках, ни надутых леденцов, ни танцев, ни аттракционов.

— Я до сих пор не могу поверить, что это ты. Девчонка, которую мы тогда вытащили, — качал головой Янош.

— Я настолько изменилась?

— Нет... Да.

Странно было так идти, просто идти куда-то бесцельно и думать, что сегодня удивительно приятный вечер. Просто сказочный.

Но и он закончился. Когда стало темнеть, Янош провожал меня в пансион.

Вообще-то я довольно вынослива и неторопливые прогулки по дорожкам парка никак не могут меня утомить. Но ноги сами собой еле переставлялись, потому что иначе совсем скоро мы окажемся прямо перед моим домом. Янош тоже не спешил.

Там на улицах было достаточно пусто, чтобы задать вопрос, о котором я ни на минуту не забывала.

— Янош, а что это была за панна? И в чем она хотела меня просветить?

Маг поморщился.

— Ула, неужели не существует хотя бы одной тайны, которую мне удастся от вас скрыть?

— Вопрос настолько страшный, что мы снова перешли на Вы?

— Открой секрет — есть что-нибудь, чем тебя возможно отвлечь?

Я задумалась.

— Не припомню.

— Я с тобой поседею раньше времени, — пробормотал маг. — Ну что ж... Слушай. В двадцать лет мало думаешь о последствиях своих... знакомств с дамами. Вот и я не особо размышлял.

— В двадцать?

— Кати преследует меня больше двух лет, хотя я никогда ничего ей не обещал. Как только она видит меня в обществе девушки, сразу устраивает скандал.

— А в двадцать три?

— Что в двадцать три?

— В двадцать три больше думаешь о последствиях?

— Гораздо больше, — улыбаться он перестал. — Можешь поверить, сейчас мне проще обойтись без женского общества, чем связываться с... некоторыми паннами, конечно же, весьма уважаемыми.

Как он, однако, их назвал! Тактично.

— И часто видит?

— Что?

— Ну... со всякими уважаемыми паннами часто видит?

Он вдруг остановился. Пришлось и мне останавливаться. Кстати, а мы уже пришли. Прямо за поворотом пансион. Грустно.

— Ула, как ты думаешь, почему я к тебе прихожу?

И смотрит так пристально. Конечно же, мне хочется думать, будто он ходит потому, что я ему нравлюсь. Но если поразмыслить, может ли быть иная причина? Конечно, может. Да что угодно! Может он хочет моего добровольного согласия на эксперименты с участием шай-парс. Или какой-то информации. Или любой другой безвозмездной помощи.

Не хочется выглядеть дурочкой, у которой вся голова забита одной только романтической чушью.

— Не знаю. Почему?

— Подумай над этим.

Такое ощущение, что надо мной издеваются!

— Мы поговорим, когда я вернусь. Поговорим, даже если ничего не надумаешь, — веселиться маг. Нет, ну явно здесь что-то нечисто! Разве человек, который приходит к девушке станет...

Станет так осторожно брать меня за руку? И так быстро отводить глаза?

— Мне будет тебя не хватать, Ула.

Он наклонился и поцеловал мои пальцы.

А потом развернулся и ушел, так быстро, будто сбежал.

Почему-то стало неудобно и я покраснела. Честное слово! Он просто

проявил приличествующую случаю вежливость и все! Почему же так странно?

Заняться разбором полетов не удалось, потому что стоило открыть дверь своей комнаты, как рядом возникла Злата с самой невинной улыбочкой на лице.

Естественно никакие возражения не принимались — все равно не отстанет, пока не узнает все подробности! Ведь жизнь, это вам любая пансионерка скажет куда интереснее, чем даже сотня бумажных романов.

— Долго вы гуляли, — довольно заявляет Злата.

— А вы?

— А мы нет. Бронислав скучный такой стал и сразу захотелось домой.

— Он просто устал и не выспался. Вчера Янош такой же был.

— Вчера? — Злата многозначительно улыбнулась. — Так вы еще и вчера виделись?

Вот так всегда! Проболталась уже. Ну что за наказание иметь умную подругу, которая никогда компромат мимо ушей не пропустит!

— Господин маг после работы проводил меня домой.

— Ну, ясно, — вынесла приговор Злата. — Тогда все совершенно понятно.

— Что понятно? — Вот знаю, что не стоит провоцировать, показывая столь явную заинтересованность в ответе, но невозможно удержаться. Что она уже надумала?

— Ну-у-у, у тебя весь вечер был такой вид, будто ты готова отдаться ему прямо под первым же кустом, — сообщила Злата.

Я обиделась.

— Спасибо, Злата. Мне было очень приятно услышать от тебя нечто подобное!

Подруга тут же скуксилась.

— Ну-у, я не к тому. Ты неправильно поняла. На самом деле, это же здорово, когда такие... чувства.

Хм, а что Злата знает о чувствах? Ничего внятного, как и я. Кстати, вот еще вопрос, который...

— Ты в него влюблена?

...Злате удалось задать раньше меня.

— Я не знаю.

Так сразу не решишь, я же не влюблялась никогда. Вряд ли ту привязанность к соседскому мальчишке можно назвать влюбленностью. Так, слушала его сбивчивые неумелые комплименты, которые мне нравились, но ведь влюбленность это нечто большее?

— Не знаешь? Точно? — похоже, она не очень-то мне верит.

— Правда, Злата. Ну не знаю!

— Если бы я влюбилась, то сразу бы это поняла!

— Ну вот влюбишься и мне, недогадливой, внятно объяснишь, что это такое!

Злата попытала, но не спорить не стала. Можно, конечно открыть любой роман и зачитать отрывок, где описываются чувства героини. Нечто вроде «от счастья при виде его растрепанных кудрей ее душа воспарила, аки белоснежная голубка, а сердце сладко заныло от восторга».

А ведь... О, мать всех звезд! А ведь очень похоже!

Тогда я снова открыла рот и выругалась. Второй раз за день!

Злата хохотала, развалившись в кресле.

— Ну, ты с ним все равно поосторожнее! Странная у них компания, эта мелкая Кати тоже особа подозрительная. Да и вряд ли Янош привык заботиться о репутации дам, с которыми общается.

— Не волнуйся, я еще в своем уме и все прекрасно понимаю! Тем более... он ни разу не сделал ничего неприличного. Ни слова. Ни жеста. Ни малейшего намека.

— Значит... значит, у него кто-то есть!

— То есть?

— Ну, физически, понимаешь? Он с кем-то спит!

Я задумалась. Не над тем, спит он там с кем-нибудь или нет, а над тем, с чего вдруг мы заговорили о вещах, которые нас не касаются.

— Ула, вот и выясним, как ты к нему относишься. Если влюблена, то тебя должна злить новость, что у него есть кто-то другой. Тебя это злит?

— Злит, — покладисто согласилась я.

— Сильно?

— Да.

— Насколько сильно? — не унималась моя мучительница.

— До бешенства.

— И чего тебе хочется сделать? — с восторгом вопрошала Злата.

— Мне... — я мрачно улыбнулась. — Прямо сейчас? Встать... Сделать два шага вперед. Обхватить покрепче шею... Твою шею! И придушить тебя немедленно!

Восторг спал с ее лица, как будто разбитое стекло осыпалось. Злата надулась. Смешно было, жуть! Давно я так не хохотала, честное слово! Вместо полной горячих страстей истории Злата услышала насмешку. Дуться теперь будет, по меньшей мере, два дня.

Когда она ушла я, наконец, улеглась спать.

Почему он приходит? А вот не буду я думать, вернется и расскажет! Все равно ничего путного не придумаю. И еще мысль эта дурацкая, которую вбила в голову Злата. У меня прямо дыхание от злости замирало, стоило представить, что у него есть какая-нибудь Кати, с которой он элементарно спит!

Однако вернется Янош не раньше чем через две недели. Совсем не хочется провести их в томительном ожидании. Лучше пока заняться работой. Поэтому мучиться, разгадывая неразрешимые загадки я не стала. К счастью, заснула быстро.

Выходные мы провели в гостиной, где под чутким присмотром мадам Анки обменивались новостями, схемами модных вышивок и новомодными лирическими поэмами. Злата отсела от меня подальше и демонстративно отворачивалась, болтая с Мейсой.

А после наступили рабочие дни. Утром я шла в салон Розы, думая только о том, что скоро увижу первого в своей жизни шайнара.

Почему-то было страшно.

Витольд де Акуила, старший посол Шайнарских земель оказался человеком возраста на грани зрелости и старости, спокойным, жестким и неубедительным. То есть неубедительным выглядело его намерение помогать королевской фаворитке, пусть даже та его временами развлекает. Добротой душевной, судя по всему, он тоже не отличался. Хотя, конечно же, я могу ошибаться, говорят судить людей по первому впечатлению дурной тон.

Он появился на заднем дворе салона, когда я уже разложила необходимые для создания ткани полосы травы и одну из них даже превратила в сетку. Как раз тогда и раздалась шаги, я успела встать и увидеть, как они с Веттой показываются из черного хода, выходят на дорожку между двумя клумбами, а сидящая на шезлонге под зонтиком от солнца мадам Роза поднимается и вытягивается прямо, как палка.

Ветта представила гостя мне и мадам Розе, которая от переизбытка чувств выглядела бледно-серой и казалось, находилась на грани обморока.

— Пан Витольд, — спокойно перебил перечень своих титулов шайнар, оглянувшись, уселся на один из шезлонгов и замер.

Тогда я поняла, почему он совершенно лысый — на голой коже головы вдруг развернула крылья огромная хищная птица с острым изогнутым клювом. Расставленными лапами она, вероятно, упиралась ему в плечи (из-за одежды этого видно не было). Кстати слышала я, будто в шайнарских землях вполне допустимо ходить практически без одежды. Тогда эту новость долго обсуждали в школе, но сейчас почему-то кажется, что шайнары правы — такое потрясающее зрелище скрывать не стоит. Не знаю, страшные это картины или все-таки прекрасные, насколько они настоящие, но в глазах гостя огонек сверкнул одновременно с тем, как птица метнула на нас внимательный изучающий взгляд. Пришлось напомнить себе, что они — одно целое.

Ткань мы сделали очень быстро, пан Витольд брал меня за руку и тело словно окутывало влажной дымкой, что поднимается по утрам над болотом. Птица в это время настораживалась и в беззвучной угрозе распахивала клюв.

Как только последняя полоса стала тканью, мягко замерцав под солнцем, шайнар открыл рот и сказал.

— Ветта, будь так любезна, уведи мадам модистку в дом и проследи,

чтобы нам не мешали.

Я как раз ползала по дорожке, сворачивала полученные куски в рулоны, потому не успела предложить свою помощь, а когда поднялась, Ветты и хозяйки уже не было, а пан Витольд вдруг ткнул рукой в соседнее кресло.

— Сядь.

Не люблю, когда мне приказывают, да еще и совершенно посторонние люди. А у этого пана было лицо человека привыкшего к мгновенному подчинению и исполнению своих приказов. Причем любых приказов.

Но чего скрывать, мне было лестно! Шайнары не обращают на полукровок никакого внимания? Как бы не так! Все мои действия пан посол изучал самым тщательным образом и силу восстановил даже после того, как я создала последний кусок. И еще мне было любопытно.

Я села на обтянутую тканью скамейку, потому что не люблю при посторонних находиться в полулежащем положении, как получилось бы, сядь я в шезлонг.

Быстрым движением шайнар положил ногу на ногу. Птица на мгновение приподнялась и тут же опустилась вниз.

— Панна Ула, ваша способность создавать омниумы меня очень заинтересовала. С сегодняшнего дня три раза в неделю вы будете приезжать в шайнарское исследовательское бюро при посольстве и помогать его руководителю мастеру Армеду в изучении особенностей магии полукровок. Заканчивать будете поздно, но я распоряджусь, чтобы вас отправляли домой на извозчике. Осведомительные бумаги для хозяйки пансиона будут отосланы этим же вечером. Вам все понятно?

На секунду показалось, что я здорово влипла во что-то... вонючее.

— Какие услуги от меня требуются? — не стоит сразу показывать, что от его слов я не в восторге. И потом, что за приказной тон? Нет, так просто я не сдамся.

— Ничего, что могло бы повредить вашему здоровью или репутации, — птица подняла голову и совершенно неожиданно издала короткий резкий клекот. Будто смеялась. — Кроме того, вам будут оплачивать ваше рабочее время, я так понимаю, именно этот вопрос вас интересует больше всего?

Вообще-то не этот, но ладно, пусть думает так.

— Хотелось бы знать более подробно, чем именно мне предстоит заниматься.

— Узнаете на месте. И поверьте, — тут его голос изменился, приобрел тяжесть, — ничего ужасного я от вас не потребую.

— А если я откажусь?

Орел открыл клюв и насторожено растопырил крылья. Резные перья накрыли виски шайнара словно шапка.

— Панна Ула, вы можете принять мое предложение добровольно или я привезу вам приказную грамоту подписанную королем. Вы что предпочитаете? — шайнар спокойно и даже умильно посматривал на меня, будто я ребенок, который еще и ходить толком не умеет, а уже бузит.

Может, он блефует? Стоит прикинуть, что для короля важнее — услуга шайнарскому послу, представителю народа, с которым в данное время с трудом удерживают дружеские отношения или я, полукровка, о существовании которой король даже не подозревает? Хм, ответ очевиден. Но так просто согласиться? Согласиться на что?

— Я обязана хранить это в тайне?

Странно, но его последующий смех меня расслабил.

— Право, панна Ула, вы будто шпионских книжек начитались. Рассказывайте кому угодно, я предлагаю вам работу. Будете оказывать пану Армеду помощь в исследованиях и ничего больше.

Тут он встал, кивнул еле видно, но даже такое простое действие выглядело как отрывок тщательно отрепетированного движения.

— После работы вас будет ждать экипаж. В посольстве встречу вас лично и познакомлю с мастером. После мы с вами видеться практически не будем. Юные девушки часто подвержены глупым страхам и фантазиям, я надеюсь, вы умнее и не станете делать поспешных выводов до тех пор, пока не убедитесь, что вам действительно предлагают просто работу. Причем о-очень хорошо оплачиваемую. Думаю, вы можете оставить салон прямо сейчас, потому что не будете нуждаться в копейках, которые вам тут платят. Всего доброго.

Ткань все-таки нужно поднять с земли, пока не испачкалась и не отсырела. Чем я без промедления занялась.

Получается, что первый встреченный в моей жизни шайнар оказался вполне нормальным, хотя разговаривать не умеет, а умеет просто приказывать. Вероятно, положение обязывает. С другой стороны, он прав. Зачем пугать себя, если еще неизвестно, стоит ли бояться? Дополнительная работа... Хорошая оплата. Если все так, как он говорит, мне скорее повезло, чем нет.

...Домой я вернулась к полуночи. Упала на кровать и заснула. Почти. Потому что в дверь тут же усилено заколотили.

Злата, конечно.

— Ну наконец-то! — выдохнула она. — Немедленно говори, где

пропадала? Вечером прибыл посыльный со свитком из шайнарского посольства, стали болтать, что шайнары забирают тебя к себе. Что твои родственники нашлись. Какой-то высокопоставленный род, чуть ли не второй после королевского. Правда?

Против воли я рассмеялась. Конечно в таком скучном месте, как пансион любая новость приукрашивается, чтобы смотрелась интереснее, чем есть на самом деле.

— Ну что ты веришь всяким сказкам. Мне просто предложили работу, — сквозь смех уверила я Злату.

По дороге домой я уже подумывала, что из салона действительно стоит уволиться. Совмещать обе работы будет тяжело, а мастер Армед, бодрый сухонький старичок, к которому меня привел пан Витольд, нуждался в моих услугах только в вечернее время.

Вообще все сказанное шайнаром оказалось правдой. Он встретил меня по приезду, отвел в левую круглую башню, пристроенную к основному зданию посольства, познакомил с обитающим там ученым, назвал сумму, которую я буду получать за работу и пользуясь тем, что я не могла от удивления ответить, моментально скрылся за дверью.

— Панна Ула, будьте так любезны, закройте рот, — тонким голосом заявил Армед, но грубо не прозвучало. Скорее умильно. — Берите этот список и идите за мной.

Через полчаса, проведенных в пыльной полутемной библиотеке заставленной стендами до самого потолка, я получила стопку книг, которые мне было приказано изучить на досуге. Вроде там содержалась теория по шайнарской классической магии, хотя ничего подобного я в них так и не нашла. Но просмотрела, чтобы не расстраивать мастера. Ведь надо как-то отрабатывать отплату!

Работа оказалась вполне предсказуемой — помощь ученому в вечернее время, когда его остальные ученики отдыхали. Проведение опытов связанных с шайнарской магией полукровок, которую он изучал в числе других занятий.

Для начала мастер заявил, что я должна научиться делать... камни. Из воды, снега, вишневого варенья и даже из настойки против похмелья. То бишь из любой имеющейся в наличии жидкости.

— Да-да, именно камни, — отрезал он на мой удивленный вопрос, правильно ли я расслышала? Ну, я и решила — пусть учит. Это даже любопытно.

Через неделю я ушла из салона мадам Розы.

Вторая неделя тоже прошла быстро — я привыкала к новому графику,

вернее, пыталась сильно не облениться — ведь появилась возможность валяться в кровати до обеда и полночи ничего не делать.

На работе моя помощь мастеру заключалась в основном в выискивании на страницах толстенных талмудов нужных ему рецептов и описаний свойств веществ, а также приготовлении простеньких растворов, травяных смесей и мытье пробирок. Иногда я создавала омниумы, которые выходили великолепно, кроме тех единственных камней, что от меня требовались. Из воды делать ничего не получалось и я вообще сомневалась, что это возможно.

В выходные Злата потащила меня прогуляться по улице. Я почему-то думала, она захочет пройтись ближе к посольству, чтобы увидеть башню, где я работаю, но маршрут был выбран совершенно противоположный. Мы шли долго, пока не оказались на улицах района, в котором проживали приличные, но не очень состоятельные люди. Здесь было спокойно и вполне позволительно гулять барышням вроде нас, но все равно странно, чего Злата забыла в подобном месте?

Итак, дойдя до угла, где улица пересекалась с другой, уже даже не замощенной, Злата развернулась и отправилась по тротуару обратно.

Вот тогда-то я и увидела этот домик. Невысокий свежеекрашенный забор и неубранный двор, по которому разбросаны пустые клетки, кормушки для животных разного размера, сваленные кучей мусорные мешки.

Во дворе безуспешно пытался сложить горкой пустые ящики хмурый молодой человек со светлыми всклокоченными волосами.

В этот раз он нас заметил. Еще бы, Злата так прижимала меня к забору, что я чуть платье не порвала!

— Панна Злата? — удивлено спросил сам себя юноша, а после перестал поддерживать ящики, отчего те с грохотом осыпались на землю.

— Пан Марек? — изумлено вскричала Злата, будто действительно сильно удивилась его появлению. — Какая удача, что я вас тут совершенно случайно встретила! Как там дела в псарне Загорецкого торговца? Все налаживается?

— Благодарю, все в порядке. Ваш мастер просто кудесник! — дерганым голосом говорил молодой человек. — Передавайте ему мою огромную благодарность!

— Обязательно! — горячо заверила Злата, нежно улыбаясь, но он уже рассеяно осмотрел двор, покраснел, пробурчал что-то малопонятное и бочком поспешил отойти от забора подальше.

Меня крепко схватили за локоть и потащили прочь. На углу Злата меня

отпустила и принялась махать рукой, чтобы подозвать извозчика.

— Видела? — сквозь зубы говорила. — Он на меня и не смотрит! Я для него пустое место! Хам! Грубиян! Невежа!

Я постаралась не смеяться, а то бы и мне досталось. Хорошо, что пышущую праведным гневом Злату мало что может отвлечь.

Всю дорогу до пансионата Злата смотрела в сторону, скрестив руки на груди и немилосердно ругалась придушенным голосом. Оставила извозчику две монеты без сдачи (а это для рачительной Златы просто подвиг) и бросилась в здание. Добежала как ветер до своей комнаты, где сходу упала лицом вниз на кровать и всхлипнула.

Я прикрыла дверь, потому что точно знала — сейчас Злате нужно выговориться, даже если она изо всех сил делает вид, что этого не желает.

— И что я пропустила? — нейтральным тоном поинтересовалась.

Больше ничего делать не пришлось. Через несколько минут история была как на ладони. В начале недели к ветеринару, у которого работала Злата, пришел за помощью его коллега пан Марек. Его пригласили выяснить, что случилось с двумя оценившимися суками редкой породы, которые отказывались кормить потомство и есть сами, что грозило их гибелью, то есть большими убытками. Сам разобраться молодой ветеринар не смог, так что попросил помощи у более опытного.

Злата, естественно, отправилась на псарню вместе с ними. Ее хозяин действительно был неплохим ветеринаром, но с появлением помощницы практически перестал ставить диагноз самостоятельно, все равно она делала это быстрее и точнее, так что без Златы подобные визиты не обходились.

— И он не обратил на меня ни малейшего внимания! — возмущалась Злата. — Хотя я практически сразу установила, что собаки больны редкой болезнью, обезвоживающей организм! Даже не взглянул лишний раз, не говоря уже о приглашении куда-нибудь! Я настолько невзрачна, что он мной не заинтересовался, — на этом месте она горько всхлипнула, потому что когда прибедняешься, всегда положено рыдать, тем самым вызывая у слушателей дополнительную жалость.

— Может, у него уже есть любимая девушка? — осторожно спросила я. Знаю, тяжело такое слышать, но когда нет шансов, лучше смириться сразу и не тешиться напрасными надеждами.

— Нету, — тоскливо сообщила Злата. — Мне хозяин сказал. Когда мы вернулись, сели чай пить, засмеялся и сказал. Так и знал, говорит, что ты у меня надолго не удержишься. Ну ничего, я буду только рад, если ты найдешь себе достойного спутника жизни. А замужество с человеком такой

профессии, как я и пан Марек тебе очень подойдет, обзаведетесь семейным делом.

— Твой хозяин так сказал? — изумилась я. У Златы был отличный хозяин, о таком можно только мечтать! Даже лучше моего безобидного и не вредного мастера Армеда. Если он намекнул на возможность брака, то знает нечто, чего не знаем мы.

Нужно вспомнить и взглянуть на происшедшее еще разок. Когда Марек увидел Злату, он обрадовался, совершенно точно. Но потом смутился и сбежал. И так мило краснел...

— Злата, я схожу за печеньем. А ты пока успокойся, — сообщила я, поднимаясь с кровати.

— Ты оставишь меня в такой момент? — она и плакать перестала от удивления. — Когда мне крайне необходима дружеская поддержка и утешение?

— С покрытым шоколадом ореховым печеньем утешить тебя будет куда легче!

Пусть лучше на меня злиться, чем на ни в чем не виновного молодого человека. Мне-то она ничего не сделает, а вот ему... Глупостей наделать может множество.

Перед тем как отправиться в магазин, я зашла к мадам Анке и попросила включить в список приглашенных на танцы, которые состоятся в пансионе через неделю некоего пана Марека, адрес, к счастью я запомнила. Пара вопросов и как только выяснилось, что он не женат и обладает достаточными средствами, чтобы содержать семью, как согласие было получено. Обязанность пристроить пансионерок получше, как известно, для мадам Анки задача первостепенная.

Тем вечером после чая и примирения со Златой, ложась спать, я вдруг поняла, что Янош опять не приехал. И что я его жду. Правда жду, две недели прошло и неизвестно, сколько еще пройдет. Но ждать уже сложно.

Получается, он все-таки занял в моей жизни свое место. Свое?.. А чье еще? Раньше ни разу не выходило представить человека, с которым мне бы хотелось жить, а тут даже представлять не пришлось. Он просто теперь на своем месте, рядом. Это произошло так быстро, что я даже не заметила! А ведь всегда твердо была убеждена — не существует любви с первого взгляда. Ну вот, я уже говорю и о...

Было грустно. А что, если приходил он вовсе не из-за меня? Что же тогда делать?

Неделя перед танцами прошла кое-как. Злата ходила расстроенная и несчастная из-за Марека, который появлялся у них еще раз, долго

благодарил, принес жестяную коробку конфет, но от чая отказался и сразу ушел.

— Даже не сказал, идет ли мне новая прическа. Наглец! — раздражено сообщила Злата.

По мне, так он просто не решался ее куда-нибудь пригласить, слишком уж неуверенно вел себя тогда, во дворе. Но конечно говорить что-нибудь подобное Злате совершенно бесполезно, все знают, что человек умен и наблюдателен только в тех случаях, когда дело не касается его лично. Как бы не была умна Злата, в этом случае она походила на слепого котенка.

А я просто тосковала. Так странно, не ожидала от себя. Как можно тосковать по человеку, которого практически не знаешь? Хотя, разве я так уж мало знаю? Он спас меня от рабства. И оградил от неприятно-неприличного предложения. А стоило вспомнить его слова: «Подумай над этим», как несколько последующих минут пропадали в раздумьях, которые, конечно же, ни к чему конкретному привести не могли.

А еще этот танцевальный вечер! Не идти нельзя, пока я живу в пансионе, некоторых правил придется придерживаться независимо от желания, иначе твоя жизнь превратится в пытку. Кроме личного давления мадам Анка способна пожаловаться в опекающий пансионерок попечительский совет и меня лишат поддержки. Может, по деньгам я уже обойдусь и без помощи, с новой работой даже точно обойдусь, но я привыкла жить здесь. И Злата...

Гостей мы встречали ранним вечером, выстроившись шеренгой у стены. Мадам Анка приветствовала каждого молодого человека горячо и радостно, будто родного сына и приглашала пройти в гостиную. Бальный зал прямо за гостиной, обычно закрытый, теперь распахнул двери и сверкал чистотой вперемешку с живыми цветочными гирляндами.

Конечно, все пришедшие были весьма уважаемы и симпатичны. Но мне было безразлично даже больше, чем бывало обычно.

В голове царил Янош. Полно и безраздельно.

Но так нельзя! А как?..

Потом в дверях показался пан Марек и за руку судорожно ухватила Злата. Молодец, ветеринар, не сплеховал. Хоть и мнетя неуверенно, но ведь пришел!

— Не может быть... Что он тут делает? — изумленно спрашивала подруга, сжимая руку все крепче.

— Пойди и спроси, — огрызнулась я.

Расчет оказался верным — обидевшись на грубый тон, Злата демонстративно отодвинулась от меня, смерила негодующим взглядом и,

задрав вверх подбородок, твердым шагом пошла на захват крепости по имени пан Марек.

Я глазам свои не поверила — крепость сдалась всего минут за пять, по происшествию которых они рука в руке чинно восседали у одного из небольших столиков у стены и рассматривали альбом с рисунками. Ну вот, и стоило столько времени ходить кругами?

Чтобы особо не выделяться, я поболтала с каким-то служащим банка, таким чопорным и строгим, будто он пришел нам всем здесь выдать низкопроцентную ссуду под свою личную ответственность. Получила два благосклонных взгляда от мадам Анки. Ну, можно считать выполнила все свои обязанности по знакомству с потенциальными женихами.

В эту минуту Злата поймала мой взгляд и делая непонятные знаки бровями, подскочила на ноги. Похоже, уже совсем не злиться. Я кивнула в сторону коридора и Злата бросилась ко мне и сразу зашептала.

— Ула, посиди пока с ним. Я поднимусь в комнату за альбомом с моими рисунками, — быстро просила, подталкивая меня по направлению к столику. — А то кто-нибудь пристанет и все! Он такой сейчас мягкий...

Как отказать? Я согласилась, не мешкая, отправилась к оставленному в одиночестве ветеринару и уселась на стул рядом с ним.

— Пан Марек, — я его плохо, конечно, в прошлый раз разглядела, но даже на первый взгляд сегодня он выглядит куда спокойнее. — Меня зовут Ула, помните, мы встречались однажды у вашего дома?

— Да, конечно, — быстро подхватил он. — Вы подруга Златы. Прошу прощения за тот раз, я растерялся и не пригласил вас на минутку зайти и передохнуть, но я был дома совершенно один, без ключницы. Я не мог... я...

— Боялись нас скомпрометировать, — подсказала я. Какой милый, однако, парень. Я Злату даже понимаю, честное слово. Такой правдивый, взволнованный взгляд. Невозможно не улыбнуться.

— Ну, да.

— Злата рассказывала, что вы встречались по работе.

Не помешает его немного разговорить, чтобы к возвращению подруги он был еще больше настроен на общение.

— Да, но вам наверняка будет неинтересно.

— Я очень люблю слушать истории, в которых участвует Злата, — наклонившись ближе, заговорщицки шепнула я. — Так что если вам нетрудно...

— Да, конечно, — он почти начал рассказ, но потом посмотрел мне за спину и нахмурился. — Только сначала... Не хочу вас пугать, но мне

кажется, этот человек как-то странно на нас смотрит. Может мне стоит пойти и выяснить, в чем дело? Он не сводит с вас глаз с тех самых пор, как вы ко мне подошли.

— Какой? — я уже оборачивалась.

Янош стоял на пороге и смотрел действительно очень пристально. То на меня, то на Марека.

Кажется, Злата о чем-то меня просила... И я даже обещала ей помочь.

— Янош! — я забыла обо всем, но к счастью опомнилась раньше, чем бросилась ему на шею. Это было так необычно, мне жутко хотелось подбежать и крепко его обнять, для пансионерки подобное желание — это нечто из разряда невероятного.

— Все хорошо? — он смотрел насторожено, почему-то в основном на Марека. А вот и Злата! Несет свой альбом, а рисует она, кстати, весьма прилично. Даже не заметила, что меня нет, садится и обращается к ветеринару. Прямо вся светиться, какая она сейчас красивая! Я вернулась к магу.

— Янош... Почему ты молчишь?

Странно, что никто не заметил, как быстро я сюда прибежала. Народу много, повезло. Мне нельзя, нельзя так явно и несдержанно показывать свою радость. Это неприлично!

Ах, какие у него глаза! Я почти забыла, что они способны со мной сделать. Так же нельзя...

На одно короткое мгновение он еще раз бросить взгляд за спину, а потом уже весь целиком вернулся ко мне.

— Вижу, надолго тебя оставлять нельзя. Знаешь, Ула, пошли, пройдемся.

Он взял меня за руку. Вот так просто, при куче свидетелей взял и повел за собой. Хорошо, народу много, толпа стоит плотной стеной, если поспешить, можно сделать вид, будто я иду к нему так близко просто чтобы не потеряться в толпе.

Он вытянул меня на крыльцо, а потом повернул за угол, в небольшой сад при пансионе. Прямо в беседку под фонарем, который хотя и стоял на улице, но умудрялся светить прямо на беседку и невысокий, увитый плющом забор. Маг затащил меня внутрь и развернулся, перегораживая выход.

— Янош... Ты так и не сказал. Все в порядке?

— Да. Не волнуйся.

— А когда ты приехал? Как тут оказался? В такой день? Сегодня же вечер танцев...

— Да, я знаю. Я пришел, потому что должен тебе кое-что сказать.

Он на секунду замялся. Потом схватил мои руки и крепко сжал.

— Ула, — резко выдохнул. И снова на секунду замолчал. Почему он так волнуется? Внутри вдруг стало холодно от ожидания чего-то огромного и сокрушительного.

Он поднял глаза и вдруг полностью успокоился. И заговорил так серьезно, как никогда раньше.

— Я не богат, Ула. И маг не самый лучший. В данный момент я мало что могу тебе предложить. Но у меня хорошая работа и прекрасное будущее. Когда-нибудь будет все, я обещаю...

Пока он говорил, по его губам скользил бледный фонарный свет.

Не может быть. Этого не может быть! Я ушам своим не верила.

— Клянусь, я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Ты... ты выйдешь за меня замуж?

Это просто сон, да? Не бывает же, чтобы так просто... вот так просто появился единственный нужный тебе человек и сделал одно-единственное нужное предложение из всех возможных ненужных?

Получается, он действительно приходил ко мне? Именно ко мне?

— Ула...

Что случилось? Почему он вдруг перестал улыбаться? Невероятно, мне хочется сейчас... хочется просто его обнять. Обнять так крепко, чтобы навсегда запомнить это ощущение присутствия рядом кого-то чрезвычайно важного.

— Ула, я очень тебя люблю. Даже сам еще толком не представляю, насколько. Не могу объяснить. Я помнил, конечно, тебя эти два года, но не искал. И в голову не приходило. А потом встретил тебя тогда, у здания, и даже не сразу узнал. А когда узнал... когда представил, что ты сейчас туда войдешь! Что тебе... тебе предложат эту мерзость. Что ты можешь согласиться! Это было просто ужасно. И сейчас, когда увидел с этим... молодым человеком. Словно темнее вокруг стало.

А я ведь не ответила! Янош смотрел все настойчивее, и вдруг перестал сжимать мои пальцы. Столько времени претендующие на наличие женской мудрости преподавательницы нас учили, что подобные предложения ни в коем случае нельзя принимать сразу? Что следует сначала взять время на раздумья, чтобы жених понял — ты не из тех, кто готов выскочить замуж за первого встречного, что тебя нужно ценить и всегда помнить, что ты могла и отказать.

— Да, — сказала я, как только смогла говорить. — Да, Янош! Я обязательно выйду за тебя замуж!

Разве можно отказать его глазам? Если он будет смотреть на меня так каждый день, я уже сама себе завидую.

Теперь Янош держал мои руки на вполне законных основаниях. Но обнимать его все равно нельзя. Очень жаль. И ничего больше пока нельзя.

Потому что наверняка кто-то видит... я посмотрела через его плечо в сад. И заметила прозрачную расплывчатую марь, покрывающую беседку куполом. Она блестела разноцветными разводами, как мыльная поверхность воды.

Это что? Янош улыбнулся, проследив за моим взглядом.

— Звуковой купол, накрыл, чтобы нам не мешали.

— Но его же видно издалека! И он прозрачный.

— Ну и что, — пожал Янош плечами. — Я не собирался скрываться. Мы сообщим о наших планах сейчас же! Тогда ты точно не сможешь передумать.

— Я и без этого не передумую. Только, Янош... а тебе не рано жениться?

Он слегка нахмурился.

— Какая разница, когда жениться, если собираешься прожить с этим человеком всю жизнь? Тем более, мы сможем пожениться не раньше весны.

— Знаю, — это в лучшем случае... В худшем свадьбу могут откладывать хоть всю жизнь.

— Ну, пошли, — улыбается Янош, не отпуская моей руки. От этого так тепло, что кажется, я способна согреть весь мир целиком.

Купол лопнул с нежным хрустальным звоном, как огромный мыльный пузырь и в беседку ворвалось множество звуков, я даже не думала, что пока мы говорили, внутри было настолько тихо. Даже не заметила!

В саду нас дожидалось немало народу. Большинство делало вид, что вышли просто подышать свежим воздухом, хотя наверняка вышли полюбоваться на купол — нечасто маги в обыденной жизни вытворяют нечто зрелищное на потеху людям. Так что вместо планируемого эффекта остаться в одиночестве Янош добился совершенно противоположного — все окружающие были в курсе, что мы беседовали и хотя слышать разговор не могли, зато прекрасно могли наблюдать за действием.

А вот и мадам Анка, по лицу которой ходят противоречивые волны. Она пока не решила, кричать или не кричать, ведь толком неизвестно, что случилось. А никто из пансионеров без веской причины не мог обнаглеть настолько, чтобы демонстративно прижиматься к плечу постороннего молодого человека.

— Это то, о чем мы все думаем? — с сомнительной любезностью

выговорила мадам.

А вот и Злата... За ней маячит серьезный пан Марек, который осматривает Яноша с большим любопытством и некоторым подозрением. Вероятно, раздумывает, не требуется ли мне помощь в общении с не совсем адекватным поклонником.

Злата внимательно смотрела на нас, спокойно и слегка удивленно. На секунду ее глаза расширились.

— Да, — ответила я ей. Кто мне мадам Анка? Просто посторонняя женщина, благосостояние которой зависит от нашего удачного замужества.

— Да, — сказала я Злате, — я приняла его предложение.

Как только фонтан поздравлений иссяк, а Злата снова переключила внимание на пана Марека (кстати, взаимно), я потащила Яноша за собой и остановилась напротив мадам Анки, которая от умиления стояла столбом и все еще не могла сдвинуться с места. Она была мной довольна, надо же, прожила в пансионе всего-то без году неделю, а уже нашла себе жениха! Если так пойдут дела, не избежать мадам Анке королевского денежного поощрения!

— Я хочу показать Яношу свою комнату, — широко улыбаясь, сообщила я ей.

По привычке она хотела отказать, уже открыла рот и нравоучительно поняла палец, но нет, как же сейчас отказать тем, кто задал на первом в сезоне танцевальном вечере такую полезную традицию соединять свои жизни, способствую процветанию пансиона и лично мадам? Первая образованная пара нынешнего сезона — знак свыше, практически любимчики небес, желания которых никак нельзя игнорировать!

— Не забывайте, что через несколько минут начнутся танцы, — сквозь болезненную улыбку убийственно вежливо заявила мадам.

Конечно, никакого сомнения, если мы задержимся хотя бы на одну лишнюю секунду, мадам тут же вспомнит о долге и явится напоминать о существовании приличий, которые запрещают нам оставаться наедине. Мы должны постоянно находиться на глазах у старших.

Но в моих планах и не было ничего предосудительного.

Пока я вела Яноша к себе, он улыбался удивленно и немного растеряно.

Дверь открылась, в этой крошечной типовой комнате пансиона было мало от меня самой. Одежда в гардеробе, какие-то обычные для девушки мелочи на столе. На стене — небольшой, написанный Златой пейзаж в простой деревянной рамке. Разве что несколько особо любимых омниумов в низкой вазочке да на подоконнике одна из книг, выданных мастером Армедом.

— Ты тут живешь? — задал не очень логичный вопрос Янош, шагая вперед и с любопытством осматриваясь. Я закрыла дверь, оперлась на нее спиной и дала ему ровно минуту. Только бы не проснуться и не увидеть, что все произошедшее этим вечером было обычным сном. Пусть даже самым прекрасным сном из всех возможных.

Янош с улыбкой оглянулся, но мне сейчас было не до улыбок. Никогда раньше в моей комнате не было настолько тепло и уютно, как в этот момент.

— Поцелуй меня...

Мне было необходимо убедиться, что это не сон. Что он теперь правда мой. Даже не могу объяснить, насколько важно! Как говорят, вопрос жизни и смерти.

Янош шагнул ко мне и теперь стоял прямо напротив, наклонившись очень близко. Перед носом оказалась серебристая пуговица синего форменного камзола, который ему безумно шел. Едва различимый запах незнакомого мужского одеколора. В эту же секунду я по уши влюбилась в этот запах и даже при желании не смогла бы его забыть. Янош дышал так близко от моих волос, что по коже бегали мурашки.

— Поцелуй.

Надеюсь, мне не придется упрашивать его слишком долго? Может и не принято так сразу, но...

Уговаривать не пришлось. Однажды меня поцеловал соседский мальчишка, прикоснулся к губам и потом долго краснел и смотрел себе под ноги.

Но этот поцелуй совсем не походил на тот. Он был мягким и еле ощутимым, легким и дразнящим, как щекотка птичьим перышком. А потом сразу напористым и крепким, я даже момента перехода не заметила. И это так здорово! И не заметила, когда успела обнять его крепко-крепко, как хотелось с самой первой минуты, как только увидела его стоящим на пороге гостиной.

Этот вечер был чистой правдой...

Мадам все-таки пришлось за нами подняться и крикнуть из-за двери, что нас немедленно ждут внизу, потому что танцы уже начались. К счастью, она тут же удалилась и не стала поджидать нашего триумфального возвращения прямо в коридоре.

Тянуть время мы не стали и сразу отправились вниз. То, что ей пришлось призывать меня к приличиям, мадам наверняка вскоре припомнит. Ну и ладно! Но зато теперь, спускаясь рядом с Яношем по лестнице в гостиную, я совершенно точно знала, что он мне не снится. И что я самая счастливая на свете невеста.

Будни наступили совершенно неожиданно и тянулись невыносимо долго! Увидеться в следующий раз нам удалось только на выходных, потому что с тех пор, как я уволилась из салона мадам Розы, работать на мастера Армеда начала каждый вечер.

В первый же выходной Янош пригласил меня в гости и я, конечно же, согласилась. Было жутко любопытно, где и как он живет.

У него оказалось целых две комнаты в доме, который принадлежала другу его отца, пану Гектору. Тому самому мужчине, который сидел в карете тем злополучным вечером, когда дядя изволил пристроить мое будущее в хорошие руки. Хм, если подумать, это действительно ему удалось! Жаль, поблагодарить не получится, дядино имущество тогда конфисковали, а его самого выслали за пределы центральной части королевства, в менее цивилизованные места. Там процветает рабство. Скорее всего, дядя уже ощутил все его прелести на собственной шкуре.

Пан Гектор и выступил нашим компаньоном, потому что понятное дело наедине без присмотра мы остаться не могли.

За полчаса с момента начала чаепития я узнала о Яноше больше, чем за все время нашего знакомства.

Сирота, как и я. Ему было четырнадцать, когда его родители направлялись в гости к родственникам и погибли по дороге. Никто не знает, что произошло, мертвыми нашли всех участников обоза, к которому они пристали по пути в нужный город. Мама Яноша была обычной женщиной и только отец — магом, и перед смертью он успел опустошить весь свой силовой резерв. Служба поиска тогда долго пыталась обнаружить следы напавших на обоз убийц, которые даже не притронулись к перевозимому торговцами товару, но так ничего и не нашли. Дело тянули, пока не закрыли по сроку давности.

Кроме того, после смерти выяснилось, что перед отъездом все их имущество, включая городской дом, было продано какому-то чужестранцу, быстро перепродавшему его дальше и в спешке отбывшему на родину. Янош тогда остался на улице и только вмешательство пана Гектора спасло его от судьбы всех беспризорников, которая заканчивается или в канаве с ножом в животе или на рудниках с кандалами на щиколотках.

В этот момент пан Гектор попал в число самых уважаемым мною в мире людей, причем сразу на верхние позиции, на третье место после Яноша и бабушки.

Янош показал мне семейный портрет, свое самое огромное сокровище, судя по тому, что он с трудом разжал руки, когда мне его протянул.

Счастливая супружеская пара и мальчишка лет пяти, сидящий на коленях отца. Ребенок никаких особых восторгов не вызвал, маленький Янош мало чем отличался от мальчишек, которые толпами носятся по улицам, поднимая пыль до самых крыш. Но как он походил на мать! Такое же лицо... волосы...

Кроме глаз. Глаза были отцовские. От этих двух лиц, спаянных в лице Яноша в нечто целое и завершенное, сложно было оторваться. Через время я поняла, что вокруг совершенно тихо, а потом вдруг пан Гектор встал и вышел из комнаты.

Мы весь вечер провалялись на кровати Яноша. Целовались, наверное, часа два, но больше ничего не было. Честно говоря, я, скорее всего, пошла бы до конца, но он эту идею не поддержал. Остановил меня, стоило только попытаться произнести что-то подобное вслух.

— Не нужно, я подожду, — спокойно перебил. — Не потому, что не хочу. Просто я совершенно точно уверен, что если сейчас воспользуюсь твоей слабостью, потом ты мне этого не простишь.

Я соглашалась. Конечно, он прав и этого делать нельзя, я же пансионерка... Как глупо! За два года школы все таки в меня видимо не удалось вбить правильного в должном для приличной девушки количестве.

Потом, уже перед тем, как настала пора возвращаться домой, зашел разговор и о работе. Пришлось подробно пояснять, почему мы не можем встречаться по вечерам — я занята. С утра — он занят.

Когда Янош услышал, как зовут моего нового нанимателя, то вдруг оцепенел. Просто словно коркой льда покрылся.

— Ты работаешь на Витольда де Акуилу? — глухо переспросил, назвав его имя целиком. Будто так не ясно, что в столице кроме Акуилы не существует никаких других шайнарских послов такого ранга!

— Да. Всегда твердили, что шайнарам полукровки безразличны, а оказывается, неправда. Все это вранье! Пан Витольд нормальный человек, работа интересная, мне нравится. Лучше, чем в салоне.

— Ула, — Янош старательно сверлил мое лицо серьезными глазами. — Не могу не предупредить. Старший шайнарский посол — очень опасный человек. У него жуткая репутация и я бы с удовольствием списал это на слухи, но я ведь работаю в службе внутреннего надзора и могу оперировать не только слухами, а и реальными фактами. Это очень страшный человек, не обладающий ни малейшими моральными принципами. Кроме того, Акуила один из сильнейших шайнарских магов. Королевским магам не удалось установить пределов его возможностей. Он замешан в таких делах, что я даже рассказать тебе не рискну! Мне не нравится, что тебя туда приняли. Вполне возможно у Акуилы возникли какие-то новые планы, для исполнения которых ему требуется шай-парс вроде тебя.

Над подобной новостью стоило задуматься. Что я тут же и сделала. Впрочем, кроме манеры, в которой поступило предложение о работе,

ничего подозрительного в ней не было.

— Янош, но я работаю на мастера Армеда и пана Витольда с первого дня больше ни разу не видела! А мастер — замечательный добрый старик, который ничем, кроме науки не интересуется! Если бы меня пытались куда-то втянуть, были бы хотя бы малейшие признаки, верно? Но я ничего не заметила.

Он покачал головой. С сожалением сказал:

— Ула, наверное, бесполезно просить тебя отсюда уйти?

Снова пришлось подумать. Не об уйти, конечно, а о том, что теперь в моей жизни появился человек, с чьим мнением придется считаться. Как непривычно...

— Янош, я понимаю, ты обо мне волнуешься. Это очень приятно, но ты не можешь контролировать каждую минуту моей жизни. Есть вещи, которые я должна решать сама. Ведь всего неделю назад я была полностью самостоятельной и не думала, что придется с кем-то по этому поводу объясняться. Я, между прочим, взрослый и надеюсь неглупый человек.

— Конечно, — он усмехнулся. — Напомнить кое-какие моменты твоего прошлого?

Ха! Какая прозрачная провокация, даже малый ребенок раскусит!

— Тогда я зависела от дяди и не могла идти против его воли. А сейчас я сама по себе.

Янош вздохнул.

— Я действительно за тебя боюсь.

— Знаешь, давай как сделаем? Я пообещаю, что если случится нечто подозрительное, я сразу отсюда уйду. А пока ты не будешь нервничать сам и меня понапрасну дергать тоже не будешь, договорились?

Пусть неохотно, но он согласился.

Так прошел месяц. Я была счастлива просто до безобразия. Злата, кстати, тоже порхала, будто научилась парить в воздухе, не касаясь земли даже носочками. Теперь она отзывалась о пане Мареке не иначе как «милый», а когда я напоминала Хамов и Нахалов, сильно на меня обижалась, я так и не поняла, за что.

Уже становилось холодней. Листья окрашивались в осенние цвета и отрезок времени до весны, когда мы должны были пожениться, каждым прошедшим днем становился немного меньше.

А потом одним утром город всколыхнулся от новости о произошедшей на шайнарской границе бойне. О ночном происшествии в протоке Золотых Лотосов, территория вокруг которой издавна считалась спорной. Но вот шайнары начали там строительство домов для отдыха, а живущие

неподалеку люди, возмущенные «захватом» принадлежащих им земель собрались, пошли и разгромили все, что смогли разгромить. Остальное сожгли. Всех шайнаров, кто сопротивлялся, в пылу разборок убили. Всего около тридцати жизней, большая часть которых были просто нанятыми на работу строителями. Шайнарская сторона мгновенно перешла к силовым методам и на следующий же день организованное войско вырезало часть жителей окрестных поселений. А так как по лицу не разберешь, участвовал житель в погроме или мирно спал дома, то вырезали всех, кто потенциально мог там присутствовать.

Итого больше двух тысяч погибших с двух сторон.

Все это я узнала от мадам Анки, когда спустилась к завтраку. В доме больше никого не было — все остальные пансионерки давно разошлись на работу, а прислуга сидела на кухне. И слушая эту историю, которая, скорее всего, выльется в полномасштабную войну, потому что мир итак держался на одном только честном слове, я уже боялась будущего. Не знаю, как сказать, но меня преследовало странная уверенность, что этой ночью, скрипя и подрагивая, звезды меняли свое местоположение. Определяли новый порядок построения, основанный на чем-то, неизвестном даже им самим. Перестраивались, тянули за собой нитки наших судеб.

И некоторые натянули до предела.

Я вернулась в комнату, пытаюсь понять, что будет дальше с работой и посольством в целом. Мастер Армед чистокровный человек, на хорошем счету у короля, поэтому его, так или иначе, без покровительства не оставят. А мне что делать? Станет ли он забирать меня с собой? И вообще, еще неизвестно, что будет с посольством.

И неужели начнется война?!

Когда к обеду в дверь постучали и в комнату вошел Янош, мне хватило всего одного короткого взгляда на его непривычно серьезное лицо. Я с размаху уселась на кровать, потому что ноги не держали. И не ошиблась.

— Я уезжаю на рассвете.

Почему не получалось ничего сказать? Я будто онемела. Как я вообще могла думать о работе и не подумать... что магов вместе с воинами отправят на границу, и наверняка будут выбраны далеко не самые высокопоставленные маги. Что у него не будет ни малейшей возможности отказаться?

Он так и стоял на пороге, будто боялся подойти.

— Королевский совет надеется, все обойдется малой кровью и удастся избежать большой войны. Но в любом случае, ты помни — я вернусь весной и свадьбы тебе избежать все равно не удастся...

И двигаться не получалось, будто все мышцы превратились в непослушный кисель. Хорошо, что он все-таки подошел. Я упиралась лбом в его плечо и думала, что вот оно... новый рисунок звезд. Безжалостных, холодных пустышек, от которых каким-то совершенно непостижимым образом зависят наши судьбы.

Все произошло как-то очень быстро. На работу я в тот вечер не пошла, но Янош был занят сборами и забежал перед сном только на минутку. На предложение провожать его завтрашним утром ответил категорическим отказом.

— Мне и так довольно сложно уходить. А если ты будешь стоять там и смотреть такими глазами, я и вовсе не смогу.

Суя по тому, что ему пришлось убирать от себя мои руки практически силой, он был прав, в таком состоянии я могла только помешать, но никак не поддержать.

Эта была очень страшная ночь... Тогда я думала, что страшнее быть просто не может.

Я сильно ошибалась.

Вечером того дня, когда Янош с королевским войском отбыл на границу, у нас с мастером Армедом состоялся серьезный разговор. Что будет с ним и со мной? Насколько посольство нуждается в моих услугах во время, когда пограничный конфликт вот-вот перерастет в полномасштабную войну? Чем нам это грозит?

Он внимательно выслушал мои пространные вопросы, а потом долго молчал, поглядывая на меня чуть ли не с отеческой нежностью. Нехотя пояснил, как нынче обстоят дела:

— Ула, в данный момент вы не можете уйти с работы. Официально войны не существует, поэтому в положении посольства и работающих тут лиц ничего не изменится. До тех пор пока все будет продолжаться как раньше, наши с вами персоны ни у кого не вызовут ни малейшего интереса. А вот если вы поспешите уйти, могут начаться неприятности. Ваш уход могут воспринять как бегство, связать с происшедшим, ведь пусть неофициально, но военные действия идут. Вы попадете под подозрение и поверьте, вам это вряд ли пойдет на пользу. Послушайте старика, сделайте вид, что вокруг ничего не изменилось.

Про войну я вообще не могла слышать!

И конечно же, я послушалась. Не знаю, как Акуила, а мой мастер никак не мог быть злодеем — за все время совместной работы он даже голос на меня ни разу не повысил, хотя временами признаюсь, было за что.

Текли обычные дни, пустые и страшные. В начале каждой недели на

воротах ратуши вывешивали списки погибших. Магов в их числе практически не было, но все равно каждый раз я шла туда, как на собственную казнь. И не найдя знакомого имени сидела потом на лавке у площади, потому что просто не хватало сил встать и уйти.

На работе царила атмосфера сильнейшего напряжения, исследования мастера больше никого не интересовали, зато и нас никто не трогал — сидели себе тихо в башне и не высовывались.

Я знала, что в посольстве был составлен и направлен ко двору перечень требований, в случае исполнения которых шайнарская сторона была согласна забыть конфликт и вернуться к относительному миру. Ответа пока не последовало, поговаривали, будто в списке имеется некое условие, которое поставило королевский совет в тупик. Правда это или нет, а если правда то в чем именно оно заключается я, естественно, не знала.

Только со Златой становилось легче. Она, человек практически нетерпимый, вдруг повернулась совсем незнакомой мне стороной — такой покладистой, заботливой и мягкой Златы я раньше ни разу не видела. Она закармливала меня конфетами, веселила городскими байками и почти не упоминала о пане Мареке, чтобы не травить душу своим незамутненным счастьем.

Через месяц от Яноша пришло письмо, в котором он много раз подряд повторил, что у него все просто чудесно и поездка вообще чуть ли не развлекательная, так что беспокоиться о нем совершенно не стоит!

Если бы это было так просто...

Но так или иначе, все шло своим чередом.

Однажды мы с мастером увлеклись каким-то длительным экспериментом, а когда получили результат, оказалось что времени уже под утро. Мастер категорически отказался отпускать меня домой и оставил ночевать в одной из комнат своей квартиры, которая находилась над лабораториями наверху башни.

Получив плед, я улеглась на узкий, покрытый старой вытертой тканью диван.

Несмотря на усталость, спала я последнее время очень плохо. Когда раздался непривычный звук, напоминающий птичий крик, подскочила и не сразу догадалась, откуда он идет.

Потом крик повторился. Я на цыпочках отправилась к окну и выглянула на улицу. Довольно близко к башне находилась украшенная по краю изогнутым черепичным узором покатая крыша основного здания посольства, напоминающая опрокинутый вниз колокольчик. И сейчас на ее краю стоял высокий полуголый человек. Блеклая рассветная серость

служила фоном широкой белой спине, раскинутым в стороны рукам и запрокинутой к небу голове.

Потом он резко дернулся, покачнулся, но устоял на ногах, а по спине, словно опустившись из свободного полета в воздухе, пронеслось изображение птицы. Огромная, она полностью закрывала спину крыльями, которые спустя несколько секунд нехотя сложились.

Конечно же, это был Акуила. Вряд ли здесь поблизости найдется множество других шайнаров с похожим рисунком.

А еще я поняла, что его птица каким-то образом умеет летать в небе. И кто знает, может в это время посол видит то, что видит она? Вряд ли эта новость входит в число секретов, которыми Акуила намерен делиться. Но не было никаких сомнений в происходящем — сегодня он выпустил свою птицу размяться, а сейчас она вернулась обратно.

Это было совершенно непонятно и, наверное, вообще очень сложно, потому я просто закуталась покрепче в плед и вернулась на диван. Если это не сон, подумаю о происшедшем на свежую голову с утра пораньше.

Поспать все равно не удалось, мастер спустился, как только поднялось солнце, разбудил меня и отправил домой, так как вскоре должны были подойти его ученики и ясное дело появление в разгар рабочего дня из его комнат сонной незнакомой девицы не то зрелище, которое стоит видеть болтливым юношам.

Вернувшись в пансион, я еще спала, совсем недолго, а когда, наконец совершенно проснулась, поняла, что об увиденном ночью распространяться не стоит. Даже мастеру.

К концу весны, когда с начала войны прошло уже больше семи месяцев, так же неожиданно, как и в прошлый раз по городу разлетелась новость, что конфликт улажен и стороны готовы пойти на какие-то многочисленные взаимные уступки, только чтобы ко всеобщей радости сохранили мир.

От этого известия я практически летала. Даже не верилось, что семь месяцев страха и беспрерывного ожидания могут закончиться так просто! Хорошо, что все это время обе стороны всего лишь передвигались вдоль границы, делая небольшие вылазки на территорию противника, захватывали мелкие города и деревни, но вглубь не совались.

И теперь все закончилось! Значит, скоро вернется Янош и можно не ходить к ратуше, одна мысль о которой вызывает желание завывать! Теперь ему ничего не грозит! А когда он вернется...

Нет, о том времени я точно думать не стану!

Примерно через десять дней в столицу вернулась первая часть войск.

Ходили слухи, что часть военных задержится на границе еще на пару недель, чтобы не оставлять местных жителей без присмотра и заодно убедиться в мирных намерениях шайнарской стороны. Вполне вероятно часть магов тоже вошли в их число.

Ожидание изводило хуже липких ночных кошмаров, но я поклялась терпеливо ждать еще целую неделю и только тогда терять голову и идти к Яношу на работу за новостями. Других способов получить информацию я не знала, а мой единственный источник сведений пан Гектор пару месяцев назад отбыл из города по делам и до сих пор не вернулся.

Я с трудом заставляла себя думать о чем-то другом. Выходило, честно говоря, не очень.

Когда вечером еще дней через пять я собиралась на работу, а в дверь кто-то стукнул и уже убегая, крикнул, что меня ждут внизу, я ни секунды не сомневалась, что это Янош! Иного просто не могло быть! Я бросила жакет на кровать и выскочила в коридор. Придерживая юбку обеими руками, понеслась со всех ног вниз.

А у подножия лестницы стояла бледная изможденная Леста в черном плаще, практически до пояса заляпанном грязью. Увидев меня, она трусливо отвела глаза в угол. Сжалась в тугой комок, словно пытаясь раствориться в воздухе.

И я больше не видела ничего, кроме ее бесцветного лица. Сердце остановилось.

— Нет, — сказали мои губы. Мир вокруг завертелся, принял очертания черной бездонной воронки, с сумасшедшей скоростью засасывающей все вокруг и я впервые в жизни потеряла сознание.

...В лицо хлынула ледяная вода и быстро потекла за шиворот. Какое мерзкое ощущение сырости! Как только я зашевелилась, вокруг раздались вздохи и оханье.

— Очнулась. Надо спросить что-нибудь, а то может головой стукнулась.

Мадам Анка. Волнуется о моем здоровье.

— Оставьте нас одних, — голос Лесты был почти мертвый и не содержал ничего, даже угрозы. Но остальные тут же испарились.

— Он еще жив, — это, видимо, сказано мне. Что-о? Как же тут сидят? Можно, к примеру, опереться руками в пол и тогда почти не шатает. Кто вообще додумался окатить меня водой из кувшина?!

Леста стояла рядом на коленях. Полы ее нечищеного плаща лежали прямо на ковре, уже сильно заляпав его ошметками грязи. Магичка горько усмехнулась, наблюдая за моими корявыми неуверенными движениями.

— Пока жив. Но скоро умрет. Думаю, если бы мог, он захотел бы с тобой попрощаться.

А я, честно говоря, ей ну несколько не поверила! Повертела головой, стряхивая капли воды. Остаток вытерла с лица рукой. Мой голос прозвучал, полный глубокого, ничем не замутненного счастья:

— Янош вернулся? Как здорово! Отпрошусь с работы и поедем, проведедем. Он дома?

— Ула... — она сильно прикусила губу и резко отвернулась.

— Ни слова! — предупредила я. Леста промолчала.

В доме Яноша я не была с тех самых пор, как он уехал. И сейчас войдя в комнату, испытала такое странное ощущение, будто по-настоящему вижу ее впервые, а раньше она мне просто снилась.

Янош совсем не изменился, разве что никогда раньше он не ходил с распущенными волосами, а теперь они лежали на подушке вокруг бледного лица и казались еще длиннее и темнее, чем были на самом деле. И вот он валяется на кровати, как будто крепко спит. Совершенно белый и неподвижный. Глаза закрыты и если бы не едва заметные движения поднимающейся груди я бы решила, что мы опоздали. И тогда, наверное, умерла бы прямо тут, на коврике у его ног.

Но грудь поднималась. Растущую истерику я задавила в зародыше.

— Что случилось?

— Мы снимали ловушки... Ну, когда объявили о заключении договора и все вернулись в город, остались только те, кто согласился снимать шайнарские ловушки. Они хоть и на природной энергии, но ставились на поражение. Мы не знаем, как он угодил в звездную клетку, были в другом месте. Но он пошел совсем один, желающих было гораздо меньше, чем работы. Когда нашли, было поздно — он уже был без сознания, а из такого состояния не выходят.

— Что с ним? Что за клетка?

— Звездная клетка вытягивает силы, магические и физические, все. Ее решетку не отсецешь и не перекроешь.

— А вы пробовали?

— Ула... Мы пробовали все. Выжались досуха. Пятнадцать магов — и решетка не сдвинулась ни на миллиметр! Это бесполезно, из клетки не возвращаются...

— А шайнары? Это же их ловушка, значит, они должны знать способ ее открыть?

Леста стремительно кивает.

— Приводили из числа пленных. Те отшатывались, как только

понимали, о чем речь. Недостаточно сил, не лечатся, твердят и все тут. Даже угрозы не помогли. Куда уж больше сил? Пятнадцать магов, Ула!

Я опустилась на пол рядом с кроватью и прижалась к его руке лбом. Холодно. Кожа неестественного голубого цвета, сухая и практически ледяная на ощупь. Как могут руки живого человека быть такими холодными?

— Янош... Как же ты мог попасться? Один? Зачем ты туда полез? Зачем?..

— А ты не знаешь? — голос Лесты вдруг прозвучал очень грубо. Я резко оглянулась.

— Что?

Она стояла, выпрямившись, глаза бешено сверкали, губы растягивала бесшабашной ухмылка.

— За ловушки очень хорошо платили. Очень. Примерно треть дома или... одна шикарная свадьба.

Меня будто ударили. Даже след от пощечины на щеке проявился.

— Что ты такое говоришь? Я никогда не просила у него шикарной свадьбы... Ничего не просила! Ты... хочешь сказать, что он... что он думал, будто я...

— Этого я не знаю, — многозначительно заявила Леста, но потом при виде меня немного смягчилась.

— Он мог и сам, но теперь уже неважно. Не знаю, сколько ему осталось. Может, сутки. Вряд ли больше. А мне нужно поспать, — не очень логично закончила.

И вышла за дверь.

Я прочитала много романов и точно знала, что любовь побеждает все. Следовательно, не мог Янош действительно умереть. Он должен просто прийти в себя и если до сих пор не пришел, то только потому, что рядом не было меня! А сейчас я рядом, значит, все отлично!

В эту ночь я поняла, что на самом деле прежде о страхе равным счетом ничего не знала. Янош не очнулся. Сколько я его звала, плакала, умоляла и уговаривала. Даже угрожала. Сколько клялась, что если он не вернется, я тоже умру. Все было бесполезно.

Когда в окно заглянул рассвет, я все так же сидела на полу рядом с кроватью, положив голову на одеяло и держала его за руку. Последний час я молчала, потому что поняла — он действительно не проснется. Как бы мне этого не хотелось.

Я встала на колени и прижала ладонь к его лбу. Такому холодному. Черные ресницы и штрихом четкая тень от них на щеках. Будто

нарисованная тушью, как мой выюнок. Только совсем неживой.

Мне нужно было сказать...

— Янош... Что же ты наделал. Я столько времени провела без тебя. Ждала каждый день. Ты самое дорогое, что было в моей короткой жизни и не знаю, за что ты мне был дан. За что меня полюбил. Я знаю, у нас все должно было быть хорошо. Почти как в сказке. Ты бы вернулся и купил мне кольцо. Самое простое и дешевое, без единого камешка, все равно! Только бы оно означало, что я твоя. И мы бы расписались в ратуше тихим утром, и знали бы только свидетели — бабушка и твой дядя. И ты бы обязательно понял, что мне не нужны огромные деньги. Вполне хватило бы крошечного домика или даже двух съемных комнат. Ну может трех, если бы у нас родились...

Странно, вроде всю ночь слезы, а все равно горло перехватывает. Не могу больше говорить. Еще пару минут я просто молчала.

Потом поднялась на ноги. Он не проснется. По крайней мере, от моих усилий, пусть я даже и шай-парс. Я совершенно не чувствовала вокруг его тела ничего, кроме пустоты. Не видела ни малейших признаков этой клетки. Только все более истощающийся кокон энергии.

Зато я знала единственный шанс спасти Яноша.

Один из сильнейших шайнарских магов.

Человек, не обладающий ни малейшими моральными принципами.

Витольд де Акуила.

Теперь, когда решение было принято, даже ноги вполне слушались и спина выпрямилась сама собой. У двери я остановилась. Оглядываться не стала, к чему? И так понятно, что Янош лежит в прежней позе.

— Ты не можешь умереть, Янош, — упрямо сказали мои губы. — Ведь ты еще на мне не женился.

Нанятый извозчик оказался настолько добр, что высадил меня прямо у ворот трехэтажного посольства. Я даже не узнала место, где провела несколько последних месяцев. Здание казалось мрачным и чопорным, нависало сверху и хмурилось, будто заранее пытаюсь поставить меня на место.

Экипаж сразу уехал. Пока я шла к калитке, копыта стучали по брусчатке в звенящей тиши пустой улицы и мне хотелось догнать их, запрыгнуть на лошадь, сильно, жестоко хлестнуть ее кнутом и унести прочь из города, туда, где просторные луга между гор и россыпь ярких звезд на ночном небе. Но вместо простора меня поджидала крошечная будка охранника. На работу я попадала через другой вход, но им можно пройти только в башню и только днем.

В узкое окошко выглядывал молодой человек в форме королевской охраны — черной с серебром.

Так как я молчала, он заговорил первым.

— Вы кто?

— Меня зовут Улана Доджес. Я по делу к шайнарскому послу.

— По какому делу?

— К сожалению подробности я могу сообщить только лично пану Витольду.

Взгляд охранника стал очень внимательным.

— Он вас ждет?

— Нет. Чрезвычайная ситуация, которая не позволяет дождаться плановой встречи.

Молодой человек сделал строгое лицо и испытующе смотрел на меня, но что мне даже такой острый и пронзительный взгляд? Сейчас... когда я всю ночь смотрела в лицо человеку, который никогда не проснется.

Через минуту он тяжело вздохнул и позволил войти.

Еще одна сложность возникла непосредственно с советником пана Витольда, которому врать про секретные задания конечно бессмысленно, потому сразу пришлось заявить, что мне необходимо видеть шайнарского посла по личному вопросу и эта необходимость настолько велика, что я не покину здание посольства раньше, чем с ним встречусь. Даже если меня попытаются вывести силой.

Седой невысокий мужчина, похоже, немало удивился подобному

заявлению, но подумав, все-таки позволил мне подождать в верхней гостиной, пообещав доложить послу о моем появлении сразу же после завтрака.

В небольшой, обставленной простой мебелью комнате было очень тихо, видимо толстая дверь и плотные темные гардины по стенам как раз для этих целей и предназначались.

И кресло было мягкое, и вид из окна на лужайку выше всяких похвал... Мне даже принесли чай в тонкой изящной чашечке.

И вроде все вокруг настолько спокойно, мирно и обыденно, что даже жутко становится... ведь там где-то остался почти неживой Янош.

Наконец пришел пан Витольд. К тому времени я настолько устала ждать, что даже не смогла подняться с кресла и поприветствовать вошедшего как положено. Он остановил мою попытку подняться небрежным взмахом руки и уселся напротив, медленно, с привычной, уже крепко въевшейся в кровь грацией.

— Панна Улана. Я внимательно слушаю, какая именно причина заставила вас искать со мной встречи.

Вот так. Ни слова о работе или погоде. Слава матери всех звезд! Можно не тратить времени на лишние реверансы.

— Мой жених участвовал в военном конфликте на шайнарской границе. Он маг.

Посол позволил себе слегка приподнятые брови и только.

— Он попал в звездную клетку и сейчас умирает...

На этот раз лицо его не дрогнуло, он спокойно ждал моих дальнейших действий. И что же дальше?

— Я не верю в существование ловушек, которые невозможно открыть. Ведь всегда остается шанс, что в них случайно загремит кто-то из своих. Да и само создание любой головоломки подразумевает наличие возможности ее собрать. И при необходимости возможности разрушить.

Наверное, я несла бред. Да, это походило на бред, но я чувствовала, всей своей неполноценной шайнарской частью души чувствовала, что уловила некую тонкую структуру шайнарской магии в целом, а значит интуитивно сделала верный вывод.

Наконец посол изволил отозваться. Убеждать в обратном не стал, лишний раз продемонстрировав, что не из тех, кто тратит время понапрасну.

— Вы наверняка понимаете, что подобное действие со стороны шайнарского посольства должно иметь веские основания. Все упирается в стоимость, панна Ула. В цену. Вы понимаете? Что вы можете мне

предложить за открытие ловушки? — спокойно поинтересовался он.

Вот это уже подходящий разговор... Облегченного вздоха скрыть не удалось, выход действительно существует! Хотя понятно, еще очень рано радоваться. Потому что мне нечего предложить. Совершенно нечего.

— Вы и сами прекрасно знаете, что у меня ничего нет. Кроме разве что чести, но это явно не та цена, что заинтересует шайнарское посольство и вас лично. Так что может, вы облегчите мне пустое гадание и просто скажите, если ли у меня хоть что-нибудь ценное, чем возможно вас заинтересовать?

Пока он думал, вернее, делал вид, что раздумывает, я почти не дышала. Как нелепо... Янош предупреждал об опасности, старался удержать меня подальше, а в результате практически толкнул в самую гущу того, от чего хотел уберечь.

Что это я? Он не виноват. Это же просто случайность. И как ни абсурдно звучит, сейчас я всем сердцем надеялась, что у пана посла действительно были на меня свои планы, потому что только наличие планов даст мне возможность выторговать его помощь.

Но пан Витольд молчал и молчал, смотрел задумчиво и неторопливо потирал пальцем подбородок. Даже голова от страха закружилась. Может, ему вовсе ничего и не нужно?

— Ула, — вдруг заговорил посол. — У вас и правда есть нечто полезное посольству, но сначала выслушайте, что я скажу.

Он немного расслабился. Позволил себе опереться на спинку.

— Несмотря на то, что вы обыкновенная шай-парс, вы во многом удивительно сильно напоминаете чистокровную представительницу моей расы. Настолько сильно, и по внешности и особенно по характеру, что я не могу обойтись с вами совсем уж безобразно. Потому предупреждаю, Ула, — он смотрел серьезно и как-то спокойно, не отгораживаясь, будто мы старые друзья, которые вечером собрались за бутылочкой вина, чтобы отдохнуть от дел праведных. — Сейчас у вас есть шанс встать и уйти, я дам вам эту возможность отказаться от разговора, потому что если колесо раскрутится, ваша жизнь перестанет дорого цениться. Подумайте прямо сейчас, стоит ли этого жизнь одного малознакомого вам молодого человека. Да еще настолько глупого, чтобы загреметь в звездную клетку. Ведь пройдет время, вы утешитесь и легко найдете себе другого жениха. Через годик выйдете замуж и будете счастливы, а память, она очень пластична, вскоре этот разговор из нее сотрется и не будет затрагивать вашу совесть, а образ когда-то любимого человека побледнеет и перестанет вызывать тоску. Или вы сейчас сделаете шаг в пропасть, откуда уже не выбраться.

Подумайте, надо ли оно вам?

Пан Витольд замолчал, переведя взгляд на окно. Видимо, чтобы не смущать, если я действительно надумаю встать и уйти. Неужто и ему ни чуждо человеческое? Дал мне время подумать... Как мило с его стороны. Будто я не занималась этим всю ночь у постели Яноша. Конечно, память сотрется... Наверняка. И даже свое предательство человек способен забыть или переделать в настоящий подвиг. Но дело не в памяти... и не в том, что мне придется мириться с мыслями, что я могла спасти его и не спасла. Нет... просто где-то глубоко внутри я была совершенно точно уверена, что не смогу жить, если Янош умрет. Просто не смогу и все.

— Я подумала, пан Витольд. Я хочу, чтобы он жил.

Посол искривил губы и с сожалением покачал головой.

— Глупо, Ула... Очень глупо.

А потом выражение его лица сменилось привычной спокойной маской и, наверное, это и было моментом, когда я оступилась и полетела в пропасть.

— Но будь по-вашему. Сразу же после нашего разговора я распоряджусь, чтобы в дом вашего жениха направили моего личного врача. Он объяснит лечение проводимыми в лабораториях опытами по снятию ловушек и их последствий, которые как раз нужны в практике. Клетку откроют. А вы прямо сейчас поселитесь в гостевом здании при посольстве и считайте, что с этого момента Улана Доджес прекратила свое существование. С мастером Армедом я поговорю лично, остальные будут считать вас пропавшей без вести до самого суда.

— Суда?

— Да, Ула, суда. Теперь к делу. Опишу вкратце, что от вас потребуется сделать. Вы знаете о недавно заключенном мирном договоре между нашими странами?

— Я знаю только о его существовании.

— Один из пунктов соглашения гласит, что стороны обязаны обмениваться внутренними агентами. Наши люди в королевстве на их людей в наших землях. Следовательно, наше посольство должно выдать правосудию нескольких самых удачливых шайнарских лазутчиков.

— И в чем моя роль?

Пан Витольд улыбнулся одними губами.

— Вы замените собой одну из шайнарских куртизанок, примите на себя ее вину и ответите за ее действия перед местным законом.

Я кивнула, хотя признаться с трудом понимала, о чем речь и чего от меня ждут. Но усталость, наконец, навалилась и бороться с ней сил не

осталось. Я это сделала! Я его спасла. Разве что-то может быть важнее?

— Мне грозит смертная казнь?

Он на миг удивился.

— Ну что вы, панна Ула. Какая казнь? Ведь шайнарская сторона в свою очередь станет судить шпионов королевства и никто не хочет цепной реакции. У вас конфискуют имущество и вышлют в провинцию. Возможно назначат несколько лет принудительных работ, но рудников не бойтесь. Максимум фермы или мастерские, где используют женский труд, в общем, прямой угрозы для жизни нет. А вот о репутации сами понимаете, можно забыть раз и навсегда. Кроме того, вернуться в столицу, как и в любой другой большой город вы никогда не сможете.

Не смогу... Пожалуй, это лучшая новость из всех услышанных за последнее время. Ненавижу город. Вот. Раньше как-то не было времени признаться, даже самой себе, а сейчас скажу совершенно точно — ненавижу город! Королевский двор. Короля и всех его советников вместе взятых. Шайнарское посольство и военные конфликты. Смертельные ловушки и службу в интересах королевства. Все это ненавижу.

— Почему вы не хотите ее выдать?

Несколько секунд молчания. Конечно не мое дело, но чем я рискую? В моем положении, пожалуй, можно позволить себе все...

— Скажем так. Она мне еще пригодится, — усмехнулся посол.

— Пан Витольд. А как я смогу заменить другую девушку? Ведь внешность у нас разная, этого никак не скроешь.

Он на миг улыбнулся, еще бы, такую глупость сморозила.

— Раз уж вы теперь причастны к данному... ремеслу, объясняю. Никогда шайнарские куртизанки не занимаются работой под своим истинным обликом. Обычно используют временную иллюзию. Правда, внешность меняют только слегка, но в нашем случае этого достаточно, потому что вы отдалено похожи на Маризу, и в нашей лаборатории легко подгонят ваш облик для опознания под нужный с помощью временных иллюзий.

— Мариза?

— Да. Привыкайте. Теперь это ваше имя. Мариза де Тувисс.

— Мариза де Тувисс...

Пан Витольд поднялся.

— Это все. Сейчас отправляйтесь в комнату и отдохайте. К обеду вам доставят бумаги, которые вы должны выучить буквально наизусть. Времени достаточно, но на всякий случай постарайтесь разобраться в своей биографии побыстрее. Я вскоре вас навещу.

Но в следующий раз мы встретились только через три дня. Все это время я ни разу не покинула пределов своей комнаты, где меня заперли на замок. Из живых существ я видела только служанку, молчаливую и откровенно некрасивую девушку в безупречно чистой форме, которая приносила еду и передавала документы. Видимо это была не совсем служанка, иначе как понимать, что ей позволено брать в руки подобные бумаги?

Все светлое время суток и часть ночи я просиживала у стола в старом продавленном кресле, изучая свою подноготную. Моей кличкой была... Синяя звезда. Смешно и нелепо... Имя богини, самой прекрасной и беззаботной из всех живущих в ночном мире. Имя, которое я так часто повторяла вслед за бабушкой.

Впрочем, когда я перешла к изучению своих подвигов, последние остатки юмора, пусть и черного, как рукой смыло.

Итак, Мариза де Тувисс, младшая дочь мелкого помещика с земель прямо по соседству с Шадараном (что объясняет наличие в ней шайнарской крови, так как она также являлась шай-парс). Очень предприимчивая оказалась девица, ничего не скажешь. Хотя нет, не так, не она. Я. Я — очень предприимчивая.

Я подстроила встречу с мастером торговой гильдии, любителем молоденьких девочек, прикинувшись пятнадцатилетней уличной беспризорницей, соблазнила его и выкрала из его кабинета, что прямо рядом со спальней информацию о поставках редких металлов. Вскоре по дороге в столицу пропало несколько обозов частично устойчивого к магическому влиянию пористого металла пенита.

Подстроила так, чтобы меня в кровати с наследницей семьи, контролирующей торговый флот западного побережья, застукал ее муж и уговорила его присоединится. Вскоре пара так привыкла к моему обществу, что без всякого сомнения выкладывала новости о заключенных сделках, как и любую другую нужную мне информацию.

И апофеоз... Остановили меня в момент, когда я уже договорилась о свидании наедине с самым близким другом принца. Мальчишке не было и пятнадцати. Естественно после я легко добралась бы и до самого принца.

Таких случаев насчитывалось ровно двенадцать, причем все это я успела проделать в течении последних пяти месяцев.

Синяя звезда играла по крупному и явно под чьим-то умелым руководством. Сомнений, под чьим именно и быть не могло.

Когда пан Витольд, наконец, появился, я воспринимала его совсем по-иному. Жаль, что не было возможности узнать все раньше, тогда бы я

отказалась от работы в посольстве, осталась в салоне и ни за что бы ни позволила себя запугивать. Впрочем, помогло бы это?

Теперь неважно. Сейчас меня интересовало совсем другое...

— Яношу лучше?

Посол спокойно прошел, сел на единственный стул кроме кресла в комнате и глубоко задумался.

— Пан Витольд... Ему лучше? Если вы не ответите прямо сейчас, я сойду с ума.

— Лучше, Ула, ваше беспокойство излишне. Он очнулся вчера вечером и уже поправляется, — шайнар смотрел пристально и с любопытством, но было все равно. Подобного облегчения я и не помню, такого резкого, будто наконец перестали сжимать горло и удалось вдохнуть полную грудь свежего весеннего воздуха.

— Я хотела бы убедиться, что с ним все в порядке.

Он быстро кивнул.

— Справедливо. Вы убедитесь, обещаю. Теперь к делам. Пока вы будете находиться здесь, но за несколько дней до суда вас доставят в королевскую темницу для высокопоставленных лиц. К тому времени у вас от зубов должно отскакивать все, что написано в этих бумагах. Имена, даты, цифры, описания внешности и даже подробности чар, которыми вы пользовались.

Я методично кивала, думая как странно слышать такое вежливое обращение от существа, которое пользуясь случаем, мимоходом ломает твою жизнь. Все честно, конечно, милостыню подают только нищим, да и то крохи, а за хорошее нужно платить соответствующую цену. Щедро платить. И все-таки, забавно... На Вы, с искренним уважением в голосе и безо всякой пошлости во взгляде.

— У вас есть вопросы по теме?

Смешно... Будто урок спрашивает.

— Нет, все понятно.

— Если будут сложности в последовательности ваших действий или пробелы в хронологии произошедших событий, связывайтесь со мной через служанку. И еще, — он замялся. — Вы плохо выглядите, Ула. Я хочу, чтобы вы хорошо питались и на ночь открывали окна. Днем не стоит. Это все.

Я послушно кивала, так или иначе обещанное следует выполнять.

Прошло несколько дней. Все написанное в бумагах вспоминалось легко, я могла взять любую и без запинки пересказать по памяти. Потому заняться было больше нечем, и отгонять болезненные мысли о Яноше тоже

было нечем.

Пан Витольд пришел однажды утром, а я все еще не вставала с кровати. Зачем? Ждать новостей можно и так — накрывшись одеялом и тупо смотря в сторону окна.

— Как можно? — воскликнул шайнар, без стука врываясь в комнату. — Поднимайтесь немедленно! У вас пять минут! Быстро одевайтесь, вас отведут ко мне в кабинет.

— Зачем? — изумилась я.

— Одевайтесь, Ула, — понизил голос пан Витольд. — Если и правда хотите видеть Яноша.

Из всей принесенной мне одежды только одно платье я могла натянуть без посторонней помощи и ровно через две минуты я была полностью готова.

Служанка ждала у двери, кое-как успела пригладить мне всклокоченные после сна волосы, стянула их узлом и пригласив за собой, повела куда-то вниз.

В небольшой, заставленной пыльными громоздкими шкафами комнате посол стоял у массивного стола с потрескавшейся от времени лаковой поверхностью и смотрел на его поверхность. Поймал мой лихорадочный взгляд и кивнул вниз.

— Смотрите.

Говорить было некогда. Я подошла, на столе лежала большая пластина зеркального кварца, которую используют в качестве подсматривающего зеркала. Настоящее зеркало, вид из которого она передавала в данный момент, находилось, похоже, в посольской приемной. За столом в углу комнаты сидела молодая девушка. По стене диванчики для посетителей. У окна... стоял Янош.

Пришлось опереться на крышку стола руками.

Он стоял неподвижно. Прямая спина, волосы в беспорядке, будто он с утра тоже не особо заморачивался расчесыванием. И синий форменный камзол, довольно мятый. Но он был жив!

— Очень настойчивый молодой человек.

Я вздрогнула от голоса, уже и забыла, что нахожусь тут не одна. Пан Витольд стоял прямо за моим правым плечом.

— Третий день появляется и даже смог проникнуть в приемную, хотя препятствий на пути желающих попасть в посольство с улицы у нас установлено достаточно.

Девушка лениво листала какие-то бумаги, насторожено посматривая на Яноша краем глаза. А он не шевелился.

— Зачем он пришел? Чего он хочет? — спросила я шайнара. Тот смотрел прямо через мое плечо, но несмотря на неприятное соседство, отодвигаться я не стала.

— Знать о вас.

— Обо мне? Вы с ним говорили?

— Нет. Но поговорю прямо сейчас. Это проще, чем терпеть его постоянные попытки попасть на прием и мельтешение на территории посольства.

— Что вы ему скажите?

Было так тяжело стоять... Не знаю почему. Сесть, правда, тоже было некуда. Янош стоял...

Шайнар не стал мучить и тянуть время, в этом ему не откажешь.

— Три дня назад королевскому суду были переданы полные списки агентов с нашей стороны. Там есть и ваше имя. Дороги обратно нет, Ула, потому я скажу ему всю правду, — голос стал жестче. — Вы работали полгода под моим руководством и в интересах Шадарана исполняли приказы шайнарской тайной службы. В разных... областях. Вы предстанете перед судом за все содеянное наравне с остальными преступниками. Кстати, в ожидаемый процессах вы вторая по известности личность и идете сразу следом за наемным убийцей. Самая знаменитая куртизанка последнего времени.

Вот теперь сесть было просто необходимо. А ноги все наливались тяжестью, как и спина. И голова непреодолимо опускалась вместе с тем, как я начинала понимать...

Когда тем страшным утром я ехала к пану Витольду, когда соглашалась на его условия, когда зубрила свою биографию так тщательно, что практически не испытывала от написанного отвращения, я думала о чем угодно, кроме одного.

Что Янош будет знать ту же самую версию, что и все остальные. А значит, будет думать...

Что он сделал предложение куртизанке Синей звезде, которая коллекционирует мужчин, как перчатки.

Что он берег ее для брачной церемонии, в то время как она преспокойно исполняла «задания в разных областях».

Что во время, когда он защищал королевство от врагов, она была тем самым врагом, причем цинично затаившимся прямо неподалеку от королевского двора. Как змея, которую взял отогреть за пазуху.

Что он, рискуя жизнью, полез в ловушку пытаясь заработать для той, которая могла купить на свои деньги сотню таких, как Янош.

Вот что он будет знать.

Никогда раньше я не падала в обморок. А сейчас ноги подкосились, все вокруг застыло и только сердце громко стучало.

Последнее, что я видела, перед тем как глаза закрылись — как Янош, словно что-то услышав, резко оглянулся. И его истощенное, нездоровое, темное от усталости лицо.

Наверное, прошло всего дня два. К счастью, лекарь, которого ко мне приводили, не пытался лечить меня от выдуманных болезней, а просто накачивал успокоительным, от которого думать ни о чем не хотелось, да толком и не получалось. Мысли тянулись плавно, неторопливо и чтобы понять хотя бы, какое нынче на улице время суток, приходилось затрачивать удивительно много времени.

Хорошие были дни...

Пан Витольд пришел с последним посещением врача и мое плавание в океане спокойствия стремительно подошло к концу. Выданная и выпитая настойка прочистила мозги так мгновенно, что без промедления захотелось удавиться.

Но нужно платить за свои покупки. Особенно когда покупаешь что-то живое.

Посол взглядом отпустил лекаря и дождался, пока тот покинет комнату.

— Соберитесь, Мариза. Сейчас я проверю, насколько точно вы заучили материал. Готовы?

Это было то, что нужно! Занять себя болтовней, чтобы отвлечься. Больше часа я старательно пересказывала послу содержимое бумаг. Кажется, получив полные подробные ответы на все вопросы, он остался доволен и больше к проверке не возвращался.

— Вечером вы отправитесь в заключение к людям. Приведите себя в порядок и будьте готовы.

Странно, но сейчас я была даже благодарна его невозмутимому твердому голосу.

— Я поняла.

— Ула. На прощание я сделаю вам подарок.

Пан Витольд так резко встал и подошел вплотную, что я даже сообразить ничего не успела. Обхватил меня за плечи и наклонился близко-близко, прижимая к себе, а после я почувствовала на своей шее что-то ледяное.

Тут же отпустил и вернулся на прежнее место. Что он сделал? Вначале я чуть было не подумала, что он решил меня напоследок изнасиловать. Такой вот своеобразный подарочек. Бред конечно, но что еще подумаешь, когда тебя бросается обнимать кто-то вроде бездушного шайнарского

посла?

На шее теперь висела тонкая плоская цепочка, серебристая как омниумы, которые я делаю. И что это значит?

— Этот подарок значительно облегчит вам дальнейшее существование, — не менясь в лице, продолжил шайнар. — Теперь вы ограждены внешним контуром от всякого рода физического насилия. Никто не рискнет вас бить или... принуждать к близости.

О мать всех звезд! Непроизвольно я все-таки покраснела... Вот еще о чем не думала, так это о том, какая жизнь может ждать осужденную куртизанку?

— Спасибо. Вы ведь не должны были этого делать?

— На самом деле все не так просто. В первую очередь я забочусь о собственных интересах. Насколько я знаю, вы все еще девственница?

Даже отвечать не пришлось, дерганый взгляд в пол ответил сам за себя.

— Легче было бы вас просто ее лишить, ну да ладно. Тем более контур несет еще одну функцию — принудительного молчания. В течении пяти лет вы физически не сможете рассказать о нашем договоре. А после все равно хорошо думайте, стоит ли это делать? Так или иначе, сейчас наши страны обменяются агентами и ронять престиж своего королевства, рассказывая, как легко его одурачили, наверное, не в ваших интересах.

Честно, мне было глубоко наплевать на престиж своего королевства.

— Как работает этот контур?

— Вы же знаете, что ваша магия слишком слаба, к тому же она созидательная и не может разрушать?

— Да.

— Но вы так же знаете, что некоторые шайнарские маги разрушать умеют, причем весьма качественно. Та же звездная клетка...

— Да.

— В подробности вас посвящать я естественно не могу, но в общих чертах поясню. Так вот, если коротко, контур преображает вашу магию в разрушительную. Любой, кто попытается вас ударить получит ответный удар.

Надо же, какая чудная игрушка. Какой чудный господин посол!

— Это не может не радовать. Но а если цепь порвут или снимут любым другим способом?

— Невозможно. Развязать этот силовой узел способен только крайне сильный маг, а я не думаю, что у него возникнет потребность в вашем... обществе. Полезная вещица, хотя и не идеальная. К несчастью, если кто-то

станет принуждать вас к каким-либо действиям, к примеру, лишив еды, то она вам ничем не поможет.

Надо же. Еще немного и поверю, что посла на самом деле заботит мое будущее.

Впрочем, он не стал дожидаться. Поднялся, торжественно посмотрев сверху вниз.

— Ну что же, до вечера.

Кивнул.

— Мариза де Тувисс, мое почтение.

И ждал, пока я догадаюсь отреагировать сухим наклоном головы, как и полагалось по моей легенде.

Переезд никаких особых эмоций не вызвал. Меня провезли по городу в темной карете с наглухо закрытыми окнами, доставили к самому крыльцу, даже не дали времени по сторонам посмотреть, быстро провели коридорами до комнаты, практически неотличимой от той, где я просидела последние дни и заперли.

Оставалось только ждать суда. Шесть дней.

А потом пытаться понять, что осталось от моей жизни и что с этим делать.

И снова никого, неприметная служанка, тихо появляющаяся и также тихо исчезающая. Изредка — мужские голоса в коридоре.

Правда, два раза ко мне приходили королевские следователи. Я терпеливо отвечала на надоевшие вопросы, уточнила некоторые неизвестные им детали и общем они остались моим послушанием довольны. К счастью, они оказались настоящими профессионалами, потому смотрели на меня как на предмет обстановки и даже ни разу не позволили себе скабрзных намеков или хотя бы одного косога взгляда.

Когда они распрощались и ушли, я даже немного пожалела, что снова осталась в одиночестве.

А за день до суда ко мне пришел посетитель. Мастер Армед.

Я впервые за долгое время почувствовала радость. Мой мастер в моей памяти связывался с тем счастливым периодом жизни, когда впереди Янош и огромное счастье...

А я и не понимала, какое это было счастье.

Нет, не нужно. Будет только хуже.

— Как вас пропустили? — спросила я.

Он устало опустилсЯ на большой неудобный стул, единственную кроме кровати мебель в комнате.

— Получил разрешение. Вы же не обычная заключенная, Ула.

Посмотрите на комнату. Обычные сидят в подвале, под капающей с потолка ледяной водой и мышинными норами в земляном полу. Хотя туда попасть проще. Да и общество мышей вас бы развлекло. Они отлично дрессируются, вы бы легко научили их ходить на задних лапках и сворачивать хвост колечком.

Пытается меня развлечь. Ну что же, мне несложно улыбнуться, пусть даже никакого оптимизма во мне нет ни на грош.

Что-то ощутимо изменилось за эти дни. Мастер сильно постарел. Хотя может я теперь смотрю на окружающих по-другому? Раньше он был оживлен и весел, я видела только добрую улыбку и блестящие любопытные глаза. А теперь он грустный и осунувшийся, будто долгое время болел и я вижу только сутулые плечи и глубокие морщины.

— Так вы просто проведать или все-таки по важному делу? Может, не можете найти результаты опытов, которые я спрятала в стол, а вам ничего не сказала? Или пробирки с разъедающей настройкой? Признавайтесь, — максимально вежливо. Это одна из моих особенностей, из-за которых по признанию посла он меня и выбрал на эту роль. Умение держать лицо.

И я держу.

— Проведать... И поговорить. Серьезно поговорить.

— Говорите, мастер. Слушать вас одно удовольствие.

— Ула, — вдруг воскликнул он в ответ на мою мягкую улыбку. — Девочка моя! Что же ты делаешь? Я работаю на пана Витольда много лет и давал присягу о неразглашении. Я многим ему обязан, в частности своей свободой. Но Ула, если бы я знал, что ты этого хочешь, пошел бы на суд и заявил о твоей невинности.

— Нет, я не хочу, — милый мастер, тяжело ему отказывать, даже в таком нелегком деле.

— Ула, ты действительно делаешь это сама? Почему? Что случилось? Пан Витольд тебе угрожал?

— Нет, мастер. Мы заключили честную сделку.

— Чем он тебе заплатил? Что тебе было нужно? Неужели тебе чего-то не хватало? — горько спросил мастер. Неужели и он станет думать, будто я могу продаться из-за денег?

— Он подарил мне жизнь, — пафосные слова... даже произнесенные таким безразличным тоном напоминают сцену спектакля.

— Ула...

Мастер осел, будто потерял опору. Помолчал.

— Ко мне приходил этот мальчик... Янош.

Я вздрогнула.

— Как он?

— Как он? Не знаю... Я не стал с ним говорить. Пан Витольд проинструктировал меня насчет показаний в суде. Вы числились в моей лаборатории, но за последние полгода бывали там от силы пару раз. Это единственное, что я могу сказать. Мои ученики тайком провели Яноша в башню, но я успел вызвать охрану. Вначале я думал, он подкупил одного из моих учеников, чтобы тот провел его внутрь. Но Лой, который все и проделал, потом приходил объясняться. Сказал, что помогал добровольно и бесплатно. Что хотел помочь твоему жениху...

— Не называйте его так. Теперь это неправда.

— Хорошо, Ула, как скажешь. Лой пересказал историю этого мальчика, по его словам последний раз тебя видели в его доме, когда он был без сознания. Ты пришла к нему вечером вместе с какой-то девушкой, которая оставила вас одних. Больше тебя никто не видел. Лой говорит, ему многие маги помогали. И друзья по работе. И что вся полученная информация подтверждает — ты на самом деле шайнарская шпионка, работающая под прикрытием пана Витольда. А он помнит твои рассказы о работе под моим руководством и не может не услышать от меня правду. Лой так говорил... Янош вернется и не успокоится, пока не поговорит со мной. Понимаешь, Ула? И тогда он спросит, работала ли ты в лаборатории, не знаю, как отвечать, кого выгораживать. Может ну его, пана Витольда, сказать правду?

Как все-таки по-разному играет с тобой жизнь. Чередует людей, которые для достижения цели переступают через любые препятствия и таких, как мастер, которые готовы нарушить даже присягу. А ведь это значит мгновенное лишение всего — работы, дома, покровительства. Мастера в лучшем случае просто выставят на улицу. В его-то возрасте...

Мне повезло, что я встретила в своей жизни такого человека, как мастер. По крайней мере, теперь я знаю, что такие действительно существуют.

— Да... Мастер, вы не должны нарушать присяги посольству. Меня никто не заставляет, я сделала свой выбор и вы ничем не должны мне помогать. Тем более таким способом. А даже если попытаетесь, все равно не сможете мне помочь, сделаете только хуже. Как вы думаете, что предпримет пан Витольд, если узнает о том, что вы рассказали Яношу? Ничего не надо, это ничего не изменит... Поверьте.

— Ула, Ула...

Он ушел и последние дни до суда прошли уже совершенно незаметно.

Сам суд не показался мне чем-то жутким. Меня привели в большой зал с высоким потолком, в котором все звуки звучали гулко и резко, усадили за

ограждение из дерева и поставили по обоим бокам охранников. Народу вокруг было много, я никого не разглядывала, видела только впереди судью и двух его помощников, дознаватели слева, защитник справа.

Присутствовал королевский маг, который должен следить за моим эмоциональным фоном, то бишь подтверждать, что я даю показания самостоятельно, не по принуждению.

Конечно, самостоятельно! Я выпрямила спину и спокойно принялась отвечать на вопросы.

Перечислила, что, где, когда и с кем делала. Даже уточняющие некие интимные подробности вопросы меня ничуть не сбили. Казалось, я просто рассказываю какой-то сценарий. Как на театральной постановке. Сегодня я злодей и тебя убью. А ты сегодня воин и будешь защищаться. А ты будешь принцессой....

— Вы знакомы с паном Рокази, торговцем королевского двора?

— Да.

— Вы провели с ним ночь в таверне Золотой воды?

— Да.

— Кто был инициатором?

— Я.

— Вы действительно проникли в его дом под видом беспризорницы и, дождавшись пока он уснет, обыскали кабинет и сделали копии документов с информацией о поставках пористого пенита?

— Да.

И так двенадцать раз. На сладкое оставили принца с другом и каждый мой ответ вызывал в зале тихий, но грозный ропот.

Времени прошло много, но этого было практически незаметно. Перед тем как суд удалился на обсуждение, поднялся главный Судья в серой бесформенной мантии, с как можно глубже натянутым на лицо капюшоном, чтобы избежать случайного сглаза.

По залу прогрохотала последняя фраза процесса.

— Все сказанное вами на суде является вашим свободным действием? Без принуждения?

Последняя формальная фраза. После нее возврата к прежнему больше не будет.

— Да, — голос прозвучал удивительно твердо...

А потом вдруг что-то потянуло меня за шиворот и я резко обернулась. Что-то было за спиной важное, оно манило и настойчиво требовало немедленно обратить на себя внимание.

Янош стоял у входа в окружении еще троих служащих. Похоже, он

прибыл сюда по работе, иначе бы его просто не пустили.

Я даже представить не могла, что он будет присутствовать на процессе.

Он стоял и смотрел на меня. И одновременно мимо.

Отстраненным, безразличным взглядом.

Выправка безупречна. Вздернутый подбородок и каменная твердость в каждом жесте. Аккуратно причесанные волосы, форменный камзол без единой складки или пылинки. Он был прекрасен.

И смотрел на меня, как на пустое место.

Вот это меня и сломало. Не перечень скучающим голосом моих мнимых проступков. Ни необходимость на каждую гадость отвечать Да. Меня сломал пристальный, пустой и бессмысленный взгляд потемневших глаз Яноша.

...Что-то слишком часто я в последнее время теряю сознание.

Конечно, никакая попытка избежать справедливого возмездия, пусть даже при этом подсудимый упадет бездыханным на пол, на суде не пройдет. Меня отнесли в малую комнату у зала суда, где и зачитали приговор.

Лишение всего имущества, подробный список которого предоставлен посольством. Пять лет принудительных работ на благо королевства. Ссылка в провинцию до особого распоряжения, следовательно, навсегда.

Звучало глупее некуда. Имущества у меня и не было никакого, подозреваю, шайнарскому посольству пришлось отдать часть реально существующего имущества Маризы. Пять лет — это не смертная казнь, а город я больше не желала видеть, даже если его очертания просто виднеются далеко на горизонте. А главное, что все это было таким пустяком по сравнению с его глазами!

Лучше бы я не оглядывалась.

Повезло, что суд проходил в том же здании, где держали заключенных, дороги в другое место в таком состоянии я бы не перенесла. Не хотелось ничего, в комнате я сразу залезла на кровать и спряталась под одеялом.

Сны пришли душные, рваные. Вроде ничего страшного, но воздух был приторно-влажным, а сердце стучало как сумасшедшее.

Потом мне привиделась боль, будто что-то тонкое отслаивается от кожи в районе груди. Я еще успела подумать, что это умирает любовь, которая жила во мне. Хотя, с чего ей умирать?

Тогда может это умирала его любовь?

Неважно. Поделаться ничего невозможно. Меня дергало, водило в стороны. Потом вдруг под закрытыми веками появилась картинка, и понеслась, побежала... Будто я смотрела глазами, к примеру, мышки,

скользящей по полу вдоль стены.

Только мышка почему-то умела просачиваться сквозь стены. Вот она оказывается по ту сторону комнаты, в коридоре и тогда движение стремительно убыстряется. Превращается в безумную карусель.

Совсем не праздничную, а темную, будто в комнате ужасов.

Картинка скользит по улице, трясется по мостовой и двигается все быстрее. Обрывки мелькают так стремительно, что не получается разглядеть изображение.

Улицы, улицы, дома, заборы, небольшие ухоженные клумбы, лужайки, фонарные столбы и снова бульжники мостовой, лужа, какие-то куски мусора, сточная канава. Потом ныряет в стену и поднимается вверх.

А когда картинка останавливается и застывает, я вижу Яноша. В его комнате.

Он стоит лицом к окну, а я смотрю сверху, практически из-под потолка. Сейчас на нем узкие кожаные штаны, белая рубашка навыпуск и незнакомые высокие грубые сапоги. Руки в карманах. У двери замер только что вошедший пан Гектор. Он мялся, пытаясь что-нибудь сказать, наконец, собрался с силами. Комнату наполнили звуки голоса, густые, гулкие.

— Янош... Поверь моему опыту, тебе просто нужно время. Пусть много времени, но... все забудется, притупится, останется в прошлом. Поверь.

Он не оборачивается.

— Я знаю.

— Давай пойдем в гостиную к камину и поговорим?

— Нет. Я хочу остаться один.

— Сядем у огня, как раньше, помнишь? И попробуем найти выход.

— Оставь меня одного.

— Ты и так все время один. К тебе приходил Бронислав. Если не хочешь говорить со мной, может пригласить его?

Янош напрягся. Стало видно, что его руки сжаты в кулаки.

— Нет.

— Хорошо. Ты знаешь, где меня найти и неважно, сколько будет времени.

Гектор еще немного помялся и ушел. Практически неслышный стук закрывшейся двери — и картинка тут же метнулась, втягиваясь куда-то назад, пронеслась обратно кусочками мозаики и я вскочила в темноте, в кровати, где и засыпала, слепо пялясь на окружающие стены.

Приснится же...

В этом безвременном мраке одиночества оставалось всего одно

светлое пятно. Через два дня за мной приехал мастер Армед, забрал вместе с еще тремя осужденными и отвез во временную городскую тюрьму. Оказалось, он воспользовался возможностью выкупить осужденных для работ на частной фабрике и приобрел нас для своей дальней родственницы, которая занималась производством текстиля.

Мне в очередной раз сменили имя, Жулианна Лычинская. Пан Витольд был так любезен, что посодействовал. Впрочем, в его интересах побыстрее убрать меня подальше от столицы, да еще так, чтобы никто не нашел. Вскоре мне предстояло отправиться в далекие, пустынные и жаркие земли, подальше от королевского двора, посольства и вообще от всех этих безобразных интриг.

Даже в городской тюрьме меня держали отдельно от остальных, правда камера оказалась крошечной, вместо кровати низкий твердый лежак, а чтобы попасть в туалет требовалось стучать в дверь и ждать, пока придет кто-нибудь из охраны и отведет в конец коридора. Я старалась почти не есть и не пить, чтобы проделывать подобную процедуру как можно реже.

Последним вечером перед отъездом я в который раз думала, а что же дальше? Несколько лет работы где-то в глуши. Бабушка, которая ничего обо мне не знает, только что я пропала без вести. Пусть уж лучше думает так, чем ей преподнесут историю Маризы.

Янош... А что будет с ним? В груди привычно заныло. Вот как получилось, как могло получиться, что самого главного я не учла? Или не так? Ну давай же, Ула, признайся... Хотя бы самой себе. Ты думала. Правда, думала. Вот только ты отчего-то была глубоко уверена, что Янош никогда и ни за что в такое не поверит. Кто угодно может поверить, любой, кто меня знает, даже Злата... но не он!

А получилось... Но как он смог? Да как он посмел поверить, что я действительно эта самая Мариза!

Честно говоря, полегчало. Правильно, сколько можно его жалеть. Я его спасала, а он!

Когда дверь загремела, открываясь и вошел мастер Армед, я была спокойна и холодна, хотя вроде до утра еще было далеко. Почему я должна расстраиваться из-за того, что Янош настолько глуп? Обида застилала глаза и предавала уверенности. Как он мог поверить?

— Ула...

А что с мастером? Я даже подскочила.

— Что случилось?

— С тобой хотят поговорить... Я не смог отказать.

Он отступил назад и открыл дверь. Сердце стукнуло, когда я увидела пана Гектора.

Он тоже меня увидел. И непроизвольно отвел глаза, будто смотреть на меня ему было неприятно. Ну и прекрасно! Мне себя не в чем винить, а он... А что он тут делает?

— Что случилось? — повторила я.

Пан Гектор решительно вздохнул.

— Панна... Мариза. Я пришел с просьбой.

Он с сомнением окинул меня взглядом.

— Говорите!

Поморщился. Как же неприятно, наверное, просить у того, о ком такого невысокого мнения. Но он справился.

— Вчера утром пропал Янош. Я обнаружил только днем. Ушел ночью почти без вещей. У него с собой только небольшая сумма денег, совсем мало, все сбережения от потратил, когда пытался отыскать о вас какую-то информацию и еще потом, когда пытался найти найденному опровержение. Не знаю, как вы к нему относились, но Ула... — он так разволновался, что сам не заметил, как сбился на прежнее имя. — Если он хоть что-то для вас значил. Я вас умоляю... Если у вас есть хоть малейшее предположение, куда он мог пойти, если он хоть слово упоминал о своих планах или какие-нибудь названия населенных пунктов, имена. Скажите мне.

Оказалось, я снова сижу на кровати, тяжело опираясь на нее руками. И снова эта дикая головная боль.

— Я ничего не знаю. А... как он пропал. Почему?

Пан Гектор тяжело смотрел на меня. Не обвиняющее, а просто очень устало.

— Он оставил записку.

Протянутый клочок бумаги содержал короткую аккуратную надпись. Таким твердым почерком пишут только совершенно спокойные, уверенные в своих действиях люди.

«Гектор. Однажды ты вытащил меня со дна и заменил мне отца. Спасибо тебе за эти несколько лет. Но вероятно, от судьбы не уйдешь. Прощай».

— Он оставил в комнате на столе свои документы, не явился на службу... А это очень плохо. Его могут объявить в розыск. Но даже не это самое сложное. Он был в таком состоянии... Ула, ради всего святого, если вы знаете хоть что-то!

Я уже не думая ни о каких приличиях, пусть даже символических, сползла и улеглась на кровать. Это было чересчур.

— Ничего не знаю, — глухо сообщила.

Пан Гектор еще немного помялся, совсем как тогда, на пороге комнаты из сна, не знаю, может хотел еще что-то сказать, может не поверил, но потом сухо откланялся и ушел.

Мастер Армед проводил гостя и вернулся ко мне. Озабочено потрогал прохладной рукой лоб.

— Мастер... — голос какой у меня обыкновенный, будто ничего и не происходит, и не происходило, да и не будет происходить.

— Мастер. У вас нет с собой яда?

Рука на лбу дрогнула.

— Пусть даже самого мучительного? А?

— Ула, успокойтесь.

— Не-ет. Меня зовут Мариза, мастер. Не вздумайте ошибиться еще хоть раз! Слышите? Мариза!

На мои истошные вопли он никак не прореагировал.

А через минуту я уже от всей души извинялась. Рыдала, прижимая его руку к лицу и думала, как все глупо...

И почему так получилось?

Утром мастер провожал меня с женщинами в деревню неподалеку от столицы, откуда должен был уйти обоз к Турляньским землям, где я проведу следующие несколько лет своей жизни. Передал заросшему пушистой бородой сопровождающему обоз мужику бумаги, посадил меня в телегу, где уже сидели женщины со связанными руками и ногами, потеснился и ждал, пока связывали руки мне. На прощание шепнул на ухо.

— Береги тебя звездная богиня, девочка!

Помнисься, я даже смогла сказать ему спасибо.

Часть 2

Очередная весна принесла с собой изобилие мелких голубых бабочек. Так много, что по вечерам они покрывали собой землю, будто живой движущийся ковер. Тося боялась ходить по двору, чтобы ненароком не придавить десяток-другой. Роксана смеялась — это же просто жучки! Сотню задавишь — две сотни народится! Тося слушала, но все равно наступать опасалась — совсем недавно ей исполнилось пятнадцать, а в таком возрасте даже короткая жизнь крошечного мотылька все еще имеет некую необъяснимую ценность.

Несмотря на то, что Тося была одной из нас, жизнь с ней обошлась куда как милосерднее. После смерти отца и разорения семьи она сразу попала сюда, на тканое производство мадам Юдиты, потому даже не представляла толком, куда еще могла загреметь. Ну а мы с Роксаной старались не пугать лишней раз. Зачем пятнадцатилетней девчонке знать, что детство может заканчиваться не как у нее, а совсем по-другому? Зачем, ведь сейчас она даже спала спокойно, без кошмаров? Наши кровати стояли рядом, в самом дальнем углу длинного барака с низким деревянным потолком. Мы сдвинули их, чтобы спать было теплее, да и так безопаснее. Тося спала посередине, Роксана у стенки, а я с краю. Сначала, когда я тут только появилась, меня прикрывала собой Роксана, так как считала себя старшей и более опытной. Наверное, в каком-то смысле так и было, Роксане исполнилось тридцать, она — вдова, которую по неопытности после гибели мужа быстренько обчистили его кристально честные компаньоны. Когда я появилась в бараке впервые, Роксана по каким-то одной ей известным причинам сразу взяла меня под свою опеку, а когда спустя три года осенью на пороге появилась хрупкая бледная Тося, то без раздумий облагодетельствовала и ее тоже.

Но несмотря на боевой характер, Роксана не могла справиться со всем одна, например, пойти против своры Гиены, тощая такая тетка с длинными крючковатыми пальцами и острым, загнутым как коготь носом. Она ненавидела буквально всех, а особенно молодых и красивых. Если бы не подаренный шайнарским послем амулет, мне пришлось бы непросто. Но к счастью он работал бесперебойно, потому с краю спала я. Попробовал бы кто сунуться!

Как ни удивительно, мордобой — единственное насилие, которое мне грозило на ферме. За это я благодарила уже мастера Армеда. Его

родственница, пожилая и невозмутимая, как безветренная погода мадам Юдита оказалась лучшей хозяйкой, которая только могла появиться у осужденного королевским судом! Работали мы много, но кормили нас хорошо, сытно, без причины не били, больными на работу не гнали и даже устраивали иногда выходные дни и праздники. Следили, чтобы внутренние разборки не доходили до членовредительства и изнасилования.

Все работники считали, что им повезло просто безмерно, еще бы, такая человеческая хозяйка! Если бы еще не Гиена с ее бандой...

Жизнь наша разнообразием не отличалась — весной и летом работа на полях зуты, осенью — сбор выращенных похожих на тугие клубки пуха плодов, зимой — их переработка и создание ткани. С утра завтрак, работа до обеда, сухой паек, съеденный в посадке вдоль узкого поля, работа до вечера, возвращение на телеге к баракам, ужин и немного свободного времени.

Первые пару месяцев я плохо помню, было не до чего. В день прибытия, когда меня только затолкали в барак, Роксана застолбила место рядом с собой, подхватила с земли мои вещи, отвела к кроватям и что-то долго говорила. Ни слова не помню! Но вроде она объясняла, что ей скучно одной, а окружающие лица больше напоминают ей представительниц отары овец. А у меня лицо пока не такое тупое.

Помню, вежливостью моя новая знакомая не отличалась, когда она перестала задавать вопросы, на которые все равно не получала ответов, то презрительно фыркнула.

— Только не говори, что ты из тех дур, что из-за мужика сюда загремели!

Хотя сама как раз такой и являлась.

— Не скажу.

— Ну и лады. Ложись и спи, — спокойно ответила эта странная женщина.

Я только намного позже поняла, как сильно мне повезло появиться в момент, когда у Роксаны случился приступ человеколюбия и необъяснимой жалости. Именно жалости, по ее собственному неохотному признанию, овцы тут ни при чем. Хотя потом Роксана не раз бурчала с притворной обидой:

— Знала бы про этот твой амулет, сама бы за твою спину пряталась.

Впрочем, позже все так и произошло. Примерно через неделю мной заинтересовалась Гиена. В тот вечер я брела по двору на ужин, но длинная костлявая фигура перегородила вход и заявила, что я не войду, потому как мордой не вышла. Охранники, которые должны были следить за порядком,

только ухмылялись и устраивались поудобнее, чтобы не пропустить столь занимательного зрелища. Конечно, если (а вернее, когда) дело дойдет до драки, они бросятся драчунов растаскивать. Почти сразу. Почти, чтобы все-таки успеть насладиться практически единственным доступным им развлечением. Роксана задерживалась, потому что ей не хватило места в первой телеге и пришлось ехать следом. А я стояла у порога и плавала в тумане прошлого, ни на что ни обращая внимания. Как кукла. Куда ведут туда и иду. Не остановят и не отправят на обед, так и буду, наверное, копать в земле, пока замертво не свалюсь от усталости. В столовую я пошла только потому, что туда пошли все остальные, а я привыкла следовать за маячащими впереди спинами.

Вначале я просто смотрела на незнакомку, постепенно приходя в себя и пытаюсь вспомнить, что я успела натворить, если меня сверлят взглядом, полным такой откровенной ненависти. Потом припомнила, что уже была свидетелем подобных разборок, правда их объектом стала другая женщина. Буквально позавчера эта тощая буйная палка, окруженная не менее бешеными подругами, набросилась с ругательствами и оскорблениями на какую-то невзрачную девушку в сером мешковатом платье, потом толкнула ту так сильно, что девчонка упала в грязь, проехавшись задом по камням и сильно испачкавшись. Похоже, только потому от нее и отстали — грязное платье и слезы, которых та не смогла сдержать повлияли на Гиену благосклонно и, насладившись чужим унижением, эта змея убралась куда-то по своим делам.

Наверное, это воспоминание, наконец, привело меня в себя. Теперь перед агрессивно настроенной незнакомкой стояла я. Правда, за моей спиной имелось четыре годы в босяцкой школе, где учителям не было дела до наших разборок. Там тоже водились свои Гиены и не было никаких правил, потому я безо всяких разговоров размахнулась и ударила ее в грудь. Она тут же ответила, целясь в живот и... резко отлетела в стену, будто отбитый мячик.

Окружающие изумлено вздохнули, но одна из верных соратниц Гиены тут же набросилась на меня, довольно подло, сбоку. И так же быстро улетела в сторону вслед за своей предводительницей. Тут как раз Роксана подросла, потянула меня мимо застывших вокруг в ступоре людей внутрь здания и задерживать нас больше никто не рискнул.

Вскоре все знали, что трогать меня чревато неприятностями. Роксана так по-дурачки хлопала глазами, уточняя, почему я сразу ей не сказала, что вовсе не нуждаюсь ни в чьей защите? Разве что в дружбе?

Так просто конечно моего исключительного положения не приняли.

Однажды во дворе кто-то их охранников пытался поймать меня веревочной петлей. Думаю, просто из любопытства. Петля натолкнулась на воздух и свободно опустилась у моих ног. Еще раз мне пытались устроить темную, в сенях накинув на голову мешок. Тоже безрезультатно, нападавшие просто-напросто не смогли его вокруг меня затянуть. Еще был брошенный нож, который упал на землю с изогнутым лезвием, но все-таки оставил неглубокий порез на левой руке чуть выше локтя. На этом экспериментаторы успокоились, видимо решив, что при достаточной настойчивости можно ухлопать и меня. Так оно и было, думаю, от стрелы или арбалетного болта моя защита бы не сработала.

К счастью стрелять в меня не было надобности (ну или возможности). Не думала, что подаренный послом амулет окажется таким полезным. Каждый раз после очередного происшествия я благодарила пана Витольда за его непонятную щедрость, которая не раз помогла мне жить. Но как ни странно, амулет ни разу не пригодился против домогательств другого рода. Хотя может только потому, что все знали — трогать меня без моего желания не стоит. А желания никакого не было.

Роксана, правда, была о близком общении с мужчинами совсем другого мнения, о чем не уставала беспрестанно повторять. Она тщательно высчитывала дни и в безопасные отправлялась к мужскому бараку с кем-нибудь на свидание. Возвращалась обычно довольная, укладывалась на кровать, потягивалась и томно улыбалась.

— Чего ты время теряешь? — лениво спрашивала. — У нас не так много приятного в жизни. Время-то идет. Найди мужика хорошего, знаешь, как это приятно?

Я пожимала плечами.

— Надо-то всего один раз потерпеть, — снисходительно поясняла Роксана. — Найди для начала такого, чтобы нравился, понежнее. А потом уже кого покобелистей, чтобы... двигался как нужно. Я тебе подскажу, — масляно улыбалась.

— Потом как-нибудь, — неуверенно отговаривалась я. В окружающей жизни и правда было мало хорошего, многие развлекались, как Роксана и глупо было их за это винить. Но понять тоже невозможно — пару раз я видела, как приезжают новые рабочие, Роксана улыбается какому-нибудь, чтоб в плечах пошире, а вечером уже идет «знакомить его с местными порядками». А через день наслушавшись, как кто-то хвалит к примеру того лысого, зато как он жарит! — тащится в сарай уже с этим лысым. Нет, мне не понять, потому я вообще об этом не думаю.

— Потом, потом... Хватит тянуть! Давай завтра договорись хотя бы с

этим полудохликом, Лешиком. Вот уж кто с радостью поможет! Девственности-то лишить сил у него хватит? А потом, когда разберешься, что к чему, найдешь кого поживей.

Я улыбалась. Лешик — мой самый настоящий друг. Единственный из работяг, с которым я общаюсь. Он худой и болезненный, но мы отлично ладим, я к нему хорошо отношусь, может даже немножко люблю. Но не так...

Роксане вообще бесполезно объяснять, что дело не в стеснительности и не в страхе первого раза. Я просто не могла представить, что это может быть кто-то, кроме...

Э-э, нет. Табу. Были вещи, о которых я запретила себе вспоминать раз и навсегда.

Роксана не знала моей истории, а если бы я рассказала, не приняла бы всерьез. Да и думаю, в моем пересказе прошлое бы прозвучало глупо и жалко.

— Все они просто мужики, — отмахивалась она в ответ на чьи-либо радужные размышления о большой и светлой любви. — Я замужем была и честно скажу, ничего хорошего. Они только вначале любят так, что головы теряют, а потом также сильно теряют головы от других, — Роксана хмыкала и снова принималась меня обрабатывать. — Так что кончай дурить и пользуйся внешностью, пока молодая. С тобой любой пойдет, даже из охраны. Для них это представляешь, какое достижение — девка, которую нельзя трогать сама дала! Будешь тут как на свободе. Подарками завалят, жратвой, тряпками. А может тебя даже кто-нибудь выкупит.

В связях с охранниками и правда была масса преимуществ. Может однажды они меня и заинтересуют. Попозже.

— Да мне и так неплохо.

— Дура, одним словом, — закатывала глаза Роксана. — Оттого, что просто не знаешь, что такое мужик. Ну и сиди сиднем!

Она сдавалась и отворачивалась к стенке, сердито натягивая на плечи куцее одеяло. Я улыбалась, такая она занятная была в моменты, когда пыталась так сказать привнести в мою пресную жизнь немного радости. Но зачем? Меня все устраивало, правда.

Так проходили дни. К тому времени, как закончился первый год, я уже очень редко вспоминала прошлую жизнь. Через два мне казалось, что прежде ничего и не было. А третий год тянулся так уверено, будто давал понять — другой жизни и не будет. Подъемы до рассвета, привычные жалобы соседок, привычная ругань недовольных охранников, привычная каша на завтрак и похлебка на ужин. Привычная Роксана, с утра хмурая и

надутая, по вечерам — охваченная лихорадочным весельем. Наши перепалки на тему мужчин тоже вошли в привычку. Иногда Роксана так распалась, что видимо разочаровавшись в простых уговорах, начинала приводить более весомые доказательства, перечисляя достоинства проживающих в мужском бараке объектов. Вот уж я наслушалась! Морщилась, краснела, но так смешно было, честное слово! Стоило подумать, что это я, бывшая воспитанница пансиона, сижу тут и смотрю, как соседка на пальцах сравнивает некие размеры, как становилось по-настоящему смешно. Хотя... куртизанка я или кто?! Роксана сердилась, думая, что я посмеиваюсь над ней.

— Глупая ты, Ула, — в сердцах говорила она в конце. — Скоро состаришься и сморщишься, а так толком ни разу и не развлеклась!

Через три с половиной года, когда осенью в бараке появилась Тося, у Роксаны хватило ума не продолжать при ней откровенных разговоров. Наоборот, когда один из охранников пригласил Тосю вечером прогуляться и пообещал подарок, Роксана коротко и жестко объяснила ей, как и в какое место охранник собрался ее «гулять», а после всякие подобные разговоры раз и навсегда прекратились. За Тосей мы следили очень внимательно. К счастью, она была сущим ребенком: пугливой, наивной и бесконечно жизнерадостной. И к счастью, у меня было достаточно времени, чтобы держать ее на виду. Ведь у Тоси не было амулета, а кроме любвеобильных мужчин существовала еще Гиена. Каюсь, кажется, мы с Роксаной постепенно превратились в наседок, беспрестанно квохчущих над единственным цыпленком, но оставить подобное Тосе существо один на один против обитателей барака, пусть и не самых плохих совесть не позволяла.

Только с Лешиком я рисковала оставлять Тосю наедине. Вот уж тоже существо не от мира сего — вечно улыбчивый, немного неуклюжий и бесконечно добрый. Если бы меня заставили все-таки кого-то выбрать и пустить в свою постель, он был бы единственной кандидатурой. Познакомились мы в конце первого лета, он только появился и без промедления напоролся в мужском бараке на горячую встречу, потому что там тоже существовала своя Гиена — Острога, здоровый такой мужик со шрамами на лице и шее. По признаниям Роксаны, шрамы у него везде и в делах интимных толку от него ноль, потому что ему все равно кого тискать, хоть живую бабу, хоть неживую. Одна из тех ее шуточек, от которых воротит, но Роксану такие мелочи не волнуют. Впрочем, я многое могу ей простить за то начало нашего знакомства, когда она меня подобрала, еще не зная, что я и сама кого хочешь защищу.

И вот в первый же день Лешику сильно перепало. Впервые я увидела новенького утром, когда он выполз из мужского барака и попытался умыться. Лицо синее, верхняя губа раздутая, огромная, дышит сипло, будто в груди дыра.

Всех не спасешь. Даже если стараться. Но тогда мне впервые за долгое время хотелось плакать, а потом пойти и сломать Острогу челюсть. Я стояла у колодца, смотрела как этот тощий, бледный парень морщился, вытирая лицо, а потом он оглянулся и увидел, как невежливо я его изучаю.

Но не разозлился совсем, не стал делать вид, будто все в порядке. Просто отвел глаза и ушел обратно в барак.

Потом мы узнали, что Лешик взял на складе колотушку, которой отбивают до мягкого состояния зрелые плоды зуты и чуть не убил одного из подручных Острога. Тогда они снова избили его до обморочного состояния, а потом бросили, заявили, что он совсем безмозглый, до последнего пытался сдачи дать. Ну его, еще прибьют, а мадам Юдита хотя и закрывала глаза на драки, но с убийцами разбиралась быстро. Даже когда не имеется прямых доказательств, всегда все вокруг знают, что случилось. Она не делала вид, будто все прекрасно, просто продавала буйных куда подальше, обычно в рудники, а туда, естественно, никому не хотелось.

Когда Лешик очухался после побоев и снова выполз во двор, мы с Тосей грелись на солнышке. Увидев нас, он улыбнулся во все зубы и, поморщившись от боли чинно поклонился. С тех пор мы друзья.

Есть у Лешика одна полезная особенность — он умеет среди сотен слухов и пустых разговоров найти то единственное, что окажется важным и сделать выводы, которые никому другому бы и в голову не пришли.

Осенью, когда появилась Тося, вместе с ней дошли до нас вести, что в нашем родном королевстве Даркассии твориться сущее непотребство. Сначала все думали, что ветер поднялся из-за войны, которая вот-вот разразится с шайнарами, потом болтали, что причина в жутких монстрах, которые вдруг полезли из моря на северное побережье и сносят начисто все прибрежные селения.

Проведя пару дней среди новоприбывших работников и проторчав вокруг смены стражи, которые отработав сезон, возвращалась в ближайший город, Лешик собрал нас и заявил, что грядет нечто масштабное и не совсем приятное для королевского двора и связано это ни с кем иным, а с круоргами, черными магами. Чер-р-рными, страшно округлял глаза Лешик. Тося приснула, а у меня во рту от страха даже пересохло.

Турляньские земли как раз вливаются в Росчерк Азмаиловых гор,

между нашей местностью и горами нет ничего, кроме незаселенной территории. Правда, случаев нападения круоргами на ферму не было, но наверно это только потому, что с той стороны гор людские поселения располагались куда ближе, а потому были гораздо доступнее.

Тогда никто никакого внимания на слова Лешика не обратил. Тося осваивалась, Роксана изо всех сил нас опекала, не забывая впрочем и о собственных развлечениях, близилась зима, вместе с окружающим миром в очередной раз засыпала и я.

К весне пошла вторая волна слухов и уже без сомнения в них были замешаны темные маги. Прибыла новая смена охраны, которые привезли небывалую весть — король Даркасса пошел на сделку с круоргами и официально разрешил им существование и магическую практику. Взамен правда представитель темных магов дал гарантии, что новообразованный клан круоргов обязуется не использовать в получении силы живых людей. Ну разве что приговоренных к смертной казни. Как говорить и приятно и полезно — смертники все равно идут в расход, а тут станут расходоваться не впустую, а помогут получать силу, которая в случае войны выступит на стороне королевства. Тем более круорги будут сами регулировать свою численность и убирать самых агрессивных, следовательно — сильных.

Но народ все равно бурлил недовольством. Еще бы, признать черных магов законно, это просто немыслимо!

Не знаю, каким боком нам эти новости, наверное, мы бы быстро их забыли, но помощник мадам Юдиты проболтался, что ей из столицы пришло письмо, в котором сообщалось, что осенью началось восстановление полуразрушенного замка как раз на пути к горам и не просто восстановление, а в качестве резиденции нынешнего главы круоргов. Замку присвоено название Гнездо гранитной соли. А главное — весной начинается его заселение и при необходимости мадам должна предоставить круоргам людей для obsługi, за что она естественно позже получит денежную компенсацию. Подобное послание получили все окружающие фермы, которые практически не содержали наемных рабочих, так как полностью обслуживались осужденными.

Собственно новости никак на нашу жизнь не повлияли. Весна набирала силу, зеленела земля и эти вездесущие бабочки...

Кто станет думать о темных магах, когда вокруг так тихо и красиво?

Уж точно не мы.

2

Весна уже заканчивалась, но бабочки и не думали пропадать. Постепенно мы свыклись с ними, так же как свыклись с наступившей сухой жарой.

Однажды вечером на закате наша компания сидела в закутке за дровяным сараем. Сегодня днем солнце палило немилосердно, поэтому мы все немного подгорели, а Тося еще залезла в колючие заросли и теперь охлаждала свои многострадальные пятки, задрав ноги высоко на свежие пахучие бревна, чтобы заодно не задеть бабочек. Если бы у человека в принципе была возможность научиться летать, Тося бы наверняка уже ею овладела. Покрытый первым слоем загара Лешик устроился с краю, постоянно заглядывая за угол. Роксана отсутствовала, пребывая на очередном свидании.

— Откуда они берутся? — в тысячный раз удивлялась Тося, отмахиваясь от лениво парящих голубых пятен.

— Вылупляются из гусениц, — терпеливо повторял Лешик, в очередной раз вытягивая шею и выглядывая в сторону барачков.

— Кого ты высматриваешь? — наконец не удержалась я.

Лешик сделал вид, что не расслышал.

— Леш! Говори, кого ждешь? Это девушка?

— А ты ревнуешь? — он комично округлил глаза.

— А то как же, — совершенно серьезно ответила я. На самом деле не знаю, как, но я чувствую, что для Леша я нечто вроде сестры. Он так однажды и сказал:

— Ты не для меня. Даже пробовать не буду. Тем более я точно знаю — когда я ее увижу, то сразу пойму — моя, даже присматриваться не придется.

— Кого ее? — интересовалась я.

— Мала еще такие вещи знать, — он шутливо хватал меня за нос, не желая признавать за мной права на взрослую и самостоятельную жизнь, хотя в моем возрасте уже нормально иметь выводок из двоих-троих детишек. Я ж говорю, вылитый брат. В этот раз, правда, Лешик решил не дурачиться, а почти без промедления ответил.

— Не слышала разве? Пока вы ужинали, прибыли к мадам Юдите посыльные, сейчас у нее в кабинете сидят. Вот мне и хочется знать, что за спешка... к чему.

Он многозначительно подмигнул и продолжил наблюдение.

— А у нас голубых не было, только белые, — сообщила Тося. Непосредственности в ней, как в младенце. — У нас говорили, что желтые к покойникам... А голубые не знаю, к чему.

Такое заявление Лешик бы точно без едкого комментария не оставил, но в этот момент из главного здания вышли два незнакомца в дорожных костюмах и шляпах с широкими полями. Они быстро протопали в сторону конюшни, за стенами которой и скрылись с глаз.

Лешик уже насторожился, делая стойку, чтобы броситься следом и выяснить, куда они отправятся дальше, но из дому совершенно не вовремя вышел начальник охраны пан Бизон. Зыркнул по сторонам, безошибочно засек нас за сараем. От него вообще трудно прятаться, нюх у этого бывшего служаки такой, что и в соседней деревне почует.

— Жулианна Лычинская, к мадам немедленно, — рявкнул через весь двор. Улой меня называли только самые близкие люди, то есть целых трое. Отказать начальнику охраны ни в чем нельзя, да еще и самой хотелось знать, что происходит. Я посмотрела на Лешика, скосив глаза на Тосину голову. Он понятливо кивнул, глаз с нее не спустит до тех пор, пока я не вернусь.

Пан Бизон даже не успел крикнуть еще раз, как я предстала перед его суровые очи и начальник тут же повел меня к мадам, с которой, несмотря на протекцию мастера Армеда я говорила всего дважды — по прибытию и еще один раз, когда на работающих в поле напали гарлики — небольшие птицы с длинным тонким клювом, которые питались кровью и разносили множество неприятных болезней. Очень редкие твари, практически никогда не нападающие на взрослых людей, слишком уж крупная и неудобная добыча. Тогда расспрашивали всех свидетелей, в чисто которых вошла и я. Толку, правда от меня не было — я видела только мельтешение тусклых коричневых перьев среди высоких зарослей зуты и ни один из гарликов ко мне не приближался.

С тех пор прошло два года, но мадам ничуть не изменилось. Кстати платье на ней похоже то самое, что и в нашу первую встречу.

Я успела сесть и открыть рот, но она меня остановила нетерпеливым жестом, проследила за уходящим паном Бизоном и убедившись, что дверь закрылась, сразу заговорила.

— Жулианна, я обещала своему родственнику заботиться о вас и свое обещание сдержала. Но пришло время, когда я практически не могу отвечать за живущих в моих владениях рабочих. Послушайте, я могу отправить вас куда-нибудь... к людям вполне терпимым, которые как и я

позволяют своим работникам жить более-менее сносно. Ответить вам придется прямо сейчас, потому что в случае согласия я отправлю вас немедленно.

Сказанное оглушило не хуже опрокинутого над головой ведра воды.

— Могу я узнать, что произошло? — поинтересовалась я.

— Можете, — без промедления ответила мадам. Кстати на мастера она совершенно не походила. Разве что характером. На фоне ее внушительной и массивной фигуры мастер Армед показался бы бледной неживой тенью. Похоже, женщины их рода удавались природе куда лучше мужчин.

— Мне доставили предписание помогать по мере сил и возможностей новому хозяину замка Гнезда гранитной соли. Недавно ему пожалован княжеский титул и множество привилегий, в том числе обещана поддержка всех королевских подданных. Только что мне привезли запрос на службу для замка, людей, общим числом десять человек, здоровых взрослых, семь девушек, трое мужчин. Судя из послания моего соседа, у которого представители круоргов уже побывали, выбирать они предпочитают сами. Естественно, скрыть тебя я не смогу и не отдать тоже. Конечно, еще неизвестно, кого они возьмут, но решай сама. Если остаешься, я снимаю с себя обязанность тебя опекать. С другой стороны, если ты отправишься на другое производство, забрать обратно тебя я, скорее всего уже не смогу. Ну же Жулианна, теперь думай, и быстрее, у меня мало времени.

Думай... О чем тут думать? Темных магов я не особо опасалась, потому что знала о их сущности немного больше окружающих, и все благодаря одному разговору, когда мы с...

Табу.

Но вот чего я действительно боялась, так это снова остаться одной. Без Тоси, Лешика и Роксаны. Конечно, в нашем положении глупо к кому-то привязываться, ну а как иначе? Невозможно совсем уж отгородиться и не обращать внимания, что вокруг обитают живые люди, большинство из которых не особо-то от тебя отличаются. А ведь они очень много для меня значат. И еще, ладно обо мне есть кому позаботиться, спасибо мастеру Армеду. А кто позаботится о Тосе? О Лешике? О Роксане?

— Я останусь здесь. Спасибо вам за все, что вы сделали, но никто не может отвечать за другого человека целиком и полностью.

Показалось, что мадам вздохнула с облегчением, когда сняла с души груз необходимости отвечать еще и за меня. Похоже, предписание об обязательной помощи круоргам не очень-то ее устраивало и думать о любых других обязательствах ей было некогда.

— Постарайтесь начиная с завтрашнего дня не выходить лишний раз

во двор, — сказала она на прощание. Я уже переступала порог, когда до меня дошло...

— С завтрашнего? Когда они приедут?

— Не знаю, в любой день, в любое время, начиная от рассвета и заканчивая закатом. А может и ночью. С рассвета, правда вряд ли, должны же они где-то ночевать? А ближайший трактир за полями, оттуда до нас добираться четвертую часть светового дня.

На улице я молча дотопала до сарая и только тогда вспомнила, что меня ждут. Придумывать легенду уже поздно, да и кого успокаивать? Тосе тоже стоит узнать правду, потому что есть вещи, о которых необходимо предупредить заранее, а не когда станет поздно. И наверное, нам нужно подумать и принять какие-нибудь меры предосторожности.

Потому я сразу сказала:

— На днях к нам явятся вербовщики и заберут часть народу в замок главаря круоргов.

Пока Тося хлопала глазами, Лешик без промедления спросил:

— Зачем?

— Говорят, как обслугу.

— Ну тогда не страшно, — жизнерадостно заявил Лешик, посматривая на испуганную Тосю. — Тем более я тоже не слышал, чтобы там кого-то приносили в жертву. Когда точно приедут, знаешь?

— Нет, — сама бы от подобной информации не отказалась.

— Тогда старайтесь держаться в самой гуще народу. И поближе к баракам, к выходу, где можно спрятаться. Может и пронесет.

Он задумался.

— А знаете, с другой стороны мне даже интересно посмотреть на замок изнутри. И на главаря ихнего. Слышали, как его прозвали? Нет? — Лешик сделал загадочные глаза и аккуратно произнес:

— Асмаиловый Князь Тлена... официальный, между прочим, титул. Правда, красиво?

В общем-то да, неплохо, но даже такое впечатляющее имя не добавит в моих глазах работе на темных магах привлекательности.

Оставив Лешика смотреть в небо и мечтать о неразгаданных загадках и ужасающих тайнах, мы с Тосей отправились в барак, чтобы еще успеть сообщить новости Роксане. Та пришла очень поздно, выслушала сквозь сон мои сбивчивые объяснения и отмахнулась, мол, завтра решим, что делать.

Но завтра уже стало поздно.

На рассвете, когда все выбрались во двор и выстроились в очередь к умывальникам, а те, кто успели освежиться стояли под закрытыми дверьми

столовой, из-за конюшни вырвалось трое всадников и сразу стало понятно, что эти чужаки не могли приехать ни с чем хорошим. Лошади одинаковые, выносливой горной возоровской породы, довольно дорогое удовольствие. Не меньше лошадей впечатляла темная жесткая одежда незнакомцев, высокие сапоги с тупыми обитыми железными бляшками носами и главное отличие темных магов — плавающие, будто застланные чернильным туманом глаза.

Первый из них проехал дальше и остановился среди застывшей толпы. Внимательно окинул нас взглядом. Вот какие у них глаза... Будто начищенный до блеска серебряный поднос заляпали пятнами жирной черной грязи. На висках чужака были вытатуированы когтистые лапы какого-то зверя.

Кстати, на что я трачу время? Тося... Тося стояла прямо за крупом его лошади. Маг ее не видел, осматривал народ с другой стороны. К счастью я тоже оказалась практически за его спиной.

Как только он отвернулся, я сделала осторожный шаг к Тосе, пытаюсь подойти ближе и дать понять, что ей нужно медленно попятиться и спрятаться в бараче, а вход как раз всего в паре шагов назад.

Когда я оказалась практически вплотную и делала всякие варварские многозначительные гримасы, а Тося морщила лоб, пытаюсь расшифровать увиденное, маг неторопливо развернулся, лениво, с напускным удивлением смотря сверху вниз.

— Ты и ты, — кивок на меня и Тосю, — отправляйтесь в сторону конюшни.

И как ни в чем не бывало вернулся к изучению остальных работников, которые моментально сбились в кучу, хотя ничего страшного в его голосе не было. Разве что в глазах, где клочьями плавала чужеродная нашему миру сила. Будто грязь по чистой поверхности размазывалась.

К плечу вдруг прижалось что-то теплое.

— А я? — раздался вызывающий голос Роксаны. Она обхватила меня за плечи, крепко прижимая к себе. Круорг снова оглянулся, оценивающе окинул Роксану взглядом.

— Хорошо. И ты.

— А я? — невозмутимо поинтересовался Лешик, подходя к чужаку с другой стороны, для чего ему пришлось отодвинуть в сторону парочку шестерок Острога. Те вяло посторонились, даже не попытавшись огрызаться. Мага, наконец, проняло и он удивленно переглянулся с двумя оставшимися у въезда во двор приятелями. Похоже, прежде желающих добровольно отправиться в логово жутких магов не находилось.

— И ты, — задумчиво покосившись на сверкающего беззаботной улыбкой Лешика, согласился круорг. — И довольно самодеятельности. Так, ты, ты и ты, — он уже быстро ткнул пальцами еще в четырех женщин, потом выбрал двух крепких парней, которые были братьями и без промедления развернулся к конюшне. — Шевелитесь! Выезжаем немедленно.

Всадники скрылись с глаз, а я стояла, держа за руку растерянную Тосю, пока Лешик не потянул за рукав.

— Ну вот Ула, — негромко сказал на ухо. — От судьбы не уйдешь.

— От какой судьбы? — я не поняла.

Он хмыкнул.

— От предназначенных фортуной неприятностей. Или испытаний. Называй, как хочешь. А некоторые вещи случаются к лучшему, — тут он с сомнением поморщился. — Хотя я с таким почти не сталкивался. Обычно бывает только хуже и хуже...

Тут Лешик поймал перепуганный взгляд Тоси и мгновенно умолк.

Позавтракать нам не дали, рассадили по двум телегам, которые управлялись незнакомыми возницами, видимо круорги привели своих. Связывать нас не стали, всадники просто проследили, чтобы мы выехали на дорогу, а после главный из них, тот, что выбирал, зычным голосом предупредил, что на нас навешаны слежки и если мы посмеем убежать, то им придется тратить своей драгоценное время на поиски, следовательно, они сразу станут злыми и взамен испортят существование нам.

Главаря тройки звали Доминик зет Пульвис, Лешик потом предположил, что приставка к имени зет у круоргов означает какой-то ранг, а следовательно, организованы они куда лучше, чем предполагалось раньше. И это очень настораживает.

За три дня путешествия магов мы больше не видели. В телегах нашлась еда и одеяла, по вечерам возницы привычно разбивали лагерь, оказалось, они везут в замок уже далеко не первую партию людей.

Лешик пытался их разговорить, но ничего полезного не узнал. Не узнал правда и ничего ужасного, по утверждению провожатых никаких жертв маги не приносили, по крайней мере, в замке. Хотя все равно добровольно работать там мало кто соглашался, потому круорги вынуждены возить осужденных. Да еще сказывается репутация князя, который считается невозмутимым, но весьма непредсказуемым хозяином. А когда он изволит гневаться, даже его ближайший советник предпочитает держаться как можно дальше.

Если бы не неизвестность того, что же ожидает нас в замке, то дорога

показалась бы одним сплошным удовольствием. Сидишь себе в телеге, болтаешь ногами, щуришься на солнышко и смотришь по сторонам. Красота.

А на четвертое утро из-за очередной горки выплыл замок. Ничего прекраснее я в жизни не видела! Бледное розоватое небо, черные четкие линии гор, покрытых махровым лесом и в центре всего — изящный точеный фасад замка. Узкие увенчанные остроконечными крышами башни, темнеющие арчатые окна, на самой высокой башне, видимо главной, развивается флаг. Настоящая картинка, последний отрезок пути прошел в полном и восторженном молчании...

Когда мы подъехали ближе, смогли рассмотреть еще одну деталь — на крыше главного здания стояла статуя мужчины в плаще с откинутым на спину капюшоном из металла странного зеленоватого оттенка. Его руки были скрещены на груди и спрятаны под тканью, он смотрел вдаль, высоко подняв голову и улыбался. Очень так неприветливо. Впрочем, мы и не в гости. Да и не по своей воле.

Миновав массивные ворота, мы попали во внешний двор у защитной стены, а оттуда через проход между двумя соединенными аркой зданиями — во внутренний. Там нас встретил мужчина, который быстро приказал освободить телеги, что мы тут же выполнили. Телеги моментально угнали куда-то за замок, а нас оттеснили к ближайшей стене.

Из основного здания вышел Доминик, за ним — пожилой мужчина с острым вытянутым лицом и глазами навывкате.

Оказалось это замковый смотритель, отвечающий буквально за все хозяйство. Он поймал какого-то слугу и отправил за пани Поли, которая заведовала кухней и уборкой. Потом приказал женщинам ждать, а мужчин тут же увел. Лешик успокаивающе улыбнулся на прощание. Надеюсь, скоро увидимся, судя по мелькающим вокруг слугам не похоже, что в свободное от работы время их держат взаперти.

Пока мы ожидали пани ключницу, пришли в себя достаточно, чтобы оглядеться по сторонам. Изнутри замок впечатлял не меньше, чем снаружи. Он оказался огромным, не замок, а целый комплекс из нескольких замков, неудивительно, что тут требовалось столько обслуги.

Вымощенный крупным булыжником двор вел дальше, за центральное здание и куда именно, видно не было. А с нашей стороны двор перетекал в относительно узкую дорожку вдоль увитой плющом стены, которая вдалеке разветвлялась. Одна из дорожек уводила в сторону, другие так и жались к замку.

Именно на этой дорожке показались три женские фигуры.

Первой шла статная блондинка в изумительном платье голубого шелка. По сквозящей в каждом движении уверенности сразу было видно — она тут хозяйка. За ней следовало две девушки в одежде попроще. Наверняка, свита.

Одновременно рядом с нами возникла пожилая женщина, крайне серьезная и задумчивая. Как оказалось, пани Поли.

Она уже повернулась к блондинке и вежливо наклонила голову.

— Новые слуги? — раздался сильный плавный голос. — Есть кто стоящий?

— Смотрите сами, — тактично сказала пани Поли, не двигаясь с места. От ее темно-желтого широкого платья пахло чем-то сладким и удивительно приятным, как от конфеты, которую обещают дать после невкусного ужина.

Блондинка без промедления остановилась напротив и принялась придирчиво нас осматривать. Я застыла... Глаза... глаза покрытые темными расплывчатыми следами. Это была магичка, причем темная. Я никогда не слышала о их существовании, хотя если есть мужчины, то вполне понятно, что могут быть и женщины. Только как? Вроде сама женская сущность отторгает насильно изъятую чужеродную энергию. Но никакого сомнения — это магичка. Что ей кстати нужно? По мне хозяйка просто скользнула взглядом, остановилась на Роксане, которая уже вызывающе ухмылялась. Поморщилась. Потом остановилась на Тосе. Задумалась, но спустя секунду отвернулась.

— Опять ничего подходящего, — пожаловалась подругам. Те согласно закивали.

— Пани Поли, привезите мне, в конце концов, что-нибудь особенное, — нетерпеливо сказала.

— Прошу прощения, мадам Фиона, но я исполняю приказ князя. Требуются молодые и здоровые слуги, больше никаких указаний не было.

— Ничто не мешает привезти парочку симпатичных, — пристально сверля ключницу глазами, настаивала блондинка.

— Таких уточнений не имелось.

Они молча обменялись нелицеприятными взглядами. В этот момент я пани Поли невольно зауважала. Спорить с темной магичкой, это нужно много смелости иметь. Или уверенности, что несмотря ни на что тебя тронуть не посмеют.

— Хорошо, я прослежу, чтобы вы получили от князя прямой приказ, — криво улыбнулась хозяйка и отправилась восвояси. Свита потащила следом.

Я поняла, что вздохнула с облегчением. Тося к счастью эту Фиону не заинтересовала. Роксана и сама о себе способна позаботиться, как и я. Вот, кстати, и причина порадоваться, что мой вьюнок давно уже ведет себя паинькой. Если честно, в бараках никто кроме моих друзей не знал, что я шай-парс. И то я им сама сказала, даже пришлось показывать в качестве доказательства рисунок, который с момента, как на меня надели амулет, ведет себя тише воды ниже травы. Ползает мало и вяло, притом никогда не высовывается из-под одежды. Видимо, как-то влияет изменение полюса силы, ведь вьюнок по природе своей не агрессивен. А вынужден излучать разрушающую энергию, отчего, похоже, чувствует себя не очень хорошо. И меня это полностью устраивает.

Тем временем пани Поли отвела нас к одному из неприметных боковых входов, а оттуда в комнату недалеко от кухни и от служебных помещений. Спокойно распределила места для сна и вещей, а потом работу. Мне и Роксане досталась уборка, Тосе — помощь на кухне. Причем Тосю пани Поли осмотрела с искренним удивлением, видимо не понимая, зачем притащили такую мелкую и довольно хилую девчонку, но ничего не сказала. Не откладывая, нас накормили завтраком и отправили работать.

Замок оказался не просто замком, а огромным комплексом, состоящим из нескольких более мелких зданий, соединенных двухэтажными переходами. В главном доме было шесть этажей, не считая чердаков и подземелий. Хотя как сказать... К примеру, потолок центральной трапезной терялся в высоте, которая равнялась примерно трем этажам жилых помещений за его стенами.

Обжитыми были примерно треть всех имеющихся в замке помещений, а остальные нуждались в ремонте и уборке.

За несколько дней мы научились довольно сносно ориентироваться в этом замке, больше похожем на рукотворный лабиринт, а потом научились выбирать время, чтобы друг с другом встретится. Местом встречи стала щель между ограждающей сад стеной и сараем скотного двора. Пахло там не очень, точнее зависело от того, откуда дул ветер, но зато хорошо прятало от посторонних взглядов. Сюда нас привел Лешик, который как раз работал на скотном дворе, потому это место являлось именно его находкой.

Собственно особо ничего не изменилось. Одна рутинная работа сменилась другой, не менее нудной. Барак — практически такой же комнатой, забитой людьми под завязку. Разве что тут по территории часто мелькали те самые круорги, к которым все относились с опаской, потому что постоянно ждали с их стороны неприятностей.

Самого князя мы не видели, потому что он с двумя помощниками и

советником, которого никогда от себя не отпускает, был в отъезде. По каким делам провещать слуг естественно никто не собирался. А слухи мы старались не слушать. Кроме, конечно же, Лешика. В общем, он пересказал нам все услышанное и в принципе ничего удивительного или нового в сплетнях не было — о князе никто толком ничего не знал, ни кто он, ни откуда явился, просто известно, что за последнее время он умудрился объединить разрозненных круоргов и организовать их, для чего ему пришлось убить парочку самых агрессивных и, следовательно, не самых слабых магов. Говорили, что победивший круорг забирает себе силу побежденного, потому Князь сейчас силен просто до неприличия. Ну, это не удивляло. Единственное, что ставило Лешика в тупик, это утверждение, что князь очень любит золото и без стеснения обирает всех, до кого доходят руки. Окружающие земельные помещики откупались от него деньгами и тот брал откуп, взамен обещая безопасность и даже защиту от ошивающихся в округе разбойников и лезущих из нутра гор монстров.

Лешик жаждал видеть князя чуть ли не больше, чем свободы, так что первым сообщил нам новость о скором приезде хозяина.

Впрочем, приближение князя мы почувствовали и на своей шкуре. Трудно не догадаться, когда невозмутимая пани Поли впадает в панику и требует немедленно выдрать кабинеты и гостевые спальни в северном крыле центрального замка.

Этим следующие два дня мы и занимались. Самое сложное в уборке — таскать наверх ведра с водой. Водопровода в здании не было, только простейшая канализация, вроде его собирались планировать, но когда воплотят и воплотят ли вообще, неизвестно. Хотя вроде в покоях князя существовала своя система поставки воды, но в покои допускались только проверенные слуги. Не сказать, что я об этом жалела.

В день прибытия князя я драила окна в коридоре вдоль зала совета. Вечером мы с Роксаной договорились встретиться снова, я Тосю два дня не видела, а последний раз она жаловалась на придирки старшего повара. Приближение хозяина отдалось в стенах замка гулом, будто за спиной зашептали камни. Жутковатое ощущение.

Я непроизвольно уставилась в окно. Всадники показались из-за косога холма, который перекрывает дорогу, а дальше она вообще уходит вниз, так что разглядеть гостей можно только с верхушки западной башни.

Всадников было всего пятеро. Издалека они друг от друга не отличались. Без охраны, значит, путешествует наш бесценный князь? Хотя... пятеро темных магов, неужели найдутся дураки-разбойники, которые рискнут на них напасть? Да еще с оружием? Против магов нужно

собирать небольшую армию, по крайней мере, круорги старательно поддерживают подобное утверждение, а остальные стараются лишней раз не проверять, насколько оно правдиво.

— Сатя, догонишь! — голос за спиной.

Фиона неслась по коридору, хмуро оглядываясь на одну из своих подруг. На меня хозяйка никогда не обращала внимания, впрочем, как и на всех остальных слуг. Фио общалась только с магами и главными управляющими.

— Сатя, не тяни! — больше не задерживаясь, магичка поспешила к лестнице. Похоже действительно рада приезду князя и хочет его видеть. Говорят, она поселилась тут вместе с ним с самого начала, когда он только стал собирать круоргов в целое, то есть они вместе уже почти два года.

Представляю, какого сейчас Лешiku. Интересно, любопытство перевесит угрозу возможного наказания или не перевесит? Наверняка он не удержится, бросит работу и полезет взглянуть на князя хотя бы одним глазком.

К счастью мое любопытство было не настолько огромным. Я спокойно домыла окно, рассудив, что лучше лишней раз на глаза уставшим незнакомцам не попадаться.

Хорошо, что вниз грязную воду тащить уже не нужно, можно просто вылить в канализационную трубу.

Спустившись во двор и выйдя на улицу, я увидела на повороте к центральному входу телегу с задраным верх боком. С нее на мостовую скатились плотные рулоны какого-то толстого материала, а возле стояло четверо незнакомцев в темной дорожной одежде.

Они стояли достаточно далеко, чтобы я незамеченной проскользнула мимо, к небольшому входу под центральной лестницей, где уже толпилось немало любопытствующих. Люди шептались, что как раз перед приездом князя с площади угоняли телегу, чтобы она не портила собой парадный вид, а она вместо этого сломалась, так что по прибытию хозяин именно ее первым делом и увидел. И как застряли они там, так и стоят, о чем-то переговариваются.

Я видела только спины и боком стоял Доминик. Лешика, кстати поблизости не было, но не думаю, что он все пропустил. Скорее, уже утолил любопытство и ушел.

Пора было отправляться перекусить и хорошо бы умыться после длительного соседства тяжелых пыльных штор.

Один из всадников развернулся и направился к крыльцу. Я шумно выдохнула и на секунду зажмурилась. Посмотрела — нет, не показалось.

Теперь он тоже стоял на месте, смотря на меня не менее изумленно.

— Пан Гектор? — я, уже плохо соображая, шагнула к нему, с испугом заглядывая в лицо. Фу-ух, прямо от сердца отлегло, глаза обычные, никаких грязевых разводов. Не знаю, какое отношение он имеет к круоргам, но точно не является одним из них. Какое облегчение, мать всех звезд! Как же я за него испугалась!

Похоже, изумлен пан Гектор ничуть не меньше моего. Еще бы, такая встреча! Только глазами хлопает, а потом вдруг резко оглядывается назад.

Ой, а я и внимания не обратила, что совещающиеся у сваленных тюков люди вдруг замолкают. Тот, что стоит спиной, к чему-то старательно прислушивается и вдруг одним резким движением разворачивается.

Никогда и ничего я не боялась настолько, чтобы замереть от единственного оставшегося желания — исчезнуть. Не было ни единого случая, даже в самые сложные времена, чтобы мне хотелось немедленно и мгновенно умереть на месте. Кроме этого момента.

И конечно, я его узнала. Сразу же. Может только немного не поверила, что вижу перед собой его, самого дорогого, одного единственного...

Только сейчас глаза Яноша изменились, став полностью черными, однотонными, и слой темного в них был настолько плотным, что для изначального цвета совсем не осталось места.

— Янош...

Будто я не сказала, а просто подумала. Оказывается, я уже стою в прежней позе, в той самой, крепко прижав руки к груди. Совсем так же, как тогда... когда увидела его в первый раз. Вот только платье на мне, пожалуй, гораздо хуже, чем даже на той шестнадцатилетней девчонке. Старое, пыльное. И загар, не присущий благородным воспитанницам пансиона. И грязные, плохо уложенные волосы.

Стоявший передо мной Янош стремительно бледнел. Он казался старше, таким серьезным, совсем взрослым. Сухие губы, морщинки вокруг глаз, привычно хмурые брови...

Доминик, который продолжал что-то ему говорить, постепенно замедлялся, изумлено поглядывая на застывших людей — пана Гектора, Яноша и меня.

Все такие же темные волосы. Наглухо застегнутая под шею куртка, не на пуговицах, а на ремешках, так меньше шансов, что она расстегнется при резких движениях. Камня из-за воротника не видно, хотя какой камень...

Что же с его глазами? И никаких эмоций на лице, если бы не бледность я бы решила, что он вообще никого не видит.

Вдруг Янош крупно вздрогнул. Быстро отвернулся и нашел глазами

второго помощника, смуглого и круглолицего.

— Эту, — резкий кивок в мою сторону. — Отведи в подвал, запри в третьей комнате. Немедленно.

Казалось, смуглый оказался рядом мгновенно. Меня дернули и куда-то потащили, схватив за локоть. Пришлось отвернуться, чтобы не споткнуться и не растянуться на камнях. Все еще слышался голос... такой родной, почти забытый и одновременно совсем чужой. Будто в нем совсем не осталось радости и смеха, а только привычка приказывать и угрожать.

Сделав пару шагов прочь, я не могла не оглянуться снова.

Янош изумлено смотрел в землю под ногами, а потом вдруг странно пошатнулся, прикрыл глаза и тяжело сел на сваленные у ног тюки, опустил голову, а потом обхватил ее обеими руками, будто хотел посильнее сжать.

— Что случилось? — Доминик напрягся и встревожено оглядывался, будто искал вокруг угрозу их жизням. — Князь, что с вами? Что произошло?

Вдруг опомнился Гектор.

— Быстро всех уводи, — резко приказал Доминику, подходя к Яношу.

В этот момент меня дернули сильнее и я почти полетела вниз. Оказалось, мы уже у входа в подземелье, смуглый ведет меня вниз по каменной лестнице к темному проему, откуда тянет сыростью и запахом плесени.

Подземелье... меня ведут в подземелье?

Янош... он приказал запереть меня в подвале?

Но не это сейчас главное, совсем не это...

Я пойти врезалась в угол, чудом провожатому удалось удержать меня и оттащить немного в сторону.

Доминик, который стоял рядом, сказал... сказал...

Князь.

Сердце грохнулось, как будто с размаху врезалось в скалу и застыло. Князь.

Я судорожно вцепилась ногтями в руку смуглого и краем уха услышала, как протяжно он зашипел.

Асмаиловый князь Тлена.

Самый известный в наше время черный маг, взявший силу убитых им круоргов.

Мой Янош...

Темный каменный коридор стремительно сузился в одну точку. Это был третий обморок на моей памяти. И последний.

Во влажном затхлом подвале оказалось очень душно, по шее тонкой струйкой стекал пот, волосы прилипли ко лбу, будто кусок грубой плотной ткани.

По щеке несильно похлопали. Глаза удалось открыть не сразу, хотя свет вокруг был неяркий и живой. У противоположной стены в огромном камине горело пламя, трещали дрова и в стороны жизнерадостно сыпались блестящие искры.

Смуглый помощник Яноша убедился, что я пришла в себя, еще раз взглянул на огонь и без промедления направился к выходу. По каменному полу проклацали железные набойки сапог, дверь скрипнула и лязгнула, а потом раздался скрежет задвигаемого снаружи засова.

Опять обморок... Просто невозможно, что за напасть такая? Я что, буду теперь плюхаться на пол от каждого мало-мальски неожиданного зрелища? От каждого самого мелкого страха? Хотя какого там мелкого...

Я сбросила растоптанные туфли, выданные еще у мадам Юдиты и залезла на лежанку вместе с ногами. Помещение было небольшим, с неожиданно высоким для подвала потолком. Выложенные из длинных каменных блоков стены, тщательно выскобленный пол из простых серых булыжников, как на улицах больших городов. Очень чисто. Кто интересно его скоблил? На самом деле я даже не знаю, кто убирает подвалы... Не новенькие точно. Значит, передать что-нибудь на словах для Лешика и девчонок не получится, остается надеяться, что они итак все узнают. Волноваться только будут, но тут уже ничего не поделаешь.

Огонь будто лежал на широком постаменте и занимал в высоту чуть ли не половину стены. Очаг, стена и даже часть потолка были покрыты толстым слоем копоти. Как его глаза...

Еще длинный грубо сколоченный деревянный стол у стены, две табуретки, на одной из них бадья с водой. Единственное полукруглое кресло темного вытертого до блеска дуба. И подо мной — лежак, так же наспех сколоченный, как и все окружающие предметы обстановки. Поверху брошена охапка сухой травы и какая-то вытертая, но довольно чистая тряпка.

На столе сваленные кучей железные предметы неизвестного назначения, жестяные мятые коробки и сложенные штабелем узкие ящички из потемневшего от старости металла. Даже неохота думать, что там

внутри и для каких дел все это разнообразие предназначается.

Как могло получиться... Как же это могло произойти? Светлый, честный и открытый человек, который вытащил меня из рабства. И не только меня. Который искренне радовался каждый раз, когда удавалось кого-то спасти. Которому было по-настоящему неудобно за кое-какие некрасивые вещи, которые происходили в королевской службе внутреннего надзора, где он работал, но он как мог, оправдывал происходящее. Хотя и сам себе временами не верил. И что? Человек, который искренне желал защитить свое королевство от нападения шайнар вдруг... встал на противоположную сторону. Или нет, не встал, напротив, он создал третью силу, с которой теперь приходится считаться всем остальным. Создал ее из преследуемых законом убийц, круоргов. Стал одним из них. Как же такое могло произойти? Как звезды допустили?

Я уткнулась лбом в колени, голова напрочь отказывалась держаться на весу, тяжело падала, как у младенца, который только-только учится ее держать.

Как он мог превратиться в опасное и неуправляемое, как сама стихия существо, которое я увидела на улице? А его глаза...

Невозможно поверить, что нагнавший ужасу на королевство темный князь — тот самый мальчишка, который целовал меня под запертой дверью моей комнаты. Который любил меня настолько, что сделал предложение, а не просто соблазнил, ведь совершенно точно ему бы это удалось. Даже тогда...

Было очень больно и страшно. За него, человека, который вступил в ночь и теперь невозможно ничего поделать. Возврата обратно нет, чужая отобранная силой магия подобна наркотику, от которого невозможно отказаться. А если он забирал не просто магию, а жизнь... да еще не самых слабых круоргов, этот процесс сродни наслаждению настолько сильному, что невозможно добровольно отказаться. Говорят, наиболее слабые даже сходят с ума.

У нас много сплетничали о темных магах, когда они только появились поблизости. Рассказывали по вечерам перед сном в тишине сонного барака жуткие подробности, от которых даже радостно становилось, что мы никто, всего лишь никому не нужные рабочие, никак с круоргами не связанные. Говорили, что победить насосавшегося чужой жизненной силы мага возможно только в момент, когда он отключается, купаясь в полученном вместе с энергией наслаждении. Их сравнивали с пиявками, не способными остановиться, пока не обожрутся и не раздуются словно шар, так что не в силах даже пошевелиться. В таком состоянии круоргов и уничтожали,

обычно охота выглядела следующим образом — вычисляли территорию темного, подсовывали беззащитную жертву и как только круорг усвоит достаточно ее жизненной силы, чтобы потерять бдительность, били того на поражение. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но звучало, прямо скажем, мерзко.

И как теперь жить? Как знать, что Янош... Что он...

В коридоре раздался грохот, приближались твердые, гулкие шаги. Практически сразу растворилась толстая неповоротливая дверь, огонь взметнулся и потянулся в сторону щели, которая становилась все шире. Через секунду в нее заглянул Янош, застыл так, что можно было разглядеть только часть лица и один неподвижный прищуренный глаз. Позади него виднелся какой-то человек в форме охраны, испугано и многословно о чем-то толкуя в прямую спину хозяина. Не обращая на него ни малейшего внимания, князь... давно уже не мой жених, а князь новых темных земель проскользнул в щель, сильно потянул за собой дверь, захлопывая ее перед носом у стоящего позади и запер внутренний засов. Кованая полоса заскрипела, туго входя в боковую скобу, похоже, этим запором не так уж часто пользовались так... изнутри.

Янош... Он и одновременно не он. Знакомые до последней мелочи черты, но совершенно необъяснимая, пугающая чужеродность в глазах. Что могло случиться настолько ужасного всего за несколько лет?

Сделав шаг с порога, он внезапно заговорил. На фоне потрескивающего огня голос звучал четко и утончено вежливо.

— Мариза де Тувисс. Какая честь.

Даже, кажется, слегка кивнул, приветствуя. Отвернувшись, подошел к столу, быстро стягивая с руки перчатку, потом таким же привычным жестом вторую. Не глядя, бросил на стол.

Я непроизвольно опустила ноги и села прямо. Мариза...

Происходящее походило на какой-то фарс, на глупое, нелепое, никому не нужное представление.

— Янош...

— Господин маг! — резко поправил Янош, его лицо быстро дернулось, но тут же вернулось к состоянию полной невозмутимости.

— Господин маг... — вот значит, как. Эта холодность, снисходительность и показательный приказ запереть в подвале... Все это могло означать только одно. Тогда, тогда он поверил. И сейчас верит. Как же он посмел поверить?

Янош тем временем ленивым движением опустился в деревянное кресло. Развалился, правда, в пределах допустимых приличий и картинно

закинул ногу на ногу. С таким видом принято сидеть в гостях у пригласивших тебя на обед аристократов. Сидеть в подобной позе, полностью расслабившись, поглядывая краем глаза по сторонам и неторопливо поддерживать вежливую бессодержательную беседу.

— Мариза де Тувисс, — продолжил маг. — Не скажу, что наша встреча из разряда приятных, но вне всякого сомнения, подобные совпадения бывают крайне редко. Признаться, некоторое время назад я и сам хотел вас найти и... повидать, да все как-то не получалось. А теперь — надо же! Не зря мудрецы любят талдычить, что рано или поздно любому выпадает шанс исполнить все свои самые заветные желания. Жаль, что обычно такие возможности появляются слишком поздно, только когда сильные желания перерастают в слабое подобие памяти о них.

— Янош...

— Господин маг, — спокойно, но резко подчеркнул он. — Советую крепко запомнить форму обращения к хозяину и впредь не ошибаться. — Итак... теперь немного поговорим о вас?

Янош улыбнулся. Нет, не Янош. Этого человека я не знала. Совсем не знала. Да, знакомое лицо, но даже лицо изменилось практически до неузнаваемости. Не так, конечно, но не знаю, как объяснить. Он стал старше, причем казалось намного старше, как невозможно стать всего за четыре года. Голос потерял все привычное понимание и радость, оставшись холодным, невозмутимым, скучным, будто он теперь говорит одну только прописную истину и никогда ни с кем ни о чем не спорит. К чему? Он всегда прав.

— Итак, панна Мариза, что же с вами произошло? — князь внимательно меня рассматривал. А мне вдруг понадобилась передышка. Слишком много всего, слишком сразу все это навалилось. Мне нужно побыть одной, потому что Янош жив. Все мои прежние табу... Конечно никогда не работали в полную силу. Сколько раз я думала о нем, уткнувшись в подушку поздней ночью, когда за стенами барака гулял ледяной зимний ветер. Куда он пропал? Все ли обошлось? Счастлив ли он? А сейчас приходят холодные, словно чужие мысли, что с какой-то стороны все просто отлично. Князь. Ну, а мелочи вроде черных глаз... некоторые не считают магию круоргов чем-то неэтичным и недопустимым.

— Вы жалко выглядите, — снисходительно усмехнувшись, сообщил господин маг, останавливаясь на моих торчащих из-под платья ступнях, босых и далеко не самых чистых.

Мне нужна передышка... Не хочу ничего слышать. Не хочу!

— Что же случилось? — он откинулся, с непередаваемым

удовольствием, играючи округляя глаза, — неужели ваши услуги настолько обесценились? Вероятно, весьма сложно из практически королевских условий попасть напрямик в служанки? Хм, почему же так все сложилось? — он фальшиво задумался, подпирая одним пальцем подбородок. — Ну, в любом случае... Еще удивительнее думать, почему вашими... услугами нынче никто не заинтересовался. Право... такой профессионализм — и без тренировки. Не боитесь потерять навык?

Как я устала.

— Замолчи.

Улыбка на его лице растворилась, будто мигом ухнула в глубину.

— Советую в следующий раз хорошенько думать, что произносят ваши прелестные губки, панна Мариза, — тон снова официальный, наполовину равнодушный, наполовину — угрожающий. — Потому что, вероятно, ты плохо поняла, что в данный момент все еще жива только потому, что так пожелал я. Я понятно объясняю? — педантично поинтересовался он в конце. И так спокойно, будто говорил о том, что желает откусать на ужин.

Нет, этого человека я не знаю. Совершенно.

— В кого же вы превратились... господин маг? — даже горько во рту стало, настолько отчаянным вышел вопрос. — Кем ты стал?

В его лице отразилась тень удивления.

— Что вы, панна Мариза, я в полном порядке и даже смею заверить, процветаю, — задумчиво ответил князь, смотря перед собой, словно в пустоту.

— Твои глаза стали совершенно черными. Их покрывает копоть!

Он слегка улыбнулся.

— Какая ерунда... По сравнению с остальным.

Янош собрался и теперь смотрел мне прямо в глаза. Как тяжело не отвернуться, когда в твою душу заглядывает бездна!

— Я очень богат... панна. Очень. Некогда я и мечтать не смел о подобном состоянии. Теперь я могу позволить себе и своим... содержанкам все. И даже немного больше. Более того, я очень могущественен. Меня опасаются в королевстве и опасаются настолько, что вынуждены со мной считаться, признать за мной право на создание гильдии круоргов, выделить нам земли. Меня боятся все, уважаемая панна. Все, без исключения. Если мне взбредет в голову в соседней деревне потребовать себе для постельных утех самую красивую юную девственницу, мне отдадут ее безо всякого сопротивления, — он лениво растягивал губы. — Да-а, я теперь гораздо более соблазнительная цель для шайнарских потаскух, — губы все

улыбались, а глаза все оставались бездушно-пустыми. — Так что моей жизни можно только позавидовать. Куда до Князя тому глупому мальчишке, жалкому слабаку-идеалисту, каким я был раньше.

— Не смей так о нем!

Он смотрел, не мигая. Куда, непонятно. И мимо, и прямо, и одновременно вокруг, будто видел больше, чем способен увидеть обычный человек. На лбу прорезалась глубокая складка.

— Ты плохая служанка. Грубая. Очень непослушная.

Отступить было некуда. Да и зачем?

— Ты превратился в зверя, Янош!

А потом над его головой взвилось облако темного пепла, будто за его спиной раздуло сильным ветром золу потухших углей. Я разглядела только смазанное движение и Янош оказался прямо напротив, очень близко. От него пахло потом и какой-то гнилью, будто он долгое время провел у болота. Может, так и было. Вблизи казалось, что князь устал с дороги и сильно вымотался. Лицо наклонялось сверху, словно расплывалось и увеличивалось.

— Ты очень плохая служанка, Ула, — вдруг сказал Янош практически нормальным тоном. А я даже ответить ничего не смогла, потому что он назвал меня... как прежде.

— И если ты не будешь слушаться, я тебя убью, — так же спокойно добавил он. Медленно протянул руку, поднося к моей шее, будто хотел ее обхватить. На полпути замер, а в глазах замерцала бледная тень, как отражение горящего пламени на стене. Почему-то подумалось, что так выглядит магия круоргов.

— Ах, вот какие у нас новости, — протянул, отодвигаясь назад. — Шайнарский посол был настолько любезен, что не забыл позаботиться о своем лучшем инструменте и защитил его от посягательств? Плюс печать молчания... Занимательно.

Я задержала дыхание. Если... если он попытается меня ударить, амулет вернет ему удар обратно. Так? Или нет? Ведь он почти прикоснулся ко мне и ничего не произошло. Может потому что он не хотел причинять мне вреда? Или просто потому что амулет ничего не смог сделать против мага? Ведь Витольд де Акуила четко сказал, что против сильного мага амулет не выдержит. Только насколько сильного? И потом, может магия круоргов вообще иная и никакого влияния на амулет оказать не способна?

Пока я думала, Янош снова придвинулся, молниеносным, подобным змеиному броску движением протянул руку и дернул за висящую на моей шее цепочку. Она разорвалась легче легкого, будто была паутинкой и в

пальцах Яноша остался покачиваться подаренный шайнарским послем амулет. Моя единственная защита.

Я непроизвольно схватилась за шею. Моя единственная защита... А он ее снял. И значит, теперь... Значит, теперь...

Я подняла голову, с ужасом смотря на него снизу вверх. Сейчас князь возвышался высоченной горой и его бледное лицо над воротником темной пыльной куртки казалось далеким и неживым.

— Что, драгоценная панна, — хрипловато поинтересовался он. — Бойтесь остаться без своей отражающей стены? Неужели думала что меня, — он снова криво улыбнулся, — остановит такая грубо сработанная подделка? Будто ребенок мастерил.

В горле пересохло, жутко захотелось пить. А кожа от его взгляда першила, будто посыпанная солью.

— Боишься, — мягко повторил Янош. — За себя? Думаешь, что я не удержусь от мести? — он опустил глаза ниже, обводя взглядом мои плечи и грудь. Потом опомнившись, выпрямился и уставился поверх моей головы в стену.

— Не бойтесь, панна Мариза, я вас не трону, — с непонятным выражением произнес. — Побрезгую.

Он отвернулся и пошел к столу.

Так много всего... Слишком много. Почему бы им всем просто не оставить меня в этой комнате, не запереть на замок и не забыть на пару дней о существовании на этом свете одной незаметной служанки? И чтобы никто не появлялся. Не сказать, что я ненавижу людей, не сказать, что безумно люблю. Да, иногда их общество помогает не забывать, что все рано или поздно проходит, но бывают случаи, когда хочется чтобы они все пропали пропадом! И еще когда хочется оказаться подальше отсюда, посреди реки среди гор, где я выросла и чтобы вокруг один только ветер и звезды над головой. И пустота.

Все мои попытки забыться прервались из-за того, что Янош брэнчал на столе какими-то железками. Почему он еще здесь? Оскорбил меня, как только мог, даже ни на миг не допустил вероятности моей невиновности...

А амулет, кстати, больше не может остановить моих слов. Как же я сразу не подумала! Я же могу сейчас ему все рассказать! Подробно объяснить, что произошло между мной и шайнарским послем и почему я пошла на подобный обман. Прямо сейчас! Я даже на ноги вскочила. Все просто, все ведь очень просто! Зачем выдумывать, если можно просто...

— Янош!

Он резко оглянулся и снова казался недовольным моим неучтивым

обращением. Мелочи! Сейчас я все объясню и закончится этот ужас.

— Я не Мариза! Это был договор с шайнарским послом. Он вытаскивает тебя из клетки, а взамен я выполняю роль Маризы на суде. Послушай, это же так просто...

— Еще хоть слово! — вдруг зашипел маг, всего за секунду превращаясь в круорга и тогда я поняла, отчего они вызывают у народа такую панику. Его лицо будто окаменело, стало похоже на грубо слепленную из белой глины маску, и так не очень подвижные глаза совсем застыли, а над головой нимбом рассеивалась чернота. А еще от него веяло холодом, так же, как от камина веет теплом. Резким порывом ветра поднялись волосы и медленно оседали Яношу на плечи, когда он стал успокаиваться.

Я молчала, а он почти сразу вышел из этого странного состояния. Неторопливо перешел к камину, где схватил за ручку какой-то толстый железный прут, одним концом уткнувшийся в угли и принялся его вертеть. Одновременно продолжил беседовать.

— Когда о появлении темной гильдии узнал королевский совет, на моем пути стали часто возникать разные путешественницы, застигнутые непогодой и другими сложными обстоятельствами в дороге как раз неподалеку от мест, где бывал я. И все как одна прекрасные и наивные. Большинство из них были шайнарскими куртизанками, — равнодушно заявил. — Я тогда много... экспериментировал. И вынужден признать... Так выдавать желаемое за действительность, как умеют они, больше никому другому не под силу. Ах, какие они мне слова говорили, — задумчиво продолжал. — Как убеждали в своей... — он наклонился к углям ближе, — внезапной, но оттого не менее всепоглощающей, преданной и безвозмездной любви.

Поднял руку над прутом, расставляя пальцы и тот мгновенно принялся раскаливаться, наливаясь малиновым светом.

— И во всех этих словах правды ни на грош, — закончил, отдергивая руку от огня.

Голова опустилась, я медленно уселась обратно на топчан. Он не поверит. Ни единому слову. Никаким моим объяснениям. Глупо было надеяться, что я могу вот так запросто взять и все изменить.

— В любом случае, это давно неважно. Такая ерунда... Женщины — они слабы и неинтересны. Просто способ приятно провести время, — мягко сообщил в конце. Когда я подняла голову, пытаюсь понять, действительно ли ему все равно, увидела, как он осторожно поднимает прут и оборачивается ко мне. На раскаленном конце светилось круглое

клеймо. Похожим, только большего размера клеймили животных у мадам Юдиты.

Он сделал шаг ко мне и захотелось вскочить и забиться в угол. Однако пошевелиться не получилось, ноги были слишком тяжелые и будто прикипели к полу. Я не видела в замке клейменных людей, но с другой стороны вряд ли бы они выставляли подобную метку напоказ. Прут покачнулся, когда князь сделал еще один шаг. Оторваться от пылающего железа тоже оказалось невозможно.

— Не надо, — сами собой прошептали губы.

Янош не ответил. Оказавшись напротив стола, развернулся и неторопливо прижал раскаленное клеймо к лежащей на поверхности металлической пластинке. Повалил дым, раздалось яростное шипение и только тогда я поняла, что он и не собирался ко мне приближаться.

Стало страшно. Он так изменился... настолько, что я даже ни секунды не сомневалась, что Янош сейчас подойдет и с совершенно невозмутимым видом прижмет к моей коже раскаленную метку. И будет наблюдать с легким любопытством, как шипит кожа, вслушиваться в мой крик и оставаться таким же равнодушным. Я поверила в это еще до того, как он приблизился.

Чего удивляться, что и он в свою очередь поверил всему, что обо мне узнал?

Глупо, как все глупо. Подол платья весь в грязных разводах и каплях после мытья окон. Рисунок выцвел, а раньше оно было охряным, с рисунком мелких полевых цветов. Простенький узор, который наверняка понравился бы какой-нибудь простой девчонке выросшей на свободе в деревне. Как я.

А ведь теперь я смогу пользоваться своей магией? Которая впрочем, ничем не поможет, если меня попробуют взять силой. Не все же... брезгливые. Странно, что в такой момент на моем лице появилась улыбка. Не думала, что стану улыбаться, находясь взаперти в компании практически безумного темного мага, да еще полностью убежденного, что перед ним шайнарская куртизанка, расчетливая особа и обманщица, заслуживающая всяческого наказания.

Материя мягко облегла палец. Бесплезно стирать платье, старая ткань впитывает пыль и запах так плотно, что чистым остается не больше часа. Впрочем, за это ее и любят.

— Подними голову, — раздался голос, который я все еще не хотела узнавать. Совсем другой...

Маг подцепил со стола щипцами пластинку на цепочке и сунул ее в

бак с водой. Снова шипение и пар. Подержав немного, вынул и с пристрастием оглядел. Щипцы с лязгом полетели на стол, Янош взял цепочку двумя пальцами и направился ко мне.

— Мне совершенно не нравится, что в моем замке будет виться магия шайнарского посла, да и твоя тоже, хотя уровень твоей настолько слаб, что можно не учитывать. — Цепочка все еще была горячей и я дернулась, когда она легла на ключицы.

— Но пока я не решу, что с тобой делать, будешь носить знак клана, — ровно говорил князь.

Его пальца коснулись шеи и тут же пропали. А у меня по спине будто огонь проскользнул от его прикосновения.

К счастью, в этот момент в дверь настойчиво заколотили. Голос не различить, но с той стороны кто-то громко требовал открыть дверь.

Янош уже шел к выходу. Прямой, уверенный, спокойный. Такой холодный, что хотелось плакать.

Легко отодвинув щеколду, он распахнул дверь.

На пороге показался настороженный пан Гектор, взъерошенный и напряженный. Быстро окинул взглядом комнату.

Янош стоял напротив, пристально смотря сквозь открытую дверь куда-то в коридор.

— Можешь убедиться, я ее не убил, — сказал равнодушным голосом, к которому я уже привыкала. — Даже не тронул. Так что не кори себя понапрасну и больше не тревожь прошлое. Оно давно уже не имеет надо мной власти. Пора тебе это признать и успокоиться. Служанку верните на работу.

Янош молча протиснулся мимо пана Гектора и не оборачиваясь, бесшумно исчез в темноте коридора.

Пан Гектор сразу же зашел в комнату, все так же внимательно осматриваясь. Надо же... а я, оказывается, дрожу. Хотя совсем не холодно, даже наоборот кожа влажная и неприятно липкая.

Я смотрела теперь на главного помощника князя. Никаких сомнений, это и есть пан Гектор. Вот только как ему удалось сохранить прежний цвет глаз? Удержался от силы, которой соблазнились все круорги? Ведь при содействии темного мага даже не владеющий магией человек смог бы получить достаточно могущества, чтобы повелевать другими.

А он, кстати, тоже мне никогда не верил.

— Пан Гектор, а вы тоже думаете, что шайнары Яноша вытащили из ловушки по доброте душевной и совсем ничего не потребовали взамен?

Не знаю, что именно мне хотелось услышать в ответ. Может,

заинтересованность и желание выслушать все, что мне угодно сообщить. Может, немедленное заявление, что он сейчас же отправиться и переубедит Яноша...

В чем переубедит?

В общем, какая разница, чего мне хотелось? Но пан Гектор не стал слушать, ему было уже давно безразлично, как и самому князю.

— Как же вы не вовремя появились, Мариза, — с досадой перебил он. — Вот уж чего не хватало!

— Могла бы — не появилась.

— Так было бы гораздо лучше для всех, — насмешки он не услышал. — Выходите и отправляйтесь в свою комнату или где там держат прислугу. И советую не лезть больше князю на глаза.

Я поднялась и пошла к выходу. Пан Гектор пропустил меня вперед и двинулся следом.

— Вы тоже не хотите меня слушать? — улыбаясь, поинтересовалась я, топая по узкому прохладному коридору. После душевной комнаты я быстро замерзла и хотелось попасть на улицу, где свежий теплый воздух.

— А ведь только все более-менее наладилось, — меня будто не слышали. — Только он успокоился, перестал буйствовать, баб таскать, дразнить королевский совет и на рожон лезть к каждому встречному круоргу, так снова...

— Ясно.

Слушать меня не будут. Улыбка стала шире. И правда, смешно. Вот только знаете что? Почему-то мне больше и не хочется оправдываться. С какой стати? Перед кем? Перед незнакомым князем, превратившим противоестественную живым существам магию в нечто узаконенное?

Нет, я не желаю иметь к этому никакого отношения.

— Вперед!

Я поднялась по главным ступеням, где на верхней площадке стоял стражник, дождалась, пока он обменялся долгими взглядами с паном Гектором и открыл нам дверь. Во дворе блаженствовал тихий мирный закат. Телегу убрали и вообще вокруг не виднелось никого живого, только кошка кралась под стеной, мягко переступая лапами, да высоко над головой носились серые тонкокрылые птички.

День закончился и прекрасно. Нужно пережить ночь, всего одну ночь потерпеть, спрятаться от мыслей и следующим утром снова покажется, что впереди все прекрасно, все наладиться, все разрешиться само собой. И никаких проблем не останется.

Спать. И никаких больше страхов, оправданий и круоргов. Но когда я

шагнула в сторону черного входа, пан Гектор остановил меня, крепко схватив за руку.

— Я серьезно говорю, Ула, держитесь от него подальше. А попозже... когда он немного успокоится, я постараюсь вас отсюда убрать. Что бы он ни говорил... я давно уже не видел его таким неуравновешенным и растерянным. Не будем рисковать. Старайтесь не появляться в местах, где бывает князь, работать только в замке, в дальних комнатах, утром я поговорю с хозяйкой, чтобы она проследила. И не вздумайте никому ничего рассказывать! Если... князь расвирепееет, вас уже ничего не спасет. Все, теперь идите.

Я, не оглядываясь, слушала и честно говоря, меня не трогал его голос, который неожиданно стал отдавать жалостью. Дослушав до конца, послушно отправилась в комнату прислуги. Не хочу ничего, только умыться, лечь и закрыть глаза.

Пусть этот день мне просто присниться...

В комнате практически никого не было, похоже время ужина еще не закончилось, но Роксана и Тося уже сидели на одной из наших кроватей в углу, наклонившись друг к другу и о чем-то серьезно переговаривались. Когда я подошла, Тося даже вскочила.

— Ула!

Роксана молча подвинулась, уступая место. Я улеглась прямо на одеяло, почти свалилась как подкошенная, закрывая лицо ладонями. Обычно подобное беспокойство и искренняя забота друзей радует и поддерживает, но в данный момент они были лишними и даже вызывали некоторое раздражение. Хотелось полного одиночества.

— Все в порядке? — Роксана села напротив, вцепившись в края кровати руками. — Что случилось?

Тося молча опустилась с ней рядом.

— Со мной все хорошо.

— Говорили, князь приказал запереть тебя в подвале. Почему? Что ты сделала? — Роксана не упустила шанс и немедленно потребовала подробных объяснений. И нужно что-нибудь ответить, ведь так или иначе они единственные мои друзья и я не могу их просто проигнорировать. Но и правду сказать... Не потому, что боюсь гнева Князя, пропади он пропадом! Но не могу сбрасывать на плечи друзей еще и свои беды, от которых к тому же пахнет разными крупными неприятностями. И все-таки, кажется, на меня навалился груз, слишком большой для сил одной слабой девчонки...

Само собой вырвалось объяснение, так просто, даже напрягаться и выдумывать что-нибудь вменяемое не пришлось.

— Князь узнал, что я шай-парс, а он их почему-то на дух не переносит. Что-то с магией круоргов связанное. Вот и рассердился. Но все уже закончилось.

— Что все? — Роксана смотрела насторожено, сама не замечая, как подалась вперед.

— Он запер мою магию и теперь я не опасна.

Девчонки переглянулись, а потом Роксана наклонилась еще ближе и протянула руку, прикасаясь к моей шее.

— Где твой амулет?

— Князь снял.

— Снял?! — Роксана знала, что это очень непросто, потому, кажется,

даже не сразу поверила.

— Да. Просто взял и снял.

Она испугано вздохнула.

— А это чей?

— Его.

— Князь надел на тебя нечто похожее на старый амулет, чтобы сдерживать твою магию? Поэтому тебя отпустили?

— Да... — как здорово, что она сама догадалась и не пришлось снова произносить вслух этого мучительного слова. Князь...

— Понятно, — Роксана покосилась на Тосю и больше ничего не добавила. Она и правда сразу поняла, что моей защиты, на которую мы уже давно привыкли рассчитывать, больше нет.

— Лешик очень волновался, — сообщила Тося, которая никогда про амулет не знала. То, что нас никто не рискует трогать, она видимо списывала на наши чудесные человеческие качества, а хороших людей по ее твердому убеждению неприятные происшествия и злые люди старательно обходят стороной, как грешники святые места.

— Я очень устала.

Все, сил больше не было.

— Ладно, спи, мы тоже сейчас ляжем.

Они еще долго шуршали одеждой, меня к счастью раздевать не пытались, о чем-то еле слышно шептались, но прислушиваться желания не возникало. Вскоре я просто провалилась в сон.

...Вокруг все такие же однотонные стены комнаты для прислуги, темные, чтобы грязь не очень сильно выделялась на их поверхности. Глубокая ночь, темнота, только узкая полоска света из-под двери, от фонарей, которые всю ночь горят в коридоре.

Я на своей кровати, не шевелюсь. Знобит, потому что под одеяло я так и не залезла, а тот его угол, которым меня кто-то накрыл, благополучно сполз вниз. Вокруг только дыхание спящих женщин и обрывки их сновидений, невидимые, но от этого не менее реальные.

Потом картинка медленно и плавно опустилась на пол, будто спрыгнула с кровати.

И еле-еле поползла по полу, ближе к стене, мимо брошенных как попало вещей, ножек кроватей, под столом, на котором стоят чашки и кувшин с водой, мимо чей-то стоптанной обуви, черной и рваной, вдоль доски, которыми выложен пол, вплоть до запертой двери. Там я остановилась.

Я... Это была я.

Проснувшись утром, я уже ни секунды не сомневалась, что ночью на свободу выбрался мой вьюнок. Знание пришло цельным куском, совершенно идеальным и полным. Князь снял амулет вместе со всеми ограничениями, и теперь мой вьюнок почувствовал свободу, так что на радостях даже решил размяться и отправился погулять. Недалеко — то ли с непривычки, то ли от слабости, а ведь когда-то давно... тогда, после суда это тоже был он. И прогулка получилось гораздо более продолжительной. Значит, разговор Яноша и пана Гектора произошел на самом деле. Значит, мой вьюнок отправился подсматривать за единственным важным для меня человеком и подсматривал явно по своему желанию, потому что ничего подобного я приказать не могла. Я элементарно не знала, что на такое способна, не то что понимать, как добиться его добровольного послушания!

Как магия шайнарского посла, когда его птица срывалась и улетала в небо...

— Ула! — за плечо трясли. Роксана одета, волосы собраны жгутом на затылке. Тося расчесывается гребнем, скромно примостившись на краешке кровати. — Вставай! Ты же уже не спишь. Все в порядке?

— Да.

— Пора на работу. Я сегодня в продуктовых кладовых буду, если что приходи.

— Я как всегда, — Тося светло улыбнулась, откладывая гребень в сторону и осторожно собирая волосы в кучу, чтобы заплести косу. Как же она похорошела за последнее время! Кажется, что всего за несколько дней. Расцвела, округлилась во всех нужных местах, щеки розовые, взгляд горячий. Сердце похолодело, как же не вовремя! Защиты больше нет...

— А ты сегодня где? — спросила Роксана, уже вскакивая и разглаживая на бедрах платье.

— Пока тут останусь. Позже надо с пани Поли говорить.

— Хорошо. Все, я ушла, удачи.

Еще через несколько минут исчезли все остальные. В большой комнате наступила такая редкая для этого помещения тишина. Такая непривычная.

Я как раз раздумывала, как и где найти пани Поли, когда она явилась сама. Стремительно ворвалась в комнату, убедилась, что остальные служанки отправились исполнять свои обязанности. Потом посмотрела на меня и тяжело нахмурилась.

— Я запуталась в твоих именах, — отрывисто заявила. — По бумагам ты проходишь, как Жулианна, пан Гектор называет тебя Мариза. В конце

концов, как тебя зовут?

Я не удержалась от нервного смешка.

— Ула.

Ключница немного нервничала, похоже, не очень любила, когда ей морочили голову, а как иначе можно понять подобную путаницу? Но объяснять ей подробности в мои планы никак не входило, вряд ли в них стоит вмешивать посторонних людей.

Мой не совсем нормальный смех она восприняла на редкость спокойно. Всего лишь слегка поморщилась.

— Ула, пан Гектор просил убраться тебе подальше с глаз князя. Не знаю уж, чем ты ему не угодила, но следуя просьбе, я переведу тебя в швейную мастерскую, туда круорги и хозяева никогда не заглядывают. Пойдем.

Ну что же. Швейная мастерская — это совсем неплохо. Даже, пожалуй, лучше, чем драить полы. Похоже, меня повысили, я снова тихонько прыснула. Привалило, так сказать счастье после встречи с князем.

Ключница на мое неподобающее поведение не реагировала. Надо думать, на такой должности, когда отвечаешь за порядок в огромном замке, а твои хозяева — темные маги, вряд ли станешь обращать внимание на всякие мелочи вроде невоспитанных служанок.

Из здания выходить не пришлось, мастерская обнаружилась в углу полуподвального помещения западного крыла основного замка. Спальни прислуги находились в похожем месте, но практически по центру. Всего-то идти прямо и два раза свернуть за угол.

Рядом с дверью в мастерскую виднелся выход на улицу, крошечная, вдавленная в каменную стену дверь, перед которой лежала мокрая тряпка, значит, ходом пользуются. Недалеко — крепкая крутая лестница на верхний этаж, откуда светил яркий свет.

— Ходить будешь этой дорогой, — заговорила пани Поли, когда мы уже подходили к мастерской. — На улицу не высовывайся. Наверх тоже не лезь, там хозяйская швейная мастерская, для князя и еще они заказы от круоргов принимают. Ты будешь работать внизу, тут чинят одежду стражи и старших слуг, шьют для них новую.

Мы как раз подошли. Пани Поли без стука толкнула дверь и мы попали в большое, на удивление светлое помещение, где оказалось весьма уютно. Несколько столов, заваленных брошенными как попало инструментами для шитья, на одном кипа выкроек, рядом огромные ножницы, на полу обрезки кожи. В комнате находилась всего одна женщина лет сорока, гладко зачесанные волосы убраны под платок, ничем не примечательное лицо и такая же обычная фигура. Пани Поли неожиданно

застопорилась, с недоумением озираясь по сторонам. Потом вопросительно уставилась на женщину. Та легко поклонилась.

— Пани Поли, вы привели мне новенькую? — похоже, это главная по мастерской. Голос у нее оказался тихим и глухим.

— Да, Берта. Только объясни, где все остальные?

Берта вздохнула.

— Всех наверх с утра забрали.

— Почему?

— У них людей не хватает. На рассвете явилась госпожа Фиона и потребовала срочно обновить свой гардероб. Естественно своими силами они не справятся, так что забрали помогать всех, даже тех, кто толком ничего не умеет.

Пани Поли задумалась.

— А почему такая срочность? Что говорят? — осторожно спросила.

Надо же, а ключница совсем не так проста, как казалось. Спросила заинтересовано, как заправская сплетница, а не просто приказным тоном. На приказной-то всегда можно просто честно ответить — не знаю! И не придерешься...

Берта даже не улыбнулась.

— Говорят, госпожа очень расстроена. Вчера князь не пришел к ней в спальню. И это после месяца отсутствия.

Ключница и Берта вцепились друг в друга немигающими глазами, будто говорили на каком-то другом, недоступном мне уровне.

— Запретил себя беспокоить и заперся на всю ночь в спальне. Госпожа волнуется, что он запирался там не один. За последний месяц прибыло много новых девушек и какая-нибудь из них могла привлечь его внимание, — холодно добавила Берта.

— Ясно, — расспросов не последовало. К чести обоих, никаких пересудов они себе не позволили, как и повторения сплетен, которых по поводу случившегося наверняка ходило уже немало.

И мать всех звезд! Как же мне повезло, что обошлось без сплетен!

Во время этого рассказа я без спроса уселась на ближайшую лавку, тяжело опираясь на стол всем весом.

Фиона. Два года. Она живет с ним почти два года! И вряд ли их отношения чисто платонические. Он ходит к ней в спальню! Пока женщины договаривались обо мне, о времени работы и обязанностях, я усердно пыталась вытолкать из головы разнообразные образы, ни один из которых не желала видеть ни в каком виде! Думать не желала! Даже просто понимать, что это значит!

— Мне нужна еще одна помощница, — сказала Берта в конце.

И о чудо! — эти слова выбили из головы все лишнее, сменившись другой картинкой, румяной девчонкой с детской улыбкой. Не теряя времени, я вмешалась.

— Пани Поли, пришлите Тосю. Она умеет шить холст и латать кожу, мы занимались этим у паны Юдиты, где работали прежде.

Ключница повернула ко мне голову.

— Это тощая такая девчонка, что с тобой приехала? Что на кухне сейчас?

— Да. Но здесь от нее будет гораздо больше толку.

Похоже, пани Поли было все равно, кого присылать и к счастью, она оказалась не из тех людей, что делают наперекор только из одной лишь вредности.

— Хорошо, — согласилась ключница, удаляясь.

Вскоре в мастерской появилась Тося и я почувствовала себя практически счастливой. Ну, насколько вообще возможно в замке, который принадлежит кому-то вроде Князя.

Берта вывалила на стол груду рубашек и штанов, которые требовали штопки и заделывания прорех. Немного последила за тем, как мы работаем и вроде бы осталась довольна. Тося старательно вырезала заплатки для самых больших дыр, а я не менее старательно их пришивала. Хотя давно уже не приходилось держать в пальцах иглу, но вспомнились, будто вчера были, времена, когда я работала в швейном салоне паны Розы, так что руки работали, словно сами собой.

Обедали мы тут же, Берта принесла хлеба и молока, приказала освободить край стола, куда все сгрузила, а потом унесла посуду. Вернувшись, собрала все готовые к тому времени вещи.

— Отнесу, раздам. Если будет кто спрашивать — буду позже.

Как только дверь за ней затворилась, Тося уставилась на меня прилипчивым взглядом, полным каких-то жутко важных тайн. Когда стукнула, захлопнувшись, дверь черного входа, наклонилась и быстро заговорила.

— Лешик утром заходил, как я только на работу пришла. Будет ждать тебя вечером, как стемнеет, на нашем месте.

Оставалось только жалостливо вздохнуть.

— Мне нельзя выходить во двор.

Тося расстроилась.

— Он будет ждать. Он так волновался, даже с работы сбежал, хотя ему наверняка попало!

— Нет, мне нельзя идти.

Тося смотрела так обиженно, будто речь шла не об одной простой встрече, а как будто я собралась пропустить, по меньшей мере, собственное бракосочетание.

— И что делать?

Что же делать?.. Я вдруг подумала, что видеть Лешика мне просто жизненно необходимо! Потому что это единственный человек, которому я рискну рассказать о вчерашнем, а заодно обо всем остальном. Потому что молчать я уже не в силах, еще немного, еще совсем чуть-чуть и меня просто разорвет, как боевой магический шар!

— Тося, давай сделаем так. Я останусь тут допоздна. Ты после ужина вернешься в спальню и попросишь Роксану сходить к Лешика и передать ему, чтобы приходил сюда, ко мне в мастерскую.

— А если Роксаны не будет? Сходить самой? — поинтересовалась Тося, весело улыбаясь.

О, мать всех звезд, какая улыбка! Доверчивая, непередаваемо нежная. И еще это платье, которое так туго обтягивает ее грудь.

— Нет, Тося, не вздумай! Если Роксаны не будет, значит поговорите с Лешиком завтра. Сама ходить не смей!

— Почему?

— Тося, я не хочу, чтобы ты по темноте шаталась в безлюдных местах. Мало ли кто тебе встретиться!

Ее глаза неожиданно потемнели.

— Ты боишься, что... — она облизала губы и, залившись краской, сконфужено замолчала.

— Да, Тося. Очень боюсь, — честно призналась я. Если подумать, за нее я сейчас боялась гораздо больше, чем за саму себя.

Некоторое время она молча клацала ножницами.

— Ула, на кухне много раз болтали... Знаешь, случай один был, когда только начинали людей свозить, из первой партии служанку кто-то сильно избил, так что она чуть не померла. Так вот... говорят, князь этого стражника, который бил, под замок посадил, а потом выставил за ворота на все четыре стороны без оплаты. Ни лошади, ни оружия не дал.

— И что?

— Ну-у, — она снова опустила глаза, но потом уверено продолжила. — А еще был случай, когда стражник одну девушку... Ну, заставил, ну...

— Я поняла, дальше.

Тося подняла удивительно чистые глаза.

— Князь его повесил на заднем дворе, — громким шепотом сообщила.

Меня прямо передернуло. Не столько от горящего в ее глазах восторга, сколько оттого, что речь шла о Яноше... Неужели о том же самом существе, с которым я вчера столкнулась в подвале?

Не дождавшись ответа, Тося стала смелее и продолжила.

— Я к чему говорю. Тут никто не рискнет... калечить или к чему-то принуждать, наказание слишком жестокое. Все знают, что будет. За воровство, к примеру, сажают на хлеб и воду в подвал. Так что нет никакой опасности, если вместо Роксаны схожу я. Не волнуйся.

Тося смотрела почти с жалостью... наверное, я казалась ей старой перепуганной клушей, которая впадает в панику, даже если незнакомый мужчина появится далеко на горизонте. Не верила она в то, что люди бывают жестоки, ведь все в мире по справедливости и плохое случается только с теми, кто этого сам заслужил.

— Тося... Это был стражник. А что случится, если это сделает круорг из ближайшего окружения князя? Хочешь сказать, его жизни угрожает реальная опасность? Из-за какой-то служанки, которых здесь великое множество?

Жестко разбивать чьи-то иллюзии, но лучше я сейчас разобью их, чем вскоре кто-то растопчет ее тело и душу. Тося замерла и улыбаться перестала.

— Если Роксаны не будет, никуда одна не пойдешь. Обещай!

В ее руках дрожал кусок кожи.

— Обещай!

— Да, — выдохнула Тося, отводя глаза. — Обещаю.

К вечеру мы с непривычки очень устали. Тосе надоело пристраивать на палец наперсток и как только она его сняла, тут же уколола палец, а толстой иглой для штопки грубого льна это сродни порезу. Берта недовольно покачала головой, но ничего не сказала. Вообще никаких неприятностей она нам не доставляла, не придиралась и не лезла лишний раз с советами. Только следила, чтобы мы не отлынивали от работы. Мы и не отлынивали, потому что мне в мастерской было очень тепло и уютно, не хотелось отсюда уходить, да и Тосе не особо хотелось возвращаться на кухню, где на нее беспрестанно орал повар.

Когда вечером Берта разрешила заканчивать с работой и идти на ужин, я попросила ее разрешения остаться в мастерской допоздна. Доделать работу, потому что последнее время мне совершенно не спится, а не хочу сидеть без дела в спальне и мешать остальным. Да и вещей много накопилось.

Она долго думала, но разрешила. Потом ушла домой. Управляющие

(кроме ключницы и домоправителя) жили в отдельных комнатах третьего замка.

Я терпеливо шила до тех пор, пока за окнами не стемнело и глаза не заболели от тусклого света — кроме одной-единственной, да и то не очень яркой лампы света в мастерской не оказалось. Потом отложила недоделанную рубашку в сторону, шить на ощупь занятие глупое и бесполезное, завтра наверняка придется все переделывать.

Надо дождаться появления Синей звезды, которая поднимается в начале второй, средней части ночи и тогда уж отправляться в комнату.

Лешика все не было, если Роксана ушла по своим делам, то сегодня я его уже не увижу. А изнутри грудь раздирали слова, которые хотелось уже не просто сказать вслух, а выкрикнуть. Проорать погромче, во всю глотку, чтобы хотя бы самой услышать. Чтобы больше не хранить внутри такую тяжесть...

Я опустила голову на стол. Работа хорошо отгоняет всякие посторонние мысли, но сейчас, в тишине, уже ничего не мешало им захватывать мое сознание. Бастион сдался безо всякого сопротивления.

Слова Князя... И его взгляд вчера. И Фиона! Особенно Фиона. Два года!!

Я старалась, как могла. Думала о Тосе, о Лешике, о бабушке, о которой совсем ничего не знала. Жива ли она вообще? Думала о чем угодно, но ничего не помогало.

Перед глазами застыло лицо Князя, неподвижное и пасмурное.

Синяя звезда почти засияла, когда в дверь тихонько заскреблись. Я чуть с лавки не свалилась, потому что умудрилась задремать и ноги жутко затекли. Доковыляла до двери и отодвинула засов.

— Леш?

— Да.

Он вошел, огляделся и принялся фыркать, будто старался сдержать смех.

— Ты чего смеешься?

— Да так... осматриваю ваше новое убежище. Хорошо тут у вас. Далеко забрались, как нора: тепло, темно и сухо.

— Ну да, — я и сама непроизвольно заулыбалась, как практически каждый раз в его обществе. — После драяния грязных полов здесь просто отдых. А уж по сравнению с уборкой навоза так точно!

Он слегка поморщился, признавая поражение.

— Ладно, Ула, — оказавшись у стола, Лешик устроился на лавке поудобнее. — Теперь садись и давай рассказывай, что у тебя приключилось

с князем. Только правду говори, — он грозно нахмурился. — Не то, что ты наплела девчонкам. Чтобы настолько сильный маг да опасался слабой шайнарской магии? Вот уж ерунда!

Правду? Ах, эта привычная, слегка ненормальная улыбка. Да с удовольствием!

Я неторопливо села напротив, самым невоспитанным образом оперлась локтями о крышку стола и открыла рот.

— Четыре года назад у меня был жених, обыкновенный мальчишка-маг. С тех пор мы не виделись... до вчерашнего дня. А вчера встретились снова. Это — Князь.

Пока Леш подбирал челюсть, я вздохнула поглубже и рассказала все. Слова из меня будто высыпались, меня будто вырвало всем, что приходилось столько времени таскать внутри. И обидой, и страхом, и болью. Я говорила так долго, что в горле запершило и за всё это время Лешик ни разу меня не перебил. Сидел, смотря изумленными глазами и молчал.

А потом, когда я замолчала и наступила тишина, вдруг вздохнул, глубоко и сильно, будто очнулся ото сна.

— Ула... если бы такую сказку мне рассказал кто-нибудь другой, я бы ему не поверил. Особенно в полную невиновность осужденного.

— А мне веришь?

— Да.

— А почему?

Он рассмеялся.

— Почему? Да потому что ты врать не умеешь!

— Кто? Я не умею? — я даже возмутилась. — На суде, между прочим, мне поверили!

Леш тут же поскучнел и сник, смеяться ему сразу расхотелось. Я сидела, понурив голову, а он о чем-то думал.

— Ты его любила?

— Очень, — еле слышно ответила я.

— А сейчас?

Я подняла на него круглые глаза.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ула, а сейчас ты его любишь? — удивительно серьезно переспросил Леш.

— Того, прошлого — да. А этого... этого человека я совсем не знаю. Да и чего гадать? Теперь неважно.

Он еще немного помолчал.

— Понятно.

— Что понятно?

Леш вдруг ссутулился, обхватывая ладонями лицо. Надо же, а я только сейчас обратила внимание на его уставший вид. Вообще-то уже поздняя ночь, а он весь день тяжело работал, это вам не на лавке сидеть, размахивая иглой.

— То и понятно... Тебе сколько лет? — ответа он не ждал. — За двадцать? А у тебя парень есть? Нет, конечно, — отвечал сам себе. — И не потому, что ты кривая или косая. Ты же просто вокруг не замечаешь никого.

— Я?

— Да, ты, — голос звучал почти обвиняюще.

— Я все замечаю! Ты мной не интересуешься!

— Так то я, — последовал невозмутимый ответ. — А вот тебе пример. Там, у мадам Юдиты был охранник один, светловолосый такой парень, спокойный, совсем не грубый. Как он на тебя смотрел все время! След в след ходил, когда не на смене. Даже заговорить иногда пытался. А ты в упор не видела. Ведь не видела же?

Я растерялась. Наверное, он придумывает? Я действительно ничего такого не помню, но ведь не могла же я не заметить? Наверное, ничего такого на самом деле и не было!

— Не может быть...

— Вот и я говорю. Но что уж теперь... Сейчас разговор о князе, верно?

Я устало вздохнула.

— Держись от него подальше, — сухо сказал Леш.

— Я знаю, — вдруг совесть проснулась. Ему нужно отдыхать, а я мучаю тут вещами прошлыми и в принципе уже неважными. — Я рассказала просто потому, что не могу больше молчать. Пусть хоть кто-то выслушает! Не могу больше с этим одна... Мне не нужно подсказывать, что делать. Я не жду помощи, Леш.

Он молчал. Очень красноречиво. Конечно, чем мне мог помочь парень, который и сам тут никто?

— Я понимаю, — негромко сказал Леш. — И не хотелось бы тебя пугать... Но по-хорошему, тебе нужно уехать из замка подальше.

— Я думала... А как?

— Лучше спроси — а куда?

— Ну, куда я найду. Но как?

Он вздохнул. Задумчиво поскреб затылок рукой.

— Тут... есть такое дело. Одно из местных правил. Беременных, тех, кто хочет ребенка оставить, отправляют в ближайшие деревни. Заметила, в самом замке детей совсем нет? И еще было несколько случаев, когда люди поженились... князь их тоже отпустил жить, куда хотят.

— Предлагаешь мне забеременеть? — тупо спросила я. Звучало совершенно дико.

Он покачал головой.

— В твоём случае, думаю, не сработает. Даже хуже будет.

— Замуж выйти?

Леш снова промолчал.

— Ула, а он... он тебя любил?

— Да, — уверенно ответила я.

— А сейчас?

— Шутишь? — в горле пересохло от обиды и страха. — Я же для него предательница, хуже просто не бывает. Он меня ненавидит. И не верит совсем. И ни за что не поверит!

Леш снова задумался.

— Нет, Ула. Замуж тоже не стоит, может получиться так... что твой муж недолго протянет на белом свете, — с горькой усмешкой закончил. Пока я пыталась понять, на что он намекает, Леш поднялся.

— Все, пойдем, провожу. Пока держись от князя подальше, а тем временем придумаем, что делать.

Я затушила лампу и послушно пошла следом. Такое облегчение накатило, честное слово! Такое счастье, что есть человек, который может решить за тебя какие-то вопросы и просто сказать, что и как следует делать дальше. А мне как раз неохота ничего решать самостоятельно, надоело за все эти годы! Хочу, чтобы кто-нибудь просто обо мне позаботился!

Несколько следующих дней я старательно сидела в мастерской, не высовывая носа на улицу, учила Тосю всяким швейным премудростям, слушала сетования Берты на то, что работы все больше и больше и нужно заказать ниток покрепче, и что нескоро еще сверху вернутся остальные помощницы, потому выходных у нас пока не будет.

Какие там выходные? Зачем они нужны?

Напряжение постепенно отпускало. Судя по рассказам Роксаны, князь с приближенными облазил замок сверху донизу, проводя инспекцию, да еще она не преминула заметить, что князь ни одну служанку не пропускает без пристального взгляда, особенно молодых и смазливых. Хотя, похоже, ему так никто и не приглянулся. По крайней мере, дальше взглядов дело не шло. В мастерской к счастью они так и не появились, а потом и вовсе

переключился на другие дела, так что можно было вздохнуть спокойно.

Вьюнок вел себя примерно и ночью не пускался в путешествие, а спал на моей левой лопатке или обернувшись вокруг шеи, прямо под навешенным князем амулетом. Иногда мне жутко хотелось, чтобы он показал мне князя... И практически силой приходилось заставлять себя не думать. Пару раз пришлось прокусить губу, чтобы отвлечься. Один раз я так сильно вцепилась ногтями в лодыжку, что на следующий день чуть ли не хромала. Но зато в мои сны не вторгались кошмары, которые произвольно мог принести вьюнок. Ведь кто знает, чем князь занимается по ночам. Может он людей мучает и иссушает. Или ходит к...

Нет. Не буду думать!

Все это время я ломала голову еще над одним вопросом — почему вьюнку удалось выбраться, если князь запер мою магию? Хотя может этот амулет отличается от защитного амулета посла, который просто превращал мою созидательную энергию в силовую? Проще простого было бы попробовать... Но я помнила из курса магии, что сделанные магами амулеты могут передавать создателю импульс при срабатывании. Вряд ли князь забыл о такой возможности. Значит, сразу узнает...

Когда мы с Тосей совсем привыкли к новой работе, Роксана передала послание, что через пару дней в мастерскую снова придет Леш. Я уже заранее радовалась нашей встрече и надеялась услышать хоть что-нибудь обнадеживающее.

Утром за день до назначенной встречи мы только-только собирались выходить из комнаты, когда вошла пани Поли, задумчивая и немного уставшая.

— Ула, за мной. Тося, сегодня будешь работать в мастерской одна.

Не дожидаясь ответа, ключница быстро развернулась и естественно пришлось идти следом. По дороге я пыталась узнать, в чем дело, но она только холодным голосом повторяла:

— Позже. Позже.

Мы поднялись по лестнице на четвертый этаж и направились к покоям, которые числились за князем. Сердце стало биться куда реже. Свернув за очередной угол, пани Поли достала связку ключей и отворила огромную дверь темного дерева, оббитую широкими железными полосами.

— Сегодня уберешь малую библиотеку.

Она вошла внутрь, указывая на оставленные у стены вещи для уборки. Малая? Это — малая? Я встала на пороге, удивлено озираясь по сторонам. Хотя... может и малая. Книжные стеллажи в два моих роста, а над ними балкончик и еще на один рост книг. Посреди зала два широких стола,

несколько кресел, диванчик. Три узких витражных окна, от них не столько света, сколько множество бледных цветных пятен по полу и корешкам книг. Света, впрочем, в библиотеке было предостаточно, над потолком плавал большой магический светильник.

Здесь было очень уютно.

— С книг пыль стряхивать только метелкой. Полки протереть, потом вымыть пол. Если на столе лежат бумаги, с них пыль можно только сдувать, а лучше вообще не трогать, целее будешь. Все понятно?

Ключница уже торопливо разворачивалась к выходу.

— Д-да. Стойте! А почему я?

На секунду задержавшись у входа, она все-таки ответила.

— Личный приказ князя.

И с трудом закрыла за собой тяжелую толстую дверь.

Некоторое время я просто стояла столбом, пытаюсь понять, что это значит. Что он задумал?

Но время шло, ничего не менялось. Тишину библиотеки не нарушал ни один посторонний звук. Долго бездельничать нельзя, потому я все-таки принялась за уборку. Первым делом следовало смахнуть пыль, метелка из рыжих перьев оказалась как раз такого размера, чтобы доставать до стенки стеллажей.

Жаль, что я не могу приходить сюда просто почитать... Столько книг, вот эти, из раздела исторических сказок, воспевали героев и красавиц прошлого. Часть из них в свое время я встречала в библиотеке пансиона. Да... там, в пансионе, казалось жила не я, а совсем другая девушка.

А подборка магических трактатов вообще поражала! Я и не знала о таком огромном разнообразии разновидностей и направлений светлой магии. О темной ничего не было, скорее всего, если и существуют книги, то они запрещены. Хотя... кто теперь может запретить князю? Может, они просто находятся в другом месте?

Опустив метелку, я обходила этот угол, внимательно изучая надписи на корешках.

И вдруг ноги остановились, а метелка почти выскользнула из руки. Несколько полок прямо перед моим носом имели одну общую большую табличку «Шайнары», а полки были разделены сегментами, каждый из которых помечен табличкой поменьше. Общие сведения, боевая, хозяйственная, фазиунта и... омни.

Прямо над последней табличкой стояла толстая книга, от которой было невозможно оторваться. Книга по омни-магии... да еще такая старая! А сколько там всего написано! Наверняка куча таких вещей, что я даже

представить себе не могу!

Я украдкой глянула на дверь, настолько огромную и тяжелую, что звуков она практически не пропускает, но зато если ее начнут открывать, я наверняка услышу. В наличие потайных ходов я мало верила, в любом случае открываться бесшумно они тоже не могли.

Все, в этот момент окончательно и бесповоротно созрело решение. Я осторожно прислонила метелку к полкам, вытерла руки о передник и схватила вожделенную книгу за переплет.

На обложке красовалась поляна, с травой, деревьями, цветами и озером. Только вот... половина поляны была омниумом... преображенной жизнью. Даже... вода была омниумом. Причем только природные объекты имели серебристый цвет, вода светилась яркой бирюзой, а птицы... Да, там были даже птицы и насекомые, вплетенные в серебристую вязь яркими драгоценными камнями. Совершенный мир, созданный неизвестным ювелиром.

На весу книгу оказалось держать довольно сложно, но отходить к столу я не посмела. Торопливо пролистала несколько страниц. Вначале шло много простой информации, терминология и общие принципы. Потом преобразование растительных омниумов по нарастающей сложности композиций. Множество схем переплетения цветов и трав. Чтобы создать подобную красоту, нужна не только сила, намного превышающая мою, но и безупречный вкус. Мне бы и в голову не пришло использовать... колючки.

Я поспешно перелистывала толстые страницы, ориентируясь по схемами и картинкам полученного результата. Потом перевернула сразу несколько и на открывшейся странице развернулось изображение бутылки вина, а рядом — ее схема.

О небо! Сколько же времени я не читала книг?

И никогда, никогда в жизни я не держала в руках ничего даже отдалено похожего на этот потрясающий учебник! Казалось, в моих руках переливается красками живая, вечная мудрость.

Неужели тут рассказано про создание омниумов из жидкости? Я схватилась за книгу крепче, утыкаясь в нее носом. Что там уборка? В такой момент не вспомнишь даже родную маму!

— Я так и знал, — раздался за спиной оглушительно громкий голос.

Я резко оглянулась, с трудом удержав массивный фолиант в руках и чудом не уронив его на пол. Судорожно прижала к груди. Наверное, со стороны выглядело комично и походило на растерянность вора, который впервые в жизни стащил что-то ценное и тут же попался.

Князь сидел в одном из кресел, заложив ногу на ногу. И хотя его поза

казалась полностью расслабленной, а лицо совершенно спокойным, но одной рукой он обхватил набалдашник ручки кресла и сжимал его так крепко, что мне даже послышался хруст крошащегося в щепки дерева.

— Так и знал, что ты не удержишься!

Казалось, вокруг стало темнее. Цветные пятна проникающего сквозь витраж света побледнели, а воздух сгустился и похолодел.

Впервые стало заметно, что в библиотеке довольно давно не убирали. Словно поднятая невидимым, неосязаемым ветром пыль медленно опускалась на поверхность стеллажей и пола, а сидящий под потоком магического света князь походил на неподвижный камень. Такой же невозмутимый, такой же бездушный...

И вызывающе простой пошив его одежды, и отсутствие украшений, и небрежно собранные волосы — все казалось ненастоящим. Иллюстрацией к древней книге о мудреце давно прошедших и всеми забытых времен, о первом темном, что не нуждался в человеческом обществе, обосновался где-то в бесконечных пещерах и доживал свой век, размышляя о величайших ценностях и тайнах мира. И человеческая жизнь в число этих ценностей и тайн не входила. Телесное воплощение сути всех темных магов, могущественных, бесчеловечных.

Прекрасных...

Руки устали и книга всего за секунду выскользнула почти целиком. Не такой уж и громкий звук трения обложки о ткань платья, хлопка, когда я схватила ее на уровне живота... Звуки разнеслись вокруг остро и резко, будто разом треснул лед на поверхности застывшей от мороза реки, и вдруг оказалось, что все это время вокруг царила полнейшая тишина.

Сколько же времени я простояла так, не двигаясь, не в силах отвести от него глаз? Сколько времени он сидел, впечатавшись в меня неподвижным непонятным взглядом и молчал?

Похоже, целую вечность.

Звуки сломали лед молчания, выпуская на поверхность уставшую сердитую воду.

— Ты хотела украсть у меня книгу? — вкрадчиво поинтересовался князь.

Украсть книгу? Я вздохнула. Украсть талмуд размером с ведро? И куда, интересно, я собиралась его прятать? Под узкое платье? И где хранить? Под подушкой в общей спальне? И когда изучать?

А есть ли ему до всего этого дело? Есть ли вообще смысл оправдываться? Если он хочет меня наказать, все равно причину найдет, ведь предположил же подобную чушь, хотя прекрасно знает — я никогда не

была настолько глупой, чтобы в моем положении еще что-то красть.

Однако молчать я тоже не стала.

— Я не воровка!

Он слегка оживился.

— Конечно... Как я мог забыть. У тебя существуют совсем другие таланты. Не менее ценные. Хотя... Судя по моему опыту, вы умеете прекрасно совмещать!

И снова кривая мерзкая улыбочка. Я упрямо сверлила его глазами. Мне нечего стыдиться, потому что я совершенно ни в чем не виновата! Никто не заставит меня чувствовать вину, которой нет.

— Поставь книгу на место.

Я послушалась, тем более держать такой вес становилось все сложнее. Осторожно провела по обложке ладонью, прощаясь и задвинула в пустой промежуток между двумя книгами, обтянутыми простой темной тканью. Князь молча рассматривал меня и под его тяжелым взглядом становилось все неуютнее. Вроде вокруг больше никого, а такое ощущение, будто я стою на площади перед целой толпой недоброжелательно настроенных людей.

— И что теперь? — наконец поинтересовалась я, не в силах больше выносить этого пугающего взгляда. У меня от него не только мурашки по коже, а и еще щеки опаляло незнакомым жаром, будто раскаленным добела солнцем. Что теперь? Не зря же он меня сюда отправил. Значит, все равно не избежать наказания.

— Где ты прячешься? — вдруг спросил Янош. Я так удивилась, что непроизвольно пошатнулась, почувствовала под спиной стеллаж и тут же на него оперлась.

— Я не прячусь.

— Я не видел тебя в замке. Где ты прячешься, Ула? — монотонно повторил Князь.

— Я работаю в швейной мастерской.

— Не смей врать! — с нескрываемым презрением предупредил он. — Я был в мастерской.

— Я работаю в нижней мастерской для стражников и наемных работников.

Он замолчал, раздумывая.

— Это Гектор тебя спрятал? — спросил почти удивленно.

— Меня никто не прятал, — упрямо протестовала я. Не хотелось показывать, что меня вообще волнует, кто оказался хозяином замка и заодно моим.

— Это Гектор отправил тебя в мастерскую?

Пытаться обмануть темного князя... Не лучшая идея. Грудь словно загорелась.

— Он просто попросил найти мне подходящую работу, — я не сдавалась.

Князь отвернулся. Мне показалось или он... почти не моргает? Очень редко моргает. Для человека это неестественно. А человек ли теперь передо мной? Что в нем вообще осталось человеческого?

Эта мысль оказалась из числа тех самых, что я сразу старалась вытолкнуть из головы за ненадобностью.

— Зачем? — поинтересовался князь у стеллажа слева. — Прячут что-то важное. Или нужное. Но зачем он спрятал тебя?

По-настоящему изумленный взгляд снова остановился на мне. Я молча прикусила губу от обиды и злости.

— Молчишь?

О, я много чего могла бы тебе сказать! Только оставалась последняя преграда, которая все еще сдерживала отчаянный порыв высказать всю правду, что наверняка закончится для меня весьма плачевно. Я... не верила, что от Яноша совсем ничего не осталось. Не знаю, на что надеялась, но казалось тот, мой Янош никогда... никогда не смог бы измениться настолько. Я молчала в память о нем.

— Ты меня боишься?

— Нет.

— Зачем ты взяла книгу?

— Хотела украсть, естественно!

— В твоём положении стоит делать более обдуманные заявления.

— Тогда я лучше совсем замолчу!

Он не отреагировал, будто наша милая болтовня перестала его интересовать.

— Почему ты не взяла ту книгу, что стояла рядом? — заговорил вслух. Снова будто сам с собой. Так рассуждают люди, которым больше не с кем поговорить. Похоже на давнюю привычку совершенно одинокого человека, когда хочется посоветоваться, а не с кем. Даже если вокруг кружатся целые толпы людей, и то бывает, чувствуешь себя совершенно одиноким, как посреди голой равнины. Если бы вокруг меня постоянно не находилось столько женщин, я бы тоже говорила так. Но мне приходилось молчать, разве что шептать еле слышно ночью под одеялом, чтобы никому не давать повода считать себя сумасшедшей.

— Похоже, Акуила и не собирался использовать твои магические

способности, — говорил князь с окружающей пустотой. — Если даже не позволил изучить простейший учебник для омни-шай. А в его библиотеке имеется пусть не такой подробный, но не менее подходящий сборник.

Князь задумался. Значит... у посла была подобная книга? И он просто мог мне ее дать, вместо того чтобы устраивать фарс с поиском возможности превращать в омниумы воду? Впрочем, чему удивляться, я никогда и не была о нем высокого мнения.

Снова раздался голос и оказалось, что на этот раз Янош говорит именно со мной. Хотя, похоже, для него принципиальных отличий не было — я тут стою или совсем никого нет.

— У меня в окружении есть шай-парс, Гутан. Он чувствует землю. Подземную воду, опасные скопления камней, которые могут сползти при землетрясении. Пустые пазухи горы. Помехи при разработке руды. Его дар многим помог, когда мы восстанавливали замок. Но твой мне не нужен, — закончил равнодушно.

Я опиралась уже всем телом. Если бы не стеллаж, боюсь совсем бы ноги не держали и пришлось бы опускаться на пол. Но нет, такого удовольствия я ему не доставлю!

— Тебе понравилась эта книга? Понравилась, конечно, — ответил сам себе. — Такими глазами женщины смотрят только на вещи, от которых кружится голова. Обычно они так реагируют на драгоценности, но когда не приходится ожидать в подарок драгоценностей, сойдет и редкая книжка. Она тебе ужасно нравится... Так вот. Не смей ее больше трогать!

Я смотрела исподлобья. Ну вот, все и решено. Я не интересую его ни как женщина, ни как маг. Ему безразлично, что я могу создавать омниумы и польза, которую можно извлечь из моего умения. Все, чего он хочет — просто в очередной раз указать мне мое место.

— Ты поняла?

— Да.

— Тогда чего стоишь? Тебя зачем сюда прислали? — небрежно поинтересовался маг, ленивым жестом поправляя ворот куртки.

Я собралась с силами.

— Убирать.

— Вот и убирай!

Вздыхнув поглубже, я заставила себя отвернуться. Метелка так и стояла на полу у ног.

Не знаю, чего он хочет. Зачем он здесь? Я чувствовала его взгляд. Вроде не было в нем ни злости, ни угрозы, но он связывал мне руки и ноги, так что шевелиться было тяжелее, чем если бы тело заковали в цепи. Но я

упрямо продолжала сметать пыль, двигаясь по кругу и старательно делала вид, что нахожусь тут в полном одиночестве. А потом неожиданно стеллажи закончились. Вернее, закончился круг и теперь нужно было переходить к уборке уровнем выше, для чего в углу имелась крепкая, деревянная, покрытая коричневым лаком лестница.

Взгляд все еще сверлил мне спину, лезть на лестницу в платье, конечно, глупо, можно запросто свалиться, а высота не маленькая. И пол каменный. Но больше окрикивать себя я не дам!

Существовал один способ, которым в подобных случаях пользуются служанки. Не самый лучший, но... Отбросив последние сомнения, я оглянулась и убедилась — князь все еще наблюдает. Пристально, ожидающе. Задержав дыхание как пришедшая полюбоваться на смертную казнь толпа, в момент, когда палач заносит топор над головой жертвы.

Наслаждается что ли?

Я наклонилась, решительно задрала платье и подняла подол на уровень колен, а после закрутила его сбоку жгутом и заткнула за пояс. По крайней мере, теперь я с лестницы не сверзнусь вниз, а князь пусть пялится, если ему так любопытно! И плевать, что девушке неприлично оголять ноги! Когда это было-то? Теперь я просто служанка...

Прихватив метелку, я молча полезла наверх. По дороге еще раз оглянулась. Заторможенный взгляд князя устоялся прямо в пол под лестницей. Ну и смотри сколько влезет! Я отвернулась.

Практически через мгновение за спиной сильно гроыхнула дверь. Я даже испугалась, дверь в библиотеку массивная и тяжелая, чтобы так ей хлопнуть, нужно приложить нечеловечески много усилий.

Князя в комнате уже не было. Теперь можно не тратить остатки сил на упрямое, малообъяснимое желание во что бы то ни стало держать лицо, потому я сунула метелку на ближайшую полку, осторожно опустилась на верхнюю ступеньку и держась за нее руками, стала выравнивать дыхание.

Не знаю, как князь появился в библиотеке... но вышел он через дверь.

И тогда... Смотря на корешки книг и все еще ощущая поблизости присутствие человека, который выводил меня из равновесия просто одним своим появлением, я поняла одну-единственную важную вещь. Мне нужно бежать отсюда. Очень далеко. Очень быстро. Потому что князь не позволит мне жить спокойно, независимо от своих нынешних намерений однажды он не сможет удержаться. Рано или поздно он найдет достаточно оправданий своим действиям и тогда мне не поздоровится. Вопрос времени. Он сметет меня со своего пути так же уверенно, как сметал все препятствия в виде круоргов, законов королевства и сопротивления

окружающих жителей. И пожалеет ли об этом когда-нибудь? Не все ли равно, если мне будет уже неважно?

Когда-то я спасла ему жизнь. Если на то пошло, заплатить пришлось ой как немало. Но я все еще ничуть не жалела. Когда-то я не задумываясь, отдала все. И при необходимости заплатила бы куда больше. А сейчас... сейчас он тоже в ловушке, пусть не смертельной, как звездная клетка, но не менее крепкой. Черная магия прикипает к душе и я не слышала о случаях, когда круорг смог освободиться от ее влияния. Ситуация во многом похожа, только теперь Яноша уже некому было спасти. А если попытаться?

Я прислушалась к своему сердцу. Когда-то я словно в омут бросилась его спасать. Но не сейчас!

По большому счету у меня всего два выхода. Первый — пытаться доказать князю свою невиновность. Все равно, что лбом о каменную стену биться! Тем более, почему я все время должна оправдываться? Перед кем? Перед ним? Существом, которое только что в очередной раз задвинуло меня под плинтус, ниже некуда?

Нет, хватит! Пусть его спасает эта Фиона, которая с ним живет!

Хватит с меня!

Я так разозлилась, что при моем приближении пыль буквально сама разлеталась по сторонам.

Итак, за свою жизнь я сделала гораздо больше, чем сделала бы для жениха любая другая девушка. А теперь... я буду думать о себе. Я не собираюсь отвечать перед князем за выдуманные им провинности! За фальшивое предательство! Тем более пусть играет в подобные дурацкие игры, как только что с книгой, со своей Фионой!

Поэтому остается второй путь — оставить между мной и князем как можно больше пустого пространства, на просторах которого даже случайно не выйдет пересечься!

И прятаться я больше не буду!

Впрочем, когда появилась пани Поли с намерением проверить, выполнена ли работа и запретить библиотеку, заявить о своей свободе я не успела.

— Ула, ты можешь выходить на улицу и вообще передвигаться по территории замка, как и все остальные слуги, — сообщила ключница, усилено избегая моего торжествующего взгляда. Я не стала мучить ее вопросами, прекрасно представляя, как эти игры утомительны. Как непонятны бывают капризы хозяев, которые сами не знают, чего хотят, отдают противоречащие, часто прямо противоположные приказы, при невыполнении коих крайними в любом случае остаются нерадивые слуги.

Этим же вечером, сразу после ужина я, не скрываясь, отправилась повидать Лешика.

Скотный двор располагался в стороне от всех остальных замковых построек, в низине, так что к нему нужно было спускаться вниз по каменным ступенькам. Пройти можно было напрямик через казармы, но я предпочитала ходить в обход, под стеной, там, где дорожка пересекает один из небольших внутренних парков, так называемый Песочный лес. Все пространство вдоль дорожки занимают песочные ели — высокие пирамиды, усыпанные крошечной светло-бурой хвоей. Когда дул ветер, ветви елей тянулись вниз и казалось вот-вот осыпятся на землю кучкой влажного песка.

Я не очень люблю осенние цвета, которыми даже в разгар весны полон Песочный лес, потому особо по пути не задерживаюсь. Тем более, когда встречаю круоргов.

Сегодня у одной из арок рядом с дорожкой стояло двое магов. Одного я узнала — Доминик, который привез меня в замок, второго я видела впервые. Его лицо на фоне темной одежды было даже не бледным, а каким-то зеленоватым, кожа казалась тонкой и полупрозрачной, что в купе с довольно резкими чертами лица превращало его в оживший кошмар из детской страшилки. Той самой, где непослушных детей забирает злой колдун, чтобы, конечно же, сварить их в котле и съесть. Если подумать, не самое плохое, что может сделать круорг...

Еще подумалось, что темные маги всегда разговаривают как-то странно, непохоже на обычных людей. Вот и сейчас — губы собеседников двигались очень медленно, они будто ничего нового друг другу не сообщали, а просто перебрасывались малозначимыми словами. Голоса тоже удивительно тихие, а если их все-таки удастся расслышать, то говор круоргов всегда напоминает колыбельную — тянущуюся, глубокую, монотонную.

Я постаралась пройти мимо них быстрее. Поравнявшись, не смогла сдержать быстрого любопытного взгляда, к которым они, судя по всему, давно уже привыкли. И на этот раз не обратили никакого внимания, Доминик что-то полусшептал-полупел, а вот у второго в момент, когда я уже делала шаг мимо, вдруг резко дернулись ноздри, будто он почуял неожиданный запах. Секундой позже такой же движение сделал Доминик. А потом они оба замолчали, медленно повернули головы и неподвижные изучающие взгляды остановились прямо на мне. Неприятное, надо признать зрелище, такое спокойное, почти сонное наблюдение, казалось сработавшее у них практически на грани инстинкта.

Захотелось побыстрее оказаться от круоргов как можно дальше. Что я тут же и сделала — просто убыстрила шаг и пролетела через лес, будто на крыльях. И только у ограждающей скотный двор стены вздохнула спокойно.

Не сказать, чтобы Леш очень удивился моему появлению. А вот меня ждал сюрприз, оказалось, Лешика перевели на другую работу. Теперь он отвечал за кормежку животных, то есть следил, чтобы запасов всегда было достаточно и они хранились в подходящих условиях.

— Мне даже комнату отдельную выделили, хотя и в самом паршивом месте, — сообщил Леш, когда мы забрались в наше тайное место. Там тоже обнаружилось новшество — несколько широких деревянных чурбанов, на которых оказалось весьма удобно сидеть. Похоже, Лешик сюда водил и других своих знакомых.

— Здорово, — порадовалась я. Если кто и заслужил повышения, то точно Леш, он очень умный и порядочный человек. И не боится за кого-то отвечать, пусть даже за предназначенных на бифштекс животных.

— Прошлого погнали за воровство, а я ведь раньше... до суда тоже ферму держал, мясных кагаров, разновидность кабанов. Вот... привык руководить.

Я изумлено смотрела, как он краснеет, упираясь взглядом в затоптанную землю. Среди осужденных не принято расспрашивать, кто и по какой причине сюда попал, прошлая жизнь остается за воротами, исчезает вдали и если задерживается в памяти, то смутно, как давние детские сны.

Это, пожалуй, проявление высшего доверия, когда тебе рассказывают случай из прошлого, пусть даже мелочь. Я Лешу конечно, доверяю. Но требовать чего-то взамен никогда бы не решилась. Тем приятнее услышать его неожиданное признание.

— Вот так вот, — неловко закончил он и сразу перевел тему.

— Так ты больше не в заточении? — неуверенно пошутил и сам смутился.

— Леш, — я уже успела все обдумать, трезво оценила свои возможности и прекрасно понимала, что шансов бежать практически нет. Но и оставаться так близко от князя тоже никак нельзя. — Ты знаешь способ, с помощью которого можно попасть за ворота замка?

Он нахмурился.

— Нет.

— Леш... Узнай!

— С чего бы это я ввязывался в такое гиблое дело? — сердито

поинтересовался он.

— Потому что мне нужна твоя помощь!

— Ох, тьма тебя забери! — Леш вскочил. — Ты что задумала? Из замка нужно искать обычный путь. Уходить нужно так, чтобы за тобой не устраивали погоню разъяренные круорги! Это непросто, знаю. Но не побег же! — он в сердцах чуть не пнул стену, но вовремя сдержался, пожалел собственную ногу.

— Леш... Мне нужно бежать! Узнай! Иначе мне придется искать самой и пробовать самой просто наугад!

— Ула! Да чего же ты так завелась? Без разрешения уйти из замка? Это самоубийство!

Его глаза бегали где-то за моей спиной.

— Если будет шанс уйти обычным путем, я воспользуюсь. Но Леш! Он не даст мне уйти! Князь ни за что меня не отпустит!

Леш глубоко вздохнул, грудь поднялась чуть ли не до плеч, потом также медленно опустилась.

— Ты не понимаешь! Из замка не выйдешь — это же замок круоргов! Тут всего один открытый выход, полностью под охраной и охраняют его не только воины, но и маги! Мимо них ни одна чужая живая душа не проскользнет! Выход за внутреннюю стену есть только на территорию прилегающего к замку сада. Пусть даже не учитывать, что там внешнюю стену тоже не перелезть, все равно вариант не подходит — в сад прислугу не пускают. Ну ты мне задачки задаешь!

Будто мне очень хочется их решать!

— Леш! Он меня убьет!

— Слушай, ну это ты уже выдумываешь, — недоверчиво протянул он.

— Зачем мне выдумывать?

— Может тебе показалось, а на самом деле князь давно уже забыл о твоём существовании? Завел себе подружку, да и не до баб ему сейчас, король пытается выторговать договор на защиту границ в случаях нападения и настаивает на принятии своего требования очень грубо. У князя сейчас проблем выше крыши! Может, тебе просто показалось?

— Леш! Если ему нельзя отвлекаться от дел, то он убьет меня еще быстрее, до того, как примется решать насущные проблемы!

— Ох уж эти женщины...

Не знаю, до чего бы мы дошли, но тут в закутке появилась Тося.

— Ругаетесь? — удивлено спросила, не решаясь подойти ближе.

Леш тут же перестал нервно болтаться из стороны в сторону и теперь задумчиво осматривал нас с головы до ног. Потом глянул вверх, на

возвышающийся над крышей сарая замок.

— Нет. Наоборот. Хотим пройти к розовым балконам. Как раз успеем...

И подхватив нас под руки, без промедления ринулся неизвестно куда.

— Каким балконам? — я, торопливо перебирая ногами, спешила за Лешем, а рядом так же быстро семенила Тося.

— Там, где воздушный переход из летней трапезной с огромными окнами в замок. Окна выходят на улицу и слугам разрешено по вечерам собираться там у кустов синельки, слушать музыку и даже танцевать. Там хорошо слышно, лавки поставили, места много. Надо же где-то людям общаться и отдыхать, пока на улице тепло. Зимой так не повеселишься.

Идти пришлось недолго, вскоре до нас докатились звуки какого-то струнного инструмента и протиснувшись через узкую арку в густых зарослях, мы действительно увидели лавочки вокруг вымощенной камнем площадки. За лавочками высились кусты горного растения, цветущего гроздьями мелких звездочек и на всем этот участке находилось множество людей. Еще не стемнело, но высоко в воздухе плавали большие магические огни. Неужели маги настолько расщедрились, что даже осветили площадку для танцев прислуги?

В любом случае расспросить Лешика мы ни о чем не успели. Он подвел нас ближе к открытым окнам, откуда лилась живая музыка, поставил спиной к переходу, который представлял собой каменный туннель на высоте второго этажа с открытыми стенами. Крыша перехода поддерживалась толстыми каменными колоннами, обвитыми цветочными гирляндами. Смотрелось красиво, впрочем, замок вообще был красив. Я была бы счастлива жить в таком месте... при других обстоятельствах.

Скептически глянув на нас сбоку, Леш передвинул меня немного в сторону, прямо под один из магических шаров. Потом схватил за руку, поворачивая в стороны, в потом вообще превзошел сам себя — резко протянул руку и вытащил из моих волос заколку. Они тут же рассыпались по спине.

— Ты чего? — изумилась я, но Леш уже вился вокруг, поправляя волосы и укладывал их поровнее.

— Стойте здесь и никуда не ходите! — строго сказал, не ответив на вопрос, — можете с кем-нибудь поболтать, даже потанцевать, но чтоб только недалеко отсюда! Поняли? Я скоро вернусь.

Миг — и Леш скрылся в толпе, а мы недоуменно переглянулись. Бесполезно гадать, что он задумал, созреет — сам расскажет, потому мы увлеклись рассматриванием окружающих.

— Была здесь? — спросила я Тосю.

— Не-а, но Роксана рассказывала... Три дня назад прибыли эти... приглашенные к князю музыканты и сразу же всем слугам разрешили собираться под окнами и слушать.

— А где кстати Роксана?

— Не видела, — Тося отвлеклась и теперь глазела на светильники. Меня больше интересовали люди. Некоторых я знала, в основном женщин, с которыми жила в одной комнате, да еще тех, с кем пересекалась по работе. Мужчины практически все незнакомы, ну парочка, что с Лешем работает, парочка из obsługi замка, ну и все. Некоторые танцевали, большинство стояли, разбившись на небольшие группки и болтали. Все казались мирными и вполне довольными.

Пока мы разглядывали место под глупым названием «розовые балконы», из бокового прохода появились две женщины из нашей комнаты, их кровати недалеко от двери.

Увидев нас, остановились рядом.

— Где Роксана? — поинтересовалась темноглазая, коротко стриженная Мальта, оглядывая нас не особо радушно.

— Скоро будет, — привычно отовралась я. Так проще, пусть ждут, сколько влезет и отстанут с вопросами.

— Да она, поди, у Каркуна ошивается, пускает слюнки на его помощника, — насмешливо сообщила вторая, с пятнами от солнечного загара по всему лицу и обе с хохотом отправились восвояси.

— Каркун — это кто? — спросила я, наклоняясь к Тосе ближе, чтобы лишние уши не услышали.

— Это ее новый друг.

Все на свете пропустила с этим князем!

— Давно?

— Уже почти неделю она к нему ходит.

Ничего себе, почти неделя! Новый рекорд! А ведь наверняка Роксана не раз упоминала при мне о появлении очередного знакомого!

Ладно, надо просто с ней поговорить и все будет как прежде... Ну, хоть помечтать.

— Привет, — рядом неожиданно остановилось двое незнакомых молодых людей. Возрастом они были, пожалуй, немного меня помладше и один из них, тот, что стоял напротив Тоси так сильно покраснел, что даже в сгущающихся сумерках были видны его пылающие уши. Другому пришлось стоять напротив меня, хотя, похоже, такое соседство его немного пугало.

— Привет, Бай, — пролепетала Тося.

И вот получается, что я прошляпила не только Роксану, но и Тосю! Хотя... они ведь тоже обо мне многого не знают. По спине стилой змеей прополз ледяной холод. И лучше пусть никогда не узнают!

— Потанцуем? — спросил у Тоси юноша, неуверенно косясь в мою сторону. Впрочем, моего позволения Тося спрашивать не стала, а молча протянула ему руку и отвернувшись быстро пошла в круг танцующих. Второй парень остался стоять рядом, переминаясь на месте от неуверенности и иногда косился на меня почти испуганными глазами. А я от облегчения улыбалась до ушей. Тося поступила как взрослый человек — решила сама. И в свете сегодняшних событий это не может не радовать. Она взрослеет, ничего не поделаешь, тем более сложно рассчитывать на свою возможность кого-то спрятать и оградить от неприятностей, когда за спиной маячит сам темный князь.

Между лопаток снова закружился острый холод.

За спиной... за спиной...

Я резко развернулась. В окне перехода, примерно напротив меня, но ближе к залу, из окон которого лилась музыка, стоял человек. И хотя там было довольно темно, потому что коридор не освещался, я могла сказать совершенно точно — это был князь!

Он не выглядел как человек, застигнутый за некрасивым поступком вроде подсматривания за другими. Конечно... князь имеет право выйти ленивым вечером и поглазеть, как веселятся его слуги. Ведь в его власти решать, сколько это веселье будет продолжаться. Как и многое другое.

Впрочем, в это время возле князя появился кто-то еще и они пропали.

Я, стараясь сдержать нервную дрожь, отодвинулась подальше от стоящего рядом мальчишки. Мальчишку было жаль, потому я негромко попросила:

— Ты не мог бы оставить меня одну?

Он с облегчением выдохнул и тут же пропал.

Впрочем, прийти в себя не очень-то получилось. Почти сразу же откуда-то сбоку кубарем выкатился Леш. Схватил меня за руку и быстро потащил на дорожку, в сторону противоположную той, которой мы пришли.

Я старалась не отставать. Далеко тащить Леш меня не стал, убедился, что вокруг нет никого живого и увлек в заросли кустов. Остановил у стены и нервно схватился за свою шевелюру.

— Черт возьми. Ула! А ведь ты не выдумала, — изумлено сообщил.

— Не выдумала что? — у меня все еще не получалось успокоиться.

Вокруг сгущался вкусный, но душный аромат синельки. Его замок. Его. Он может встретиться везде. Всегда.

— О князе, — Леш немного успокоился, по крайней мере, в глазах поубавилось блеска. — Я убедился. Ну ты и влипла! Вот же невезение!

— Как убедился?

— Просто посмотрел... Князь после ужина всегда возвращается по переходу к своим покоям. В одно и то же время. Но никогда! Слышишь? Никогда он не задерживался у окна больше двух минут. А сейчас... Тебя просто узнать, я бы не перепутал. И он словно почувствовал... Даже вокруг ничего не замечал, хотя я недалеко стоял. Он так пожирал тебя взглядом, что чудом не съел! Особенно когда эти мальчишки подошли. Бог мой, Ула, ну ты и влипла, — вдруг пораженно сообщил мне, будто только что понял всю величину грядущих проблем.

— Я знаю!

Некоторые время раздавалось пыхтение, какое издает человек, когда очень настойчиво шевелит мозгами.

— Может, стоит с ним поговорить и все объяснить? Ула... Просто подумай. Тебе плохо. Ему не лучше. А ведь если вы разберетесь, то многих проблем как...

Горло снова перехватило болью. Я с нетерпением перебила.

— Даже не начинай, Леш!.. Ты только что убедился, что мне не показалось. Поверь тогда сразу, что если бы был хотя бы один шанс его убедить! Хоть самый крошечный! Да я бы...

— Все. Я понял, не волнуйся. Верю, — покладисто согласился Леш, успокаивающе обнимая меня за плечи.

Он наклонился так близко, что закрыл лицом все вокруг. Его глаза сильно блестели, и не только от возбуждения. А еще от какого-то отчаянного вызова, азарта. Какого-то огромного риска.

— Я узнаю, как можно покинуть замок, Ула. Обещаю.

Ночь выдалась на редкость беспокойной, хотя Тося и Роксана вернулись почти сразу же после меня, не шумели, не болтали, а просто разделись и улеглись спать.

Мне заснуть никак не удавалось. Все смешалось, вся моя жизнь запуталась, накрепко стянулась самыми сложными узлами и не было ни малейшего выхода, который устроил бы меня безусловно. Бежать... Это конечно выход, но со множеством условий. Даже если побег удастся, куда идти? Только к бабушке, больше некуда. Возвращаться в город нет ни сил, ни желания. Глаза бы мои больше никогда не видели ни высокомерия шайнар, не считающих равными даже обладающих частью своей крови шай-парс, ни королевских служб, создающих из обычных людей беспринципных существ, прикрывающих свои мерзкие действия интересами королевства и, следовательно, народа. Вранье! Плевать им всем на народ! Все моменты суда касались чего угодно, но не народа. Деньги теряла казна! Краденая Маризой информация в конечном счете касалась именно денег. Репутация каждого обманутого Маризой человека была настолько далека от их реально существующих поступков, которые выползли из темноты наружу, что последнее, о чем думали обманутые, суд и королевские службы вместе взятые — благо народа.

И от этого еще гаже.

Еще спать мешал амулет. Стоило задремать, как цепь становилась колкой, врезалась в кожу и шея начинала жутко чесаться, будто исцарапанная мелкими колючками. Но ведь несколько дней до этого все было в порядке? Я проверила поверхность цепочки — гладкая, никаких острых или хотя бы неровных краев, потому проснувшись в очередной раз, пыталась просто передвинуть ее в сторону, что на время помогало. И я снова засыпала и снова просыпалась.

Уже потеряв счет попыткам заснуть, я перевернулась на другой бок, в сторону девчонок и увидела сидящую на краю кровати Роксану.

— Пошли в коридор, — тихо прошептала она, снимая со спинки кровати и протягивая мне теплую коричневую шаль. Сон никак не шел, так что я даже обрадовалась предложению проветриться и отвлечься от бессмысленных попыток уснуть. Впрочем, проветриться — сильно сказано, на улицу выходить мы не стали, мало ли кто там шатается? Зачем же представлять перед глазами неизвестных ночных гуляк в виде светлых

пятен, в которые мы превратились благодаря длинным до пят ночным сорочкам? Только лишние сплетни раздувать.

Пройдя по коридору до угла, мы забрались под лестницу, которая хотя и не являлась главной, но все равно была достаточно широкой, чтобы спрятать под своим основанием уголок со старым мягким диваном. Рядом у стены высилась несколько вложенных друг в друга ведер и пара дряхлых общипанных метелок.

Обивка из ткани оказалось твердой и жесткой, зато совсем не скрипела, как скрипит кожаная, стоит только к ней прикоснуться. Роксана опустила на диванчик, зябко кутаясь в толстую шаль из некрашеной шерсти. Пряди из ее заплетенных в свободную косу волос выбились из прически и торчали в разные стороны. Глаза у нее были усталые, покрасневшие, да и вообще вид не особо радостный.

— Не спится? — спросила я, только чтобы как-нибудь завязать разговор.

— Как и тебе, — Роксана крепко держала шаль, так что ткань натянулась на острых плечах. — Тебе почему?

— Не знаю, — честно ответила я, одновременно приподнимая цепь, кожа снова зудела, но если чесать, только хуже становилось — кожа болела и чесалась еще сильнее.

— Да и я, в общем-то, тоже не знаю, почему. Вроде нет причин — сыта, здорова, не устала, опять же мужик вечером был... Чего еще нам, бабам дурным, нужно?

Роксана говорила с такой злостью, что я даже про шею ненадолго забыла. Недовольно цедила сквозь зубы, словно ругалась.

— Что-то случилось?

— Не знаю, Ула, — она поморщилась. — Стоит ли говорить вообще.

— Конечно, стоит. Тося сказала, ты уже неделю встречаешься с каким-то мужчиной. Каркун, да?

— Да... Он управляет строителями, хороший мужик, не злой. И как мужик тоже ничего.

— А помощник его?

Она резко метнула на меня недовольный взгляд.

— Что помощник?

— Не знаю, что. У тебя спрашиваю!

Роксана снова поморщилась, устало и как-то болезненно. Такое выражение лица, кажется, входило в привычку.

— Помощник... Ларс, наверное.

— Ларс... Ну, наверное. И что у тебя с помощником?

И снова эта гримаса, будто у Роксаны что-то болит, причем давно и сильно.

— Да ничего, Ула. Ничего. Что там может быть? Ничего и быть не может.

— Почему? — и что же интересно могло остановить Роксану?

— Ему девятнадцать, — мрачно сообщила она, натягивая шаль так сильно, что стали видны даже складки платья.

— И что? — я честно совсем не поняла.

— Ула... мальчишке девятнадцать лет. Ему нужно с такими, как Тося гулять. А тут я, тетка тридцатидвухлетняя...

Она вдруг так вздохнула, что почти всхлипнула, уткнулась в ладони, но почти сразу отняла их от лица и заговорила спокойно.

— Сама не знала, Ула, что такое со мной может случиться. Влюбилась, как девчонка малолетняя. Просто до одури, как вижу его, так все забываю, только и думаю, что о его руках... губах, — она дернула головой, словно отмахнулась от чего-то невидимого, но прилипчивого. — Дурь это все, глупости. Спать только вот не могу...

Нетерпеливо откинулась на спинку дивана, еще туже запахивая на груди шаль.

— В общем, не будем. Знаешь, что я решила? — заговорила с непонятым весельем.

— Что?

— Ребенка хочу. Время идет, ничего не меняется, да и не измениться уже. Неизвестно, что дальше будет. Вот хоть Каркун... А, какая разница? Я здорова, когда живот вырастет, отправят в деревню, там заботятся о беременных, я узнавала, специальный дом для одиноких есть. Потом найдут или работу, или мужа. Для меня выход лучше не придумаешь. Так что не пропаду...

Я, честно говоря, сильно растерялась. Хотя конечно никогда и не рассчитывала, что все мои друзья останутся рядом навсегда. Тем более и сама я... Много чего скрывала.

— А как ребенок... без отца будет расти? Плохо без отца.

— Если бы без отцов не рожали, люди давно бы уже вымерли! К счастью, на участие мужика в зачатии всегда можно рассчитывать, а потом... может и проще без отца, я нормальных-то отцов за свою жизнь по пальцам можно пересчитать, сколько видела, — мрачно отрезала Роксана и шестым чувством я поняла, что продолжать расспросы не стоит. Тогда молча придвинулась и положила голову ей на плечо. Роксана всегда казалась самой крепкой из нас, самой уверенной и независимой. А вот

получается, независимой просто оттого, что зависеть не от кого...

— Роксана... но ведь девятнадцать... он же взрослый, может пусть сам решает, нужна ты ему или нет?

— Нет, — она упрямо качнула головой. — Не могу. Тем более, думаешь, он еще не знает? Да все вокруг болтают! Ты же узнала откуда-то? Разве что один Каркун под собственным носом ничего не видит, думает, я из-за него к строителям хожу. А мне иногда хоть краем глаза нужно посмотреть... просто увидеть, что Ларс жив и здоров. Так что Каркун не знает, но ему сказать не рискнут. А Ларс знает. Наверняка... Нет, я сделаю, как задумала. Будет ребенок, уеду... забудется однажды, с глаз долой, сама знаешь, из сердца вон. Пусть и не сразу, но со временем пройдет, тем более не до того будет с ребенком. Я и сама не рада. Вроде знаешь этих мужиков, как облупленных. Вроде к чему угодно готова, да и возраст не тот, чтобы от романтических мечтаний расплываться. А потом вдруг встречаешь... и вроде как все он и ничем от остальных не отличается, а хоть беги и топись. И стыдно видеть, смотреть, как окружающие посмеиваются и не видеть не могу. Так что лучше совсем...

Я прижалась к ней крепче.

— И когда ты собираешься?

— Скоро.

Больше она ничего не добавила. А так хотелось, чтобы все хорошо было! Ну хоть у кого-то должно все сложиться самым сказочным образом? Хоть у одной из нас? А лучше пусть и у Роксаны и у Тоси. И у Лешика, конечно, они все заслужили счастья. Если бы решать мне!

Но решать не в моей власти. В моей разве что попытаться верить. Не зря же говорят, что настоящая вера имеет силу воплощать хорошее в реальность? Пусть воплотится!

— У тебя все получится. И малыш родится самый здоровый и послушный. И ты еще встретишь того единственного, — пролепетала я, стараясь говорить тише, чтобы не было слышно вплетающуюся в голос неуверенность. Сама знаю, звучит сомнительно. Но мне так хотелось, чтобы это стало правдой!

Роксана улыбнулась уже вполне привычно.

— А я и не сомневаюсь. Где-то ходит еще мой мужик, такой, за которым как в крепости. И Тося встретит своего. И ты.

— И я?

— А как же, и ты, — уверено сообщила Роксана. Я промолчала, потому что вообще не хотела сейчас думать о мужчинах. Вернее, думать о них с позиции заинтересованной в замужестве женщины. Лучше думать о

них, как о друзьях вроде Лешика или... как о врагах. Да, как о врагах.

Роксана вдруг расцепила руки и одной обхватила меня за плечи.

— Ула, — я очнулась от размышлений, вопросительно заглядывая ей в лицо.

— Расскажи, что у тебя с князем?

И уши тут же разгорелись, будто и правда у меня с ним что-то есть!

— Ничего!

— Ула, — она не настаивала, просто смотрела серьезно и внимательно. — Я же не Тося, умею почуять, куда ветер дует, когда дело касается дел между мужчиной и женщиной. Князь, когда тебя увидел, посадил в подвал. Потом почему-то сразу отпустил. Потом лично приказал библиотеку убрать и... он ведь был там, в библиотеке. Так?

Я не могла ей врать. Одно дело — немного недоговаривать друзьям и знакомым, оберегая их от лишних переживаний. И совсем другое — отвечать враньем на прямо поставленный вопрос.

— Да, он там был.

— Чего он хотел?

— Не знаю.

Тут я не соврала, и правда понятия не имею, чего он на самом деле хотел. Ну, кроме желания в очередной раз унизить.

— Он к тебе приставал?

Честно говоря, сколько помню, когда Роксана говорила о приставаниях, на ее лице всегда блуждала загадочная понимающая улыбочка. А тут... она смотрела насторожено и чуть ли не со страхом.

— Нет.

— Ты же уже взрослая, Ула. Наверняка способна разобраться. Он не намекал на постель? — уточнила Роксана.

— Нет!

Она вдруг очень пристально оглядела меня, даже придвинулась немного, словно намереваясь сообщить страшный секрет.

— Не связывайся с ним.

— Я не собираюсь! — чересчур возмущено ответила я.

Роксана криво улыбнулась.

— Да, конечно. Не собирается она... У тебя при имени князя глаза загорелись как... я никогда тебя такой не видела. Похожий блеск обычно сверкает в глазах невест, когда их в первую ночь к спальне приводят. Я видела такое в зеркале перед своей свадьбой! Так что можешь не врать.

— И ничего не загор...

— Князь, конечно, улов крупный, — перебила она, не обращая на мой

протест никакого внимания. — Красивый мужик, Ула, богатый, да и положение... Фиону приструнил так, что она и не вякает, когда он других баб к себе таскает. В замке все по струночке ходят, королевский посол на днях приехал... бледный, как при смерти и кланялся раз пятьдесят подряд. Значит и король его побаивается.

— Так чего же не так? — вдруг вызывающе поинтересовалась я. — Ты же сама сказала — богат, красив, влиятелен. Ты же мне со стражниками предлагала спать, чтобы польза была. А тут целый князь!

— Ула, — она крепко сжала мое плечо. — Он круорг. С темным магом даже я, существо пропащее, не рискнула бы связываться.

— Почему?

Глаза Роксаны настойчиво сверлили мое лицо. Неотрывно. Предостерегающе. Она колебалась, не решаясь заговорить, но наконец, выпалила.

— Говорят, бывали случаи... Вечером в его комнату заходила молодая красивая девушка. И больше не выходила... Иногда выносили только легкое, сморщенное тело, сухое, как осенние листья.

— Вранье! — уверено ответила я, хотя хоть убейте, не понимала, почему протестую.

— Он высасывал их жизненную энергию. Даже говорят, что когда девушка... удовлетворена, ну как женщина, в это время у нее энергия особо сладкая. И круоргам сложно сдерживаться. А князь может себе позволить не следовать даже собственным законам.

— Не верю!

Не знаю, почему я так сильно разозлилась... Я бы вскочила, если бы Роксана так крепко меня не держала.

— Ула, — быстро зашептала она. — Ула... Только не это. Только не говори, что я опоздала и ты уже у него на крючке. Я же знаю, что в замке творится, Ула. Даже если неправда про энергию, что он забирает... Ну, пусть вранье. Но Ула, в такого мужика нельзя влюбляться, он же переступит и дальше пойдет. Смотри, он даже Фиону в грош не ставит. А она не служанка, наоборот. Не просто молода и красива, она маг, равная князю, понимаешь? Он раздавит твое сердце и даже не заметит! Ула, девочка моя, пообещай... пообещай, что ты не войдешь к нему в спальню! Слышишь? Лучше уж Леш. Лучше уж забеременеть и в деревню. Только не приходи к князю, слышишь? Насильно он не потащит, зачем ему? Так что Ула забудь... забудь, как я забыла. Бывает, что случается несправедливость и сердце привязывается к тому, с кем будущего нет и быть не может. Это нужно просто переждать. Перетерпеть. Так уж вышло, что нет счастья ни

тебе, ни мне. Значит, судьба такая. Ула, обещай, что ты не пойдешь к нему в спальню!

К концу ее сбивчивой лихорадочной речи я уже сидела и мелко дрожала. Перестала дергаться и снова обняла Роксану, успокаивающе поглаживая рукой по спине.

— Все, все не волнуйся. Я и не собиралась.

Зачем было так ее дразнить? Роксана-то чем виновата? Я ведь и не собиралась к князю, даже мысли такой не было.

А правда ли не было? Ошейник снова заколол и я машинально схватилась за него, сжимая пальцами до боли. Стараясь удержать цепь подальше от кожи и радуясь, что можно отвлечься. И не думать. И с отчаянием понимать, что поздно отвлекаться... Ведь я уже знала правду. Слишком быстро она раскрылась, чтобы успеть зажмуриться и не увидеть.

Я хотела бежать не только от князя...

Я хотела бежать от самой себя.

Спали мы с Роксаной на одной кровати, крепко прижавшись друг к другу. Не знаю, почему она легла рядом, а вот мне просто хотелось немного живого человеческого тепла.

Утром мы расстались молча и довольно холодно, потому что ночные разговоры на то и происходят глубокой тихой ночью, чтобы с ней и растворяться в прошлом. Мы с Тосей отправилась в мастерскую, где все показалось таким привычным и родным, что я будто дома очутилась. Берта, кажется, обрадовалась моему появлению, потому что тут же принялась перечислять, сколько дел у нас, что из этого можно отложить на завтра, а что стоит выполнить безотлагательно. Выходило, что дел на сегодня не так уж и много, так что можно поболтать за работой, а не спешить, временами жертвуя качеством в угоду скорости. И что, пожалуй, всего через пару дней и из верхней мастерской вернутся другие девчонки. Но пусть мы не волнуемся, сообщила Берта, она говорила о нас с пани Полей и нас в любом случае оставят работать в мастерской, потому что народу в замке прибавилось и, следовательно, работы прибавилось тоже. Значит, и мы пригодимся.

И обед прошел как обычно, я вздохнула свободнее, заодно радуясь, что амулет с утра никак себя не проявлял и кожа под ним больше не чесалась. Когда выдалась свободная минутка, я уселась перед зеркалом и внимательно изучила висящую на шее бирюльку.

Итак, плоская ничем не примечательная стальная полоска, разве что края закруглены, чтобы не поранить кожу. Цепь, может и не очень изысканная, а скорее даже грубая, но тонкая и тоже ничем не должна

мешать. На амулете вдавлено клеймо князя. Вспомнив, как оно тут появилось, я невольно съежилась. Не самое приятное из моих воспоминаний. Но ладно, на пластинке был выдавлен герб мастера Тлена, изображение какого-то зыбкого, бестелесного существа, посаженного на сверкающую цепь. Что-то вроде призрака или... может, души? Неизвестно точно, как выглядят души, но вполне в характере круоргов использовать нечто подобное, вызывающее и шокирующее обыкновенных обывателей. Этот герб отличался от официального герба Князя круоргов, там все вполне обычно и достойно — крепкая каменная крепость на темном фоне, смуглое низкое небо пререзает черная молния. На фоне неба — сухое корявое дерево, тянущее к небу узловатые, будто кости скелета ветки.

В общем, так и осталось непонятным, почему же ночью у меня так сильно чесалась от него шея.

После обеда мы продолжили шить. На этот раз партию нижних штанов из мягкой, но крепкой зутовой ткани, которая хорошо держит тепло тела. Берта так поделила день — с утра починка вещей, после обеда — шитье нового, на запас. К зиме новых кальсон должно хватить не только на круоргов, но и на стражников.

Мы с Тосей хихикали, слушая, как Берта описывает нам необходимость запаса кальсон, в ее исполнении звучало так, будто первое, что требуется защитникам замка при нападении вражеской армии — теплые и прочные кальсоны.

Не найдя в нас понимания и поддержки, Берта обиделась и замолчала, устроившись в углу. Так прошло немного времени, а потом раздались торопливые шаги.

Я сидела лицом к окну, потому не сразу поняла, что в комнату вошли.

— Служанка по имени Мариза тут?

Мы все оглянулись и встали со своих мест одновременно. У входа в комнату стояла и пристально разглядывала сваленные грудой рулоны ткани одна из подруг Фионы, немного полная, но удивительно подвижная и даже вертлявая Сатъя. Симпатичная девушка, но красавицей не назовешь — слишком узкие губы и слишком круглое лицо, без труда выдающее примесь здоровой крестьянской крови.

— Ну, чего молчишь? — нетерпеливо спросила она Берту, которая судя по всему растерялась. Меня ей представляли, как Улу.

И что в наших краях понадобилось Сатье? Ох, не надо было любопытствовать, не надо...

Но я еще раз взглянула на оторопевшую Берту и сказала.

— Мариза — это я.

— За мной иди, — Сатъя окинула меня изучающим взглядом, без улыбки, но и не особо презрительным. Слегка настороженным и задумчивым. Обычно свита Фионы, как и она сама, не обращали на служанок ровно никакого внимания, так что ничего хорошего мне явно не светило.

— Зачем?

Она молча развернулась и вышла. Я бы предпочла остаться в мастерской и получить нагоняй за непослушание, но Берта знаками показала, что мне должно идти следом. Подручным Фионы без причины не отказывают, потому что они действуют только по указке госпожи.

Мы прошли по коридору до одной из центральных лестниц и поднялись к покоям Фионы. Сомнений в том, куда именно меня ведут, не оставалось. Только непонятно, зачем?

Без промедления минуя стражников, Сатъя распахнула двойную дверь в огромную гостиную, которую пересекла так же стремительно, как и все остальные помещения. Фиона обнаружилась в комнате через одну, видимо, внутренний будуар, потому что она сидела перед зеркальным трюмо и расчесывалась, причем собственноручно. Пристально посмотрела на мое отражение в зеркале.

— Сатъя, иди, — отрывисто приказала, вынимая расческу из волос и осторожно откладывая в сторону. Жест весьма настораживающий. Провожатая тут же исчезла за дверью.

Я и раньше подозревала, что у Фионы великолепный вкус, теперь пришла пора убедиться. Никаких вызывающих или намекающих на нечто неприличное предметов вокруг не было. Ничего алого, бархатного или занавешенного до пола портьерами. Никаких статуэток обнаженных атлетов или занимающихся любовью животных. Тона на основе охры и темного золота. Ничего, чем заманивают мужчин... А значит, они ходят сюда сами.

Фиона молча сверлила меня глазами, видимо пытаясь заставить меня нервничать, ведь каждая служанка, попавшая пред светлые очи хозяйки, первым делом судорожно пытается припомнить, а не натворила ли она за последнее время чего предосудительного? Однако я молчала. Не до того было.

Изумительно обставленный будуар не смог надолго отвлечь внимания от своей сердцевины. Сейчас передо мной сидела одна из самых красивых женщин, которые мне встречались, исключая запачканные магией глаза. И она... она...

Женщина князя. Она его очень любила, никаких сомнений. Она жила с

ним два года! А что есть у меня? Один месяц мимолетных пристойных встреч, несколько дней после помолвки и полгода разлуки... Даже сравнивать не с чем.

Ничего ужасающего или неприятного в Фионе не было. По замку не ходили слухи о ее жестокости или капризах. Хозяйка была подходящей князю женщиной.... И я ее ненавидела. Смотрела сейчас на эту изысканно одетую, спокойную, красивую Фиону, одну из подручных и соратниц князя, его любовницу и ненавидела только за то, что рядом с ним не я.

И даже понимая, что прав на Яноша у меня давно уже никаких нет... Что все в прошлом и травой поросло... Что пора забыть, наконец, и жить дальше...

Ничего не менялось. Я ненавидела ее сейчас.

— Что ты делала вчера в библиотеке? — неожиданно задала вопрос Фиона.

Я на секунду сжала зубы, чтобы удержать рвущуюся наружу грубость.

— Убирала.

— Там был князь?

— Да.

— Зачем он приходил?

Я сцепила за спиной руки в замок.

— Вам лучше спросить у князя, потому что я не могу знать, по какой причине он приходил в библиотеку.

Она резко обернулась. Улыбнулась весьма недобро.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Я не могу ответить, потому что не знаю ответа. Князь сидел в кресле. Все.

— Он разговаривал с тобой?

— Да.

— О чем? Вспоминай дословно.

— Вам стоит спросить у князя, так как я не уверена, что могу распространяться о нашем разговоре.

Голубые, покрытые пятнами глаза прищурились, Фиона наклонила голову, насмешливо кривя губы.

— Вот как... думаешь, раз князь тобой заинтересовался, то позволено мне дерзить? Открою тебе глаза, служанка. Таких, как ты у князя множество, а я здесь единственная хозяйка, поняла? Когда ты ему надоешь, то я возьму тебя к себе прислуживать и дальнейшая твоя судьба будет зависеть только от того, как ты поведешь себя сейчас. Если будешь знать свое место, а оно возле князя будет недолго, не сомневайся, и не пытайся

идти против меня, и потом не обижу. Иначе... И не рассчитывай, что князь тебя защитит, его интересы быстро меняются, очень быстро! Я не раз видела таких, как ты... Иногда они думают, что станут исключением. Так думают самые глупые. Они недолго живут... и ни разу князь не интересовался, живут ли вообще. Ты меня понимаешь?

Я кивнула.

Ах, Фиона. Сколько бы я не злилась сейчас на князя, до твоей безысходности мне ой как далеко! Слова... слова...

Она жила с ним столько времени... И была ему никем. Как и я.

Наверное, в жизни Князя не было выделено женщинам больше места, чем того требовала физиология. И исключений, судя по всему, не существовало. Вот только далеко не все могли это понять.

Но я все равно ее ненавидела.

— Так чего хотел князь?

— Вам лучше спросить об этом у него, — упрямо отозвалась я.

— Госпожа! — крикнула Фиона, теряя выдержку, — ко мне следует обращаться, прибавляя к обращению слово Госпожа!

И тут меня переключило. Так сильно, что захотелось умереть, только бы не повторять этого слова. Я подняла голову и твердо заявила.

— У меня нет госпожи!

Ну вот, теперь все и кончено. Из темниц бежать, наверное, куда сложнее. Но я не могла... просто физически не могла назвать ее госпожой!

— Как ты смеешь? — вкрадчиво и на редкость спокойно поинтересовалась Фиона, поднимаясь с кресла. Подошла и наклонилась ко мне. — Может, ты плохо понимаешь, с кем говоришь? Или плохо видишь? Посмотри на меня? Видишь? Внимательно смотри! Во мне его сила... Много силы... А ты знаешь, глупая служанка, как она ко мне попала?

Я закрыла глаза. И знать не хочу, как она там к ней попала!

— Отвечай!

— Не знаю и знать не хочу!

— Госпожа! — рявкнула Фиона.

— У меня нет госпожи. И никогда не будет! — не менее сильно рявкнула я в ответ.

Она вдруг сильно изменилась, совершенно успокоилась, сосредоточилась, а потом я увидела, как Фиона поднимает руки — ладонями вниз, пальцы растопырены, а в ее глазах расплываются лужицы силы круоргов.

Мне показалось, что она хочет меня ударить. Руки зачерпнули что-то в воздухе и понеслись ко мне, но вдруг...

Вдруг она замерла, как-то опешила, застыла. А потом ошарашено уставилась в вырез моего платья.

— Что это? — Фиона протянула руку и схватила амулет. — Что это такое? — спросила она, но судя по всему и сама прекрасно знала, что, потому как в голосе было не столько удивления, сколько чего-то похожего на боль. Или ужас.

А вот я не знала.

— Сатья! — крикнула Фиона и та тут же вбежала в комнату. Но никаких пояснений или указаний не последовало — Фиона неверяще переводила взгляд с меня на Сатью, а после неожиданно отступила назад.

— Госпожа, что случилось? Она пыталась вам навредить? — звонко спросила Сатья, сделав в мою сторону нечто весьма похожее на охотничью стойку.

— Как он... — выдавила Фиона и резко замолчала. Постепенно она приходила в себя, но зато ее лицо становилось все темнее, брови хмурились и пятна темной силы в глазах мягко мерцали.

Она сделал ко мне еще один шаг.

В этот момент дверь распахнулась. Не пришлось даже оборачиваться, один вздох и я знаю, кто стоит у порога. Что мне подсказало? Не знаю, просто один удар сердца — и я поняла, кто теперь оказался рядом.

Побледневшая Сатья искоса глянула на госпожу и моментально испарилась.

— Что это значит? — зло, но очень величественно поинтересовалась Фиона, застыв передо мной в позе, подходящей самой королеве — расправленные плечи, безупречная осанка, гордо задранный подбородок и взгляд свысока. Она была растеряна и сердита, но все это сквозило только в глазах, ничуть не отражаясь на уверенном, слегка высокомерном лице.

Князь неторопливо направился в нашу сторону.

— Я желаю слышать объяснения! — Фиона оглянулась и вызывающе уставилась на князя, сверкая глазами. Меня даже покачнуло... Как же она его любила! Она прощала ему все... и держалась на положении госпожи вероятно только потому, что хватало смелости вот так бесстрашно требовать объяснений. У человека, которого боятся все... Может, это создавало у окружающих видимость некой покорности князя перед чарами смелой и гордой женщины?

— Что она здесь делает? — оставшийся равнодушным и к взглядам, и к звучащему в голосе упреку, и к выраженному в каждом жесте Фионы недовольству, Янош остановился у моего плеча и голова пошла кругом.

— Мне нужна новая служанка.

— Нет, — скучно отрезал князь.

— С каких пор нет? Я выбираю служанку! Изволь объяснить, чем эта служанка отличается от всех остальных?

— Нет.

— Не смей переводить тему! Я хочу знать, что происходит. Что все это значит? — Фиона повысила голос до раскатистого грома, а меня вдруг обхватили за локоть, разворачивая к двери. Потом Князь молча пошел к выходу, ведя меня за собой. Я пыталась упереться, потому что тоже очень хотела слышать объяснения. Что у меня на шее?

Князь легко дернул рукой, но сила рывка была такой, что я почти полетела следом. Фиона лихорадочно следила за нами, руки у нее давно отпустились и крепко сжимали ткань платья.

— Янош! Не смей так уходить, — теперь в ее голосе сквозило почти неприкрытое отчаяние. — Не смей уходить от разговора!

— Я не имею привычки уходить от разговора. Мы поговорим позже, когда ты успокоишься и заодно вспомнишь, каким со мной следует разговаривать тоном, — выйдя в соседнюю комнату, князь даже не оглянулся, отрезая дверью оставшуюся стоять в растерянности Фиону. Спокойно, будто не происходило вообще ничего. Будто ему плевать, что там осталась доведенная до нервного тика безумно влюбленная в него женщина.

Через минуту мы минули спрятавшуюся за гардинами Сатью, вытянувшихся по струнке охранников, парадный коридор, завернули за угол и оказались в небольшом переходе, где я раньше ни разу не бывала и даже не знала, куда он ведет.

Ни на секунду не отпуская, князь волочил меня вдоль перехода, а потом снова по лестнице. Здесь уже было довольно темно, хотя ступеньки из светлого камня можно было различить все еще без труда.

Вдруг шею охватило огнем и я зашипела сквозь зубы. Амулет... это снова он! Что же князь на меня такое повесил? Зачем?

Услышав шипенье, князь затормозил и удивлено оглянулся.

— Все-таки нашел достойный способ меня убить? — почти задыхаясь от боли, спросила я. Ладонь будто прилипла, хотя боль от этого ничуть не уменьшилась. — В чем твой план, князь? Придушить меня особо изощренным методом? Медленно, чтобы я все понимала?

— Кого? Тебя? — скучающе поинтересовался князь. — Одну из двух сотен замковых служанок? Никому не известную шай-парс? С чего ты решила, что меня волнуют такие мелкие пешки?

— Потому что твой амулет что-то делает со мной временами! И сейчас

он меня душит!

На миг он замер. А потом моя ладонь сама собой отлипла от кожи и я тут же сжала ее пальцами другой руки. Вроде все нормально, кожа в порядке, ни ожогов, ни царапин нет.

Показалось, что ли?

Раньше, чем я успела что-нибудь придумать, Янош подошел вплотную, поднял руку и секунду помедлив, крепко обхватил ладонью мою шею. Пальцы плотно легли поверх цепочки, тепло чужой кожи необъяснимым образом оказало обратный, охлаждающий эффект. Потом рука толкнула меня к стене, в которую я тут же уперлась спиной.

Пустой во все стороны коридор, полумрак и оглушительно громкий звук стучащего сердца. Моего?

И в тот же миг в его безучастных глазах расплылась тьма.

Это было одновременно больно и утончено приятно. Прикосновения на грани дикого, агрессивного нападения чужой силы, окутавшей кожу наподобие шершавой ткани, дискомфортной, но одновременно остро будоражащей. Влияние нахлынуло таким одурманивающим потоком, что невозможно было пошевелиться и я смотрела в его глаза, пока по телу бегали колкие ледяные искры чужой власти. Безусловной власти сильнейшего.

В затуманенном сознании мелькали мгновения, пришедшие из жизни других, незнакомых людей, будто из окружающего воздуха в моем сознании проявились куски парящей вокруг бестелесной памяти — сон, полный чего-то жаркого и неприличного; ночная мгла, ревниво скрывающая нечто запретное; кованая дверь, запрещающая от чужих глаз крошечный неприглядный секрет.

Они неловко кружились вокруг, задевая краями пространство между мной и князем, и походили на легкокрылых мотыльков, беспечно летевших на смертельный свет. Некоторые из тех, что приближались слишком близко, шипели и сгорали на огне его силы, и только невидимые тонкие струйки дыма окончательно растворялись вместе с остатками чужих воспоминаний.

Когда окружавшая тело взбитая в пену темная сила испарилась, сползла по коже на пол и растаяла, глаза Князя приняли привычную форму — ровная радужка, круглый зрачок, практически немигающий взгляд.

— Шайнарская магия не признает магии круоргов. Совершенно не переносит присутствия поблизости, а в твоем случае еще и активно сопротивляется, пытаюсь разбить ее ограждающие оковы. Напрасно — даже сильный шайнарский маг не способен противопоставить против круорга ничего внятного. О тебе и речи нет.

Когда он убрал руку я, наконец, смогла дышать спокойно. Мы стояли на том же самом месте, и под спиной холодная стена, и над головой так же высится перекрытый темными балками белый потолок, и пол под ногами не дрогнул, и вокруг все тот же пустой бесконечный коридор.

Но только что я побывала в совершенно другом слое реальности, никаких сомнений. Это было ужасно, страшно до оторопи и притом... изумительно. Другой уровень обмена энергией с окружающими сущностями, практически недоступный грубо слепленному человеческому телу. Всего лишь жалкое подобие обмена, который играючи совершают

бестелесные души.

Только что князь приоткрыл мне завесу и бегло показал краешек своей мощи. И меня, как и любого другого на моем месте оглушило мрачным великолепием древнего безлюдного склепа, приводящего непрошенных гостей в благоволение и трепет одним фактом своего существования.

— Что ты сделал? — проговорила я, не в силах пригладить вставшие на дыбы нервные окончания, от зуда которых чесались даже пятки. Не верилось, что я просто продолжаю стоять в коридоре и не сделала даже шага в сторону.

— Все проявления твоего дурного самочувствия имеют единственную причину — твоя шайнарская магия на дух не переносит мою и воспринимает ее присутствие крайне агрессивно, пытаясь оттолкнуть от себя на максимально возможную дистанцию. Скорее всего, со временем она смирится и даже может... Хотя вряд ли. Она просто подчинится власти сильнейшего. У меня имеется множество запрещенных в королевстве материалов, оставленных первыми круоргами тех времен, когда не были введены запреты на проводимые ими эксперименты. Тогда величие круоргов вызывало только раболепие и слепое почтение. Всего за пару десятилетий сила новоявленных магов перекрыла все остальные силы королевства и тем самым подписала себе смертный приговор. Право существовать есть только у того, что королевский совет может держать в узде. Мы будем умнее... Итак, к экспериментам. Уже в то время точно установили, что шайнары — единственная раса, отторгающая даже малейшие потоки темной силы. И именно поэтому первых немало интересовала возможность соединить оба вида магии, потому что по их предположениям полученный результат способен превысить даже самые смелые ожидания и создать универсального мага. Первые приложили немало усилий, пытаясь достичь цели. В том числе они пытались вывести породу людей, смешивая кровь шайнар и темных магов, чтобы ребенок родился уже с клеймом обоих сил. Но ничего не вышло... Новорожденные обоих полов не принимали темной силы, как не принимали сами шайнары, что чистые, что полукровки. Иначе... — он ухмыльнулся. — Я нашел бы тебе достойное применение. Сейчас ты бесполезна.

Я быстро поблагодарила звезды за свою бесполезность. И, мать всех звезд! — слова о всесии первых круоргов не вызвали ни малейшего сомнения. Глубинный слой темной силы, куда князь только что ткнул меня носом, доказывал правоту услышанного лучше любой, даже самой крепкой клятвы.

— Господин маг, снимите с меня амулет. Вы же знаете, я не настолько

глупа, чтобы в пику вашему запрету использовать магию. Мою силу не нужно ограждать. Я посреди замка, полного всемогущими темными магами... Я ничего не сделаю.

— Нет, — ответил князь, так же равнодушно, как только что отвечал Фионе. — Ты будешь носить его и дальше.

— Что со мной случится?

Он пожал плечами сдержанным, безучастным жестом.

— Однажды ты перестанешь сопротивляться поставленной мною заслонке и смиришься. Или... однажды попытка сопротивления будет настолько сильной, что вытянет всю твою жизненную основу, так что тело не выдержит и погибнет. Но этот вариант маловероятен.

Я усмехнулась. Пожалуй, если бы сейчас князь обошелся без гадостей и покладисто согласился снять амулет, я бы под землю провалилась от удивления.

— Он может меня убить? — уточнила я.

Князь азартно улыбнулся. Так, наверное, улыбаются карточные шулеры, призывая клиентов попробовать сыграть последний, единственный разок и будьте уверены — звезды повернутся к вам своими сверкающими ликами и обязательно подарят удачу. Разве может быть иначе, ведь вам так давно не везет? Вы явно заслужили пылкий поцелуй фортуны!

— Может. Ну и что? Зачем тебе жить, Мариза?

Несмотря на блистающую задором улыбку тон был таким многослойным, что я невольно замерла. И вопрос казался совсем не праздным, а скорее ритуальным, как в молитвах, творимых людьми в природных святилищах. Лица меняются, голоса, позы... но слова остаются постоянными, обращенными к существам другого уровня, к высшему сознанию. Потому я ответила.

— Существуют вещи, которые я хотела бы узнать до того, как умру.

— Какие? — без особого интереса поинтересовался князь.

Сказать, какие? На секунду я действительно представила, что говорю... Но это так глупо. Рассказать про дом подальше от столицы? Про детей и мужа, чьи глаза чисты, как весеннее небо и чье сердце принадлежит только своей семье? Про долгие годы, лишённые потрясений и стойкую уверенность, что все и всегда будет одинаково спокойно, пусть и скучно?

Про... ласки любимого мужчины, которых я никогда не знала?

Смешно.

— Такие вещи есть, князь. И думаю, вы мне всего этого дать не

сможете.

— Ты уверена? — он поднял брови, хотя мои слова его не задели и не удивили, он воспринял их так же отрешено, как и весь разговор в целом. — Я многое могу. Могу осуществить практически любое желание женщин принадлежащих даже королевской крови. Любые прихоти, чего бы они ни касались — богатства, власти, страсти. Могу задержать приход старости. Могу привлечь поэту вдохновение, которое позволит создать лучшие в его жизни стихи. И многое другое, никому более не доступное. Чего уж там упоминать о придуманной замковой служанкой ерунде?

Теперь его, пожалуй, охватило небольшое любопытство. Но недолго, всего на пару минут, в течении которых он просто перебрал список всего, чего, по его мнению, способен желать человек и решил, что все это в его власти. И почти сразу забыл.

Он же как неживой... как войлочная кукла, в которую вложили часть души, настолько малую толику, что хватает всего лишь на достижение какой-то одной четко поставленной цели. Остальное его не затрагивает и не колышет. Не согревает.

Я с какой-то болезненной настойчивостью в очередной раз упрямо пыталась найти в стоящем напротив мужчине остатки того человека, который нежным весенним вечером сделал мне в беседке пансиона предложение руки и сердца. Мне хотелось вытащить его из темных подвалов выстроенной князем крепости и показать, что солнце все еще светит. Все еще тянутся к небу зеленые перья травы и звезды как раньше отплясывают на шелке ночного неба свои невидимые глазу бешеные танцы.

Я открыла рот и сказала.

— Тот... прежний Янош мог. Только он и мог! Он один.

Князь ненадолго замер, но не позволил себе гневаться.

— Тот... прежний Янош мертв. И заслужил свою участь. Он был глуп и слеп. Его глаза застилала любовь.

— А теперь его глаза застилает ненависть? — устало спросила я. Глупо рассчитывать, что одна слабая невооруженная даже палкой девчонка способна прийти в подготовленную к нападению огромного вражеского войска крепость и вот так запросто вывести из подвала нужного ей заключенного. Этому не бывать.

Хотелось сесть, ноги устали, хотя день в разгаре и уставать было не от чего. Не думаю, что князь тянул мою энергию, почти наверняка нет, но отчего-то его соседство неожиданно стало тяжелым и неприятным.

На секунду на моем плече сжались пальцы, так крепко, будто сцепились железные зубья, но хватка тут же ослабла.

— Иди за мной, — бросил князь, отворачиваясь.

Естественно, послушаться не было ни возможности, ни смысла. Я и так слишком много себе позволила. И все зря.

Шли мы быстро и казалось, долго. Я упрямо перебирала ногами, периодически спотыкаясь на ровном месте, но, вне всякого сомнения, даже если сейчас я растянусь на полу и сломаю шею, князь и тогда не изволит притормозить.

К покоям князя мы к счастью не приближались. Спустились этажом ниже, минули предназначенные для совещаний и работы помещения, а после перешли в крыло, где проживали круорги.

Вопрос куда же он меня ведет, не переставая, бился в голове, стучал в виски, а я судорожно смотрела по сторонам, пытаюсь найти ответ, но никаких подсказок не видела.

Впрочем, вскоре мы остановились, князь застопорился практически в самом начале коридора и постучал в большую темную дверь, совершенно простую и скромную — чистая деревянная поверхность без единой завитушки или позолоченного узора.

Через несколько секунд постучал еще раз и уже не дожидаясь приглашения, положил ладонь на каштановое дерево и толкнул дверь вперед. Вошел, оставив проход открытым и хотя меня не приглашали, я вошла следом.

Довольно большая, светлая комната совмещала в себе гостиную и рабочий кабинет. Напротив двери гостей встречал кокетливый низкий столик, окруженный мягкой мебель с серовато-синей обивкой. Угол комнаты огорожен длинными простыми ширмами, невысокими и стоявшими с промежутком, что позволяло рассмотреть высокие шкафы и простую, функциональную мебель. Стулья без мягких сидений, на стенах ни одной картины. Единственное, что оживляло обстановку — стоявшая на столе корзина фруктов, пузатый графин воды и несколько невзрачных стаканов голубого стекла.

Из соседней комнаты, наверняка спальни тотчас вышел пан Гектор, одетый по-домашнему — на простую светлую рубашку и такие же простые брюки накинута халат из тяжелой плотной ткани. Он вытирал руки небольшим малиновым полотенцем. А увидев нас, замер и принялся ожесточенно комкать ни в чем не виновное полотенце, вонзая в махровую ткань ровные крепкие ногти.

— Гектор. Ты говорил, тебе нужен помощник. Я привел. Эта девушка в полном твоём распоряжении и отныне подчиняется в замке только двум людям — тебе, ну и, конечно же, самому князю, — вкрадчиво,

торжествующе заговорил князь, произнося свой титул как нечто вкусное, до краев полное изысканной приторной сладости.

На меня никто не смотрел, даже мимоходом. Князь и пан Гектор молча обменивались взглядами, князь — каменно-невозмутимым, Гектор — задумчивым, судя по всему, пытаясь что-то наскоро просчитать.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — наконец, ответил пан Гектор. Казалось, он сдался, хотя спора как такового и не произошло. Разве что малопонятный обмен взглядами. — Но мне нужен был помощник, который займется всеми делами, включая переписку с союзниками и противниками. Ты уверен, что этой девушке стоит доверять подобную информацию?

— Разрешаю. Посвящай, насколько сочтешь нужным. Так даже занятнее, — то ли улыбнулся, то ли поморщился Князь. Слишком быстро, чтобы толком разобрать.

Потом он мельком глянул в мою сторону.

— Свободна.

Я даже не подумала подчиниться. На моей шее притаился неизвестный амулет, который не только перекрывает силу, но с которым, оказывается, приходится буквально воевать и однажды я могу проиграть и умереть. И никто из окружающих не собирается делать ровным счетом ничего.

Я осталась стоять на месте, чем заработала легкое недоумение на лицах обоих мужчин.

— Никуда не пойду, пока не узнаю способа обезопасить себя от влияния амулета.

Да, вызов... Пусть практически вызов, которого подобные князю люди не терпят, но что мне терять?

— Что у нее за амулет? — нервно поинтересовался пан Гектор, наконец, вспомнил, что истязает полотенце и бросил его на стол.

— Панцирная ограда, — князь и не думал скрывать.

Пан Гектор недовольно пожевал губами.

— Хороша помощница... Спасибо тебе большое, князь, — он лихо и довольно зло поклонился.

Янош снова покосился на меня.

— Иди. И поверь, необходимость преподать тебе урок вежливости и послушания доставит мне настоящее удовольствие. Кроме того, если уж я берусь за дело, довожу до конца. Не думаю, что тебе захочется видеть результат моих возможностей на собственном примере.

И скучные лица, не ожидающие ни малейшего сопротивления. Отвыкшие от него.

Я посмотрела князю в глаза. Там только холод и тяжесть

расстилающейся над головой бесконечной высоты, будто ты на дне, так глубоко, что даже не обладающий весом воздух придавливает с каменным усердием. С некоторыми людьми разговаривать столь же бессмысленно, как упрашивать огромную гору пододвинуться и позволить пройти.

Надо было просто развернуться и уйти. Показать прямой спиной всю меру презрения, которое я испытываю к людям, которые смеют угрожать беззащитным и пользоваться своей силой, заставляя слабых подчиняться.

Но... стать второй Фионой? Позволять вытворять с собой, что угодно, покорно слушаться каждого слова, причем не от страха, а от... оглушительной, огромной, всепоглощающей любви? Позволить лепить из моей жизни, которую он держит в руках любые фигурки только потому, что он может это сделать, а я не могу помешать?

Да ни за что!

И амулет...

Который может меня убить, а это существо, все еще обладающее внешностью Яноша, его движениями, голосом и запахом будет просто беспристрастно поглядывать и лениво прикидывать, когда же это произойдет?

Сейчас?

А чего ждать?

Я схватила холодную цепь руками и резко дернула в разные стороны. Замка на ней не было, но возможно удастся разорвать запаянные расплавленным металлом звенья.

Сначала мне показалось, что не изменилось ровным счетом ничего. Нужно дернуть сильнее, потому что злости теперь предостаточно и носить этот амулет я больше не буду! Зачем жить, зная, что через минуту можешь умереть? Лучше уж сразу, чтобы не мучиться.

Но... отчего так мгновенно вокруг темнеет, а ноги окутывает ледяная изморозь, остужающая вьюга, мягко, но стремительно вытягивающая тепло тела?

Я уже падала, когда увидела возле себя Яноша.

Потом стало темно и тесно, легкие сдавило плотным воздухом, который не давал дышать.

— Спирт носи и нож. Быстро! — я еще различала его голос. И какой-то топот, глаза открывать не хотелось, да и вряд ли бы получилось. Тепло уходило, вероятно, та самая жизненная ось, на которой держится само мое существование. Но даже если так, сейчас меня ничего не волновало. Слишком холодно вокруг и непонятно, что происходит.

— Да не мне! Вливай ей в рот, а то замерзнет.

— Янош, ты уверен, что сейчас нужно поить ее спиртом? Непривычный человек от одной...

— Лей, я сказал! Полстакана, быстро!

— А нож зачем?

— Дай сюда.

Настоящего совсем не осталось, только душная тесная темнота.

— Чем ей поможет кровопускание?

— Ей ничем, — напоследок буркнул князь, а потом темнота победила и сомкнулась надо мной, потому что ей принадлежит все, сопротивление бессмысленно и в любом случае заканчивается ее полной и безоговорочной победой.

Оказалось, она не такая уж и страшная. Но очень неприятная, будто создана из другого вещества, совершенно отличного от того, из которого создана я. Биение наших сердец не совпадало. Не совпадали пути, по которым течет кровь и давление звезд, которым они меняют привязанную к душе судьбу, похожую на увешенную хрустальными колокольчиками перевязь.

Некоторое время я изучала темноту, осторожно, как изучают любое новое и непонятное явление. И постепенно наполнялась убеждением — она вовсе не так безобидна, как привыкла прикидываться. И сейчас она не пытается подружиться, а просто заманивает, отвлекает и выжидает. И все эти уловки пошли в ход только потому, что за мной... свет.

И правда... казалось, бесконечная пустота всего в нескольких шагах за спиной переходила в ослепительный свет. Мягкий, как дом, которого у меня толком-то никогда и не было.

Наверняка она примет тепло и нежно, как принимает в родных стенах любящая тебя семья.

Обнимет так крепко, как обнимают только после долгого отсутствия.

И будет любить только за то, что ты просто существуешь.

Решено! Мне нужно идти туда, смешаться с теплой любовью и нежностью, чтобы стать счастливой, так что бесполезно оттягивать. Да и зачем оттягивать самый знаменательный момент жизни — возвращение домой?

Но когда я на миг повернулась обратно к темноте, оказалось, она изменилась. Разошлась в стороны, разжалась, как опухшая плоть и в густом коконе сдавленной самой собой пустоты стоял Янош.

Он не шевелился и казался даже нереальным, просто изображением, так что наконец-то я смогла его внимательно рассмотреть. На первый взгляд он выглядел точно таким же, как утром, но теперь не давил своим

присутствием, своим фоном, от которого тянуло отпрянуть и отвести глаза. Он просто стоял и молчал, так что впервые выдалась возможность сравнить нынешнего Яноша с прежним.

Лицо у него стало худощавее, округлая линия щек выровнялась, а мягкие губы теперь словно высохли. Странно, но строгость сделала его лицо красивее, придала больше привлекательности, чем теплая доверчивая улыбка. Глаза затаились под опущенными веками и поблескивали, следя за мной. В уверенном развороте плеч таилось какое-то скрытое напряжение. И этот темный дорожный костюм, в котором князь ходил постоянно...

А ведь я ни разу не видела, чтобы он одевался, как одеваются князья — пышные воротники, кафтаны с изящными изгибами в районе талии из ткани, сплошь покрытой золоченой вышивкой. Тончайшие рубашки, краешек манжет которых топорщится, выглядывая из-под обвитого тонким шнуром рукава.

Что он здесь делает? Мой лоб сморщился, когда я старательно пыталась объяснить себе появление в моем мире князя. Кстати, мир точно мой? Место неизвестное, я слышала, что существуют иные реальности и возможно, после смерти мы перемещаемся туда и уже сверху следим за перипетиями, устроенными неугомонными звездами людям. Следим бесстрастно и спокойно, потому что заранее видим результат, к которому они приведут.

Я опустила глаза ниже. Слишком много темноты.

Руки Яноша были крепко сжаты в кулаки, которые он прятал за штанинами. На том, что первым бросился мне в глаза, переливались белые костяшки, на секунду они ослабили давление и снова занемели, врезаясь в кожу.

— Тебе здесь нравится? — спросил князь.

Я поежилась. Как может нравиться настолько чуждое человеку место? Пустое, затаившееся, как ожившая ловушка и такое же беспощадное. Тут нельзя оставаться. Ни мне... ни ему!

— Нет. Пойдем отсюда.

— Куда?

Вопрос поставил меня в тупик. И правда, куда идти? При этом мне совсем не казалось странным, что мы разговариваем на равных, как раньше, потому что все происходящее никак не могло быть реальным. Наверное, просто сон, пусть и очень необычный.

— Куда угодно. Туда, где высокое небо над головой. Где простор.

— Оставайся здесь. Посмотри... Тьма кажется опасной, но только тем, кто не знает, какая она на самом деле. И ловушки она расставляет только

потому, что никто не желает прийти к ней добровольно. Никто не хочет переступить запретную грань. Она очень одинока. И никто не представляет, как она нежна... как она умеет ласкать, — Янош поднял ладонь и под ней мгновенно сгустилась, ластясь к теплу и тихо урча, плотная живая тьма.

— Нет, — я сделала шаг назад. — Я не могу.

Янош заморожено смотрел мне под ноги.

— Стой!

Я непроизвольно замерла. Он медленно облизал губы.

— Не шевелись, Ула.

— Почему? — я тоже посмотрела под ноги. Еще пару шагов и я выйду на свет... выйду из этой обманчиво смиренной темноты.

Янош медленно поднимал глаза.

— Если ты выйдешь на свет, то умрешь, — прошептал. Больше он ничего не добавил, но его горящие глаза кричали о чем-то пугающем, предостерегали и останавливали. Было нечто страшное в его молчании, окрашенном бешеным взглядом.

Он стоял неподвижно, но иногда делал это несвойственное ему движение — быстро и неосознанно облизывал губы. Внезапной вспышкой меня пронзила память. Это же князь, который давно перестал быть моим Яношем. Это холодный и расчетливый Асмаиловый мастер Тлена!

— Нет, — я вдруг качнула головой, отгоняя его назойливые дурманящие слова. — Я тебе не верю. Свет не может убивать, ты врешь!

И больше не медля, я очень быстро попятилась назад, туда, где сиял восхитительный живой свет.

В ушах мгновенно прозвучал звук ветра, так же мгновенно превратившись в смесь ураганного вопля, треска толстого, ломающегося льда и звука бьющихся друг об друга льдин.

— Ула! — оглушительно заревел Янош, бросаясь ко мне.

В глазах распухал свет... Вскипал со скоростью магического взрыва и тут же вспыхнул ослепительной, невиданной белизной.

Я почти не чувствовала, как меня дернули за руку.

Почему-то единственными звуками, что доносились в пришедшей после того как я ослепла тишине, были звуки моего собственного дыхания. Похожие на всхлипы, они звучали остро и сухо, как пощелкивание кнута.

Через время, промежуток которого уяснить не удалось, на тело обрушилась боль, обозначая собой границы рук, ног, бедер, головы. Может не очень сильная, но от неожиданности я не сдержалась и застонала. Сил шевелиться или просто открыть глаза не было.

— Что это? — пан Гектор был сильно растерян, отчего его голос

звучал тонко, как у подростка.

— Все хорошо, — и у князя звучал непривычно. Наверное, дело в моем слухе, а не в голосах. Не мог же Янош говорить так... с такой заботой?

— Зачем ты это делаешь? — устало поинтересовался Гектор. — Скажут, выкачал энергию.

— Сильнее бояться будут, — отрывисто произнес Янош. Запястье обхватили чьи-то пальцы.

— Тебя нужно перевязать. Неужели нельзя было обойтись без крови?!

— За все нужно платить. Перевязывать не надо, сейчас пройдет... Лучше скажи, почему она такая слабая? У нас что, слуг плохо кормят?

Протяжный вздох.

— Просто она человек, Янош. Ты уже отвык, насколько они слабее круоргов. Вот тебе подходящий случай, чтобы вспомнить.

Потом раздавалось только легкое постукивание металла о металл и бряцанье чего-то, похожего на лекарские инструменты. Любопытно не было, потому что меня они не касались.

Не сдержавшись, снова заговорил пан Гектор.

— Не пойму общего смысла твоих поступков. Ты вешаешь на нее магическую ограду, а когда она срабатывает именно так, как и должна срабатывать, сам же до безумия пугаешься! Тебя бросает в разные стороны. Это настораживает.

— Молчи, Гектор.

Тот упрямо засопел.

— Она очнулась?

— Почти. Не мешай сейчас, лучше вообще уйти.

— Янош... — вздохнул Гектор. — Зачем... зачем ты ее вытащил? Ты не можешь с этим совладать. Не можешь ее взять. Не можешь отпустить. Самым разумным решением было бы позволить ей умереть. Легкая мгновенная смерть — это подарок, который дарят немногим врагам. Это хороший дар круорга, Янош.

Несколько минут царила такая тишина, что мне снова показалось — я оглохла.

— Уходи, Гектор, — сдавленно произнес князь.

Потом угасающие вдаль шаги и долгая тишина... уже не страшная, спокойная, домашняя. Ведь он рядом, а на грани жизни и смерти можно сделать вид, что все по-прежнему и все прекрасно.

В очередной раз на шею легли чужие руки. Кожу немного щипало. Я, не открывая глаз, поморщилась, но совсем не хотелось, чтобы это

прикосновение закончилось — слишком приятно было. Но руки вскоре исчезли.

— Спи, — легко сказал князь. — Только просто спи... Тем сном, после которого просыпаются. Ты не уйдешь.

Наверное, эти слова придумало мое сонное и уставшее воображение.

Проснулась я на диване в гостиной пана Гектора, в комнате уже сгущались сумерки, а напротив сидела одна из служанок, та самая Мальта, которая на дух не переносила Роксану. Взаимно, кстати. Правда сейчас она выглядела на редкость смиренной и смотрела с таким испугом и жалостью, что сама на себя не походила.

— Жива, — выдохнула, смешно сжимая руки вместе, будто мяла тесто. — Все-таки жива.

— А что случилось? — в голове промелькнули рваные остатки какого-то сна, вроде там был Янош... прежний Янош, значит точно сон, потому нужно просто побыстрее забыть.

— Приказали караулить, чтобы ты не умерла. Пан Гектор сказал, что тебя проверяли... Как-то по-своему, потому что ты умеешь писать и составлять красивые фразы, а ему нужна помощница. Но все знают, что тут был князь... и вышел с руками по локоть в крови! Так что думали, все! — она сглотнула. — Мы думали, Князь тебя высосал, ну, как раньше часто делал. Что ты все равно помрешь. Тося твоя в три ручья ревет в комнате.

Я постаралась сесть, что вышло на удивление легко. Потом встать — никаких препятствий, все в полном порядке и даже более того, в мышцах полно силы, как и положено прекрасно отдохнувшему человеку.

Первым делом я проверила шею. Мало того, что никаких следов порезов или ожогов, так еще и амулета не было! Неужели получилось и он его с меня снял?

И что там насчет ножа? Вспомнилось оплетенное твердыми пальцами запястье и выпачканные кровью руки князя. Я вытянула руки перед носом ладонями вверх, не обращая внимания на вопросительный взгляд Мальты, которая на время даже замолчала.

Никаких следов разрезов не было. Но зато на руках обнаружили тонкие браслеты. Невзрачные, очень похожие на те дешевые безделушки, которыми украшают себя служанки и деревенские девушки. Такое могла бы купить Тося... или Лешик.

Но, вне всякого сомнения, эти браслеты надеты князем или паном Гектором.

Но сейчас мне было почему-то безразлично. Я убрала руки раньше, чем Мальта принялась задавать вопросы и пошла в нашу спальню.

Там меня встретила Тося с мокрыми дрожащими глазами и совершенно спокойная Роксана, которая, однако, при виде меня села на кровать и сильно осунулась, будто осыпалась в некрасивую кучу мятого тряпья.

— Леш сказал, что это он виноват. Не успел тебя вывезти из замка, хотя ты предупредила его о возможных последствиях.

— Но я в порядке!

— Вижу, — почти с отвращением ответила Роксана.

— Вы что, не рады? — я улыбалась, так как совершенно не понимала, отчего вокруг все такие кислые. Я чувствовала себя замечательно... Так хорошо мне не было, наверное, с тех самых времен, когда я свободно бродила ночами по залитой долине возле бабушкиного дома.

Роксана молча поднялась и стремительно вышла из комнаты.

Я от удивления так и осталась стоять на месте, довольно глупо хлопая глазами. Но потом к руке прикоснулась Тося и я окунулась в мягкий прозрачный океан ее глаз. Там было очень красиво, но вдруг по его поверхности пронеслась стремительная буря.

— Мы до смерти испугались, — строго сказала Тося.

Больше тем вечером меня никто не тревожил и хотя меня не могло не волновать беспокойство, которое я доставила окружающим, спала я крепко и с удовольствием.

Следующим утром Роксана одевалась резкими, нервными движениями и я все не могла понять, что происходит? Она уже собиралась выходить, но вдруг остановилась, будто решившись и обернувшись, громко выпалила.

— Ты теперь фаворитка князя?

В комнате мгновенно сгустилась тишина, пульсирующая, как живое сердце. Ответа ждали все.

— Нет, — многие конечно позлорадствуют, но меня больше волновали мои подруги. Роксана заметно успокоилась.

— Хорошо.

Вскоре явилась пани Поли с сообщением, что я буду работать на прежнем месте до тех, пока пан Гектор не подготовит мне перечень новых обязанностей. Мне, честно говоря, было безразлично. В жилах пела и бурлила кровь, голову туманили все краски жизни, которая просто не может не быть прекрасной!

В течение дня я все время замечала изучающие и настороженные взгляды остальных служанок, которые в мастерскую просто зачастили, потому что у всех одновременно одежда нуждалась в немедленной починке. Вопросы тоже сыпались, но от них я отбивалась легко и непринужденно, отправив любопытных прямиком на аудиенцию к князю.

Самым странным было то, что я и сама толком не могла объяснить, почему вместо потери жизненных сил, которых по убеждению всех окружающих меня лишил князь я, наоборот, бодра и здорова. Жизнь казалась прекрасной, мир огромным, сказочно светлым и добрым, как ласковые ладони бабушки.

Однако к вечеру про меня моментально забыли. И все потому, что по замку пронеслась, сотрясая монолитные стены, новость о празднике почтения Летнего духа, который состоится уже через несколько дней. По традиции этот праздник проводится во всех королевских поселениях. Он будет длиться несколько дней и включает ярмарку, выступления певцов, акробатов и бойцов, множество конкурсов, в том числе танцевальный, на котором выберут королеву Лета. По традиции на празднике люди не делятся на благородных и плебеев, так что господа пляшут рядом со слугами и пьют пиво из одной бочки.

У круоргов, однако, намечалось еще одно, особенное развлечение. Народ сможет вживую полюбоваться на способность темных магов усмирять диких опасных животных на примере жутких монстров, пойманных в местах, где в районе Глубинных гор на поверхность выходят их норы.

В общем, праздник будет общий, работы в замке будут сведены к минимуму и большая часть слуг отпущена отдыхать.

И главное — состоится праздник за стенами замка.

Праздник, казалось, пришел заранее. Еще даже не начали подготовку, а служанки, пренебрегая работой, при каждом удобном случае собирались тесными кучками и щебетали о предстоящем веселье. Нижнюю мастерскую завалили заказами на новые наряды. В куче заказов незаметными остались сшитые мне для работы у пана Гектора строгие платья из темно-синей ткани со светло-голубыми воротничками и манжетами. Практически как те, в которых ходили воспитанницы моего пансиона.

Утром третьего дня мне пришлось надеть новую форму и отправиться исполнять новые обязанности. Синее пятно моего платья смотрелось на фоне пестрых платьев непоседливых соседок жутковато, но к счастью праздник захватил мысли в милых головках безраздельно, так что девушки окинули меня мимолетными взглядами и тут же увиденное забыли. В другое время отделаться так просто мне бы не удалось.

До кабинета пана Гектора я добиралась самостоятельно и по дороге чуть не заблудилась — лестницы почему-то спускались в незнакомые коридоры, а сами коридоры совершенно не походили на те, по которым мы в прошлый раз шли с Яношем.

Церемониться со своей новой помощницей мой теперешний хозяин не стал, коротко поздоровался, указал мое место в углу за небольшим столиком и тут же принес целую грудку бумаг, в основном развернутых свитков, которые так и норовили свернуться обратно в трубочку, поэтому напоминали кучу большой древесной стружки.

— Что я должна делать?

Пан Гектор вернулся за свой стол и опустился в кресло, которое неожиданно громко закрипело. Облокотившись на стол, сплел пальцы, смотря вверх них, будто пытаясь отделить линией мою голову от тела. Наверное, такое зрелище доставляло ему удовольствие.

— Признайся, Ула, что ты задумала? — неожиданно спросил он.

Ну вот... начинается. Я кисло улыбнулась. И главное, оправданий моих он все равно не услышит, не захочет слушать, так что можно и не начинать.

— Не понимаю, почему ты еще... Ведь видно, что он...

Я молчала, старательно изучая лежащие под носом листки бумаги. На вид хрупкие, как засохшие лепестки огромной розы.

— Хорошо, — вдруг решительно прервал сам себя пан Гектор. — Начнем. О твоих обязанностях буду рассказывать постепенно. Для начала необходимо разобрать почту. Я не успеваю, потому накопилось множество прошений, неважных донесений, приглашений. Проверь. Все обращенные к князю просьбы откладывай в сторону, ими займись первым делом. Исключая абсурдные просьбы, их сразу в корзину. Если сомневаешься — спрашивай.

— Абсурдные — это какие? Мне нужно пояснение.

— Ну-у... К примеру, заставить солнце светить круглосуточно, чтобы фрукты созрели быстрее обычного.

Заставить светить солнце? Вот это размах! Надо же, как забавно.

— Или убить одного из охотников деревни вместе со всеми его родственниками, включая малолетних детей за то, что он женил сына не на дочери подавшего жалобу, а на другой, более богатой девушке.

Я вздохнула. Смех никак не может сочетаться с делами, пора бы уже понять.

— Все донесения, подписанные знаком Фоента, — Пан Гектор указал на стену, где распятым на тонких прутьях висел свиток из тонкой желтоватой ткани. На нем тушью написан знак, похожий на клубок крепко спутанных змей, высунувших раздвоенные языки. Буква Князя. — Сразу передавай мне. Можешь даже не читать, все равно не поймешь написанного. Приглашения откладывай отдельно, их передам князю. Начинай, сегодня нужно успеть разобраться.

И я начала. После довольно монотонного швейного дела, которое не требовало никаких умственных усилий и усыпляло всего через час работы, это занятие было куда увлекательнее. Большая часть свитков заключала просьбы о каких-нибудь услугах или наоборот, всякие выгодные, по мнению торговцев предложения. Записки со знаком фоенты попадались редко и действительно содержали маловразумительный текст. К примеру: «Жан проспал речную переправу и долго плакал на берегу». Читать подобные загадки было забавно, а расшифровать, понятное дело, без знания специального ключа все равно бы не удалось.

Приглашений тоже оказалось немало. Они сильно отличались от остальных писем даже по качеству бумаги — для приглашений использовали гибкую, с каким-нибудь нежным оттенком, гладкой шелковистой поверхностью и пущенным по краям мелким цветочным рисунком. Первое я прочитала целиком. Некая дальняя родственница короля госпожа Турляк приглашала Асмаилового Князя Тлена на праздник, посвященный совершеннолетию ее младшей, третьей дочери. Госпожой

выражалась надежда, что общество ее прекрасно воспитанных в лучшем духе традиций дочерей (по чудесному совпадению, незамужних) скрасит досуг князя, без сна и отдыха занимающегося важными делами, связанными с безопасностью королевства, а значит и самой госпожи Турляк с семейством.

Это было первое неприятное письмо. Не надо быть чрезвычайно одаренным, чтобы прочитать между строк — госпожа приглашает на смотрины и надеется, что какая-нибудь из дочерей увлечет князя настолько, что станет его княгиней.

О, мать всех звезд! И почему я вообще об этом думаю? Рано или поздно в замке обязательно появится княгиня, кем бы она ни была. Какая-нибудь юная восторженная девица благородных кровей, в белом воздушном платье, открыв рот и с обожанием разглядывающая черноту его глаз.

Я осторожно отодвинула свиток в сторону. Следующие приглашения я откладывала, как только видела слова «просим прибыть, навестить, почтить своим вниманием», не позволяя себе читать до конца и думать. А думать пришлось бы много — князя приглашали на праздники все семьи, обладающие хоть каким-то весом в королевстве, а также половина главенствующих семейств столицы. Практически у всех были дочери.

Не завидую Фионе. Кстати вот еще мысль, с какой стати я вспомнила о Фионе? Кто она мне такая, чтобы волноваться о состоянии ее душевного здоровья?

Потом я втянулась в работу и уже ни о чем не думала.

Так прошло еще два дня. Судя по слухам, ярмарочные палатки уже выстроили и рабочие заканчивали возведение арены, которую в целях безопасности пришлось укреплять высокой каменной стеной.

В очередной раз я проверяла неаккуратно записанные в столбик цифры с малопонятными пометками, сверяя их с теми, что указывались в донесениях, пришедших от старост окружающих подвластных замку деревень. Я сидела, уткнувшись носом в бумажки и терпеливо подсчитывала, насколько цифры независимого проверяющего отличаются от предоставленных старостами отчетов. Допускалось различие в пять процентов, если выше — значит, староста ворует по-черному и нуждается в уроке. Насколько я знала, такое часто случалось в начале, но почти никогда не встречалось теперь.

По крайней мере, мне таких пока не попадалось.

У меня уже каша в голове заварилась от непривычного количества подсчетов, когда послышался несвойственный тихой атмосфере кабинета шум и в комнату, предварительно стукнув для вида два раза в дверь, залетел

Доминик. Тот самый круорг, который забирал меня от пани Юдиты. Он входил в высшую линию круоргов, так называемые практикующие маги. Средние только-только закончили обучение и набирались опыта, а младшие присутствовали в замке на правах учеников.

— Гектор! — рявкнул Доминик с порога и взмахнул зажатым в руке свитком. — Только что гонец доставил. К нам на летнее празднование прибывает сам господин Задобин, — тон круорга, однако, был довольно глумливым, видимо, этого господина Доминик за существо разумное или хотя бы равное не признавал.

Пан Гектор нахмурился и молча протянул руку, а получив свиток, сразу принялся за чтение.

Доминик тем временем упал на одно из кресел и одним уверенным движением тут же развернулся в мою сторону. Молча уставился немигающим взглядом, причем как-то странно, будто видел что-то гораздо большего объема и не очень отчетливо.

— Значит, младший советник созрел в своем противостоянии настолько, что решил прибыть с личной инспекцией, — пробормотал пан Гектор. Потом посмотрел на наши немые гляделки и прикрикнул.

— Доминик!

Тот вздрогнул, будто выпадая из полусна и отвернулся от меня.

— Князь знает?

— Нет еще, — круорг вытянул свои длиннющие ноги, упираясь в ножку стола. — И потом, все чинно. Советник приурочил свой приезд к празднованию, принятому во всем королевстве. Не обращать внимания на любимый праздник двора мы, понятное дело, не могли, так что он угадал с поводом для посещения. Причин отказывать господину Задобину в гостеприимстве у нас не имеется. Причем он уже в двух днях пути и естественно разворачиваться назад не собирается.

— Хорошо, — пан Гектор опустил свиток на стол. — Примем. Я прикажу подготовить комнаты, а ты доложи князю. Немедленно.

Тот нетерпеливо кивнул.

— Да не к спеху. Я по другому делу шел, это просто под руку подвернулось. Младшей линии нужна... жертва.

После этих слов комната погрузилась в тишину и казалось, только мое сердце колотится громче некуда. О чем он говорит? Темным магам нужна жертва? Не может быть, думала я, начисто забыв про все бумаги и цифры. Не может же он...

И в этот момент Доминик повернулся и подмигнул мне. Честно, я чуть со стула не свалилась, настолько хотелось отпрянуть назад. Одним

спокойным, расчетливым движением он словно приобщи́л меня к какой-то тайне, с которой я не желала иметь ничего общего. Словно приглашал разделить шутку, хорошо известную нам обоим. К тому же от него ощутимо пахнуло зимним холодом.

— Доминик! — одернул его голосом пан Гектор. — Извольте смотреть на меня!

Тот послушно исправился, но вид при этом имел нашкодивший.

— Четыре дня до праздников. Там будет много крови. Первая линия никак не потерпит? — с огромным неудовольствием спрашивал пан Гектор.

— Никак, — строго подтвердил круорг. — У двух скоро начнутся судороги.

Не знаю, как у кого, а у меня от этих слов судороги собрались начаться чуть ли не сей момент. Но нет, не может быть, что речь идет о живых людях!

— Хорошо, — пан Гектор тоже выглядел не особо довольным, — одной хватит?

— Если лошади, то мало. Быка хватит одного, но животное должно быть здоровым. Слышите, господин первый советник? Не старая кляча, которая сдохла бы к утру своей смертью, а молодое, крепкое, здоровое животное! Иначе я буду приходить к тебе с подобной просьбой каждый день. Ясно?

Я постаралась незаметно выдохнуть. Конечно, королевский совет ни за что не признал бы круоргов, предварительно не убедившись, что те способны обойтись без человеческих жертвоприношений. По крайней мере, надеюсь, что не признал бы. А животные... их, так или иначе, убивают. И лучше они, чем...

Пан Гектор тем временем что-то стремительно строчил на листе бумаги, потом достал из ящика печать и подышав на нее, оттиснул под своей подписью. Резко протянул листок круоргу.

Тот схватил разрешение и пошел к двери. Сейчас он казался совершенно чужеродным здесь существом, настороженным, стремящимся поскорее покинуть чужую территорию.

От порога Доминик обернулся еще раз. Серьезный, заторможенный взгляд глубоко в душу и прямые бледные губы.

И еще раз подмигнул.

Хотя пан Гектор не просил меня молчать, о происшедшем я никому говорить не стала. Даже в голову не пришло. Представляю, как большинство отреагировало бы на историю о жертве, пусть даже речь о животном.

Тем более этим же вечером мне выделили отдельную комнату, правда, не во флигеле, а на втором этаже главного замка, почти над общими комнатами прислуги, где я ночевала раньше. Там жили главные повара и теперь еще я. После ужина меня отвела туда пани Поли, я даже понятия не имела, куда мы идем, пока передо мной не открылась дверь и я не увидела высокую кровать, длинное, зауженное кверху окно с серыми, под цвет стены гардинами, неотделанный шкаф для одежды, кованый подсвечник...

Я уже и забыла, что такое отдельная комната. Если сказать по правде, конечно, ей было далеко до той, где я жила в пансионе, но сейчас я смотрела на голый пол, до чистоты выскобленный старый стол и видела сверкающий кусочек самого настоящего дома, того единственного, где тебя по-настоящему ждут. Казалось, вместо крошечной комнаты мне подарили целый замок с прилегающими землями.

Однако оставались еще Тося и Роксана. Когда за пани Полей закрылась дверь, я осмотрелась более трезво. Кровать оказалась не очень широкой, втроем будет тесно, кому-то придется спать на сундуке. Но это такие мелочи! Я спустилась в общую комнату и сказала Тосе собирать вещи. Конечно, вскоре узнают, что в комнате я живу не одна, но не думаю, что это кого-то возмутит, если мы будем вести себя тихо.

Оказавшись в комнате, Тося от восторга чуть не визжала и срочно принялась раскладывать свои вещи.

В общую спальню мне пришлось спускаться еще три раза, пока я, наконец, не обнаружила вернувшуюся Роксану, которая нервно бегала вдоль наших опустевших лежанок.

— Вещи собирай и пошли, — шепотом сказала ей, большинство соседок уже давно спали. Она без вопросов развернула покрывало и принялась как попало бросать в него свои пожитки, потом связала концы покрывала узлом и мы отправились в наше новое укрытие.

Однако вместо хоть какого-то выражения радости Роксана бросила тюк с вещами прямо у порога, прошла и села за стол. Тося уже спала, прижавшись к стенке, я бы тоже не отказалась лечь спать, но Роксана упрямо смотрела на меня и пришлось сесть рядом, чтобы ее выслушать.

— Сегодня меня пожелала видеть госпожа Фиона, — тихо сказала Роксана и огоньки стоявших на столе свечей испугано затрепетали.

Я вздохнула. Ну вот, ни дня без неприятностей. Меня Фионе не достать, но можно найти на ком отыграться. О мать всех звезд, но как теперь защищать подруг?

— Прости.

— За что?

— Не хотела вас вмешивать.

Роксана дернула плечом.

— Это от тебя не зависит. Госпожа... она чувствует какой-то подвох. И не может ничего не делать, а чтобы что-то делать, надо понять, в чем причина происходящих вокруг тебя и князя странностей. К счастью, я мало что знаю, — Роксана смотрела искоса, словно обвиняла в молчании. — Я наврала, что мы держимся вместе только потому, что нас забрали у одной хозяйки. Но надолго ее не обманешь.

И тут жить невозможно! Что же делать теперь? Фиона не отстанет.

— Теперь дальше, — быстро продолжала Роксана. Она выглядела сосредоточенной, казалось, ответ на вопрос «что делать?» давно уже ею найден. — Очень вовремя тебе дали комнату. Тося будет жить с тобой?

— Конечно. И ты.

— Нет, — она с сожалением качнула головой. — Мне теперь нельзя.

— Но как? — воскликнула я. Глупо оставаться одной на старом месте, когда можно жить с нами!

— Я уйду к Каркуну. Он давно звал, но... А теперь нужно. Наша госпожа очень недовольна и остается только надеяться, что Тосю она не тронет.

Мы обе посмотрели в сторону кровати.

Во сне Тося совсем ребенок. Хмурится так мило, и улыбается, будто вокруг добрая сказка. Впрочем, так и есть — снятся ей только сказки. И разнообразить ее сны другими, страшными мотивами совсем не хочется.

— Все, ложимся. Завтра я к Каркуну. А вы тут... осторожно, в общем.

Следующие два дня мы ходили чуть ли не на цыпочках и даже дышать старались тише.

На третий день, когда солнце стояло высоко, прибыл господин Задобин. Он оказался высоким подтянутым мужчиной средних лет и выглядел бы даже красивым, если бы не смотрел на всех свысока, будто одним своим присутствием оказывал окружающим невиданную милость. Он снизошел до того, что поцеловал Фионе ручку и сухо кивнул Князю. Тот улыбался тоже не особо радушно, а как-то затаено, будто в предвкушении редких изощренных развлечений.

С господином прибыли три девушки, судя по виду, не особо высоких нравов, два помощника и пять слуг. Не считая войскового отряда. На королевских воинах были железные доспехи с оттиском герба на груди и шлемы в виде звериных голов. Они блестели на солнце как россыпь серебряных монет.

Вечером в честь прибывших устроили праздничным ужином и концерт, и

мы, наконец, смогли встретиться на уличных танцах с Лешиком.

Он щеголял в новом наряде (похоже, купленном, потому что в мастерской ничего подобного не шили) и сверкающих свеженачищенных сапогах. На лице сияла яркая довольная улыбка, будто Леш знал, как легко и быстро подчинить своей воле целый мир.

— Завтра, — сказал, хватая меня за нос. — Завтра выйдем за ворота, осмотримся на месте и решим, как воспользоваться шансом. Пару дней у нас есть.

Я молча кивнула, раньше, чем Тося начала расспросы. Все мои надежды тоже были на завтра — первый день праздника. Сердце царапала мысль о Тосе, я даже думала взять ее с собой, но недолго — так или иначе, ей безопаснее оставаться в замке, потому что она ничего обо мне не знает. Что будет со мной в дороге — неизвестно.

Однако на следующий день выйти за пределы замка удалось только ближе к вечеру. В первый день праздника никаких развлечений не намечалось, только ярмарка. Второй день — бои круоргов и всех желающих с привезенными подземными чудовищами, на четвертый день — большой ночной танец и выбор королевы.

За стены замка мы вышли впервые. Тот день приезда можно не считать, мы слишком заботились о будущем, чтобы как следует осмотреться в настоящем. А сейчас такой возможности упускать нельзя. Мы шли вдвоем с Тосей, Роксана отправилась со своим Каркуном, мы пересеклись с ними на выходе. Кстати, смотрелись они неплохо — как давняя уверенная в крепости своих отношений семья. Надо потом сказать Роксане, что она сделала прекрасный выбор. Хотя... она знает, только счастливее от этого не становится.

Лешик ушел сам — обследовать окрестности. Понятное дело, с двумя девушками в качестве хвоста вряд ли бы это удалось провернуть незаметно. Ярмарка раскинулась в долине недалеко от замковой стены, а за ней стояли палатки прибывших на праздник гостей и торговцев. Еще дальше начинался лес. Лешик хотел выяснить, возможно ли девушке добраться до него, не попадаясь лишней раз никому на глаза. И как выйти из лесу на дорогу.

На него была вся надежда, нам в тех местах показываться явно не стоило, тем более что и по ярмарке побродить толком не удалось. Вскоре прибежал мальчишка от пана Гектора и передал на словах, что тот требует моего немедленного прибытия в связи с необходимостью написать несколько важных писем. Тосю пришлось уводить с собой в замок и просить подождать моего возвращения в комнате. Она согласилась,

конечно, хотя и осталась недовольна — еще бы, сидеть в замке, когда там веселятся...

Но одну отпустить я ее не решилась.

В кабинете пана Гектора кроме него самого присутствовал разодетый в вышитые шелка и кружева, сильно надушенный господин Задобин. Кстати, а круорги никогда так не выражаются... Как и сам князь, хотя имеют такую возможность. Я уже и забыла, как нелепо порой выглядит выраженный по королевской моде придворный.

Оказалось, помощь в написании писем требуется как раз нашему благородному гостю, пан Гектор передал меня в его распоряжение и тактично предоставив свой кабинет, удалился. С большим удовольствием, похоже, господин Задобин не нравился тут никому.

Я написала под диктовку несколько адресованных его семье и друзьям писем, беспрестанно удивляясь, зачем меня привлекли к этому занятию, ведь у него самого два помощника. Да и многие господа предпочитают писать личные письма собственноручно. Только потом поняла — господин Задобин не желал ничего скрывать и воспользовался моими услугами, чтобы подчеркнуть свою безобидность, пытаюсь показать, что в тексте писем нет никакой тайны. Что он тут действительно просто проездом, а вовсе не с попыткой осмотра и оценки сил круоргов.

Кого хотел обмануть?

Мне находиться в его обществе было довольно неприятно. Раздражал его приторный голос, обращение «милая пани помощница» и снисходительный призывной взгляд. Когда с письмами было покончено и я встала, чтобы уйти, господин Задобин изволил вскочить вслед за мной и подойти вплотную, смотря сверху, потому что был наголову выше. Взгляд был изучающий и очень бесстыдный.

— Если я вам больше не нужна, разрешите мне уйти.

Хотелось сказать твердо, но честно, даже голос дрогнул. Неприятно, не хотелось бы показывать, что по его лицу легко читаются все его откровенно оценивающие мысли.

— Пан Гектор завел себе удивительно милую помощницу. Зачем старикашке такая молодая и наверняка страстная малышка? — вдруг почти запел благородный гость таким противным голосом, что меня передернуло. — Пусть наши шалости останутся нашим маленьким и приятным секретом.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы промолчать. Непроизвольно я сделала шаг назад.

— Позвольте проводить вас в вашу комнату. Надеюсь, это не очень

далеко? — неожиданно решил господин Задобин. Я судорожно придумывала причину отказа, но он уже схватил меня под локоть и громко нахваливая замок, местного повара, свежий горный воздух и молоденьких послушных служанок, потащил к выходу.

Пришлось показывать дорогу, надеясь, что удастся сбежать по пути раньше, чем мы доберемся до моей комнаты. Охранники, которые попадались по дороге, смотрели вперед и на наше появление не реагировали. Думаю, если бы господин Задобин возжелал моего общества прямо на паласе у их ног, они и тогда бы не дрогнули.

Дорога показалась слишком короткой. Я уже решила, что на последнем спуске вниз скажу, что должна выполнить какое-то срочное поручение пана Гектора, о котором чуть не забыла. Или что у меня в комнате находится больная лихорадкой соседка. Ни в коем случае нельзя показывать ему, где я живу.

Но по дороге мы встретили одну из девчонок в фартуке и с метелкой в руке. Господин остановился и поинтересовался у нее, где находится моя комната.

Я онемела, но конечно, она не могла не ответить. Я бы на ее месте тоже не стала молчать, потому что глаза господина Задобина горели уже так ярко, а на лице проступило такое твердолобое упрямство, что сопротивляться стало опасно.

— В конце лестнице налево, третья дверь, — прошептала она.

А там Тося... Я еще пыталась что-то сказать. Что мне нужно к пану Гектору, или на кухню, или еще куда-то, но господин больше не слушал, молча тащил меня дальше и только раз приказал заткнуться, потому что я буду довольна его обществом и довольна больше, чем только могу себе представить.

Когда прямо перед лицом я увидела дверь своей комнаты, то остановилась и отчаявшись, просто оторвала от себя его руку. Повернулась лицом.

— Спасибо, что провели. До свидания.

А потом господин молча схватил меня за волосы и ударил головой о дверь.

Это было не просто больно, голова будто взорвалась.

Так неожиданно. А я и забыла, как обращаются в нашем королевстве с бесправными...

Мир гудел и расплывался, господин уже открывал дверь, затаскивая меня в комнату, а я не могла пошевелиться, потому что мышцы не слушались, а перед глазами медленно плавали светлые яркие пятна.

— Повадились нос задирать, тупые девки. Плохо вас тут учат. У меня сразу знали бы свое место!

Я попыталась устоять на ногах, с кровати вскочила Тося. В руке гребень, она как раз причесывалась. Господин на секунду замер, оценивающе оглядывая вырез ее платья и рассыпавшиеся по плечам пушистые волосы.

— О, какой подарок! Еще одна, молоденькая. Как раз то, что нужно, люблю, когда тепло с обоих боков, — он издал нечто похожее на хмыканье, закрывая дверь за спиной. В голове гудело, но Тося...

Нельзя было приводить... А что я могла сделать? До самого последнего момента я была уверена, что он остановится, если отказать уверенно. Мы и забыли, как это — быть осужденной, или обычной служанкой при господах. Забыли, что нами могут пользоваться все желающие. Забыли, потому что вначале у меня была защита, а потом... Потом потому, что у князя подобные вещи не поощрялись. Мягко сказано. Их просто не было, действительно не было. Святые, конечно, вокруг тоже не проживали. Бывало, и нередко, что в покоях круоргов появлялись некие яркие кокетливые дамы, кочующие по комнатам магов. Потом они уезжали, их место занимали новые. Все понимали, что эти дамы не просто так комнаты украшают, но им за все платили и все оставались довольны.

Господин Задобин явно привык брать против воли и бесплатно.

У стола он меня отпустил и шагнул к Тосе. Та молча сжалась в комок и даже как будто ростом стала меньше, одни огромные глаза, полные откровенного ужаса.

— Какой пушистый цыпленочек... Маленькая шлюшка... Иди, папочка покажет, что ему приятно, — срывающимся голосом бормотал господин Задобин.

— Не трогай ее, — хватило сил вцепиться сзади в его камзол, он тут же развернулся и хладнокровно ударил меня по щеке. Пусть всего лишь ладонью, но все равно щеку будто огнем обожгло. Правда от Тоси отвлекся. Разъярился и переключился на меня. Оказавшись вплотную, толкнул на стол.

Тут Тося бросилась на него сбоку, хватаясь за его рукав пальцами, то ли оттащить пыталась, то ли просто не понимала, что делает.

Господин легко ударил ее в грудь и Тося отлетела в угол, где сползла на пол и осталась сидеть на полу.

Как мне было страшно! Этот чудовище протянуло лапищу, схватило меня за шиворот и ткань платья разорвалась, как бумажная. Я пыталась оттолкнуть его руки, и мне хотелось крикнуть Тосе, чтобы она бежала

отсюда, чтобы не смотрела, но голоса не было, потому что господин Задобин теперь держал меня за горло.

Конечно, моих сил надолго бы не хватило. Как бы я не сопротивлялась, против большого здорового мужчины поделаться ничего бы не смогла. Через пару минут он уже пытался задрать мне юбку.

Такого дикого, горячего, бешено пульсирующего по венам вместе с кровью ужаса я не испытывала прежде никогда.

Все изменилось от одного легкого и спокойного звука — кто-то откашливался, старательно, как при подготовке к долгой беседе.

— Господин Задобин, я вам не помешал? — раздался спокойный голос, словно ножом разрезавший царящий вокруг ужас. Князь стоял, оперевшись на костяк, сложив руки на груди и с любопытством следил за разворачивающимся перед ним действием. Одет он был не по форме — в расстегнутой на груди рубашке.

Господин Задобин мгновенно от меня отпрянул. Он рвано, сильно дышал, пытаясь успокоиться, но было видно, что появление князя его сильно разозлило. Но и продолжать развлекаться в такой ситуации, понятное дело он не мог.

— Вам мало тех трех красавиц, что были присланы в ваше распоряжение вчера вечером? — скучно поинтересовался князь, усердно пытаясь изобразить на лице сочувствие. Я судорожно одергивала платье, мне казалось, оно само собой поднимается выше, а потом пыталась собрать на груди разорванную ткань. Тося тихо сидела в углу, лихорадочно наблюдая за новым лицом.

Господин Задобин громко и презрительно фыркнул, отвечать не изволил, быстрым шагом прошел мимо князя и исчез в коридоре.

Дыхание билось в груди, как закрытая в банке бабочка. Неужели правда, ничего не случилось? Неужели все действительно уже закончилось?

Князь отлепился от двери и неторопливо подошел ко мне. Посмотрел сверху вниз и теперь любопытство на его лице было настоящим.

— Как это понимать, пани Мариза? — светским тоном произнес князь. — Принимаете гостей на дому? Решили заработать на ярмарку? В обход казны? Хм... Не верю глазам своим. У вас такой испуганный вид... Неужто один страстный мужчина с небольшой склонностью к рукоприкладству смог до такой степени напугать Синюю звезду, что провела двое суток в обществе пана морского советника, троих его друзей и действующего пыточного станка?

Он изучал меня с неподдельным интересом. Но очень холодно. Я

стиснула на груди ткань платья, пытаюсь отвести глаза. И правда, все закончилось. Господина Задобина нет, остался только князь. И его слова. Совершенно неожиданно меня начала бить дрожь. А потом голова снова закружилась и все поплыло в стороны. Я зажмурилась, стараясь вернуть зрению резкость.

Князь немного наклонился.

— Что с тобой? — вдруг спросил совсем другим тоном. Таким живым, таким...

Глаза закрылись, слезы сами собой потекли по щекам. Сейчас мне хотелось только одного — спрятаться за кого-нибудь, за чью-нибудь крепкую спину, за самую высокую стену, чтобы знать — здесь безопаснее всего. Здесь никто не достанет, никакое зло. Я так устала одна.

Вдруг Янош протянул руку, положил ладонь мне на затылок и молча притянул к себе. И я забыла, кто мы есть на самом деле. Что между нами стоит... что будет стоять всегда.

Сейчас я не могла отказаться от его твердого плеча, от мягкой ткани рубашки, которая гладит щеку, от вызывающего тоску запаха его кожи. От его руки на плечах и прохладной ладони на волосах, приносящей раскалывающейся от боли голове облегчение.

В те несколько мгновений я забыла про все. Позволила себе забыть. И уже давно я не была настолько счастлива.

Наверное, я получила сотрясение мозга. По крайней мере, все признаки — тошнота, слабость, дикая головная боль. Правда, ничего из этого не имело сейчас ни малейшего значения. Сейчас, когда Янош рядом. Когда можно за него спрятаться, потому что совершенно очевидно — Князь тлена никому не даст меня в обиду. Разве что самому себе. Слишком уж дорожит правом решать мою судьбу и тому, кто хочет остаться целым, не стоит на это право даже покушаться.

Но сейчас его ладонь прикасалась к месту удара и что-то делала, что-то меняла на недоступном мне энергетическом уровне, потоки прохладного воздуха остужали пульсирующую боль и она гасла, как прибитый к земле сильным ветром огонь. Периодически боль пыталась набраться сил и вспыхнуть, ухватится за остатки дров, но ветер продолжал сдувать его безо всякого труда.

Никогда о подобном не слышала. Круорги — маги разрушения, их практика запрещена не только из-за источника получения силы, а еще из-за способности наносить сильнейший вред, урон по силе разрушения практически равный стихийному бедствию.

— Говорят, что темные маги не умею лечить... — прошептала я, уткнувшись носом ему в плечо.

— Они и не умеют, — спокойно ответил Янош. А его ладонь все так же неторопливо и уверенно убирала остатки боли, а затем пропала даже усталость, будто голову собирали из частей, наконец-то сложив их в единственно правильном порядке.

— А что тогда ты делаешь? Лекарем способен стать только обладающий светлой силой маг. Да еще один из тысячи, чей уровень восприятия чужой боли переваливает за высоко поднятую планку. Маг с болезненной совестью... Таких почти не бывает. А ты убрал боль, совсем убрал.

И тут я почувствовала, как он улыбнулся. Даже видеть не нужно было, просто что-то невесомое расплылось над головой и я точно знала — это его улыбка.

— Не говори никому, — попросил князь.

— Ни за что.

Это было здорово. Ощущение дома, крепости, нужности — все вместе, все одновременно. А вокруг будто раскинулись бескрайние просторы,

широкое небо, тишина и над головой дышали свободные ветра: теплые южные, суровые северные, душистые горные. Наверное, так выглядит счастье. Сложно сказать, если совсем забыл, на что оно похоже.

Откуда-то со стороны раздался всхлип и ветра заглохли, а Янош насторожился. Плечо превратилось в камень. Через миг он меня отпустил. Мы оглянулись синхронно — Тося сидела в углу, смотря на нас с изумлением и ужасом, и непроизвольно всхлипывала.

Сейчас она выглядела совершенно случайным и даже лишним здесь человеком, незванным свидетелем, одним легким движением сумевшим разделить целое на нежизнеспособные куски. Миг слабости князя (или что это было) прошел и казалось, теперь он происшедшим недоволен. Я старалась не смотреть ему в лицо, но Тося моего взгляда тоже усердно избегала. Зато князь стал похож на самого себя — уверенный, властный хозяин, прогуливающийся по вверенной ему территории и случайно забредший в темную коморку для хранения старых тряпок.

— Как тебя зовут? — просил Князь. Тося замерла и испугано подалась назад. Но позади стена, так что бежать некуда.

— Тося, — еле слышно ответила она.

Князь некоторое время смотрел сверху вниз, думая о чем-то своем. Потом опомнился.

— Не бойся, девочка. Он больше не вернется.

С этими словами князь развернулся и ушел. Обо мне он не вспомнил, когда за ним закрылась дверь, Тося перевела на меня вопросительный взгляд. Я пристально посмотрела ей в лицо.

— Ты никому и никогда не расскажешь о том, что произошло в этой комнате, — спокойно сообщила я. Ее лоб перерезали болезненные морщины, будто Тося решила, что иначе я ее ударю. Но все не так просто... не так просто. Ей нужно было молчать не для меня... для своей собственной безопасности.

— Хорошо, — наконец согласилась она и только тогда расплакалась. И только тогда я решилась ее обнять и утешить.

Мы валялись на кровати и смотрели, как на потолке отражаются тени закатного неба, когда нам принесли ужин. Ладно, что в комнату, больным иногда приносят еду, чтобы они не разносили по замку заразу. Но самое удивительное — к мясу и хлебу прилагался большой кувшин вина со знаком фюенты на залитой воском пробке. Нераспечатанный. Это уже очень необычно. Мы не могли не попробовать — на вкус вино оказался удивительно приторным, но приторность проходила моментально, она перекатывалась по языку как волна через камни набережной и таяла во рту

шуршащей пеной. Полстакана вина каждой из нас хватило, чтобы крепко уснуть.

Ночью вьюнок ушел и я не смогла его удержать. А может, не захотела. Скорее всего.

Не знаю, каким образом он искал князя, но нашел его практически сразу, просто поднявшись наверх и по-прямой проскользнув через несколько комнат. Вьюнок замер вверху стены над выступавшим камнем и прямо перед ним у камина сидел Янош, хмуро смотря то в огонь, то в темное окно — сегодня благодаря пасмурной погоде на небе не виднелось ни одной звезды. В руке князь сжимал серебристый кубок с вином. Один пустой кувшин валялся на полу у кривой ножки кресла, пара нераспечатанных стояла чуть в стороне, у второго кресла. Князь был пьян.

Вьюнок устроился поудобнее, свернувшись змейкой в уютный клубок и принялся наблюдать. Просто смотреть, как пальцы Яноша сжимают кубок, как он глотает вино, как в его глазах отсвечивается попеременно то каминное пламя, то ночная темень. Похожие тени плясали на голом полу. Комната вообще выглядела пустой и бедной — неприглядна мебель, холодные стены из неотделанного камня, из красивых вещей — только портьеры, да и то отодвинутые в сторону, чтобы не загоразивать открытое окно. Было здорово смотреть, как ветер пробирается мимо князя и игриво пугает своим неожиданным нападением стойкое каминное пламя. И представлять, будто находишься рядом. Может, мы даже пили одинаковое вино?

Потом пришел пан Гектор. Посмотрел с неудовольствием, а после отказался от приглашающего жеста князя в сторону кувшина. Сел по соседству, прямой спиной выражая крайнее недовольство поведением Яноша.

— Что это еще такое? — спросил советник.

Янош поморщился, качая головой.

— Не могу в замке. Душит, — он одной рукой схватился за ворот, растягивая его в стороны.

— Чего тебе опять не хватает? У тебя есть все.

— У меня есть все, — послушным эхом повторил Янош.

— И что тогда?

— И ничего...

— Почему ты пьешь? Что случилось?

Князь поболтал бокалом, прислушиваясь к звуку и остался недоволен количеством наполнявшего его вина. Добавил себе из кувшина, руки его действовали удивительно точно и ни капли не пролили.

— Знаешь... Гектор, — голос звучал так доверчиво, что мне показалось неправдоподобным подобное неожиданное признание чужого права лезть в свою жизнь, но пан Гектор промолчал. — Иногда... А ты знаешь, — вдруг возбужденно встрепенулся князь, — разворачиваясь к нему всем телом, — что взбунтовался Жост Капурский? Старший внебрачный сын короля? Вдруг принялся требовать признания своего родства, потому что его мать была благородной женщиной. Пусть король на ней не женился, но существуют свидетели, что король уединялся с ней во время своего посещения княжеств Туманной топи, а дети благородных родителей имеют право носить титул одного из них, по выбору. Жост выбрал отцовский и станет главным претендентом на трон, если его права подтвердят, а следовательно, скоро у нас появится новый король. То есть так утверждает мой столичный источник.

Пан Гектор некоторое время думал.

— У него нет шансов.

— Нет, — тут же кивнул князь. — Но Жосту помогают князя Туманной топи, они поддерживают его требования настолько, что предоставили в распоряжение бастарда свои войска, которые хоть сей момент готовы выдвинуться к столице. Понимаешь?

— Сейчас? А что насчет приказа короля о сборе войск для похода на бунтовщиков отбившегося побережья?

— Приказ ими проигнорирован, — князь устроился удобнее. — Неповиновение слишком демонстративное, чтобы быть правдивым. Но кто знает... я уже не знаю ничего. Кроме одного — нас хотят послать первыми, потому что нас не жалко. А в остальном... Если долго думать... Мне последнее время постоянно что-то кажется, мерещится... По углам прячутся тени круоргов, которые не могут не вернуться за своей силой. Которые не в состоянии уйти от этого источника, привязаны к нему и болтаются за спиной по свету, как веретеница шариков на веревочке.

Гектор слушал молча и очень серьезно.

— Это ерунда, со временем их источники смешаются и отпустят хозяев. Но еще я часто думаю о том... Знаешь, Гектор, она иногда кажется такой... невинной.

— Кто? — быстро спросил пан Гектор.

Янош замолчал и уставился в кубок. Сделал еще глоток.

— Такой... испуганной. Безопасной. Простой. Любая куртизанка способна улучшить свою жизнь, да еще такую убогую... Не понимаю. Она всегда ночует в своей комнате, все время проводит на работе или с подругами. Этот ее знакомый... она ни разу не была в его комнате. Как и у

любого другого. Когда я думаю об этом, мне хочется...

Он снова замолчал.

— Почему так, Гектор? Не понимаю.

Тот пожал плечами. Старался сохранить лицо спокойным, но было видно, что он чем-то задет. И очень сильно задет. Однако Янош не замечал. Пан Гектор медленно продолжил.

— Возможно, она просто осторожничает. Неизвестно, что слуги думают о тебе, но скорее всего она, как и остальные, на всякий случай боится. Или у нее существует определенная цель, которой она добивается. Куртизанки такого уровня не играют по мелочи, ты же знаешь. Такие ставят на кон королевства. Увидишь, если дело не выгорит, она примется вести себя как остальные. Понизит ставки.

— А если нет? — хрипло спросил Янош.

Пан Гектор, наконец, изволил налить вина и себе. Глотнул залпом.

— Янош... Дело тут не в ней. А скорее в том, готов ли рискнуть... ты сам. Ты можешь пройти по второму кругу и пережить прошлое еще раз? Еще раз увидеть в чистой воде все, что всплывет, стоит нырнуть глубже? Ты справишься?

— Нет, — очень быстро качнул головой Янош. — Второй раз нет. Не хочу.

— Тогда забудь, — жестко отрезал пан Гектор, откидываясь на спинку.

— Я не знаю, что мне делать, — тяжело признался князь. — Эта неопределенность сводит с ума. Иногда я хочу ее убить. Останавливаю себя на грани, за которой — безумство... И это пугает.

— Отправь ее куда-нибудь с глаз подальше.

Князь молча улыбнулся.

Пан Гектор вздохнув, взял кувшин и поставил на пол — кувшин был пуст.

— Значит, ты не сможешь сделать ничего, — недовольно пробурчал советник.

Янош уставился на пламя и неопределенно пожал плечами.

— Ну, кое-что могу. Ты ведь понимаешь, что Задобин здесь с целью оценить наши возможности? Король хочет проверить свои догадки. Значит... скоро они попытаются заставить нас слушать королевский приказ силой. По сути неважно... вернется Задобин, нет... Что за новости привезет. Грызни все равно не избежать.

— Ты не станешь! — возмущено воскликнул пан Гектор.

Князь молча отсалютовал ему кубком. Пан Гектор отставил свой, вскочил и наклонился над Яношем, внимательно заглядывая в лицо.

— Скажи мне еще одно. Ты убил немало людей. Не все из них заслужили смерти. Но при этом... это твое нетерпение к насильникам. Откуда оно? Тебя в детстве никто не трогал... Или я чего-то не знаю? Почему ты готов убить за подобное без разговоров? Есть люди, которые издеваются над другими куда более изощренными способами. Но тебе плевать. А насильники... в чем их уникальность?

— Сядь, — ответил князь. — Скажу. Да это и не секрет, спросил бы раньше — раньше бы узнал. Ты пока меня не нашел... не в этот раз, а после смерти родителей, я жил на улице. И видел кое-что.

— Кто-то из твоих знакомых поймали и изнасиловали?

— Да. Ей было четырнадцать.

— Убили?

— Нет.

— Янош... Не хочу расстраивать, но для детей, выросших на дне это обычное дело, они невинности лишаются гораздо раньше. Четырнадцать... Вполне вероятно она давно уже сама этого хотела.

— Да, — вдруг повысил голос Янош. Пан Гектор не смог скрыть удивления.

— Что да?

— Ты прав, — тот усмехнулся. — Дети дна... Ее эти скоты продержали неделю в доме. И убедили, что она уже родилась шлюхой. Что они просто привели ее к тому, что на роду написано. Что все равно она бы такой стала. Слышишь, Гектор? И она по-ве-ри-ла.

Тот растерялся, но ненадолго.

— И что дальше? Что с ней случилось?

Князь смотрел уже равнодушно.

— Вскоре она ушла в публичный дом. И мне больше было не с кем смотреть, как течет вода в реке. Как прыгают в воду напуганные лягушки. Как беззвучно и волшебным образом летают стрекозы. Впрочем... после возвращения из «гостей» ее такое времяпрепровождение уже не интересовало. Она бредила силой похоти, которую умеет вызывать у мужчин.

Я вздохнула и выюнок заволновался. Но с места не сдвинулся. Странно было находиться в двух местах одновременно. Вдвойне чуднее было сознавать, что я по-прежнему лежу в своей кровати, а рядом спит теплая Тося, тихо сопя мне на ухо.

К счастью, пан Гектор опомнился и перестал расспрашивать князя о прошлом, а вместо этого плотно припал к кубку.

— Мне жаль, — сказал он, как только оторвался, одновременно нашаривая рукой очередной запечатанный кувшин. Бухнул его на столик.

Князь с готовностью протянул ему свой кубок.

— Не жалею. Я давно уже не помню ни ее лица, ни имени. Но с тех пор не люблю, когда убивают что-то... что-то светлое в душе. Тело ладно, оно забывает. Но хрупкое, там... — Князь сжал кулак и ударил себя в грудь.

— Это ты тогда решил, что достаточно стать служащим королевского закона и сразу получится все исправить?

— Примерно тогда, — как ни странно, теперь Янош улыбался. Они переглянулись и рассмеялись. Не то чтобы радостно, а довольно горько, с каким-то мрачным нездоровым весельем. Но так вместе, что стало понятно — понимают они друг друга куда лучше, чем кажется со стороны. — А ты меня бойко убеждал, что так и есть!

— А что еще оставалось? Ты был так юн... Так что ты решил?

— Я вижу приближение конфликта. Будет кровь. Много крови, хотя и не столько, сколько бывает на войне. Ясное дело, королевское войско приведет магов... Иначе они и плюнуть в нашу сторону не смогут. Настала пора заставить круоргов убивать не в своих интересах, а в королевских. Они попытаются, пока мы еще не настолько сильны, чтобы стать непобедимыми. Так что они придут. А у меня должны быть развязаны руки, значит нужно отправить в безопасное место Фиону.

— Только Фиону? — хмыкнул пан Гектор.

— Не сбивай. Только... да. Нужно сделать так, чтобы выглядело естественно, поэтому я уже подготовился — завтра утром прибывает гонец с новостями от ее брата, который ранен на охоте и просит сестру срочно прибыть его повидать. Ей придется пропустить праздник... ну что же, зато причина — не подкопаешься. Фиона успеет добраться до брата, потому что поедет очень быстро и там будет в безопасности — напасть на замок своего вассала король не посмеет. Они потеряют одну из намеченных точек давления. А остальное... позже решу.

Они еще долго сидели, практически молча, вьюнок дремал, сквозь сонный туман посматривая на сидящих у гаснущего камина людей. Эта картина приводила его в удивительное состояние абсолютного покоя. Примерно тогда сон захватил меня полностью.

Утро, как ни странно, совсем не оказалось тяжелым. Ну, похмелья быть и не могло, не столько мы выпили, чтобы просыпаться с больной головой. Но не осталось никаких последствий полученных от господина Задобина ударов. Правда, Тося немного кривила губы, когда вздыхала полной грудью, но уверяла, что все почти прошло, так что оставалось только радоваться тому, как чудно все разрешилось.

Даже удивительно.

Правда, мне принесли записку, в которой содержалось уведомление, что вечером, когда начнутся магические бои с дикими зверями, я должна буду присутствовать в качестве сопровождения пана Гектора в княжеской ложе.

Пока я думать об этом не стала, правда надела второе, целое платье, только воротник и манжеты заменила на кружевные, мы их с Тосей сделали, когда учились плести грубое кружево. Довольно красиво вышло, но жаль все же, что у меня нет возможности создавать омниумы... Вот тогда бы я точно сотворила что-нибудь настолько необычное, что челюсти окружающих кокеток поотваливались бы до земли.

Так, мечтая о несбыточном, мы с Тосей оделись, позавтракали и отправились за ворота.

А там... Там творилось нечто необыкновенное! Конечно, торговые ряды были куда менее роскошные, чем на празднованиях у столицы, зато тут попадались совершенно особенные, невероятные вещи.

Люди «с той стороны гор», как их называли в окрестностях, потому что те земли входили в число королевских только номинально и даже не облагались налогом, привезли на продажу разнообразную живность, в том числе щенков, по утверждению хозяев, таких же умных, как они сами.

Не знаю, как насчет умных, вполне может быть, но яркие рыжие комки, шустрые и шумные, даже без своих умственных особенностей не могли не вызвать восторга. Ладно Тося, но я и сама от восхищения чуть не визжала, особенно когда разрешали протянуть щенкам угощение — полоски сухой молочной лепешки. Они так забавно подпрыгивали и тявкали, что хотелось немедленно залезть в вольер и с ними поиграть.

Тут же продавались певчие птицы с удивительно мелодичными голосами, но на вид такие уродливые, что я бы ни за что подобное существо в свой дом не принесла. Но многие покупали, потому что стоили птички очень дешево. Правда, жили они не больше года, ну да мелочи. Через год можно просто купить другую.

У палатки с цветочными семенами и клубнями мы встретили Лешика. Договорилась о вечере, когда Тося останется с ним, потому что я уйду к пану Гектору.

Тогда же я увидела в толпе первого за сегодня круорга. Он стоял через одну палатку, рассматривал товар и вдруг, словно почуяв сильный запах, обернулся в мою сторону, смотря таким же непонятым взглядом, как смотрел в кабинете пана Гектора Доминик.

— Надо поговорить о деле, — прошептал Лешик и мы пошли к выходу из ряда. Круорг немедленно двинулся следом, криво и неуверенно, будто

лодка, попавшая в сильное течение. Он плыл, безучастно смотря по сторонам, пока мы не остановились, тогда остановился тоже и, нахмурившись, отвернулся и ушел куда-то в сторону.

— Ты видел? — спросила я Лешика, желая убедиться, что мне не мерещится. И боясь этого.

— Ага. Хм. Ну-у... будем думать, это случайность.

Он быстро огляделся и повел нас к развлекательной палатке с кривыми зеркалами, куда мы отправил Тосю. А сами спрятались за полог палатки сзади, где она соседствовала с другой, образуя боками высокий узкий коридор.

— Значит, так, — без предисловий начал Леш. — Все готово, Ула. Послезавтра утром ты можешь уехать из замка.

Я ждала этой новости... но все равно она меня оглушила не хуже удара господина Задобина. Послезавтра... Роксана, Тося... Леш. И... князь. Никого больше не будет.

— Слышишь?

Я с усилием кивнула. Надо собраться, я же знала, что рано или поздно это случится. Я же сама этого хотела!

Над головой глухо хлопала, сгибаясь под порывами ветра, плотная ткань палатки и казалось, палатка взлетит сейчас, как огромная птица, схватит меня когтистыми лапами и унесет на край света. Не даст даже попрощаться.

— По стоянкам тебе не добратся. Но если взять мужскую одежду... мою, к примеру, и найти лошадь, то можно проехать по краю долины и сразу попадешь на дорогу у леса. Она с башен замка уже не просматривается. Дальше дело только за тобой.

— Лошадь? Где ее взять? Денег-то нет на покупку.

— Нет, — он вздохнул. — Но лошадь нужна. Придется увести одну из княжеских. Не обеднеет.

— О, звезды, — простонала я. Такой риск. Воровать что-то у князя!

— Не ной, — решительно прервал Леш. — Быстро удалиться от замка можно или на лошади, или в повозке, но в повозку тебя никто не возьмет. А бегать так долго, чтобы убежать далеко, ты не сможешь!

— Что я буду делать с лошадьёю? Я почти не умею с ними обращаться!

— Придется научиться, — карикатурно потрясенным тоном передразнил Леш. — Все, слушай дальше. Послезавтра до рассвета придешь сюда. Видишь, шатры коричневые с алыми пятнами? — он указал на север, где над палаточным морем возвышались верхушки ярких и очень высоких шатров.

— Да.

— Знаешь, что это?

— Нет.

— Это шатры... для отдыха. Там женщин предлагают... но со своими тоже пускают. Я буду ждать у входа.

— О, мать всех звезд!

— Перестань! Где еще можно переодеться незаметно? Тебя тут никто не знает. Не красней, мне уже неудобно!

— Все, все, продолжай.

— Так... потом идем к платным конюшням, там часть замковых лошадей, которые для работы нужны, их под рукой держат, выводим одну и все.

— И никто не заметит?

— На рассвете народу мало, все только просыпаются. Круорги и знатные так вообще раньше завтрака из дома носа не кажут. В конюшне мальчишке покажешь какую-нибудь бумагу со знаком князя. Читать он все равно не умеет, ему главное — рисунок. Сможешь добыть?

Еще и подделка документов? Кстати, мне тоже нужны какие-нибудь бумаги. Найти свои не получится, неизвестно, где их хранят, а в случайное везение я не верю. Значит, придется написать самой и поставить ту печать, что у пана Гектора в столе... Ой, даже думать страшно!

— Сделаю, — твердо ответила я.

— Хорошо. Тогда завтра встретимся еще раз...

Леш молча смотрел и не мог договорить. Послезавтра. И скорее всего я никогда больше их не увижу... Горло сжалось.

В этот момент в проходе между палатками показался очередной круорг. Совсем молоденький, средняя линия, судя по синему шнуру на воротнике. Мы замерли, но он окинул нас равнодушным взглядом и задумался, будто пытаюсь вспомнить, что собрался тут делать.

— Пошли, — Леш дернул меня за руку и мы быстро протиснулись к выходу в противоположную от мага сторону.

— Они что, за мной следят? — во рту пересохло от страшного подозрения. Еще чего не хватало!

Он остановился.

— Нет, — с сомнением качнул головой. — Не похоже. Я бы заметил слезку, а они... разные. Не могут же за тобой следить одновременно все круорги? Больше похоже, что они случайно тут оказываются. Хотя это странно... Ладно, иди, завтра встретимся на танцах. Делай документы и не думай ни о чем. Будет еще время для страха.

Я кивнула и смотрела на его спину, пока та совсем не затерлась в толпе. Вскоре из палатки вышла Тося, которую зеркала не столько развеселили, сколько напугали и мы с ней отправились гулять дальше. Я с трудом заставляла себя улыбаться. Послезавтра... А я даже не могу толком попрощаться с Тосей, потому что у нее все горести и тайны на лице написаны! Все равно, что громко сообщить о своих планах прямо посреди площади! Так что веселья не получалось, тем более на нашем пути постоянно попадались круорги... которые реагировали на меня совершенно одинаково — как засыпающий человек реагирует на помеху, что мешает спать.

Тогда я поняла, что если во время побега встречу хотя бы одного круорга, то убежать не получится. К счастью, на рассвете они спят, кроме охраны замка, а с теми по дороге я столкнуться не должна. По крайней мере, очень постараюсь не столкнуться.

Когда перестало жарить солнце, я отправилась к арене со стороны княжеской ложи. Стража пропустила меня, только получив разрешающий кивок от пана Гектора, который уже сидел на одной из скамеек. Князя не было.

Главные места для него и Фионы располагались по центру ложи. Скамьи для почетных гостей, на одной из которых — я с трудом сдержала дрожь — восседал господин Задобин с какой-то девицей, стояли по левую сторону от княжеского кресла. За креслом и по правую сторону разместили круоргов высшей линии. Нас с паном Гектором, прочих советников и помощников расположили чуть в стороне, усевшись, я упиралась спиной прямо в жерди, ограждающие край помоста.

Вскоре прибыла Фиона с двумя подругами, которые уселись на лавку недалеко от меня. Сегодня они были одеты очень скромно — платье Фионы вообще сильно походило на мое, хотя конечно всего одного взгляда хватило, чтобы понять — из дорогой материи даже простое платье выглядит шикарно, а из дешевой, как ни старайся, все равно выйдет дешевка. На меня они не обращали никакого внимания.

Вообще разряженным здесь казался только господин Задобин со своей дамой, окружающие круорги как обычно одеты в темное, я на их фоне отлично терялась и даже чувствовала какое-то единство, будто специально отгородилась и встала на их сторону только бы против таких, как господин Задобин.

Почти сразу же загудел горн, приковывая к себе внимание.

Помосты были приподняты над землей, краями упираясь в толстую каменную стену, так что получалось, будто в земле вырыта глубокая чаша,

чьи стенки выложены толстыми плитами, дно засыпано песком, а зрители заглядывают в нее сверху.

Все окружающие места были забиты людьми, начиная с лож для благородных, чьи наряды сверкали на солнце и пестрились, а вокруг было пустое пространство и заканчивая местами для простолюдинов, где народ сидел друг к другу так плотно, что не протолкнуться.

— Храните молчание! — закричал глашатай, легко перекрывая шум толпы. — Откройте глаза и обратите свой взор на главное событие празднования Лета! Уверьтесь в могуществе круоргов, школа которых отныне равна любой другой магической школе! И бойтесь! Бойтесь пойти против воли Асмаилового Князя Тлена!

Я покривилась. Как самонадеянно!

Народ, однако, не роптал и не смеялся. Только переговаривался со звуком набегающих прибрежных волн. Наверное, шепот стал бы сильнее и превратился бы в шум, но в этот момент заскрипела открывающаяся решетка, которая загораживала нору в каменной стене арены и на песок тут же выскочило длинное гибкое существо с серой голой кожей и толстым хвостом примерно с руку длиной. Зубки у твари... легко можно было разглядеть даже с моего места.

Она одним долгим прыжком переместилась в середину круга, где настороженно замерла. А потом подняла голову вверх и коротко зарычала... такой страшный звук, проникающий куда-то глубоко в сердце и одним махом уничтожающий всю имеющуюся там смелость и уверенность в своей безопасности. Хотелось замереть, чтобы существо тебя не заметило... Оказалось, я действительно замерла, впрочем, как и большинство людей на трибунах.

Ничего не было в этой твари ужасного... но пару мгновений негромкого рыка и все вокруг замерли, словно куклы. Милое создание.

— На арену выпущена подземная кошка! Ночной хищник, который днем ведет себя вяло, но все равно способен убить одним ударом лапы! Первым на арену выйдет наставник Бартос зет Зундалини и продемонстрирует способность круоргов обезопасить зрителей от любой угрозы! Он выйдет против кошки безоружным! Но даже так вы все в безопасности! Зрители — пока вокруг круорги, ни одно из этих чудовищ не сможет причинить вам вреда! Верьте своему князю!

Народ загомонил, а рядом с помостом вдруг появился круорг. Тот, с бледной, отливающей зеленью кожей, которого я когда-то видела с Домиником в Песочном лесу. Наставник, значит... Он легко спрыгнул вниз, на песок, хотя глубина арены была не менее четырех метров. Тогда,

послушно вторя окружающему вздоху изумления, я обернулась и увидела, что князь уже восседает на своем месте. Он внимательно следил за ареной, а сам наклонился в сторону гостевой скамьи, так что пан Задобин был вынужден отодвинуться. Фиона с прямой спиной и ледяным лицом сидела на соседнем кресле, делая вид, что все прекрасно.

Тем временем на арене зашевелился зверь. Подземная кошка обратила внимание на Бартоса и мгновенно развернулась в его сторону. Недолго думая, бросилась на него.

Бартос сразу оказался сбоку, а на прежнем месте осталось висеть облако темного тумана, куда кошка влетела головой и тут же отпрянула назад, недовольно скалясь и подергивая усами.

Пока она приходила в себя, круорг сделал пас рукой и кошку будто дернули за заднюю лапу. Она подпрыгнула, выворачиваясь из ловушки прямо в прыжке и отскочив от земли, без промедления снова бросилась на круорга. И в этот раз почти задела ударом когтистой лапы. Толпа взревела, а круорг юлой завертевшись на месте, выпустил похожий на щупальце дымный отросток, захлестнул петлей шею кошки и дернул, сжимая. В стороны хлынула кровь, а кошка плашмя упала на землю и судорожно задергала лапами.

Потом не было слышно ничего, кроме восторженных воплей разгоряченной зрелищем толпы. Круорг стоял, пока текла кровь и петля пульсировала, как пуповина. Не знаю, понял ли причину происходящего простой народ, но я сразу решила, что сейчас Бартос забирает свою награду — силу убитой кошки. Даже если бы на секунду я засомневалось, достаточно было бы посмотреть, как все окружающие круорги смотрели на арену — не отрываясь, прикрыв глаза, в которых пульсировало нечто общее с потоками хлеставшей в песок крови. Так смотрел и князь.

Когда круорг отпустил тело кошки и отступил, тут же выскочили рабочие и утащили тушу к выходу. Другие несли ведра песка, которыми засыпали остатки кровавых пятен.

И началось... Объявлялись игроки, на арену выпускали очередное животное, иногда не одно. Ученики темных магов выходили по трое и возились со своими противниками долго. Некоторые из учеников были ранены, причем двое так сильно, что их тела с арены выносили лекари. Ранение магов вызвало у толпы еще больше восторга — его восприняли как доказательство того, что бои настоящие и никто не застрахован от случайности или от своей собственной слабости.

Круорги постарше демонстрировали удивительную прыгучесть и длинные жгуты, способные прикосновением ломать кости, разрывать

толстые шкуры и добираться до крови. Стоило жгуту хорошенько присосаться, как все... можно было трубить победу. Все победители получали кровь и силу побежденных, теперь это понятно было не только мне, но и всем вокруг. Но никто не был против, бои вызывали у народа восторг и ни капли отвращения.

Князь хорошо продумал, как приучить людей к мысли о сути темных кровавых магов. Не удивлюсь, если однажды, привыкнув к подобному зрелищу, разгоряченные очередным побоищем зрители сами потребуют выпустить против круоргов живых людей... И убить их.

Эта мысль сильно испортила настроение, но приходилось смотреть. Вначале было даже интересно увидеть, на что способны темные маги, а потом стало жутко. Наверное это зрелище для того и предназначалось. Напугать и предупредить. Потом уже я смотрела под ноги или на окружающую помост толпу. Народу нравилось... Еще бы. Такого больше нигде не увидишь.

— А теперь смотрите еще внимательнее! И трепещите! — вдруг взревел глашатай так сильно, что я вздрогнула. — Сейчас вы собственными глазами увидите живую легенду, настоящую мраморную жабу, взрослый экземпляр, пойманный у деревни, где он успел положить большую часть мужчин, вышедших на защиту своих семей! И это не считая пойманных ею у воды детей и женщин.

Я вздохнула... Час от часу не легче. Они притащили сюда мраморную жабу? Самоубийцы.

Сквозь вопли почти неразличимо скрипела поднимающаяся решетка. Песок заблестел извилистой змейкой, когда жаба заскользила вдоль стены. На самом деле она больше напоминала ящерицу на коротких лапах с длинной тупой мордой. Зато кроме парализующих шипов она убивала тонким языком, способным стать твердым и проткнуть даже кость. Мгновенно выстреливала им, как арбалетным болтом, оставляла за спиной мертвые тела и двигалась дальше. Жабы любили создавать себе запасы еды, потому что предпочитали мягкое, полусгнившее мясо.

В королевстве нападение жабы считалось главной бедой. Существовал единственный способ от нее спастись — залезть в подпол и не высовываться, пока не придут маги и не поставят щиты на время, за которое воины будут рубить тварь топорами. И длилось это очень долго — потому что рубить тело мраморной жабы так же легко, как рубить камень.

Если бы мраморные жабы попадались не только у гор, а по всей территории королевства, люди бы, наверное, вымерли.

Тварь скользила по песку, плотно прижимаясь к земле пузом.

Мраморной ее назвали за цвет кожи — белая с серыми прожилками. Когда тварь замирала, то напоминала статую.

Неожиданно я поняла, что глашатай не прокричал имя круорга, который вступит в схватку. Оглянулась — князь пристально смотрел на пана Задобина.

Выдержав паузу, он заговорил скучным тоном великосветского бездельника и повесы.

— Господин Задобин, я слышал вы прекрасный охотник. И прекрасно владеете мечом.

— Спасибо, — тот вежливо склонил голову. — Но слухи сильно преувеличены.

— Не скромничайте! Даже до нашей глуши дошли истории, почти вошедшие в легенды. Как вы в одиночку справились с пресноводной гидрой, затащившей под воду десяток селян. Или как освободили прекрасную деву от нападения разбойников... Один против пяти. Помнится, эти разбойники еще оказались ее дальними родственниками, выехавшими на прогулку по лесу и дева горько оплакивала их смерть. Что, впрочем, не помешало ей почти месяц страстно благодарить вас за свое спасение в вашей спальне.

Пан Задобин побледнел.

— Покажите мне ваше искусство, господин, — теперь князь говорил лениво, но с какой-то убийственной серьезностью. С вызовом. — Встаньте и покажите, на что способен королевский посланник, прибывший предлагать мне союз на равных. Встаньте, если хотите чтобы я воспринимал вас всерьез.

На лице гостя яростно дергалась левая щека. Он резко оглянулся, но увидел вокруг только круоргов, которые смотрят своим заторможенным взглядом и напоминают своим равнодушием восставших мертвецов.

Потом взгляд пана Задобина остановился на мне. Ему пришлось молчать, с трудом стискивая зубы, сквозь которые намеревалась вылететь его ярость. Он ненавидел князя. И меня. И смертельно боялся.

— Ну что же, господин королевский советник, — князь легко поднялся. — Вы показали свою силу. Теперь покажу я.

Через секунду он прыгнул на арену и я моментально задержала дыхание. Это же не кошка, это же... жаба! Против одного, пусть и круорга?

Толпа восторженно взревела, когда поняла, кто вышел на арену. Мои пальцы вцепились в края лавки, пока я смотрела, как князь приближается к твари. Потом он остановился и, наклонив голову, принялся ее рассматривать.

А потом тварь стремительно ринулась на князя. И тот даже не попытался отойти с пути ее броска.

Через миг на месте, где они столкнулись, вспыхнуло, разбрызгиваясь кровавым дождем облако темной плоти. Она оседала, оставляя в своей сердцевине князя, покрытого слоем чужой крови. Красной, несмотря на белую кожу жабы, от которой ровным счетом ничего не осталось.

Князь ничего не сделал, просто стоял на месте. И пальцем не пошевелил. И теперь от жабы не осталось даже кусков, все превратилось в кровавую морось, оседавшую сейчас на его одежде... волосах... лице.

Я крепко зажмурилась. А когда собралась с силами и открыла глаза, князь поднимался на помост. Круорги скупно улыбались, пан Задобин был бледнее смерти. Навстречу князю с восторженным вскриком вскочила Фиона. Князь поднялся и посмотрел прямо на меня. Его лицо тонким слоем покрывала плоть убитой жабы. С его волос стекала кровь, а в глазах светилось торжество сокрушительной победы. И запах... он принес с собой трупный запах, запах смолотой в пыль кости и растертых в слизь внутренностей.

Я схватилась за горло, сдерживая рвотный позыв и тогда он понял, что со мной происходит. Его лицо менялось, застывало, покрываясь толстой коркой упрямства. Сверкающие глаза тускнели, заполняясь прежней, почти мертвой ненавистью.

Народ ликовал, в ушах стояли восторженные крики и свист.

Я отвернулась, перегнулась через скамейку за край помоста и меня вырвало.

Казалось, меня вывернули наизнанку и потом с таким же трудом нехотя завернули обратно. Будоражающий запах теплой крови щекотал ноздри, заставляя желудок сжиматься в очередной судорожной попытке оттолкнуть запах и саму причину его появления.

Когда я немного пришла в себя и отдышалась, перед носом неожиданно возник большой платок из грубой серой ткани. У нас в мастерской и то лучше шили.

— У меня есть, — пробормотала я, нащупывая рукой карман на поясе и отрываясь от разглядывания далекой земли за помостом.

Платок пропал. Стоявший рядом круорг со смуглым смутно знакомым лицом пожал плечами, сунул кусок ткани в нагрудный карман и пошел к лестнице с помоста. Тогда я вспомнила — этот тот самый, что по приказу князя в день его возвращения отвел меня в подвал. Тогда я не заметила в нем особого благородства и склонности к безвозмездной помощи.

Какие они все-таки странные...

Я огляделась — вокруг уже никого не было. Встала на ноги, осматриваясь по сторонам. Вдалеке по направлению к замку сквозь расступающуюся толпу людей шел князь с Фионой под руку, за ним мельтешилось что-то вызывающе яркое, видимо, господин Задобин с сопровождающей его дамой, а позади плотным строем двигались круорги, даже в праздник не изменившие привычке одеваться в темное и простое.

Горизонт уже бледнел и окрашивался закатными тлеющими красками. Горы с раскаленными солнцем вершущками отрешенно смотрели вниз, туда, где на высоком скальном выступе устроился замок, прекрасный и одинокий.

Я не знала его истории, только то, что замок пустовал и был частично разрушен, а князь его восстановил. Кому эти стены принадлежали раньше? Кто стоял тут так же, как я сейчас, рассматривая горы и решал, что именно здесь будет возвышаться его крепость?

Наверняка это был необычный человек.

Народ на трибунах тоже расходился. Восторги поутихли, но все равно периодически в толпе взрывались громкие голоса, которые то и дело принимались восторженно перечислять лучшие моменты боев, пытаясь передать движения магов и зверей с помощью жестов и скорченных в жутких гримасах лиц.

Князю действительно удалось купить симпатию этих людей. Теперь к испытываемому народом по отношению к темным магам страху примешался чистый детский восторг.

Так просто.

Я уселась обратно на лавку и ждала еще несколько минут, пока народу вокруг практически не осталось. Потом направилась в замок, старательно обходя все места скопления людей, со стороны которых вперемешку с хохотом доносились обрывки веселой музыки — вокруг начинались танцы. Мне там все равно делать нечего, Тося с Лешиком, значит о ней можно не волноваться. О Роксане тем более.

Во дворе замка и в центральном здании было совершенно пусто, даже ни одной кошки не виднелось. Наверное, круорги с почетным гостем отправились на ужин, а все, кто не занят работой, празднуют за стенами. По дороге в комнату я встретила только прохаживающихся по центральному коридору стражников.

В комнате, только-только прикрыв дверь, я достала из-под стола кое-как заткнутый пробкой кувшин и налила себе полный стакан вина. Выпила практически залпом, почти не чувствуя вкуса. Теплая жидкость разлилась по животу, успокаивая желудок и расслабляя во всем теле застывшие от перенапряжения мышцы. Подумав минутку, я налила еще треть стакана и теперь пила вино медленно, маленькими неторопливыми глотками, как учили нас в пансионе. Не на вине, понятное дело учили, а на компоте.

По телу расплылась необычная приятная слабость. Глаза сами собой остановились на кувшине, прикидывая, сколько там внутри еще скрывается этой терпкой оживляющей жидкости.

Нет, хватит. Не стоит отвлекаться, у меня всего сутки на то, чтобы успеть подделать документы. Сейчас, вечером, идти в кабинет пана Гектора не стоило. Как и ночью. Мне в любом случае встретится охрана, хотя придумать объяснения, что я делаю в крыле круоргов, конечно, легко — достаточно сказать, что иду к одному из них «в гости», все равно проверять не будут. Но даже не проверяя, охрана наверняка пожелает проводить гостью до самых дверей комнаты и убедиться, что хозяин ее ожидает. Насколько я знаю, в крыле круоргов очень строго с ночной дисциплиной и это касается в том числе проходящих женщин. Не могу же я, в самом деле, прийти под конвоем к пану Гектору?

Раньше я подумывала посвятить его в мои планы о побеге и попросить помощи, ведь этот вариант устроил бы нас обоих? Но что-то подсказывает, что помощи от него в этом деле я в любом случае не дождусь, пусть даже пан Гектор с удовольствием отправил бы меня подальше с глаз. Уж

слишком сильно он предан князю.

С непривычки меня повело в стороны и снова затошнило. Больше стакана вина за раз на пустой желудок — сложное испытание для таких бестолковых девиц, как я, но удержаться было просто невозможно. Надо же откуда-то брать силы?

Я разделась, кое-как натянула ночную сорочку и залезла в постель. Не буду думать о князе! Бумаги, печать, очередное имя. Дорога, теряющаяся в холмах на горизонте...

Пусть меня будут звать Отика, как маму.

Так, ладно. Сначала нужно добраться до кабинета. Кстати, не мешало бы проверить, где нынче стоит стража, временами месторасположение постов в замке меняют. Зная точные места их нахождения, утром, когда пан Гектор уйдет завтракать, я смогу пройти в его кабинет, меня знают и пропустят без вопросов. Но времени будет мало и хорошо бы подготовить отходной путь, то есть такой, где можно пройти незамеченной и не встретиться с круоргами или охраной.

Запустить бы вьюнок... Но как его заставить? Ни разу он не слушался моих указаний и шел только туда, куда сам хотел. Наверное. В общем, не знаю, как заставить его заняться шпионажем в интересах спасения собственной шкуры. Как ему объяснить?

Может, попросить?

Хуже не будет. Я закрыла глаза и вскоре заснула. Проснулась, когда вернулась Тося, но подниматься не стала. Она быстро переоделась, молча перелезла через меня к стенке и затихла. Сон возвращался...

Невозможно отделить вьюнок от самой себя. В растерянности я думала, ну что еще можно сделать? Разве что просто представить, как куда-то иду я сама?

Холодный каменный пол плывет прямо перед глазами, так близко, будто я уткнулась в него носом... Мимо стола, сундука.

Мимо брошенной у порога обуви.

Дверь.

Представить, как я прохожу сквозь стену или сквозь дверь не получалось. Я застопорилась, в упор рассматривая старое серое дерево. Да еще смотреть снизу вверх не особо получалось. Я плохо представляла, как оттуда выглядит комната. Разве что потолок где-то высоко-высоко.

В голову никаких идей не приходило. Похоже, эта затея — дело совершенно напрасное. Да еще после выпитого вина тело напоминает безвольный кусок киселя!

Я почти сдалась, когда картинка дрогнула. Края ее зашевелились, как

на увиденном в воде отражении, когда по поверхности от ветра ходят слабые волны.

А потом вьюнок ринулся к стене, через миг оказался в коридоре и понеслось...

Оставалось только направить его в нужное место.

— Кабинет пана Гектора, — твердо сообщила я, но никакой ответной реакции не последовало. На пересечении очередных коридоров я попыталась повернуть не влево, как собирался вьюнок, а вправо. Он нехотя подчинился, но через несколько метров нырнул в стену и ринулся в выбранном им направлении.

Я снова попыталась повернуть его в сторону, при этом старательно закрывая глаза на увиденное по пути. А увиденное не предназначалось для посторонних глаз, потому что мы скользили прямо сквозь чужие спальни. Лиц и подробностей к счастью я разглядеть не успевала. Так мы и пытались перетянуть канат каждый на свою сторону, ровно до тех пор, пока вьюнок не проник сквозь очередную стену и не остановился.

До того, как отдернуть его и развернуть обратно, я случайно взглянула в комнату.

И увиденное проигнорировать не смогла.

Будуар Фионы, где Янош сидит глубоко в кресле, растрепанный и полураздетый, сжимает руками подлокотники, неотрывно смотря вперед.

И стоявшая перед ним Фиона.

— ...и тогда я сразу вернусь, — негромко говорила она. Распушенные волосы на плечах, обтянутых тонкой тканью свободного халата и полный обожания горящий взгляд.

— Ты же знаешь, — она шагнула к нему, гипнотизируя сверкающими глазами, от которых никто бы не посмел отвернуться. — Как я тебя люблю. Я ни разу не встречала... никого. Ни разу не встречала...

Халат упал на пол, а мое сердце замерло — обнаженная Фиона была прекрасна, ее кожа почти светилась и на вид была нежнее шелка. Янош внимательно смотрел на нее и сложно было сказать, о чем он думает.

— Других таких нет. Тебя не возможно не любить... невозможно не хотеть, — шептала Фиона, усаживаясь к нему на колени, наклонилась ближе и князь тут же обнял ее за талию.

— Я хотела бы остаться... но сделаю так, как лучше... тебе. Я не буду мешать. Но в любом случае помни, что я люблю тебя больше жизни... Пойду за тобой на край света... Все, что захочешь. Мой князь...

Она наклонялась, пока не прикоснулась к нему губами и князь поднял голову, отвечая на поцелуй. А потом стиснул и прижал ее к себе со всей

силы...

Звуки словно ножом отрезало. Остался только гул и дерганый стук моего сердца.

Если бы я могла схватить вьюнок руками, то наверное, постаралась бы его удушить. Но не зря он часть меня самой — в тот же миг в глазах потемнело и я подскочила на своей кровати, дыша так судорожно, будто увидела один из самых страшных кошмаров, липких и безысходных.

Впрочем, так оно и было.

Кувшин стоял на столе, облитый прозрачным лунным светом и ухмылялся.

Я поднялась, уселась за стол, пододвинула к себе стакан и доверху наполнила его вином.

В комнате было очень тепло, даже жарко, но плечи тряслись. И зубы стучали о край стакана. Я на секунду отвлеклась, глубоко вздохнула и собралась с силами.

Моя прошлая жизнь давно закончена. Я же об этом помню, верно?

Теперь вино пилось легко, как вода, почти без вкуса и без последствий. Тося спала и это было прекрасно — я не могла с ней говорить.

Прошлого нет и не будет.

У меня давно уже другая жизнь, но...

— *Ты же просто вокруг не замечаешь никого,* — голос Лешика раздался над ухом так явно, что я вздрогнула, а в стакане испуганно заплескалась рубиновая жидкость. — *Тебе сколько лет?*

Всего один взгляд вокруг... Тут нет никого, кроме крепко спящей Тоси, так что сомнений не оставалось — слышала я только свою память...

— *Глупая ты, Ула,* — это уже Роксана. — *Скоро состаришься и сморщишься, а так толком ни разу и не развлеклась!*

Теперь они частили по очереди.

— Все понятно...

— С тобой любой пойдет, даже из охраны.

Я сглотнула, потому что слышать голоса прошлого довольно страшно. И налила себе еще.

— А у тебя парень есть? Нет, конечно. Никого.

— Найди для начала такого, чтобы нравился, понежнее. У нас не так много приятного в жизни.

Сложно спорить с пустым воздухом. Тем более они совершенно правы... Во всем правы. Тогда, на суде, была перечеркнута не только моя прежняя жизнь. Тогда же ушли все мечты и планы о семье и любимом человеке. Но если нет любви... так остаются другие развлечения, верно?

Да еще и очень полезные по утверждению Роксаны.

— *Найди для начала кого понежнее...*

В очередной раз опрокинув кувшин над стаканом, я поняла, что он совершенно пуст.

— *Надо-то всего один раз потерпеть,* — голос Роксаны искажался, местами становился тонким и писклявым, местами — низким, грубым, горячим.

— *Оттого, что просто не знаешь, что такое мужик.*

И правда, не знаю...

А почему?

Пустой стакан стукнул дном об крышку стола и я поднялась, хотя пришлось упираться руками в стол, чтобы сохранить равновесие. На ощупь нашла халат и шаль, стараясь не шуметь, но при этом по-дурацки хихикая. Картинка перед глазами такая смешная, расплывчатая, просто диву даешься! Как будто вьюнок летает кругами, постоянно ухая глубоко в пропасть.

Почему я вообще должна себя лишать столь редких в нашей жизни удовольствий? Тем более полезных? Как говорят...

Дверь открылась сразу и я вылетела в коридор. С трудом вспомнила дорогу, но зато сразу ее нашла, не пришлось плутать по темным переходам и лестницам.

Вышла через один из боковых ходов на улицу. Было прохладно и пришлось закутаться в шаль плотнее. К счастью несколько встреченных охранников не обратили на меня особого внимания, один только крикнул в след что-то фривольное. В другое время меня бы это задело, но сейчас я шла к цели и не отвлекалась на подобные мелочи.

Почему я должна себе во всем отказывать? С какой стати?

Чего ждать?

Лешик жил на первом этаже. Дверь в дом была заперта, я усиленно дергала за ручку минут пять, пока дошло, что она может открываться и в другую сторону, то есть надо толкать вперед. Так и случилось.

Протопав по коридору, я остановилась напротив комнаты с цифрой семь. Если не путаю, тут он и живет.

— Проверим! — сообщил коридору мой непривычно смешливый голос и я принялась тарабанить кулаком в дверь.

Очень быстро внутри раздался подозрительный шум, а после удивленный голос.

— Кто там?

Я изумлено оглянулась по сторонам. О чем он? Никого постороннего.

— Леш, открывай, это Ула!

Дверь сразу открылась. Леш стоял, перегородив собой вход в комнату. Он явно только что проснулся, глаза опухшие, из одежды одни мужские панталоны до колен. Леш всегда был симпатичным, может чересчур худым, но сложением не хуже всех остальных виденных мною малоодетых мужчин. Впрочем, их всего-то было раз, два и обчелся.

Так как мимо пройти не получалось, я подошла к нему вплотную и подняв руки, уверенно обхватила за шею. Он смотрел сверху вниз настороженно и, пожалуй, испуганно.

— Леш! — торжественно сообщила я. — Послезавтра я уеду навсегда и не знаю, увидимся ли мы еще хоть раз. Но перед отъездом я хочу еще одного.

Он молчал, с подозрением наморщив брови.

Мне вдруг перестало быть смешно.

— Тебя, — сообщила я, хотя голос совсем не вовремя дрогнул. Ну вот, все и сказано. Все решено, я потянулась к нему и поцеловала. У него были очень мягкие и теплые губы, да и вообще он весь был очень уютный и теплый. Только... не отвечал. Терпеливо ждал целую минуту, но я не собиралась останавливаться. Тогда он отклонился, захлопнул входную дверь и, схватив меня за руки, потащил к кровати. Усадил и встал напротив.

— Что случилось, Ула? От тебя несет за версту! Ты пьяна?

— Не спрашивай ни о чем! — огрызнулась я, отворачиваясь, чтобы спрятать пьяный блеск глаз. Мне казалось именно он меня и выдает.

Леш промолчал и вскоре я сдалась, причем так резко, будто что-то внутри все-таки сломалось. Слишком сильно пришлось гнуться и сегодня на спину упала последняя соломинка! Я тоже имею право на свою жизнь!

Я рыдала, закрыв лицо руками и Леш опустился рядом, обнимая меня за плечи.

— Только не говори, что опять князь, — чуть ли не простонал он.

Странно, но эти слова остановили мои слезы. Я задумалась, хмельные мысли лениво помахивали хвостами, легко ускользая из слабых рук.

Причем тут князь? Причем... Я ведь знала, что он с ней спит, правда? Так что?

Я нахмурилась и дернула головой. Ну их всех!

— Ула, — он подергал меня за плечо. — Ты в порядке?

Я обернулась к нему.

— Нет.

Минуту мы просто друг на друга смотрели. Никогда у меня не было друга лучше Лешика. Казалось, он сошел со страниц тех самых романов,

которыми нас пытались поставить на путь истинный в пансионе... Леш самый заботливый, веселый и решительный. Он лучший мужчина из всех мною встреченных. Эта фраза мне не понравилась и я старательно перечеркнула ее жирной черной линией.

Потом упрямо потянулась к Лешу и раньше, чем он успел отодвинуться, схватила его за рубашку.

— Леш... Сделай это. Слышишь? Я сама к тебе пришла. Я этого хочу. Сделай это!

Сама не заметила, как перешла на крик, а по щекам снова поползли слезы. Леш вдруг крепко обнял меня, прижимая голову к своему плечу.

— Тихо... Не вопи так. Тихо, Ула.

Но я настойчиво продолжала уговаривать и даже требовать немедленной взаимности.

— Тихо. Я согласен, слышишь? Я сделаю, что ты просишь!

Это было так неожиданно, что я немедленно замолчала.

Он глубоко вздохнул.

— Но не сейчас, — мягко продолжил. Убедившись, что я не спорю, заговорил.

— Сделаю это... завтра. Если не передумаешь. Обещаю. Слышишь? Я обещаю!

Он оценивающе посмотрел на мою одежду и лицо, а потом осторожно потянул меня вниз и мы упали на кровать.

— Просто перестань кричать и лучше поспи, — устало попросил Леш, ослабляя объятие, больше похожее на попытку удушить, но не убрав рук.

Некоторое время мы так и лежали, в упор смотря друг другу в глаза. Вероятно, он хотел спать, но я еще не успокоилась. Его веки медленно опускались, а дыхание выравнивалось.

— Леш...

— Ну что? — мученическим тоном спросил он, сморщив нос. От этого у него такие смешные морщинки разбежались в сторону глаз.

— А ты... когда ты ее увидишь. Свою... А если она будет какой-нибудь служанкой или селянкой? Или даже осужденной с грубыми от работы руками?

Он неожиданно потупился.

— Я надеюсь, что она будет простой. Куда хуже, если она окажется благородной...

Я глубоко вздохнула.

— И когда ты ее найдешь... Ты... В общем, никогда не поверишь, если тебе скажут, что...

Договорить я не смогла, пришлось прикусить губу, чтобы не расплакаться. Но он понял.

— Никогда, — сказал, будто на самом дорогом поклялся. — Ни единому слову не поверю!

— Помни, ты обещал, — пробормотала я, глубоко вздыхая. Почему-то стало гораздо легче и в мир снова вернулись краски. Зато сил не осталось, как и вина, глаза закрылись и я заснула. Впервые в жизни заснула в объятиях мужчины.

Мне было очень тепло. И совсем ничего не снилось.

Зато пробуждение было не из приятных.

Дверь с грохотом вылетела из косяка и, врезавшись в стену напротив, развалилась на куски.

Я подскочила, Леш убрал от меня руки и поднялся с кровати, слепо таращась на пустой дверной проем. Через порог шагнул князь, за которым маячил пан Гектор с недовольным лицом землистого цвета и еще двое круоргов остались стоять в коридоре. Ни стражи, ни других обычных любопытствующих на горизонте не виднелось.

Собственно, всего одного взгляда на князя было достаточно, чтобы понять, как посторонние восприняли увиденное в комнате. Пусть даже на мне длинная сорочка, а Леш в штанах. Но спали-то мы в обнимку?

Я поднялась и встала рядом с Лешем, пытаюсь сообразить, что теперь делать. Ну я вчера и... напилась. И вообще вспомнив некоторые моменты, краснела теперь, как будто вокруг разожгли жаркое пламя. Бедный Лешик, я его вчера чуть ли не принудила к близости! В голову пришла совершенно несвоевременная мысль — Роксана ни за что в такое не поверит!

Покосившись на Леша, который как ни странно стоял совершенно спокойно и смотрел на князя твердо, с холодным равнодушным любопытством, я перевела взгляд на Яноша.

Тьма в его глазах плавала, смешиваясь сама собой и будто вскипала. Через секунду над головой князя взметнулось облако пепла, губы раздвинулись, обнажая угрожающий оскал, он впился в Леша острым взглядом и пошел на него с такой же целеустремленностью, как вчера шел на мраморную жабу.

Не знаю как, но я четко поняла, что сейчас Леш умрет.

— Нет! — и сама не заметила, как встала на дороге князя, загораживая Леша спиной. — Не трогай его! Я сама сюда пришла! Добровольно! Я сама этого хотела!

Князь остановился ко мне почти вплотную, однако его взгляд от Леша не отлипал. Мои слова его не особо впечатлили. Так, возникла посреди

дороги небольшая помеха, которую лень обходить стороной и проще убрать. Накатило отчаяние.

Смерть ходит так близко. Всегда.

— Янош! — закричала я, осмелившись схватить его за рукав. Чего мне было терять сейчас, здесь, практически на границе света и тьмы? — Я много могу тебе простить... Все могу простить! Но если пострадает кто-то из моих друзей... Да! Ты нашел мое слабое место — моих друзей. Да! Меня можно уничтожить, сделав больно им, ты прав! Но если, — я сглотнула, инстинктивно хватаясь за единственную имеющуюся в наличии соломинку. — Но если ты его убьешь, ты убьешь... что-то хорошее во мне. Сломаешь раз и навсегда. Я не смогу тебя просить. И себя. Слышишь?

Это его проняло. Князь оторвался от Лешика, усилено переваривая услышанное. Оставалось надеяться, что его остановит подслушанное вьюнком в комнате, потому что иначе его не остановит ничего.

И в момент, когда он почти успокоился, а пепел оседал на его плечи и волосы, из-за спины раздался насмешливый голос Лешика. В нем не было ни капли испуга.

— Не надо прятать меня за спину, Ула, — весело сказал он. — Пусть князь скажет, в чем моя вина и за что меня хотят наказать. Я — свободный человек, как и ты. Ни одного из нас не связывают никакие обеты или обязательства... Так чем я провинился?

И в этот момент Янош... растерялся. Пусть всего на пару мгновений, после чего его лицо стало привычно невозмутимым, но зато так явно, что увидели все окружающие.

Пан Гектор за его спиной закатил глаза, а два молоденьких круорга усиленно сверкали из коридора любопытными глазами, но внутрь не лезли.

Князь с трудом отвернулся в сторону. С не меньшим трудом заговорил и каждое слово походило на стук печати, поставленной недрогнувшей рукой под приказом о смертной казни. Конец жизни.

— Гектор... Реши все сам. Так, как считаешь нужным.

После слов, давших ему непросто, князь выдохнул с явным облегчением. И через миг пропал в коридоре. Круорги отхлынули в стороны, прижавшись к стенам, как темная вода, выпускающая всплывающее из глубины тело.

Пан Гектор тут же выступил вперед. Заложил руки за спину, внимательно нас осматривая. В его глазах отражалась усиленная работа мысли. Выход он нашел очень быстро.

— Ты, — кивок Лешу. — Сиди в комнате и не выходи, если жизнь дорога. Будешь наказан за допущенное в разговоре с князем хамство.

Вернусь позже и разберемся с наказанием. Ты, — он перевел взгляд на меня и не смог сдержать довольной улыбки. — Собирай вещи. Поедешь с госпожой Фионой в качестве ее служанки.

— К... как? — не веря услышанному, переспросила я.

Он глянул в окно.

— Выезд очень скоро. Собирай вещи, иначе поедешь как есть, — он красноречиво посмотрел на мои босые ноги.

Кстати, вчера я, оказывается, ходила босиком!

— Госпожа Фиона едет повидать брата. Ты поедешь с ней. Но надеюсь, — тут он подошел ближе и посмотрел очень серьезно. — Надеюсь ты, в отличие от нее, назад не вернешься, — четко сказал. — Поняла?

Я машинально кивнула, почему-то подумав о том, что наверное, он совсем не был бы против помочь мне бежать из замка.

Пан Гектор сделал шаг назад и торопливо прикрикнул:

— Почему ты еще здесь?

Я оглянулась на Леша. Что его ждет?

А что могу с этим поделать? Ничего...

— Прости.

А он вдруг широко улыбнулся.

— Не бери в голову. И видишь, я же говорил — от судьбы не уйдешь. Просто пути разные.

— Просто пути, — согласно кивнула я. Если князь его не тронул, то уже не тронет, причин и правда нет, Леш ничего не нарушил, ни единого местного правила. Пожалуй, все даже к лучшему. Сложно уйти из замка, но зато сбежать по дороге из свиты Фионы наверняка куда проще!

Ни мытьём, так катаньем. Вскоре я буду свободна!

— Спасибо Леш, — сказала я. — Передавай девчонкам, что я очень сильно их люблю. Прощай.

— Прощай, Ула, — улыбка так и не сошла с его лица, разве что стала немножко грустной.

Я отвернулась и, подняв с кровати свой халат, пошла к выходу.

Выделенного на сборы времени хватило только дойти до комнаты, надеть принесенный взмокшей служанкой дорожный костюм с чужого плеча, бросить в сумку немногие вещи и пожалеть, что Тося уже ушла в мастерскую, так что попрощаться лично не получится.

Скорее всего, ее переселят обратно в общую комнату. Но что поделать, там о ней позаботится Роксана. А мне нужно позаботиться о себе.

В толпе людей, провожавших Фиону, никого из своих друзей я не

увидела.

Вскоре я ехала вслед за экипажами среди охраны верхом на лошади. Мне выдали высокую, слегка нервную гнедую кобылу, а рядом пристроился молодой маг средней линии и подозреваю, присоседился он отнюдь не по своему собственному желанию. Впрочем, это мелочи, смотрел круорг в основном по сторонам и молчал. Вполне нормальный попутчик и даже приятный... Если бы не глаза, практически полностью покрытые темной пленкой, правда, довольно прозрачной.

Князь провожать процессию не вышел, отъезд получился простым и будничным — когда все остальные были готовы, из дверей центрального входа вылетела Фиона в синем походном костюме. Окинув всадников внимательным взглядом, она на секунду задержалась на мне, быстро улыбнулась, очень сыто, довольно, так откровенно, что я первая отвела глаза, сдерживая рваный стук сердца. К счастью, она уже садилась в первый из двух экипажей. Ведущий круорг громко и раскатисто свистнул, знаменуя отправление.

Князя я не видела, хотя все время пыталась оглянуться и рассмотреть, не глядят ли нам вслед из замковых окон. Конечно, безрезультатно, если кто и смотрел, с такого расстояния не заметишь.

Только раз, перед тем как окончательно свернуть за лес, перекрывающий вид на замок, я увидела над левой башней клоч полупрозрачного дыма в форме морды какого-то животного, устало скалящего зубы. Потом оно взъерошило шерсть на загривке и зарычало... И замок скрылся с глаз.

Я отвернулась.

Впереди меня ждала свобода. От всего.

И первым делом — от власти князя.

Часть 3

На запах рагу оказалось гораздо вкуснее, чем на вкус.

Я терпеливо ковырялась в еде, отодвигая вилкой куски подозрительного на вид жилистого мяса и вытаскивая на поверхность только овощи.

Габрис развалился напротив, забросив ноги на соседний стул. Расстегнутая куртка выставляла на всеобщее обозрение выцветшую рубашку с остатками кружевного воротника и матовый жетон червленого серебра со знаком Фоенты.

В таверне было полно народу, но вокруг нас места пустовали. И не потому, что Фиона с подругами и охраной уже поднялись в комнаты, а потому что Габрис смотрел на всех, кто пытался к нам подсесть тем самым своим фирменным застывшим взглядом и если подошедшему не хватало ума (или хватало смелости) проигнорировать увиденное, вдобавок дергал уголком рта, выставляя наружу левый клык вполне себе нечеловеческого размера.

Самых упорных и настойчивых, тех кто, несмотря на молчаливое предупреждение, рискнул сесть рядом, ждала какая-нибудь ужасающая по своему содержанию история.

Я ковырялась в тарелке, отыскивая горох — единственное в рагу, что оказалось более-менее вкусным и в очередной раз слушала его полный скуки и лени голос.

— ...и когда кровь остывает, от нее уже не идет силы. Она испаряется вместе с теплом и растворяется в окружающем воздухе. Столько энергии и пропадает впустую, если рядом не окажется того, кто может ею воспользоваться!

Габрис болтал, хотя кроме меня слушателей не намечалось. Вздохнув, он покачал ногами, так что носки пыльных до самых голенищ сапог описали полукруг. И продолжил.

— Лучше всего, когда кровь хлещет из разорванного горла. Это самый простой и удобный для принятия силы поток. Жаль, редко попадают такие подходящие раны... Все больше конечности отрубают, руки там, ноги... головы.

Он покосился в мою тарелку и вздохнул. Свое жаркое он уже съел и теперь маялся дурью.

Мне тоже было скучно. Потому я, недолго думая скорчила самое

наивное выражение лица и со всей возможной непосредственностью спросила:

— А правда, что кровь девственниц сильнее, чем обычная кровь?

С лица Габриса разом слетела вся скука. Он поморщился, еще раз внимательно заглянул в мою тарелку и терпеливо спросил:

— Ты наелась?

— Нет, — с готовностью сообщила я. — Я хочу десерт!

Он картинно вздохнул и позвал одну из официанток. Вскоре предомной поставили тарелку с куском черничного пирога.

— Ты не ответил на вопрос, — сообщила я, облизывая с ложки джем.

— Нет, — нехотя признался Габрис. — Неправда, разницы между кровью никакой. Главное, само ее существование, а не добродетельность источника. Поторопись, я хочу отдохнуть!

Пирог с ягодами я ела долго, окруженная молчанием, старательно игнорируя нетерпеливые телодвижения и другие проявления недовольства своего конвоира.

Потом мы поднялись наверх, он отпер дверь комнаты и комично поклонился, чуть не уткнувшись лбом в стену — коридор был очень узкий.

— Прошу.

— Благодарю.

Комната оказалась такой же, как и все остальные комнаты во всех остальных тавернах, где мы ночевали по дороге. Маленькой, плохо обставленной, но к счастью совсем отдельной — подружки Фионы жили вместе с ней, служанки отдельно, а мне по непонятной причине доставалась своя.

За спиной в замке громко повернулся ключ. Я разделась и улеглась спать, даже не пытаясь выглядывать в окно или осматриваться. Закрывает глаза. Лучше отдохнуть, чем тратить время напрасно, все равно возможности бежать пока нет.

В самом начале пути я была уверена, что дня через два меня и близко от Фионы и ее сопровождении не будет. Когда меня заперли в комнате в первую ночь, я ничуть не удивилась. Больше удивляло, что поселили отдельно. И что Фиона демонстративно не обращала на меня никакого внимания. Она с Сатьей и Эли болтали и хохотали все свободное время, то есть круглосуточно, периодически увлекая в разговоры охрану, круоргов и даже двух служанок, которые путешествовали во втором грузовом экипаже. А вот меня подчеркнуто изгнали из «общества». Я не общалась ни с кем, постоянно держась в стороне. Разве что рядом ошивался молодой круорг, однако он тоже с разговорами не лез, так что вскоре я решила, что

необходимость меня сопровождать (а никаких сомнений в полученном им приказе не возникало) ему не особо нравится.

На вторую ночь я осмотрела замок в двери и с огромной радостью выяснила, что он очень хлипкий. Разве можно упускать такой шанс? Конечно, нет! Я дождалась поздней ночи, когда даже самые выносливые гуляки утомонились и разошлись по домам, а окрестности словно вымерли, оделась и принялась неторопливо раскачивать дверь, ковыряя косяк отогнутой ручкой подсвечника. Сложнее всего было не шуметь, а в остальном проблем не возникло — всего за десять минут я расшатала запор достаточно, чтобы язык закрытого замка выскользнул наружу и путь к свободе был открыт.

О, все шло просто чудесно! Я с улыбкой прихватила вещи и открыв дверь тихо-тихо, так, чтобы та не издавала скрипов, вышла в коридор, который был довольно ярко освещен. Впрочем, мы останавливались далеко не в самых дешевых тавернах, так что это не удивительно.

Но на пороге я замерла. У стены напротив стоял тот самый сопровождающий меня круорг. Лениво так стоял, опираясь плечом на стену и невозмутимо крутил в пальцах грубую длинную веревку, которой в деревне привязывают животных.

Я просто остолбенела, а он покосился на меня, широко зевнул, прикрывая рот рукой и продолжил свое занятие. Пальцы мелькали с огромной скоростью, сплетая веревку в сложные узлы и снова расплетая. Очень красноречивая демонстрация.

Я молча вернулась в комнату, бросила вещи в угол, уселась на кровать и поняла, что все далеко не так просто, как казалось вначале.

На следующий день в обед мы остановились в лесу, так как Фиона пожелала любоваться природой и дышать свежим воздухом. Ей с подругами устроили уголок из походной мебели, охрана расположилась чуть в стороне, отдельно и только я отошла подальше, примостившись у бревна за костром.

Круорг принес мне чай и хлеб с сыром. Сам уселся рядом, тут же развалился на земле, опираясь на бревно спиной и заговорил.

— Любую комнату легко окружить следящей нитью. Она не опасна для живого существа, но если объект слежки ее пересечет, то все равно далеко не успеет уйти. Даже на лошади. Про пешком, гхмм, упоминать вообще глупо. На окно, кстати, нить тоже распространяется.

— Как тебя зовут? — вздохнув, спросила я.

— Габрис.

— Ула.

Он кивнул.

— Так вот. А еще существуют крайние меры. К примеру, сильнейшее обездвиживающее заклятие. Правда, оно мало кому нравится, — он задумчиво нахмурился. — Ну, по крайней мере, мне говорили, что ощущении после него мерзкие. Мышцы не слушаются и все чешется, даже внутри. Ни разу ни на ком не пробовал!

Он капризно надул губы и качнул головой.

— Но хотелось бы попробовать! — вдруг с оптимизмом завил, поднимая на меня глаза.

Наверное, с испугу, но я вдруг прыснула со смеху, представив, как он будет перевозить мое обездвиженное тело на лошади. Вряд ли Фиона возьмет меня в экипаж или тем более задержится до тех пор, пока меня отпустит паралич. Так или иначе, тоже шанс отстать от остальных и сбежать.

На короткий миг губы круорга расплылись в широкой улыбке, глаза сверкнули, но тут же прикрылись ресницами и я вдруг поняла, что передо мной самый настоящий болтун и задира, который много чешет языком, но на деле совершенно безобидный. Ну, насколько может быть безобидным круорг, чьи глаза полностью покрывает слой силы, пусть и очень неравномерной.

— Габрис, — со всей возможной убедительностью сообщила я. — Пан Гектор пожелал, чтобы я не возвращалась обратно, так что будет проще, если ты не...

— Пан Гектор, — резко перебил круорг, — не мой учитель. Моим учителем мне даны четкие указания и я намерен их придерживаться независимо от желаний советника или... от твоих.

— Кто твой учитель? — сухо спросила я.

— Князь, — с охотой и гордостью сообщил круорг.

— И что...

— Тебя велено доставить в замок господина Матриарского, брата Фионы целой и невредимой, а после ждать дальнейших указаний. Но это позже, вначале следует проследить за безопасностью и... пресечь попытки ослушаться.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Не могу знать. Но зато после выполнения этого задания я перейду в высшую линию, — он мечтательно прищурился. — Стану зетом. Так что никому не советую мешать мне выполнять мои обязанности.

— Хочешь сказать, что убежать мне не удастся? — прямо спросила я.

— Не-а, — легкомысленно подтвердил Габрис. — Но если ты попытаешься, будет забавно.

Честно говоря, его слова я всерьез не восприняла и той же ночью попробовала уйти в очередной раз. Тем более комната оказалась так удачно расположенной — прямо под окном покатая крыша, откуда без труда можно было спрыгнуть на землю за крыльцом. Задний двор, где не ошиваются случайные свидетели. Глупо не попробовать. Что я и сделала.

Раньше я планировала взять одну из лошадей на конюшне, но помня о магической нитке, которая уже подняла тревогу, решила, что предпочтительнее сначала оказаться подальше от таверны, а там уже решить, что делать дальше и каким способом путешествовать. Бегом пересекши двор, я потянулась рукой к калитке... Которая сама собой широко распахнулась прямо перед моим носом.

Прямо за забором стоял Габрис.

— Отличная погода для прогулки, — совершенно серьезно завил он, расправляя мятый манжет рубашки, кроме которой на нем висели только не менее мятые штаны. Зато лицо было таким довольным, будто давно уже он так здорово не развлекался.

Попытки побега пришлось отложить на будущее, но зато с тех пор мы много разговаривали. Не так скучно ехать рядом, а следующие несколько дней особым разнообразием не отличались. Только обедать мы останавливались теперь на открытом воздухе, чему были рады все, кроме охраны. Но три круорга молчали, а простые стражники беспрекословно следовали их указаниям.

Вскоре мне, как швее, принялись подбрасывать всю работу по починке вещей. Вначале пришла одна из служанок, которая при стирке разорвала рукав на дорожном пиджаке Фионы. Женщина была настолько испугана, что отказать ей в помощи у меня не хватило духу, потому я сделал все так хорошо, как только умела. Потом ко мне обратился кто-то из охранников. Потом Габрис со своей любимой рубашкой, которую по моему твердому убеждению проще было выбросить, чем вернуть ей приличный вид. Однако по упрямству круорг мне давал фору, потому я просто обрезала лишнее кружево, превратившееся в спутанную бахрому, и вернула Габрису его рубашку в целостности и сохранности.

После этого практически каждый привал заканчивался для меня работой, которой раз от разу становилось все больше. Однажды Сатя притащила свое платье с такой крошечной дырочкой, что я не сразу ее разглядела, и повелительно потребовала сделать так, чтобы ни единого следа не осталось. Я не стала огрызаться и просто вышила на месте дырки

крошечную желтую уточку, каких вышивают на детской одежде.

Наблюдая за лицом Сатьи, которая вернулась и осматривала качество выполненной работы, Габрис хохотал в голос, но когда она сдержалась и без воплей, ограничившись убийственным взглядом, отошла, круорг тихо и серьезно сказал.

— Поосторожнее. Фиона может быть опасной.

— А ты меня не защитишь? — пересохшим голосом спросила я.

— Не о всего, — отрезал он.

— Да-а? — это было интересно, я посмотрела на него внимательнее. — И на какие действия твои полномочия не распространяются?

— На дикую женскую драку с использованием ногтей и клочков выданных волос, — с удовольствием ответил Габрис и засмеялся.

— Не дождешься! — уверенно завила я и впредь уточек не вышивала. Но надо признать и глупых приказаний со стороны подруг Фионы больше не следовало.

Так шутливо круорг отвечал на все вопросы, так что узнать, насколько далеко он пойдет в защите, не удалось.

В общем, девять дней поездки прошли как один. Засыпая вечером в крошечной безликой комнате, я вспоминала черничный пирог и улыбалась. Все-таки Габрис умел поднять настроение и шуточные перебранки с ним были тем, чем я не занималась со времен, когда рядом была Злата — она была последней, кто вызывал во мне жуткое желание немедленно ее подразнить и вывести из себя!

Утро тоже выдалось обычным. К обеду мы остановились на красивой полянке у крошечного озера с такой зеленой водой, что его поверхность не сразу удавалось разглядеть среди высокой сочной травы.

От стоянки, где расставили походную мебель, я предусмотрительно отошла подальше, тем более от костра шел слишком сильный жар, а мне хотелось прохлады.

Габрис вскоре оказался рядом, привычно разваливаясь прямо на земле. День был удивительно светлый, прозрачный и чистый, как беззаботный смех ребенка. Даже круорг молчал, а он вообще любил поболтать. Особенно поугавать меня очередной историей про привычки и обычаи круоргов. Не знаю, где в этих рассказах заканчивалась правда и начиналась выдумка, но я старалась думать, что все эти ужастики измышлены его буйным воображением.

Фиона сидела в походном кресле, закинув ногу на ногу и скучающе смотрела куда-то в сторону. Сегодня смеялись в основном Сатья и Эли,

причем наиграно, будто по обязанности, которую никак нельзя избежать. Фиона на их фоне казалась одинокой и отстраненной, будто находилась в другом слое реальности.

— Габрис... — неожиданно спросила я. — А почему они не поженились?

Он проследил за моим взглядом.

— А я почему знаю? Да и не мое дело сплетничать, — недовольно пробурчал он. Мои глаза стали размером с монету — как это не его дело сплетничать? А мне показалось, это единственное занятие, которому он с натуральным восторгом предавался в течение всей нашей совместной дороги.

Мы еще немного посидели, слушая ветер и птичьи трели. Но сегодня меня тянуло на откровенность.

— Габрис... А ты князя давно знаешь?

— Два года, — сразу же ответил он.

— Как вы познакомились?

Габрис внимательно посмотрел на меня.

— Ну, — постаралась объяснить я. — Ты все время повторяешь, что получишь титул с приставкой Зет к фамилии, то есть станешь участником высшей линии. Значит, тебе этого хочется, да? А это князь решает, кто станет высшим, кто нет?

— Да, — коротко ответил Габрис.

— И... ты не хочешь говорить, как вы познакомились?

Круорг еще раз задумчиво на меня покосился.

— Почему же... Говорить я могу о чем угодно, другое дело что... не круоргу лучше некоторых вещей не слышать.

Кстати, я уже различала по голосу его настроение. Сейчас Габрис совсем не шутил.

— Расскажи, — мягко попросила я.

Он легко улыбнулся.

— Ничего интересного. У меня был учитель. Князь... пришел и убил его. Меня взял к себе.

— Что? Он убил твоего учителя, а ты так просто его забыл и служишь другому хозяину? — я не хотела, но возмущение в голосе прорезалось само собой.

Он замер, а в глазах привычно застывала тьма... да, Габрис достоин высшей линии, что и говорить.

— Я бы сам убил своего прежнего учителя, — пустым голосом сообщил круорг. — Если бы смог.

— Почему? — не думая, воскликнула я.

Габрис чуть наклонился, хотя вокруг не было никого постороннего.

— Ты, правда, хочешь знать?

Я посмотрела в его глаза и вдруг поняла — нет, не хочу. Не потому, что узнаю что-то плохое о князе и моем провожатом, а наоборот... Узнаю что-то такое, после чего сама захочу убить этого его наставника. Что-то, после чего во мне проснется благодарность к князю. Или уважение. Или восторг. Или все сразу.

Я молча потупилась и Габрис так же молча отвернулся.

...Думаю, будь я умнее, давно бы разобрала свою жизнь на куски, рассмотрела их и поняла — все события прошлого просто вопят о том, что как только мир вокруг кажется спокойным и благожелательным, стоит начинать готовиться ко всяческим неприятностям.

Но видимо я все же глупа.

Мы уже собирались, когда к лагерю прискакали двое всадников. Бока их лошадей раздувались так широко, будто собирались разорваться, а от тяжелого дыхания чуть ли не тряслась земля.

Всадники тоже выглядели не лучшим образом. Они бросились к Фионе, туда же быстрым шагом подходили круорги.

Габрис, недолго думая, направился туда же.

Оставалось только ждать. Я сидела на траве и думала, что похоже на горизонте снова появляются тучи, которые вскоре принесут грозу. В который раз... И хотя во время неприятностей всегда был шанс улизнуть незаметно, но я, как ни странно теперь волновалась за Габриса. Это все так раздражает! Как им так быстро удастся залезть нам в сердце? Откуда берется эта вечная симпатия к любому мальчишке, маленькому и не очень, который расскажет пару шуток и тепло, ненавязчиво улыбнется?

Идею прямо сейчас бочком удалиться в лес и убежать подальше я с сожалением отклонила — проверено, Габрис находит меня в любом направлении. Думаю, тут замешены браслеты, которые так и остались на моих запястьях. Спрашивала, но он насмешливо приподнимал брови и улыбался. И естественно ни слова пояснений не прозвучало.

Еще я спрашивала его, зачем князю заботиться о моей безопасности? И услышала неожиданно горячее:

— Ты мне скажи!

Прозвучало так фанатично, будто этот вопрос его тоже немало интересовал. Позже он пояснил:

— Круорги по природе не особо любопытны, но в этот раз... И главное, князь даже не собирается пояснять, откуда у него такой

настойчивый интерес к твоей персоне, — он откровенно осматривал меня, так что я привычно покраснела.

— Не, не волнуйся, — задумчиво добавил Габрис. — Всю романтическую чепуху из перечня причин я исключил.

— Почему это? — мгновенно возмутилась я. Чисто из чувства противоречия!

Он качнул головой, тяжело, как большое неразумное животное.

— Ты хоть раз слышала любовную балладу или притчу, где героем был бы круорг? — с усмешкой спросил Габрис.

Я честно потратила несколько минут, пытаясь припомнить.

— Нет, — нехотя призналась.

— Именно, — спокойно кивнул он. — Магия крови, магия, насильно оторванная от хозяина... Она лучше всего остального. По сравнению с ней любовь к обыкновенной женщине — как пресная сухая лепешка после пышного пиршества.

— Ты врешь! — с неожиданной вспыльчивостью сообщила я. Непонятно, почему меня так задела его слова. Больше, чем медленно ползающий по лицу изучающий взгляд, подобный тем, которые я всегда на дух не переваривала.

— Может и вру, — холодно ответил Габрис. — Но путь круорга — путь одиночки. Путь отверженного. Путь по трупам в окружении страха и пустоты. Без красивых эффектов. Без любви.

Я устала в сторону, где Фиона с улыбкой слушала Сатью.

— Она его любит, — с трудом шевеля губами, завила круоргу. Хотелось горячо спорить и стоять на своем, только я не могла никак решить, что это — свое. Где оно?

Габрис проследил за моим взглядом и тоже залюбовался картиной, где три красивых девушки смелись, а перья на их шляпках задорно трепетали на ветру.

— Любит, — словно оценивая, повторил Габрис. — Да, она любит князя, — твердо сказал. — Любит силу. Любит положение первого и сильнейшего. Любит власть. А любому человеку, — он повернулся ко мне и криво улыбнулся, — нужна любовь именно к нему, а не к грудам золота за его спиной. Даже темному магу.

— Ты... — я не могла подобрать слова. — Ты...

— Молчи, — неожиданно отрезал круорг. — Я часто ошибаюсь. Но сейчас я хотел бы, чтобы моим языком вещали звезды.

Вот такой он был, мой провожатый... Простой и сложный, злой и добрый. Глупый, как мальчишка и пугающе мудрый.

Когда всадники ускакали, нас собрали в кучу и сообщили о некоторых изменениях в условиях путешествия. Дальше Фиона с подругами скачут верхом, экипажи с прислугой не спеша отправятся в обход, по дороге, им выделяют часть охраны для отвода глаз, а мы теперь движемся очень быстро, предварительно изменив направление и не заезжая в большие поселения.

Фиона с подругами переоделись в карете и уселись на лошадей. Вскоре мы разделились и поехали, оставив экипажи за спиной. Кроме Габриса, с нами отправилось семь воинов и два круорга.

Ночевали мы у костра. Только Фионе поставили палатку, остальным пришлось ютиться вповалку прямо у огня. Впрочем, для разнообразия провести ночь в лесу оказалось сплошным удовольствием. Все лучше, чем твердая кровать в бараке или общей спальни для прислуги.

Как давно я не смотрела на звезды так, валяясь на земле и подставляя лицо их блеклому свету! Жаль появления Синей звезды не увидела. Она поднимается, когда ночь переваливает за середину, слишком долго ждать, а до завтра нужно хорошо отдохнуть.

Габрис спал рядом. Он так же лежал на спине, укрывшись одеялом до груди, а перед тем как закрыть глаза, пробормотал:

— Зет Паолик...

Я хмыкнула. Маг неисправим. Даже во сне видит себя участником первой линии.

Следующий день мы пробирались по лесу. Посвящать в происходящее понятное дело меня никто не спешил, но из обрывков разговора стало понятно, что возникла какая-то заварушка с князем, которому пришло прямое королевское предписание незамедлительно отправляться укрощать бунт к побережью, а он завил, что по договору не обязан уничтожать внутреннюю угрозу. Что когда полезут соседи или шайнары, только тогда он лично отправится в место прорыва границы и займется изгнанием с территории королевства врага. Но не секундой раньше.

Теперь ожидался ответный ход короля.

Судя по всему, круорги жалели, что вынуждены терять время и сопровождать Фиону вместо того, чтобы присутствовать в замке, когда там разворачивается настолько захватывающее противостояние — Королевский совет против Асмаилового князя Тлена. Они считали что, безусловно, победа останется за князем, но и за процессом понаблюдать бы не отказались.

Никто из них не думал, что Фиона в опасности, хотя принимались все меры: маршрут изменили, всех замаскировали, заставив нацепить простую одежду, сократили дорогу, выбрав прямой путь через лес.

Никто не ждал неприятностей и вечером, когда пришло время выбирать место для ночевки. Но когда вдалеке заметили полянку и охрана развернулась в выбранном направлении, лес прорезал громкий гудок трубы и на поляну из кустов высыпали люди с оружием. Судя по одинаковой форме и сплоченным действиям, они не принадлежали к числу разбойников.

Трое наших первых воинов упали, словно их спеленали по рукам и ногам. Круорги моментально окружили Фиону, а Габрис оттеснил меня себе за спину.

— Сохраняйте спокойствие! — крикнул кто-то из чужаков и все вокруг послушно замерли.

Когда представление почти затянулось, чужаки перегруппировались и расступились. Из кустов за их спинами вышли... светлые маги. Не перепутаешь. Светлые маги с сияющими на шее амулетами.

Стало понятно, что воинов действительно скрутили магией. Прямо от сердца отлегло — светлые маги не убивали, все, что они могли сделать — обездвижить, что давало возможность находящимся с магами в группе воинам атаковать неспособного к сопротивлению противника. Но к нашим никто не приближался, они так и лежали в траве, неудобно вывернув конечности.

Тем временем один из магов закричал во всю глотку:

— Его высочество Жост Капурский просит госпожу Фиону Матриарскую оказать ему честь, посетив его замок. Это как раз по пути. Там вы сможете отдохнуть со всеми удобствами.

Мы тем временем сбились в кучу. Рядом, почти прикасаясь к моему локтю своим, мелко дрожала Сатъя. Круорги переговаривались с Фионой, Габрис оглядывал тех магов, что стояли слева. Я видела, как вызывающе один из них ухмыльнулся, но Габрис никак не отреагировал.

— Соглашайтесь, госпожа Фиона и мы обойдемся без уговоров. Подумайте о ваших людей.

— Что это значит? — прошептала я, наклоняясь к Габрису.

— Это все мне очень не нравится, — тихо ответил он. — Слишком опасно.

— Разве вы не сильнее светлых?

— Сильнее, — он облизнулся. — Но там арбалеты... ты их не видишь. И достаточно светлых, чтобы продержат защиту до того, как мы ее пробьем. И даже тогда... Но выживут только круорги. А я должен сделать так, чтобы ты тоже выжила.

— Потому что иначе не видать тебе Зет Паолик? — с надеждой на его

незыблемую меркантильность спросила я.

— Именно!

Вскоре круорги закончили шептаться с Фионой и она милостиво объявила, что согласна навестить вежливого хозяина местных земель Жоста Капурского, на чье гостеприимное предложение просто невозможно ответить отказом. Чужаки окружили нас и все вместе мы медленно двинулись дальше.

Уже темнело. Габрис успел уехать вперед, перекинуться с остальными двумя круоргми парой слов и беспечно насвистывая вернуться ко мне.

Фиона шествовала первой в окружении светлых, высоко задрав голову, так что любому идиоту становилось совершенно понятно, что это именно ее сопровождает весь этот хвост из разношерстной толпы. Нельзя было не признать, что держалась она отлично.

— Чем нам грозит этот визит? — негромко спросила я, стараясь не рассматривать окружающих чужаков слишком пристально.

— Жост ищет поддержки против короля. Это все знают, — скучающе ответил маг. — Он попытается очаровать Фиону, а через нее — заинтересовать сотрудничеством князя, но на более серьезное не решится, ему не с руки сейчас сориться еще и с нами.

Так наслаждаясь (или делая вид) окружающей природой и обществом, мы неторопливо добрались до замка, явно уступающему по размеру и великолепию Гнезду, но все равно довольно впечатляющему. Вероятно свою роль сыграли длинные темные флаги с еле различимым изображением зубастого существа, немного похожего на ящерицу.

Мы вошли в радушно распахнутые ворота и оказались посреди узкого двора, где на крыльце стоял сам хозяин замка. Его, как и Фиону благодаря осанке было видно издали. Жост был еще довольно молод, ненамного меня старше, но выражением лица мог составить конкуренцию любому круоргу. Тщательно причесанные пшеничные волосы, интенсивно холодные и чрезмерно насыщенные голубым цветом глаза. Куски застывшего во льду неба.

Одет он был тоже просто, удобно и не марко.

Увидев нас, наклонил голову, словно приготовился к отпору. Круорги внимательно осматривались, за нашими спинами уже опускались ворота.

Когда они звякнули, упираясь в полосы метала на земле, все вокруг замерло, как перед бурей.

А потом отовсюду выступили воины в доспехах королевских войск.

Габрис почти зашипел. Я моментально оказалась у него за спиной, но толку-то... воины были везде. Причем вперемешку с магами.

Даже такая невежда как я понимала, что нас заманили в ловушку. Если тут королевские войска... значит можно считать, что нам назначил встречу не мелкая фигурка Жост, а сам король.

Я оглянулась — Габрис в нападающем жесте поднимал руку, а светлые маги напротив окружили себя сияющими радужными пузырями защиты. За ними в немой угрозе ощетинились тяжелые арбалеты.

Круорги сильны... очень сильны. Но не в случае, когда пытаются сохранить живым и невредимыми таких, как я.

Я осторожно положила руку на плечо своего защитника.

— Габрис, нет. Не нужно.

Лучше осмотреться, узнать, чем мы обязаны такой оригинальной встрече и потом попытаться найти лазейку в высоком заборе. Не впервые мне приходится просто ждать, вот и теперь тропу перегородила очередная временная отсрочка на пути к свободному пастбищу.

— Габрис, ждем.

Хозяин короткими, рублеными фразами приглашал-приказывал следовать за ним и не делать резких движений.

Я сжимала твердое плечо, пока воплощенное презрение — Фиона не ступила на крыльцо, а за ней потянулись ее подруги и круорги. Тогда я отпустила Габриса и пошла за всеми остальными.

В последний момент меня схватили за руку. Но нет, Габрис не пытался прощаться или удержать на месте. Он молча затолкнул мне в руку тяжелый мешочек, сквозь ткань которого ладонь резали тонкие монеты.

Не знаю, из каких соображений он это сделал. Но я так же молча спрятала деньги в карман.

Приемный зал замка значительно уступал в размерах залу в замке Яноша. Как и в вызываемых ощущениях. Вместо серого спящего мрамора — агрессивный багровый гранит. Вместо высокого потолка — тяжело лежащий на толстых колоннах низкий гладкий свод. Вместо мягко растворяющихся в воздухе звуков — усиленные до грохота вопли.

Его высочество Жост Капурский разместился на троне, спинка которого была сплетена из толстых бронзовых змей. Казалось, будто они восстали над его челом, извиваясь и издавая угрожающее шипение.

Фиона остановилась напротив, умудряясь смотреть на него снисходительно и равнодушно.

— Я хочу услышать ваши объяснения, господин Капурский, — тут же завила.

По обе стороны от трона появились два мага. Воины остались у двери, но оружия не опустили.

— Для начала отпустим ваше сопровождение. Думаю, вы и сами предпочтете поговорить с глазу на глаз. Не волнуйтесь, ваших слуг разместят с удобствами.

Фиона резко оглянулась на нас, но охрана уже теснила круоргов к выходу, а те не особо сопротивлялись. Потом один из воинов направился к Сатье.

— Девушки пусть останутся, — к трону приближался еще один маг, старик в свободной мантии, тяжело опирающийся на палку.

Меня толкнули в сторону Фионы, рядом с которой уже стояли Сатья и Эла.

Я смотрела на Габриса, который перед выходом бросил на меня один короткий и совершенно спокойный взгляд. Почему-то он был уверен, что я в безопасности. Надеюсь, не ошибается.

В зале кроме нас, Жоста и старого мага оставалось только два мага помоложе и один мужчина, стоявший далеко позади — наверняка, советник. Или наблюдатель королевского совета.

— Я требую объяснений, — ледяным тоном повторила Фиона.

Все-то она требует... Я вздохнула. Мгновенно к моему лицу прилип взгляд старика-мага. С трудом удалось сдержаться и не отступить назад.

— Девушки тоже могут идти, — сказал он скрипучим голосом.

Фиона не оборачиваясь, кивнула, разрешая нам уйти и Сатья с Элой неуверенно попятились к выходу.

— А ты стой, — маг ткнул в мою сторону пальцем и, казалось, действительно ткнул. По крайней мере, кожа в месте над левой грудью заболела, как от настоящего прикосновения.

— Зачем? — отрывисто спросил Жост, поглядывая на меня с раздражением.

Тем временем подруги Фионы пропали за дверью, а она сама, с прямой, как доска спиной и застывшим лицом окатывала всех окружающих волнами недовольства и возмущения.

Старик обернулся к ближайшему магу.

— Алум, подойди и дотронься до этой девушки.

Я с изумлением смотрела, как маг подходит ко мне, осторожно протягивает руку и прикасается к щеке. Ничего отвратительного, впрочем, как и приятного.

— Еще, — выдохнул старик.

Маг задумался и вдруг сильно ущипнул меня за щеку. Сразу отошел.

— И что это значит? — нетерпеливо поинтересовался хозяин.

Старик хмыкнул и вдруг дернул рукой, и с его ладони ко мне полетел

небольшой кинжал, который он видимо все это время прятал в рукаве.

За секунду я успела только судорожно вздохнуть... и пожалеть об отсутствии будущего. Любого.

А потом, прямо перед моей грудью кинжал легко смялся об воздух, отскочил и с лязгом упал на пол.

Глаза Жоста расширились, а Фиона побелела, будто на нее вывернули мешок муки высшего сорта.

Старик улыбнулся, сделал круговой пас рукой и что-то стряхнул с пальцев в мою сторону. И я увидела, как вокруг меня, очень близко к коже, но не касаясь ее, проступает ранее невидимая пленка магически сконцентрированной жизненной силы, смешанной с магией крови. Темная, но прозрачная, с угольно черными разводами, которые плавали и перетекали в блестящие пятна и те в свою очередь снова становились смоляными.

Я видела разные способы защиты. Краткосрочный щит, поставленный в таверне Лестой. Постоянный отталкивающий щит шайнарского посла, опирающийся на мою собственную магию. Боевые щиты, которыми окружали себя светлые маги. Но такого... Такого тонкого, изящного плетения на грани возможного? Я даже не слышала о существовании чего-то подобного!

— Я не могу с уверенностью судить о привязанностях Асмаилового князя, — невозмутимо заговорил старик, пряча руки в широкие рукава и не отрывая от меня немигающих глаз. — Но в одном совершенно уверен — за ней он придет.

Жост поверил ему сразу. Теперь вместо скучающего от провинциального безделья хозяина дома на троне, казалось, распласталась большая хищная птица. Значит, я влипла по-крупному.

— Это неправда! — запротестовала я. Не очень уверено, ведь как объяснить эту непонятную пленку вокруг тела? Даже если они путают причину, не могу с уверенностью утверждать, что князь не явится за мной хотя бы потому, что приписал себе полное право распоряжаться моим существованием и делиться своей властью ни с кем другим не намерен.

На мой протест внимания не обратили. Фиона стояла бледная, с широко открытыми глазами, в которых окружающие отражались, как в пустом зеркале.

— Думаю, госпожу Фиону можно отпустить в комнаты. Но я жду вас к ужину, — холодно улыбнулся куда-то в ее сторону Жост и тут же к Фионе подскочила безликая служанка в темном платье, что-то бормоча и указывая дорогу.

Фиона дернулась, будто пыталась от нее отодвинуться, а потом посмотрела прямо на меня. По ее лицу волной пронеслось нечто непонятное и, несмотря на изрядное количество излучаемой ею ненависти, мне было жаль, что все так некрасиво получилось. Но и моей вины в произошедшем не было.

Потом она улыбнулась.

— Моя любовь — как временная болезнь, — бесцветным голосом сообщила. — Пусть не сразу, но я стану здоровой. А ты... Больна неизлечимо. Он будет мучить тебя всегда. Всю жизнь, — неторопливо падали ее слова, похожие на проклятье. — Он по-другому не умеет. И я рада... Вы оба это заслужили.

Потом она отвернулась и твердым шагом ушла.

Мне захотелось сесть, но позади только пустое пространство, а напротив — хозяин с магами и неизвестно, что теперь со мной сделают.

— Он за мной не придет, — заявила я еще раз.

— Кто вы такая? Как вас зовут? — не обращая внимания на издаваемые мною звуки, будто они значат не больше, чем мышьяная возня за плитусом, начал допрос хозяин.

— Мое имя ничего вам не скажет.

— И все же?

Я молча потупилась.

— Мы все равно узнаем, — это уже маг. Говорит, словно уже о чем-то раздумывает и сложно ему не поверить. Захотят — узнают, все всяких сомнений.

— Жулианна Лычинская.

На некоторое время я стала объектом пристального внимания всех стоящих напротив мужчин, но никакого проблеска узнавания в их лицах не проскальзывало. Еще бы, Жулианна существовала только на нескольких бумажках, так что ничего полезного знание этого имени им не принесло. Видимо, они рассчитывали, что князя окружают только всем известные личности. А какая-то Жулианна... Или Ула, разница-то небольшая — слишком мелкие сошки, чтобы отпечататься в чьей-либо памяти.

— Отведите ее в комнату связи, — приказал старик. Маги тут же двинулись вперед, окружая меня по обе стороны, заключая в кольцо, как настоящую преступницу. Жост вскочил:

— Прощу.

Я молча пошла за ним следом. Бессмысленно сопротивляться, лучше побыстрее узнать, как они собираются меня использовать, а в том, что мной начнут пользоваться, я ни секунды не сомневалась. Так всегда получалось. Во благо ли... во вред, но исход один — моя жизнь снова ломается, а всем вокруг откровенно на этот дело плевать.

Меня привели в небольшую комнату с огромным окном, застекленным толстым куском перламутрового хрусталя. Там за окруженный световыми пятнами разного размера стол уселся старый маг и протянул белые мягкие руки к большому зеркалу с темно-серой зернистой поверхностью. Меня посадили рядом с ним.

Потом маги встали за зеркалом и все вместе принялись что-то делать. О том, что именно, я догадалась только когда необычное зеркало окутала тонкая золотистая дымка.

А потом по его поверхности пошла рябь, которая сложилась в изображение совершенно незнакомого помещения. Хорошо была видна стена из больших серых камней, на которой висели грамоты с огромными синими печатями. Королевскими печатями. Никакого сомнения, это королевский дворец.

Губы пересохли. Такое зеркало стоило как весь этот замок целиком. Выходит, Жост на самом деле никогда не выступал против короля? Иначе как объяснить, что ему выдали для срочной связи вещь, право обладать которой получают только те, кто угоден королевскому совету?

На картинке показался какой-то мужчина в синем форменном камзоле.

Таким знакомом... Только мужчине он совсем не шел — на животе натягивался, на плечах висел.

Старик потянулся к зеркалу.

— Господин Дуэрский. Нам нужно выяснить личность человека. Приведите писца. Поспешите.

— Магистр Кафридэ. Все будет сделано.

Я покосилась на старика. Магистр. Понятно тогда, почему все ходят перед ним на задних лапках и даже Жост его слушается. Магистр и круорга один на один может скрутить. Скрутить и убежать, я про себя улыбнулась. Убить все равно не сможет.

Место мужчины тут же занял молодой человек, почти мальчишка с еще ни разу не бритыми щеками. Он развернул перед собой лист бумаги и стал быстро что-то рисовать, периодически поглядывая на меня.

— Господин Луэрский, пишите. Девушка предположительно является близкой знакомой Асмаилового князя Глена. Называется Жулианна Лычинская, но мы уверены, что имя не настоящее.

Я молча стиснула зубы. Кого хотела обмануть? Понятное дело, мне тут верят так же сильно, как и я им.

— Я вызвал куратора. Он вскоре должен прибыть, — мужчина говорил, одновременно что-то черкая в блокноте. Мальчишка продолжал писать мой портрет. Первый в жизни, если честно, так что следовало чувствовать себя польщенной. Когда еще кто-нибудь по собственному желанию захочет написать мой портрет?

Я бы порадовалась.

Если бы не обстоятельства.

— Госпожа Матриарская тоже у нас. Как и трое сопровождающих ее круоргов. Ведут себя мирно, сопротивления не оказывают. Постараемся сохранить жизнь всех.

Жизнь всех... В висках паникой застучало имя Габриса. Хоть бы он не стал сопротивляться и ничего выдумывать!

— Свяжитесь, как только будут результаты.

— Понял.

В этот момент в зеркале появилось еще одно лицо.

Если бы я уже не сидела, то упала бы на пол. Хорошо хоть привычки вскрикивать от удивления у меня никогда не было, поэтому никто ничего не заметил. Звучало только сиплое дыхание магистра над ухом и скрип карандаша по ту сторону зеркала.

— Господин куратор, — проговорил магистр. — Нам требуется опознать эту девушку, предположительно близкую знакомую князя.

И я поникла. Вот они меня и опознали. Какие сомнения? Ведь из зеркала на меня глядел Бронислав. И несмотря на прошедшие годы, я не настолько изменилась, чтобы остаться неузнанной.

Шли секунды. Я ждала его слов, как лезвия гильотины, которая вот-вот упадет на мою шею.

Слов не было.

— Я понял, — сухо сказал Бронислав и исчез.

Когда зеркало потускнело и перестало показывать увешенную грамотами стену, меня отвели в предназначенную мне комнату.

Два следующих дня я не видела никого живого. Туалет был тут же, в небольшой нише левой стены. Еду приносили на подносе, который ставили на откидное окошко в двери. Там же я оставляла пустую посуду.

Хотя в комнате было уютно и удобно: книги, мягкая кровать, корзинка с рукоделием и огромные пальцы для вышивания, конечно, заменить общение с живыми людьми ничего из этого не могло. А еще я все время думала о Габрисе. И еще почему-то о Фионе. Не хотелось бы оказаться на ее месте. Фиона не заслужила такого удара и я чувствовала себя виноватой, хотя как раз моей вины в происшедшем не было и быть не могло.

Вечером третьего дня за мной явились маги и отвели в личный кабинет Жоста, на вид куда более скромный, чем тронный зал.

На этот раз кроме хозяина и магистра в комнате присутствовал еще и тот человек, который во время нашего прибытия стоял за спинкой трона. И в этот раз он уселся в стороне, делая вид, что не имеет к происходящему никакого отношения.

Не откладывая в долгий ящик, мне сообщили:

— Пришли первые данные из столицы. Вы неопознаны... — хозяин сидел, потирая пальцы руки друг о друга, словно пытаясь ощутить кожей собственное тепло. — Поэтому мы хотим поинтересоваться еще раз — кто вы такая?

В негромком голосе мне послышалась угроза. Магистр тоже смотрел предупреждающе и я вдруг задумалась.

Могут ли они меня сейчас заставить говорить? Судя по защите, физического урона опасаться не стоит. Но существуют и другие методы, верно? К примеру, голод... или здоровье Габриса. Я непроизвольно сглотнула, может, не додумаются?

— Ваш ход мыслей совершенно верный, — без злости, отчего прозвучало еще страшнее, сообщил магистр. — От ваших слов зависит здоровье ваших спутников.

— С чего вы взяли, что меня интересует их здоровье? — спросила я.

— Мы узнаем это, проведя эксперимент, — улыбнулся Жост. Интересно, настолько сильно он похож на короля? Тот тоже ни в грош не ставит ничьи жизни и интересы, кроме своих собственных?

Что-то подсказывало, что похож очень. С ходу не отличить.

Итого, они все равно узнают. Смысла молчать нет. А значит, нужно попытаться извлечь из происходящего хотя бы малую пользу. Например, попробовать объяснить, почему князь за мной не придет. Хотя тогда еще вопрос, что со мной сделают. Ведь я стану ненужной, а защита, похоже, немало их заинтересовала.

Надо подумать, как именно назваться. На первый взгляд, Мариза... про Улу упоминать не стоит. А еще... можно купить информацию о тех, о ком я до сих пор ничего не знаю.

— Отвечу на ваши вопросы, если вы разрешите мне встретиться и поговорить с круоргом Габрисом, который сопровождал меня в поездке, — сообщила я.

Идея обмена показалась мне шикарной. Я так радовалась своей сообразительности, что не сразу поняла — магистр согласно кивнул и поднялся со стула.

— Пойдемте.

И только по дороге вдруг подумала, что согласились они подозрительно быстро.

Впрочем, давать от ворот поворот было поздно. Я вошла в комнату, очень похожую на ту, где жила сама и меня встретил целый и невредимый Габрис в расхристанной одежде и с отпечатком вселенской скуки на лице.

— Десять минут, — сообщил магистр и дверь закрылась.

Сидящий за столом Габрис при виде дамы подняться не изволил, а просто вздохнул и оперся подбородком на раскрытую ладонь.

— Ты в порядке? — просила я.

— В полном. А ты? — в голосе звучало настоящее беспокойство.

— Пока да. Они... решили, что щит, который на мне...

На слове «щит» Габрис подскочил, как ужаленный и тонко застонал.

— О, бездна! Щит! Нашли все-таки... Кто там был? Какие маги? — его глаза сверкали бешенством, причину которого я понять не смогла.

— Там был магистр Кафридэ.

Габрис еще немного пометался по комнате, даже не глядя по сторонам и минуя предметы так ловко, что стало понятно — подобные пробежки для него за время заключения уже вошли в привычку.

— Габрис... а что это такое на мне? Ты видишь?

— Да, — он, наконец, упал обратно на стул. — Круорги видят, что

создал князь. Это произведение искусства, вязь такого уровня завораживает, это... мастерство, аналогов которому я раньше не видел. Князь создал нечто совершенное, то, чем просто невозможно не любоваться. Все бы хотели владеть подобной силой и так же легко уметь заставлять ее принимать любые нужные формы. В общем, тебе... не понять.

— Так вот почему на меня весь ваш брат так косился все время, — пробормотала я. Произведение искусства. На мне. И правда, не понять.

— Не на тебя, — строго поправил Габрис. — А на сосредоточенную вокруг другого человека силу князя, которую тот заставил работать, да еще способом, для которого подобная сила не предназначена. Она... она практически неуправляема вне тела хозяина. Но он сумел ею управлять даже так.

— Понятно, — сказала я, хотя понятно мне как раз ничего не было.

— Нашли щит, говоришь. Сразу?

— Да.

— Значит, они уже отправили князю ультиматум, — размышлял Габрис вслух. — И он его уже получил. Боюсь даже представить, — усмехнулся круорг, — как он отреагирует.

— А мы... вы не можете сделать так, чтобы открыть...

— Нас наверняка подслушивают, — резко оборвал меня Габрис.

— Ясно.

Могла бы и сама догадаться.

— Нет смысла рисковать, планируя побег, — нехотя признался круорг. — Учитель сам все решит, не сомневайся. И не бойся ничего, своих он не бросит.

— Да я не то чтобы боюсь...

— Не бери в голову, — слишком настойчиво повторил Габрис. И еще это раздражение в голосе, которое хотя меня и не касалось, но все равно настораживало. Я вдруг резко схватила его за руку и крепко сжала.

— Обещай, что ты тоже ничего не станешь делать. Что будешь просто ждать князя... как я.

Он хотел что-то сказать, но промолчал. Помнил, что нас слушают. А может, врать не хотел.

— Я хочу, чтобы ты получил свой титул. Скажи, я могу тебе приказывать?

Он вскинул на меня блеснувшие злостью глаза.

— Размечталась!

— Тогда я просто попрошу. Габрис, не вздумай ничего делать.

Ответа я так и не дождалась. Время закончилось и настала пора возвращаться к Жосту и отвечать на вопросы.

В кабинете хозяина ничего не изменилось и я не стала затягивать, хотя хотелось, конечно, заставить их уговаривать и просить. Только опасное это занятие — дразнить волков.

— Меня зовут Мариза де Тувисс, я шайнарская куртизанка, осужденная королевским судом к работам на благо королевства. Князь интересуется моей персоной только потому, что хочет прибить меня собственноручно. Но насколько сильно это его желание... Вряд ли настолько, чтобы с кем-то торговаться, а тем более идти на какие-то серьезные уступки.

Я вдохнула полной грудью и смотрела на них чуть ли не победительницей. Пусть теперь проверяют!

А потом Жост захохотал. Так звонко, что невозмутимый магистр тоже обратил на него свое внимание.

— Я понял! — почти крикнул хозяин магу. — Никакая это не Мариза! Это та, кто заменил Маризу на суде. Подставная девица. О, небо! Бывают же такие совпадения!

Мне почему-то резко поплохело. Хотя вроде должно радовать, что на свете существуют люди, которым совершенно точно известно, что на самом деле я ни в чем не виновна. Но если это знает такой, как Жост...

— Продолжайте, — спокойно приказал магистр. — С чего вы это решили?

— Потому что, — Жост посмотрел на меня и широко улыбнулся. — Потому что я лично знаю Маризу и ее историю.

Надо было порадоваться, то нашелся человек, имеющий информацию о том, как все было... но почему-то стало еще хуже. Куски льда на его лице переливались восторгом, который не затрагивал сердце. Было ли оно у него вообще?

— Это ничего не меняет, — недрогнувшим голосом сказала я.

— Еще как меняет, — с самым серьезным видом качнул головой хозяин. — Магистр, Вы знали, что роль куртизанки Маризы сыграла невеста князя, на тот момент обычного служащего королевского надзора? В свои посещения Мариза не раз развлекала меня этой уморительной историей.

Магистр игривого тона не поддержал, что немного ослабило желание вцепиться Жосту в волосы и разорвать его надвое. Совсем чуть-чуть.

— Хорошо, — сказал Магистр. — Очень хорошо.

— Он не поверит вам! — сказала я.

Хозяин хмыкнул.

— Поверит... Когда я познакомлю его с настоящей Маризой. Любому простофиле станет ясно, кто из вас куртизанка, способная вскружить голову каждому мужчине. Хотя... хорошо, что князь предпочитает девиц попроще, так сказать, без изысков. Это нам на руку.

Маг тем временем прохаживался вдоль стены, тяжело опираясь на трость и раздумывая. И остановившись, с улыбкой кивнул нам обоим, будто мы по одну сторону баррикад и боремся с одним и тем же врагом.

— Эй, — не мешкая, крикнул Жост охране. — Гонцов ко мне! Пора пригласить всех наших знакомых в гости.

Меня ждать гонцов не оставили и отвели в прежнюю комнату.

Следующие несколько дней оказались настоящей пыткой. Я не знала, что происходит в замке и окрестностях. Что с Габрисом и Фионой? Что с князем?

Еды мне по какой-то необъяснимой причине приносили очень мало. Как и воды. Казалось, запах от меня распространяется по всему коридору и достигает ворот на площади, заставляя птиц облетать забор стороной, а кошек пригибаться мордой к земле.

По моим подсчетам взаперти я просидела ровно двенадцать суток.

Когда меня навестил магистр, я на многое была готова, только бы понять, что вообще происходит вокруг. Наверняка, где-то там кипят схватки, рушатся судьбы, кто-то умирает, спорит, побеждает. И все это остается далеко за стенами, неизвестным. Последние пару дней мне казалось, что замерла не только я, а и весь мир. Но пока хватало самообладания понимать, что это не является действительностью, это просто состояние, свойственное любому находящемуся в одиночном заключении человеку.

— Утром вы выезжаете в столицу, — скупно сообщил магистр.

Я села, где стояла.

— А Фиона?

— Это не ваше дело.

— Что происходит?

— Утром вы уезжаете. Все.

Я поерзала на стуле и сообщила:

— Нет.

— Что нет?

— Вы же не можете заставить меня подчиняться силой, правда?

Тогда магистр неторопливо уселся напротив, устраиваясь основательно, надолго. Двое, друг напротив друга, как перед схваткой. Да,

расклад неважнецкий — неученая шай-парс, может и не юная, но недоросль по сравнению с убеленными сединами магистром королевской академии.

— Вас нельзя ранить оружием или магией. Но методы для тех, кто ищет, всегда найдутся.

— Какие?

— Я могу перекрыть вам доступ к воздуху. Не проникая, конечно же, за пленку, которая светлую власть не пропускает. Но окутывая поверх нее так, что вы задохнетесь. Хотите убедиться? Могу продемонстрировать.

Конечно, убедиться мне не особо хотелось. Но он мог врать, так? Наверняка мог!

— Хочу, — вызывающе сообщила я.

И следующую минуту не дышала, хватаясь за горло и безуспешно раскрывая рот.

Глоток воздуха походил на глоток огня — легкие просто вспыхнули. Как и горло.

Что ж, сомнений не оставалось — он все равно может меня убить. Магистр. А вот что касается более слабых светлых... Если уж у магистра пот на лбу выступил за минуту, то чтобы меня убить, ему, видимо, пришлось бы выложиться полностью. Ладно, позже...

— Зачем меня перевозят в столицу? — хрипло спросила я, толком не успев отдышаться.

— Князь близко, — магистр крепко схватился за свою палку, поднялся и ушел.

Не знаю, почему он ответил. Янош... близко. И почему-то они передумали держать меня тут в момент, когда он нанесет Жосту дружеский визит.

Утром мне организовали ванну. Принесли чистую одежду с карманами на поясе, куда я сразу же спрятала деньги Габриса, и потребовали отправляться во двор. Там посадили на лошадь, окружили толпой воинов и несколькими магами и повезли в столицу.

Я сильно недоумевала. С какой стати они так запаниковали? Зачем так тщательно охранять мою никому не нужную персону?

Никогда не думала, что доживу до такого дня, когда куче королевских воинов прикажут сопровождать меня только чтобы не дать мне сбежать, ну и заодно обезопасить мой путь.

Кстати, еще вопрос, от кого обезопасить? От князя?

Два следующих дня я молчала, старательно прислушиваясь к разговорам. Но ничего. Пусто.

Никто из окружающих или не знал, что происходит, или они были вымуштрованы настолько, что на службе не болтали о задании даже со своими напарниками.

Конечно, я не забывала обдумывать побег. Хотя уже невозможно представить, что побег в моем исполнении вообще вероятен — каждый раз все эти планы обрываются настолько глупо, что уже даже смешно снова строить новый. Тем более, вначале нужно узнать, что происходит, до столицы дорога долгая, время есть.

Так я думала до самого утра третьего дня, когда вышла из комнаты в таверне и отправилась завтракать в окружении троих сопровождающих магов (далеко не таких приятных, как темный кровавый маг Габрис).

Как раз допивала чай, когда дверь распахнулась и в зал вошли несколько человек, судя по пыльным плащам, только-только с дороги.

Горячая сладкая жидкость застряла в горле, как кусок раскаленного железа.

Теперь-то все, побег отменяется. Естественно, я прозевала возможности уйти раньше. Бежать надо было вчера. А теперь поздно, потому что нам навстречу прибыли... маги. И среди них был Бронислав.

И у них наверняка хватит сил меня удушить.

Приехавшие некоторое время разбирались друг с другом, выясняя, кто главный и оказалось, что у магов как раз Бронислав. На данный момент — младший консультант Королевского Совета.

На меня он внимания не обращал, я естественно тоже не настаивала на продолжении прошлого знакомства.

Мы быстро собрались и отправились в дальнейший путь. Видимо, мимо столицы мне проехать не суждено. Видимо, я всегда буду делать только то, что приказывают. Видимо, слепому щенку, которого топят в ведре грубая рука, никогда не хватит сил самостоятельно выплыть на поверхность.

Тогда-то и началась моя апатия. Только жалеть себя долго не получилось.

Вскоре, когда до большого торгового города Кассилияны оставалось всего ничего, на дороге показался узкий перекресток, загруженный обозами, которые зацепились друг за друга и не могли разъехаться.

— Видишь обозы? — раздался знакомый голос. Я задержала дыхание. Бронислав ехал рядом, почти толкая мою лошадь в бок коленом, но смотрел вперед и губы его не шевелились.

— Старайся меньше говорить и не шевели губами, я поставил защиту от прослушки, — снова зазвучал голос. Бронислав снисходительно

поглядывал вокруг и со стороны невозможно было догадаться, что мы общаемся.

— Видишь? — настойчиво переспросил он.

— Да, — ответила я, старалась, чтобы губы не шевелились, отчего прозвучало мутно, как услышанное под водой.

— Как только мы подъедем к обозам, ты повернешь налево и уедешь. Я продержу иллюзию твоего присутствия на одном из воинов до города, у тебя есть пара часов. Уезжай и не возвращайся.

Первым делом я заподозрила какую-то ловушку.

— Почему?

— Причин много, — через время пояснил он. — Например, бунт у побережья — голодный бунт и успокаивать его силой неправильно. Или еще одна — тебя не отпустят в любом случае, в королевских лабораториях уже готовятся к прибытию объекта и они рьяно желают изучить возможности и границы поставленного князем щита.

Я непроизвольно сжалась.

— И все?

— А мало?

Обозы стремительно приближались.

— Вскоре я стану главным советником, — добавил Бронислав. — Хочу быть с князем в хороших отношениях. Достаточно?

— Наверное, — что-то сомневаюсь, что ради хороших отношений с князем он готов на подобный поступок. Страшно представить, какое наказание последует, если кто-то узнает о его участии в моем исчезновении.

— Еще одна причина, — ближайшую телегу минули первые воины нашей честной компании.

— Когда я стал советником, то видел бумаги о процессах того памятного обмена с шайнерами... Как раз те, которых мы не достали для Яноша. Наши сдали паренька... как наемного убийцу. Невиновного паренька, которого тогда повесили.

Я чуть не посмотрела ему в лицо, лишь с усилием сдержалась. Нельзя привлекать ничье внимание.

— Не удивлюсь, если шайнары недалеко от нас ушли, — в голосе проскользнула еле слышная улыбка. — Так ведь и было?

Я хотела что-нибудь сказать, но тут мы достигли обоза.

— Налево, — почти крикнул Бронислав. Как у него получилось? — Давай!

Я послушно повернула налево и пришпорила лошадь, вцепившись в ее

гриву, как в родную маму.

— Я видел недавно Злату с ее ветеринаром. У них сын, — напоследок донесся в спину еле различимый голос Бронислава. Так и не знаю, действительно эти слова были произнесены вслух или мне просто померещилось.

Оглянуться я побоялась. А через пару часов была очень далеко от места, на котором рассталась со своим конвоем.

Вечером, приехав в очередной крупный город, я сдала трактирщику лошадь и села в проходящий мимо дорожный экипаж. Через сутки пересела в другой. Так всего за четыре дня я добралась до города, куда ездили на рынок и за покупками жители деревни, где я провела свое детство.

Все оказалось так просто, что походило на сказочный сон. Ни единой опасности по дороге я не подверглась. Одежду давно сменила на ту, в которой ходит большинство зажиточных крестьян. Деньги использовала мелкие, оставшиеся от продажи лошади. Сидела в экипаже днем и ночью, не появляясь в трактирах в одиночестве.

До долины, единственного места, где я могла представить свой дом, оставалось всего-то полдня езды.

В городке я отправилась на рынок... И почти сразу столкнулась с телегой, в которую какой-то молодой парень грузил ящики с продуктами. Его я не узнала, но рядом... рядом стоял дед, который когда-то давно учил меня рыбалке.

Я остановилась напротив, не в силах сказать не слова.

Он некоторое время щурился, но потом узнал.

— Ула, — выдохнул. — Не может быть.

Парень тут же оказался рядом, смотря на меня, как на чудо небесное.

— Ула, — изумлено повторил вслед за дедом.

Тогда я его вспомнила, это был один из мальчишек, что в детстве таскался со мной купаться в озере без дна, куда детям ходить запрещали и еще помогал собирать траву кроликам.

— Мы не думали, что ты вернешься, — сказал дед. — Ведь когда бабушка твоя... Ты ведь знаешь, что твоя бабушка?..

В груди стало очень тесно и больно. Нет, я не знала, что моей бабушки больше нет. Даже не думала ни разу.

— Когда?

— Давно уже. Как ты пропала, так и она слегла. Все жалела, что оставила тебя в столице одну, позволила сгинуть.

Жалости сейчас я не хотела. Впереди дом.

— Довезете? — только и хватило сил спросить.

Конечно, они без вопросов взяли меня с собой. В деревне все люди помогали друг другу.

Я ехала в телеге, смотря по сторонам, а вокруг постепенно поднимались высокие холмы и открывался вид на долину, которая иногда мне снилась. Очень редко. Вроде бы я летала... Точно не помню. Но помню, что это были самые счастливые из моих снов.

На ночь меня приютили соседи, а утром я вернулась в свою старую хижину. Исключая мелкие предметы и вещи из материи, все остальное так и оставалось на своих прежних местах, только покрылось бархатным слоем пыли.

В душе было совсем пусто... Никаких мыслей и желаний. Столько времени стремиться куда-то, все бежать, бежать... и в результате прийти в место, которое давно лишилось своей души. Прийти в пустоту.

Наверное, мне нужно было куда-то уходить, где-то прятаться. Но не хотелось ничего. Денег было предостаточно — в кошельке Габриса золота хватило бы при скромных тратах на всю жизнь. Но не хотелось никуда.

Шло время. Дни сменяли друг друга, все как один серые и бессмысленные, как старые, никому не нужные рисунки, потерявшие яркость красок и заодно всю свою прежнюю прелесть. Временами я пыталась окунуться в окружающую жизнь и забыть обо всем остальном.

Ходила на рыбалку, стараясь вернуть душе прежний мир и понимала, что никогда его не верну.

Часами просиживала на могиле бабушки, бормоча под нос какие-то неважные слова и знала, что никогда не прощу себя за то, что оставила ее умирать одну.

Сидела в синих сумерках на крыльце, ища вокруг доказательства, что это — дом. И не находила.

Даже то, что я не могла использовать свою силу и создавать омниумы, теперь было мне безразлично. Столько лет я жила без этой части своей природы? Можно легко представить, что она уже умерла за ненадобностью.

И пустота вокруг, хотя соседи пытались создать видимость, что я прежняя. И они прежние. И все по-прежнему.

Кого обманывать? Себя не получится. Пустоте все равно.

То утро было одним из многих. Я кипятила воду для чая, слушая, как ветер задувает в дверные щели. Наступала осень и по ночам уже бывало зябко.

Чтобы пережить зиму, нужно поправить дверь и законопатить травой и глиной все щели.

Но мне не хотелось.

Я налила кипяток в чашку, внимательно наблюдая, как трава плавает на поверхности. Сахара не было, но пришлось научиться обходиться без сахара, потому что постоянно просить у соседей некрасиво, а отправляться в город за покупками было вообще выше моих сил. Как-нибудь потом.

Я смотрела, как дымок поднимается над чашкой и слышала этот звук... стук тяжелых сапог по гулкому деревянному настилу. Соседи всегда ходили неторопливо — а куда спешить? И обувь предпочитали легкую, домашнюю.

В дверь сильно шарахнули и она сама собой отворилась, потому что замок давно не вставал в пазуху, а чинить его...

Переступая порог, человек опустил голову, чтобы не задеть низкий косяк и выпрямился.

Я осторожно поставила чашку на стол, а потом и сама оперлась руками на столешницу. Да и было отчего. У порога стоял собственной персоной Асмаиловый князь Тлена.

И судя по взгляду и по дрогнувшим губам, и еще по тому, как резко он при виде меня замер, знакомство с настоящей панной Маризой действительно состоялось.

Ну что же... Я ведь хотела, чтобы он узнал правду? Теперь он ее знает.

Я взяла себя в руки, вздохнула поглубже, прошлась вокруг стола и села на лавку. До сегодняшнего утра я и не замечала, как сильно она скрипит и шатается. Впрочем, я у себя дома и буду делать все, что захочу. Хочу — сяду на лавку, хочу — упаду на пол. Никого не касается!

— Заходи.

Чего подпирать мне входную дверь? Князь молча пересек комнату и сел на табуретку напротив. Привычная картина — двое друг напротив друга. Снова как при противостоянии...

Я пододвинула чай к себе ближе.

— У меня только одна чашка.

Он промолчал. Его очередная куртка, теперь из коричневой кожи, но с привычным рядом застежек еле слышно скрипела. Такой уютный то ли треск, то ли хруст. И щетина... никогда не видела его небритым. Тоже мне князь, выглядит, как наемный воин, которому свобода дороже всего остального, потому он уходит со двора раньше, чем наступает время получить плату за свои услуги.

Когда-то мне жутко хотелось, чтобы Янош узнал правду. Вначале понятно, почему. Потому что тяжело понимать, что любимый человек несправедливо считает тебя чудовищем. Но если задуматься, в то время, когда я очутилась в его замке... зачем мне так требовалось доказать свою невиновность тогда?

Могла ли я без него жить? Честно говоря, уже не знаю. Ведь жила же? А с другой стороны, разве такой должна быть счастливая полноценная жизнь? Выходит, все еще не могу? Хотя... сейчас рано думать и решать, сейчас мне почему-то кажется, он пришел не вовремя. И... чего скрывать, я не знаю, что с ним делать. Кстати еще вопрос — а почему он пришел? В общем, как ни крути, а на самом деле о личности князя я ровным счетом ничего не знаю.

Перед глазами непроизвольно возникает его покрытое кровью лицо, в момент, когда князь поднялся на помост с арены, предварительно превратив в пыль эту несчастную мраморную жабу.

Кто передо мной?

Теплый глиняный бок чашки грел ладони, а я теперь старательно отводила взгляд от князя, чувствуя его внимание, как легкую настырную

щекотку. Даже когда мы были помолвлены, Янош никогда не рассматривал меня настолько пристально.

— Ула, — неожиданно сказал он. Я до такой степени отвыкла от звучания в этих стенах чужих голосов, особенно мужских, что чуть не зажмурилась. — Собирайся. Нам нужно уехать отсюда как можно быстрее.

Уехать с князем? Хм...

Я отпила из чашки — слишком много заварки, слишком долго настаивался чай, слишком горьким получился отвар. Всего слишком.

В очередной раз покориться чужой воле и пойти за Яношем? Я действительно этого хочу?

Проблема в том, что я понятия не имела, чего хочу.

Он мне нужен?

Я закрыла глаза.

Никогда не имела привычки врать самой себе при каждом удобном случае, поэтому пришлось признаться. Да, он мне нужен. Вот в чем вся соль. Я могу сколь угодно долго жить без него, даже выйти замуж, нарожать детей и безумно их любить, но никогда мое счастье не будет полным. Не очень-то радостно понимать, что звезды привязали меня к человеку, о котором я ровным счетом ничего не знаю. К темному магу, которого моя шайнарская суть должна отталкивать, а вместо этого только и делает, что вспоминает... и тоскует, и все чего-то ждет.

И что это меняет?

Я молча положила руки на стол. Браслеты сверкнули быстрыми белыми искрами.

— Сними.

Князь выпрямился, но сдержался и промолчал. Да, я прекрасно видела в его глазах все оставшееся невысказанным — окружающий меня щит выше всяких похвал. И на его создание затрачена куча энергии, и он обеспечивает безопасность объекта (то есть меня) лучше всех других существующих на свете щитов. Куда лучше, чем живая охрана из воинов и магов. И если князь требует собирать вещи, наверное, мне угрожает опасность. Так что совсем не время капризничать и требовать убрать защиту. Это просто глупо.

Все это без труда читалось в его глазах.

— Сними, — повторила я.

Он вздохнул и молча обхватил пальцами мои запястья. На секунду кожу охватила острая боль, будто вокруг обернулось нечто колючее. Князь быстро убрал руки и тонкое серебро осталось лежать на исцарапанной и потрескавшейся от сырости и времени столешнице. По ней можно описать

все мое детство. К примеру, вот эту глубокую борозду я проделала в семь лет ножом, когда училась чистить рыбу.

Впервые за сколько лет я свободна? Не хотелось тратить лишнее время на подсчеты, я поднялась с лавки и почти бегом выбежала из дома.

Я не была свободной с того самого момента, как меня обнял пан Акуила, чем не столько напугал, сколько удивил.

Оказавшись на улице, я села на корточки прямо на краю деревянного настила, разглядывая выбивающуюся из-под его края густую траву. Так... какая же?

— Ула, — скрип досок за спиной. — Нам нужно уезжать. Пожалуйста, собирайся.

Вот этот! Болотная метелка. Я сорвала пушистый венчик, окруженный круглыми сморщенными листочками.

— Нам надо торопиться...

Я сжала метелку в кулаке. Течение запертой внутри щита силы — процесс хаотичный и бессмысленный, а для создания омниума нужно вспомнить, как направлять энергию в определенное место. Наверное, после длительного перерыва придется долго тренироваться, возвращая былой навык.

Пальцы окутал беловатый сверкающий туман. Когда он схлынул, в руке осталась серебристое украшение, похожее на фонтан с застывшей по время движения водой.

Получилось! У меня получилось!

— Ула! — голос приобрел настойчивость. — Собирайся прямо сейчас. Прости, но иначе мне придется увезти тебя как есть, без вещей.

Я резко обернулась. Вот как... Уже перешел к угрозам? Так быстро?

— С чего ты решил, что я куда-то с тобой поеду? — зло поинтересовалась я. Мы стояли друг напротив друга и нас разделяло всего несколько старых досок настила. Очень символично, впереди их шесть и позади, я даже специально оглянулась — тоже ровно шесть. То есть я посередине. Была. За подобный тон я сделала шаг назад. Еще несколько ошибок и я отойду от него достаточно далеко, чтобы суметь отвернуться и отправиться дальше своей дорогой.

Пока я раздумывала о том, как удачно попались на глаза эти доски, чем неожиданно помогли установить некоторые правила нашего дальнейшего общения, Янош подошел и крепко сжимая мое плечо, развернул меня лицом к деревне. Плечо словно само собой дернулось и тут же освободилось от его захвата, но я даже спиной чувствовала, что Янош стоит слишком близко, отчего все мое спокойствие трещало по швам и

грозило с грохотом развалиться на части.

— Видишь эти дома? Людей? — сказал князь и не дожидаясь ответа, продолжил. — Сюда идут королевские войска. Нам нужно поспешить, потому что... если они сюда доберутся, всего этого... всех этих людей скорее всего больше не будет. Дома сгорят.

После всего пережитого я поверила ему с первого слова. И словно увидела над низкими хижинами отблеск бешеного тысячеликого пожара.

— Они едут за мной?

— Да.

— Но... они ведь все равно приедут?

— Нет. Мы проедем возле развилки на столицу, в том городке есть следящие осведомители. Мы попадемся им на глаза, к тому времени, как они разгадают наши личности, мы будем далеко, а войска повернут вслед за нами. Сюда идти отряду смысла уже не будет.

Так вот почему он здесь... Хочет вернуть долг? Спасти мне жизнь, которой между прочим ничего бы и не угрожало, если бы князь снова не появился на моем пути. Совесть мучит?

Янош стоял бледный, смотрел почти устало.

— Пожалуйста.

Собственно, спрашивать лишний раз меня не нужно. И да, я сразу представила возможные последствия своего упрямства, потому что вполне могла допустить, что королевские войска не оставят тут камня на камне только потому, что в деревне приютили сбежавшую из-под стражи заключенную, пусть даже без злого умысла.

Как они, кстати, узнали? Впрочем, проще простого. Ведь я вернулась туда, откуда родом и любой сыщик первым делом предположил бы подобное развитие событий.

Вещей, как оказалось, у меня никаких и не было. Дорожный костюм, в котором я так и ходила все время, гребешок, отданный в пользование месте с посудой и другими мелочами соседями, пара одеял. От бабушки ничего не осталось. Не могла же я взять на память кусок печки, разукрашенный ею собственноручно или один из пучков травы, все еще висящих под потолком?

Поняв, что собирать нечего я остановилась у стола и Янош который все это время стоял за порогом и заглядывал внутрь, вдруг отвернулся. Тоже понял.

Никто меня здесь не держал. Ничего не держало — бабушки не стало. Друзья детства выросли и превратились в совершенно посторонних взрослых людей со своими интересами и проблемами. Даже небо давно

дарило свой нежный сказочный свет не мне, а другим, более подходящим возрастом и уровнем доверия детям.

Перед выходом из дома я оставила омниум на столе. Изящное серебристое украшение, такое же чужое здесь, как и я сама.

— У меня нет лошади, — сказала я, когда Янош осторожно прикрывал за нами дверь. Вернее, ставил ее на место, потому что так просто в косяк она не помещалась.

— Хорошо, все равно придется скакать на моей, так нужно для скорости.

Он на секунду замялся, будто хотел сказать что-то утешительное, но я всем своим отсутствующим видом показала, насколько мне не хочется ничего слышать, так что Янош просто отвернулся и стремительно направился к той дороге, что с левой стороны от деревни. Я молча пошла за ним, почему-то думая о том, что это скрип под ногами наверное никогда больше не услышу.

Там где настил переходил в грунтовую дорогу, у жухлой травы обнаружился огромный, густо покрытый пылью жеребец. Совершенно черный, высокий, но не это казалось подозрительным. Дело в том, что он стоял на одном месте, понунив голову и совершенно не шевелился. Не помахивал хвостом, не стриг ушами, не тянулся за травой. Сваленная сосульками грива висела безжизненно, как старая мочалка.

Я бы не решилась подойти к такому подозрительному животному, больше похожему на чучело, но Янош залетел ему на спину, а потом наклонился и подхватил меня под руки, усаживая перед собой.

Жеребец, похоже, почти не дышал, но кожа на шее на ощупь оказалась теплой.

— Держись, — сказал князь на ухо и через секунду нас дернуло вперед, а потом мы понеслись по дороге очень-очень быстро. Дробный стук копыт летел впереди, а преследовало нас облако плотной дорожной пыли, которая, как известно, настолько мельче и прилипчивей обычной, что способна проникнуть сквозь слои любой самой плотной ткани и пробраться сквозь любую бумажную упаковку.

Некоторое время я ждала. Мне казалось, ни одна лошадь не способна долго двигаться в подобном темпе, но шли минуты, солнце поднялось и зависло прямо над головой, а животное как ни в чем не бывало перебирало копытами и дышало так же неторопливо.

Потом я поняла.

— Это ты делаешь? — спросила Яноша, совсем чуть-чуть повернув голову, чтобы только услышать ответ.

— Да.

И мы снова замолчали. Янош ничего не говорил, но когда я пару раз оборачивалась, его лицо выглядело очень сосредоточенным. Похоже то, как он заставлял жеребца двигаться, требовало полной концентрации внимания.

К обеду я устала. Янош молча гнал вперед, а я уже давно отбила себе все, что только можно было отбить при подобной скачке.

— Мне нужно отдохнуть, — крикнула я через плечо.

Князь молча свернул с дороги в лес. Пока я ходила кругами, пытаюсь размять затекшие мышцы, Янош неподвижно стоял возле такого же неподвижного коня и не отрываясь следил за моими перемещениями. У него был такой взгляд, будто я единственный источник света в полной темноте и отвернуться значит его окончательно потерять.

Позже мы остановились еще раз перекусить. У меня еды не было, так что пришлось не выделяться и брать хлеб с печеным мясом, которые Янош достал из своей сумки. На десерт он мне выдал яблоко, которое я пыталась скормить нашему средству передвижения. Впервые в жизни я видела лошадь, которая никак не отреагировала на сунутое под нос лакомство.

Янош молча отвел глаза, а я не стала ничего спрашивать.

После обеда, когда мы остановились в третий раз, я прохаживалась по очередной вытоптанной путниками полянке под конвоем внимательных глаз и наконец не сдержалась.

У меня не было выхода, кроме как послушно следовать за князем, но это так раздражало!

— Чего ты хочешь? Зачем вообще приехал? Куда ты меня везешь?

Его глаза распахнулись, будто перед ними предстало нечто удивительное — например, крепкие городские стены вдруг взяли да и осыпались мелким песком, погребая под собой все, что находилось поблизости.

— Ты знаешь, — тихо сказал Янош.

— Я не знаю!

— Мне нужно твое прощение.

— Я давно тебя простила и ни о чем не жалею!

— Н-не такое, — упрямо качнул головой он.

Ах, нас еще и не любое прощение устраивает? Он еще собирается перебирать?

— Куда мы едем?

Янош быстро облизнулся. Если бы передо мной стоял не сам

Асмаиловый князь, я бы сказала, что он нервничает.

— Сейчас я хочу увезти тебя подальше, чтобы королевский совет до тебя не добрался. Самое безопасное место — замок, но ехать придется не напрямик, а зигзагом, потому что иначе мы столкнемся с преследователями нос к носу.

Я не стала слушать ничего, кроме одного слова.

— Замок? Ты везешь меня обратно в замок?

На секунду он смешался.

— Я не знаю других настолько же безопасных мест.

— Но я не хочу возвращаться в твой замок!

— Ула, это единственное безопасное место!

— А если... — я непроизвольно металась перед ним, как будто меня привязали и я физически не могу далеко отойти. — Если я уеду одна, ведь на мне больше нет браслетов, так что меня не найдут. А ты поедешь дальше в свой замок? Тебе же самому так проще и безопаснее.

В этот момент я врезалась в его руку, выставленную вперед, прямо перед моими плечами.

— Нет! Это слишком опасно! Тебя могут убить!

— Может... может и к лучшему? — я отводила от его руки взгляд, пока не задрала голову настолько, что увидела раскинувшееся над головой холодное осеннее небо. Не то чтобы мне не терпелось на тот свет, но ведь все равно рано или поздно все умрем?

Плечо сжали так, что я охнула.

— Нет! Ты не уйдешь! — почти прорычал Янош.

— Еще шаг назад, — прошептала я.

— Какой шаг?

— Осталось четыре, — говорила я небу. — Еще четыре шага назад и я отойду от тебя так далеко, что никогда не вернусь. Еще четыре... подобных поступка и ты меня больше не увидишь, можешь поверить.

Он недовольно засопел, но руку тут же опустил.

— А... ко мне сколько шагов?

Я пожала плечами.

— Не знаю... Много. Восемь, наверное. Не меньше...

Он собрался и выпрямился, развернул плечи.

— Ула... Послушай меня. Мне кажется, ты... Ладно, не так. Нам нужно сбить со следа погоню. Когда мы от нее уйдем, то решим, куда двигаться дальше, хорошо? И ты скажешь... если у меня шанс. И я не стану тебя больше заставлять... ничего. Слышишь? Никогда не стану! Но сейчас, сейчас мне нужно, чтобы ты просто послушалась и... Просто сделай, как я

прошу. Слышишь?

— Ты запомнишь, что у тебя всего четыре шага?

Губы Яноша дернулись, но так и не сложились в улыбку.

— Можешь не сомневаться, я уже запомнил это так крепко, будто мне на лбу каленым железом выжгли напоминание.

Я кивнула. Хорошо.

— Сколько нужно времени, чтобы оторваться от погони?

— Немного. Думаю, сутки. Если сохраним прежний темп, завтра к вечеру мы будем достаточно далеко.

— Мне... я даже не знаю, о чем с тобой говорить. Как общаться. Что...

— Ула, — он склонился ниже. — Ула..

Я насторожено отступила в сторону от него и от его голоса, слишком призывного, чтобы сделать вид, что я ничего не слышу.

— Ты даже не представляешь, как я боялся к тебе ехать, — он глубоко вздохнул. — Не помню, когда я так чего-то боялся в последний раз.

Потом его глаза затуманились, видимо, воспоминаниями о всяких ужасах. Войны круоргов, их сила, кровь... Янош моргнул, отгоняя наваждение.

— Как только ты захочешь, мы поговорим.

— А если вообще не захочу?

— Как скажешь, — смотря куда-то мимо, ответил Янош.

Спорить желания никакого не было.

— Хорошо, поехали.

И дорога продолжилась. Мимо мелькали деревья и отходящие в стороны волнистые полосы дорог. Люди и обозы проносились так быстро, что я не успевала разглядеть лиц.

На такой скорости завтра мы будем так далеко, что несколько дней можно хоть пешком прогуливаться — никто не найдет. Только что потом? Все заново?

Янош молчал, видимо не только потому, что не знал, о чем говорить. Управление лошадью полностью завладело его вниманием.

Зато у меня было предостаточно времени, чтобы хорошенько подумать.

Что я делаю? Именно сейчас — бегу от королевских воинов, которые должны защищать меня от угрозы, а на деле эту самую угрозу создают.

Бегу куда? Еще неясно, да и не стоит пока думать, выбора как такового в данный момент нет.

И главное... с кем?

Когда-то объяснить Яношу правду было главным моим желанием. А

сейчас? Что изменилось?

Первым делом я. Наверное, я просто устала... устала заставляя себя не вспоминать о нем целых четыре года. Устала слепо не замечать его угрозы и пренебрежение, когда попала в замок. Не думать о Фионе, которая вместе с ним спит. И главное — устала искать в человеке, который находится сейчас позади, остатки того единственного безумно любимого мною мужчины.

Или есть еще что-то? Например, вдруг он приехал за мной не только потому, что совет требовала отплатить за свое спасение, ответив тем же? Что если... он приехал за мной, потому что тоже до сих пор обо мне думает? Хотя и думать можно по-разному. Это может быть просто желание получить нечто ранее недоступное. Получить что-то не ради результата, а просто ради процесса, чтобы наконец поставить галочку, вычеркнуть из памяти и забыть?

В конце концов я запуталась так сильно, что уже толком ничего не соображала. Кроме одного — я не знала, что за человек сейчас за моей спиной и что на самом деле ему от меня нужно.

Но зато я столкнулась еще с одной совершенно неожиданной неприятностью — несмотря на все произошедшее, какой-то внутренний голос, видимо чистокровная женская наивность подначивала и заговорщицки, как заправская сплетница, шептала на ухо, что только этот человек способен сделать меня счастливой.

И закрываться от пронизывающих хуже ледяного ветра слов было невероятно трудно.

Вокруг стемнело и дорога была совсем пустой, когда вдали показались огоньки. Очередная деревня. Я наделась, что мы наконец остановимся там на ночлег и даже хотела спросить о дальнейших планах у Яноша, но вдруг жеребец споткнулся и через секунду меня просто вынесло из седла и швырнуло на дорогу. Упасть я не успела, так как рядом прыгнул Янош, удерживая меня за локоть, а вот конь, перевернувшись чуть ли не через голову, упал на обочину и замер. Мы подошли вплотную — он тяжело дышал, но не шевелился и встать не пытался.

Янош присел, снял вещевой мешок, который был приделан с этой стороны. С другого бока, который сейчас оказался прижатым к земле, остались продукты, но видимо Яноша потеря продуктов не особо заботила.

Он еще раз окинул взглядом коня и повернулся ко мне, отбросил мешок в сторону на траву. Пошевелил плечами, разминая мышцы.

— Ула, теперь иди по дороге к деревне. Скоро я тебя догоню. Ничего не бойся, тут вполне безопасно, да и я хорошо вижу в темноте и не потеряю

тебя из виду.

Я молча посмотрела в сторону огоньков. Далековато, но зато прогуляться по такой погоде после подобной поездки просто сплошное удовольствие!

— И еще... — он на секунду замялся и упрямо уставившись мне в глаза, уверенно добавил. — Ни за что не оборачивайся... Слышишь? Не вздумай оглядываться!

Почти в полной темноте груди у его ног казалось просто большим холмом. Но пока еще живым. И полным крови.

Неожиданно я поняла.

— Ты... — горло перехватило, я смотрела на жеребца, который закрыл глаза и практически не дышал, а его бока вздрагивали, как от лихорадки.

— Он все равно погибнет. Потому что давно уже двигается только на принуждении, не чувствуя усталости и боли. Он был обречен с самого начала. Это плата за скорость. Но и мне нужно восстанавливать силы, а возможностей восстановить их по дороге не так много. Так что пожалуйста... иди и не оглядывайся.

Я заторможено развернулась в сторону деревни.

— Ула, — неожиданно позвал Янош. Я оглянулась, удивляясь, зачем звать, если сам приказал не смотреть? Да и мне, честно говоря, не особо хотелось знать, что произойдет и как он собирается забирать у лошади силу.

— Сейчас... Когда ты узнала, что я сделаю, ты отступила еще на шаг назад?

Я не ожидала увидеть в его глазах такой горечи. Шаг назад? Хороший вопрос, я посмотрела на молодого и вчера ее совершенно здорового жеребца, которого Янош уже убил. Раньше, чем он испустил дух.

Но может только поэтому мы еще живы и относительно свободны?

Почему-то вспомнился Габрис и его фальшивый скучающий голос.

— Какое расточительство, — говорил он, растягивая гласные. — Когда кровь вытекает из тела напрасно и рядом нет никого способного использовать уходящую впустую силу.

— Нет, — не совсем уверенно выдавила я и, чтобы не передумать, отвернулась и быстро пошла по дороге. Все быстрее и быстрее, пока не сорвалась на бег. Почему-то мне казалось, что вот-вот за спиной раздадутся дикие вопли и меня с головой окатит еще дымящейся густой кровью. Но никаких звуков, ни ужасных, ни обычных, не доносилось, а кровь, естественно на таком расстоянии до меня долететь никак не могла.

Янош догнал меня почти у входа в деревню. Молча пошел рядом,

смотря прямо перед собой.

Через несколько секунд я остановилась, непроизвольно вдыхая полной грудью.

Он остановился чуть дальше, неуверенно посматривая на меня из-под ресниц.

И этот запах. Сладковатый запах крови. Похожий на тот, которым на празднике пропахла вся арена и трибуны. Но честно говоря отвращения не было, просто немного нервировало понимание того, чем именно вокруг пахнет.

— От тебя пахнет кровью, — объяснила я. И подумала, что на самом деле этот запах ему идет, отлично смешиваясь и оттеняя запах его кожи.

Странно даже. Я правда так думаю или просто готова оправдать что угодно, лишь бы убедить себя, что за несколько последних лет ровным счетом ничего не изменилось? Что рядом Янош, а темнота в его глазах прячется только оттого, что вокруг слишком мало света?

— Я никогда не смогу измениться и стать прежним, — не поднимая головы, сказал Янош.

Я знаю. О мать всех Звезд, я знаю это чуть ли лучше его самого! Осталась такая ерунда — взять и с этим смириться.

— Не страшно. Знаешь ли, я тоже теперь не смогу вернуться к своей прежней розовой наивности.

— Разве ты когда-нибудь была наивной?

— А как же... Например, до суда я была совершенно точно уверена, что любовь способна победить все. Преодолеть любое препятствие. Жить вечно.

Не знаю, что я такого сказала, но у него лицо стало удивительно потерянным, будто я его исподтишка ударила.

Когда тебя окружает пустота, почему-то очень сложно найти слова, которые утешают и обнадеживают. Особенно для человека, которого долгое время пыталась отгородить от себя самой высоким забором и убедить, что мы останемся по разные стороны навечно. Я молча пошла дальше, а Янош плелся следом, даже не пытаясь обогнать. Только показывал, где свернуть, чтобы пройти к трактиру.

У входа в типичное здание придорожной таверны я остановилась.

— Нам безопасно здесь ночевать?

— Да, — ответил Янош, но перед ответом наблюдалась заминка, пусть и секундная, но я заметила. Но не спорить же? Я вошла в пустой зал, полный запахов горячей еды, там за стойкой скучал тучный бармен — он же хозяин этого заведения. Пока Янош договаривался о комнатах, я стола

поодаль и смотрела ему в спину.

Трактирщик Яноша не испугался — видимо покрывающая его глаза сила настолько плотная, что просто замаскировала их и незнакомый с ним ранее человек был уверен, что его глаза от природы черные.

Янош вернулся с двум ключами в руках. Протянул мне один.

— Третий номер. Там есть полотенце и халат. Что тебе нужно еще?

— Ничего.

И я сразу отправилась спать, так как аппетита не было и ужинать совершенно не хотелось. И Янош даже не пытался меня удержать и убедить, что нужно поесть и набраться сил. Видимо понял, что это пустая трата времени.

А в остальном... Сегодня я не хотела больше ничего знать и ни о чем говорить.

Комната оказалась совершенно безликой и слишком темной. Побуревшее от времени дерево, посеревшая известка на потолке, хоть кровать мягкая и белье совершенно новое и свежее.

Я провалилась в сон так легко и быстро, словно и не было сегодня никакого Яноша, чья комната наверняка находится где-то по соседству. Так близко...

Утром меня никто не будил. Хотя может просто еще рано, рассвет только разлился по небу и розового вокруг было куда больше, чем серого, а так происходит только когда рождается новый день.

Я оделась и отворила дверь.

В коридоре, напротив моей двери прямо на полу сидел Янош. В прежней одежде и еще более небритый. Он опирался спиной на стену, а рукой — на согнутую в колене ногу. На звук шагов устало поднял голову. Надо же... такие темные тени вокруг глаз бывают только у людей, которые долго обходились без сна.

Он просидел тут если и не всю ночь, то большую ее часть. Наверное поэтому мне так хорошо и спокойно спалось. Получается, не так уж и безопасно было ночевать в таверне? Янош легко мог бы заставить меня ночевать в лесу... Но дал выспаться по-человечески, заплатив при этом свою цену, судя по опухшим глазам, немалую. И сейчас, пойманный с поличным, не пытался строить из себя гордеца, которому хочется показать, что он тут просто мимо проходил и случайно присел отдохнуть. Янош просто тяжело поднялся на ноги и снова привалился спиной к стене.

Я ничего ему не сказала.

Но зато сделала первый шаг вперед.

На завтрак мы получили молочную пшеничную кашу, грубый, но горячий хлеб с чересчур соленым сыром и чай.

Как только все это великолепие оказалось на столе прямо перед моим носом, я сразу поняла, что съем все до последней крошки!

Не знаю, как не обожглась первой же ложкой. В любом случае, саднящий язык меня не остановил.

Когда первые, сильнейшие приступы голода немного утихли, я увидела, что Янош покусывает губу, словно старается сдержать смех и вообще выглядит подозрительно довольным.

Пришлось вспомнить, что я вроде как нахожусь в обществе, да не абы каком, а в присутствии князя, так что пришлось припомнить правила поведения за столом и дальше есть так, будто я делаю это с большой неохотой, только из крайней необходимости.

Кстати, насчет общества — считается ли общество Яноша благопристойным? Он ведь князь, значит, сомнений нет. Но... он ведь круорг? Значит, сомнения есть!

Я прикрылась кружкой, чтобы он не видел моей улыбки.

— Ула... Нам надо поговорить. О нас.

Сказано было очень серьезно. Прикрывать кружкой тут же стало нечего. Действительно, надо, только я совсем не знала, как.

— Вначале нужно разобраться с преследованием.

— Согласен. К вечеру, если не случится ничего непредвиденного, мы от них уйдем. Доберемся до одного городка... Там хорошо. Там же купим тебе все необходимое, Можно и здесь, но лучше не тратить времени. Подождешь до вечера?

Я молча кивнула. Мне и правда нужна какая-нибудь сменная одежда, более подходящая обувь, плотный плащ, так что придется идти к портному, несмотря на то, что совсем не до покупок. Я и раньше-то не особо любила расхаживать по лавкам и пялиться на витрины, а потом как-то не стало ни возможности, ни денег.

— Вот, — он вдруг протянул руку и на стол лег мешочек с монетами. Да-да, точно такой же, как лежал у меня в кармане. — Пусть у тебя будут. Они твои.

Ну понятно, Габрис вряд ли настолько богат, чтобы за красивые глазки отвалить мне целую кучу денег. Значит, просто отдал то, что было выдано

князем на дорожные нужды.

— Спасибо, не надо. У меня есть, — сообщила я, впрочем, не уточняя, что лежащие в моем кармане монеты тоже принадлежат ему.

— Откуда?

Говорит, откуда я понятное дело не собиралась. К его чести, повторных вопросов не последовало. Да и некогда было заниматься мелочами, ведь в королевских землях происходило столько всего важного. Кстати, а что именно?

— Расскажи, что случилось в замке Жоста... и вообще что случилось после того, как меня увезли, — попросила я. До деревни доходили слухи о передвижении отрядов круоргов, за которыми, естественно оставались пустые выжженные земли и только королевские войска смогли их припугнуть и заставить вернуться в горы. Но для меня все это звучало так же правдиво, как страшилки, которыми пугают детей, чтобы те не ходили одни гулять в лес или купаться на озеро с вертунами.

— Что случилось... — про деньги он тут же забыл. Рассеяно посмотрел по сторонам. — А что могло случиться? Мы подавили бунт на побережье, — с отсутствующим видом сообщил. Таким пустым голосом, будто сказал что-то несущественное, а значит, задевало это его немало.

— Вот как...

Признаться, я немного растерялась. Почему-то казалось, что круорги ни за что не поддадутся на требования совета, что они скорее организуют новый бунт, чем станут подавлять тот, на побережье.

— Потом совет потребовал отбить у шайнар кусок речной зоны возле целебных источников и охранять его столько времени, сколько понадобится, пока шайнары не подпишут официальный отказ от этих земель. Там... мирно живут вместе и люди, и шайнары. Зарабатывают на отдыхающих. Чем больше людей приезжает с обеих сторон реки, тем всем выгоднее... Не знаю, о чем король думает. Наверное, просто хочет убедиться в моей покорности...

— Вы согласились? — почти с ужасом спросила я, стоило только представить, как в мирные, расслаблено развалившиеся у реки городки прикатит волна круоргов и камня на камне не оставит.

— Нет, — Янош отвернулся и принялся осматривать пустой зал. — К тому времени я уже знал, что тебя у них нет.

Уточнять, по какой причине он поддался на угрозы и ввязался в бунт на побережье, я не стала. Не хочу знать точно, что из-за меня. Сколько людей там погибло? Голодный бунт... Погибло из-за меня?

— Слушай, я не понимаю... Почему они меня не отпускали? Неужели

собирались держать взаперти постоянно? На что они рассчитывали? Пользоваться моим именем, пока получается, а потом, после меня, захватить в заложники кого-нибудь еще? — я фыркнула, представив всю величину глупости королевских советников. Легко смеяться над ними теперь, находясь далеко-далеко, да еще в обществе темного князя.

— Может... Дать понять, что при желании они всегда найдут точку давления? Хотя лично я думаю, они попробовали бы тебя завербовать.

— Меня? — изумилась я. После всего происшедшего?! Завербовать? Вот уж бред!

— Королевский совет бывает очень убедительным, — задумчиво сообщил Янош. — Тебе ли не знать.

Да уж, мне ли не знать. Хорошо сказано.

— И что будет теперь?

Он смотрел прямо, даже не пытаясь отвести глаз или смягчить выражение лица улыбкой. Я уже привыкла к подобному честному взгляду, значит, скажет правду.

— Ничего не будет...

— Совсем ничего?

— Совсем. Я не собираюсь больше следовать приказам совета. И больше они меня не заставят.

— А за бунт? И ты... не станешь мстить, что вас уже один раз заставили? Отвечать ударом на удар? Круорги ведь...

Он внезапно взвился на ноги, выпрямился, а потом наклонился, тяжело упираясь руками в стол.

— Мстить? Ула, ты понимаешь, что говоришь? Ты мне предлагаешь сейчас что сделать? Захватывать в плен семьи членов совета? Женщин и детей? Пугать их до полусмерти... Или может убивать? Просто взять и опуститься до их уровня? Стать таким же?

— Я ничего такого не предлагала! — запротестовала я. Страшно было смотреть, как мгновенно он завелся. — Просто... разве не этого от тебя все ждуют?

Янош оглянулся на бармена, который пытался прислушаться к нашему разговору. Вероятно, безуспешно, иначе его лицо вряд ли бы сохранило это постное выражение.

— Если я сейчас отвечу силой, дело дойдет до внутренней войны. Погибнет много людей... Ты помнишь Габриса, правда? У меня таких учеников около трех десятков. Они все умрут, если будет война.

Я заглядывала в его лицо снизу и понимала, что последствия войны Янош видел сейчас так ясно, будто они случились наяву.

— Не говоря уже о воинах короля... Об обычных солдатах низкого ранга и молодых магах. Которых погибнет куда больше, чем круоргов... Которых погонят на нас просто как пушечное мясо!

Хорошо, что я успела поесть, потому что теперь аппетит стремительно трансформировался в тошноту.

— Ула... Понимаешь, — он нагнулся чуть ближе. Помедлил, а потом вновь уселся на стул, уверенно, но слишком неторопливо, будто двигался не живой человек, а огромная деревянная кукла. — Раньше... Когда все это только начиналось, мне было все равно. Несколько лет назад я... просто искал силу. Настоящую силу, без ограничений, которая ничему и никому не подчиняется. И кроме темной магии ничего не нашел. У меня был знакомый круорг, мы сталкивались иногда по служебным делам. Учитель помогал уничтожать безумцев, которые в жажде крови теряли рассудок и вождели рек крови, которую понятное дело оставалось всего лишь извлечь из тел проживающих поблизости крестьян. Я приехал прямо к нему и заявил, что собираюсь стать круоргом. Думал, он будет меня отговаривать и когда он сразу согласился меня обучать, я решил, что это очередное доказательство того, что избежать пути отщепенца мне не суждено. Я был уверен, что он... что он при посвящении убьет человека, по горам часто шатаются беглые каторжане и круоргу ничего не стоит поймать парочку для своих надобностей. Я... не знал, действительно ли я позволю учителю это сделать... Убить живого. Не остановлю ли в последний момент? Но он знаешь что сделал? Поймал волка. Огромного зубастого волка, которому потом перерезал глотку. Тогда я понял, что черная магия не является априори противоестественной человеку, как все считают. Что это просто вид силы, основанной на существовании других существ и смерть всего лишь малая ее часть. Подобно любому другому виду магии, темную можно использовать по-разному. Как кухонный нож — можно нарезать им овощи на суп, а можно воткнуть в живот человеку. И все равно... вначале это была игра. Даже когда приходилось встречаться с другими. С Габрисом. Знаешь, как я его нашел? Пришел к его хозяину, говорили, он знает один способ... Неважно. Я просто думал узнать кое-что новое. А потом увидел... его. Почему-то старые круорги любили заводить себе таких подростков. Ученики, как они их называли. Но поверь, Ула, к ученичеству эти люди никакого отношения не имели. Знаешь, как круорги могут получать силу? Кровь, это знаешь. А как отбирают? Через боль.

Я с трудом заставила себя не отворачиваться. Я должна знать все!

— Габрис не первый увиденный мною «ученик». Но никогда раньше я не видел, чтобы они находились так близко к смерти. Он представлял собой

скелет, покрытый незаживающими ранами... Ты не видела его без одежды? Надеюсь, нет, — Янош невесело усмехнулся. — На его спину без предварительной подготовки лучше не смотреть.

— Может и зря я позавтракала... Знала бы, что за разговор грядет — ни крошки в рот бы не взяла.

— Я убил этого мага. Напал без предупреждения, потому что это был единственный шанс и сам тогда чуть не погиб, он был очень силен. Тогда и родилась план — создать закрытый круг круоргов, контролируемый изнутри. Но не силами совета, которому на круоргов начхать, пока они не претендуют на власть, а нечто вроде единого общества, что смогло бы следить за поведением своих участников, устанавливая рамки пользования темной магией и даже устранять вышедших из-под контроля. Мы даже создали Кровавый кодекс, как ни комично звучит. И каждый из моих людей четко его придерживается.

Его глаза вдруг полыхнули и прикрылись ресницами. Меня будто в разные стороны растягивали — не получалось решить, что делать — то ли наслаждаться звучанием его голоса, то ли ужасаться смыслу сказанных им слов.

— Сейчас я расскажу тебе один секрет, о котором знают только избранные круорги.

Не знаю, хотелось ли мне слышать их жуткие тайны, но я уже продвинулась так далеко, что отступать было поздно.

— Существует еще один процесс, который приносит силы ничуть не меньше, чем смерть человека. Это... рождение.

Чего-о? Надеюсь, челюсть моя не очень сильно отвалилась. Он о чем?

— Нет, — Янош улыбнулся куда-то в сторону. — Я не видел, как рождаются люди. Это были лошади, собаки, свиньи. Рождение живого существа приносит не меньше силы, чем его смерть. Понимаешь, что это значит? Получается, все дело только в том, кто эту силу берет и для чего использует!

Секрет действительно звучал впечатляюще. Рождение?

— Ты не думай, — он опять поскучнел. — Я не такой уж положительный герой. Когда на находящиеся под моей защитой деревни нападают, я убиваю нападающих. Разбойники, беглые каторжники, зарвавшиеся от своей безнаказанности солдаты. Они все умирают.

Пришлось пока забыть про рождение и переключиться на новую информацию. Конечно, ее многовато, зато вся как на подбор высшего качества. Хм. Это, похоже, ирония такая во мне просыпается.

— Никто не может решать, кто заслуживает жизни, а кто нет! —

машинально сообщила я.

— Может и так, — он не стал спорить. — Но я решаю.

И снова пришлось молчать.

— Потом, — Янош, наконец, немного расслабился и откинулся на спинку. — Когда нас стало много, было решено на практике объединить круоргов в целое, организовать их. С одной стороны это опасно — могло случиться то, что собственно и случилось — нас взялись контролировать, не считаясь со временем и силами. Но зато мы внутренне настолько обезопасились от «учителей», что их появление практически невозможно. Всплеск темной силы будет найден и если появится круорг с нестерпимой жаждой, опасный для людей, мы его нейтрализуем. Не только из доброты душевной, но и ради его силы.

— И что дальше?

— Все это было только игрой, — уверено продолжил он. — Когда... Недавно, после бунта я думал, что в любой момент могу легко и просто весь этот спектакль завершить. Даже план сложился — достаточно всего лишь состряпать несчастный случай, в котором князь Тлена погибнет, бросить все и просто уехать к тебе. Забыть про замок этот, круоргов... будто ничего не бывало, уехать куда-то в глушь, подальше от столицы, совета и борьбы за власть. Это было бы неплохо.

Я непроизвольно улыбнулась. И правда, звучит неплохо.

— И что?

— Ула... — он посмотрел прямо, тоскливо и даже как-то обреченно. — Дело в том, что если я самоустранюсь, совет примется за того, кто меня заменит. Он не оставит круоргов в покое, а я знаю всех, кто попытается занять мое место. У них нет шансов продержаться долго и относительно бескровно. Слишком много людей... умрет. И как бы мне не хотелось сейчас все бросить и просто уйти, на моем попечении находится слишком много живых существ, понимаешь? И не только круоргов и учеников. Это еще одна причина, по которой я должен вернуться в замок. Я просто не могу их бросить. Хотелось бы, чтобы ты смогла меня понять.

Не знаю, насколько я понимала. Вернее, понять-то несложно, но ведь это значило, что мимо замка нам в любом случае не проехать. Не самая лучшая новость.

— Наверное, если ты откажешься возвращаться, я их брошу, — вдруг сказал Янош и замолчал, словно ожидая ответа.

Отлично просто! Хороший выход — снять с себя вину и быстренько повесить ее другому на шею. Я хмыкнула. Но... Габрис. И Роксана. Лешик. Они все попадут под раздачу. Стоит ли того очередная мифическая

свобода? Вернее, чего стоит свобода, купленная за счет совести, которая будет преследовать меня остаток всей моей жизни?

Я молча уткнулась лицом в ладони. Почему подобное валиться на плечи мне, до смерти уставшему человеку, который никогда не хотел ни денег, ни власти, ни славы? Почему звезды не выбрали какую-нибудь сильную и энергичную девушку из тех, что переступают через любое препятствие и не оглядываясь, спокойно идут дальше?

— Не переживай, — тихо сказал Янош. — Я тебе помогу. Я буду рядом. Со временем все наладится. Все решится.

— Но как все решится? Что помешает совету продолжать в том же духе? Постоянно, не давая ни малейшей передышки?

Меня прямо передернуло, стоило только представить такую жизнь. Наверное, проще сразу в петлю. Или с башни замка головой вниз... Тоже симпатичный вариант.

— Есть выход! Совет оставит нас в покое. Мы от них... откупимся.

Получилось удивиться в очередной раз, хотя стоило уже привыкнуть.

— Как?

Янош говорил очень мягко. Видимо, ему было меня жаль. Мне, кстати, тоже было очень себя жаль.

— Щит, который был на тебе. Это не первая моя проба, конечно. Я могу создавать подобные щиты в виде защищающего хозяина амулета, привязывая к определенному предмету. То есть могу обеспечить защитой членов королевской семьи и совета.

— И что это даст? Только усилит их и все!

— Ну и мы не лыком шиты, — улыбнулся он. — Во-первых, сила щита будет куда меньше возможного, но главное — он будет требовать частой перезарядки. Верхушка, которая считает себя избранными, всегда трясется за свои жизни. Если дать им то, чего они желают — относительную безопасность, они, пожалуй, закроют глаза даже на наши мнимые бесчинства.

Я подумала.

— Неплохое решение, — почти вынужденно призналась.

— Не всем нравится. Но это единственный выход. Иначе война.

— Понятно.

Завтрак, как ни странно остался в желудке и даже начал усваиваться, судя по разлившейся по телу неге. А вроде всю ночь спала. В отличие от некоторых.

— Ну, нам пора, — на редкость бодро сообщил Янош. — Я купил новую лошадь. Не бойся, в этот раз она выживет.

— Хорошо, — машинально ответила я, поднимаясь. Кстати о судьбе лошади я и не волновалась. Все-таки жизнь простого животного для меня не так важна, как судьбы друзей и людей, пусть даже незнакомых.

Сегодняшний день ничем не отличался от вчерашнего, разве что я не особо сопротивлялась усталости и позволяла себе опираться на Яноша. Если бы не трясло, можно было бы с удобством спать.

В течении дня мы снова останавливались несколько раз и каждый привал проходил практически в полном молчании. Впереди разговор, которого боялись мы оба, разве что Яношу хватало упрямства настаивать на разборках независимо от своих страхов. Я бы предпочла на время забыть, но Янош, конечно же, не станет прятаться в тени и ждать, пока все решиться само собой.

Но то Янош... А я всячески старалась не думать о вечере.

До заката оставалось еще довольно много времени, когда мы приехали в этот городок. Он даже издали походил на картинку в детской книге сказок — чистый, светлый и утопающих в зеленой пене садов.

— Ластица, — громко сказал Янош и в его голосе звучал смех. — Я бывал тут несколько раз... давно. Самое мирное место во всем королевстве, тут почти не бывает убийств, сумасшедших и моровых болезней.

— Да? — я удивилась. Ладно убийства, но как они останавливают мор?

— По городской легенде Ластица построена на месте, где в древние времена Волчий бог держал украденную в деревне девушку. Он увидел ее у реки и потерял покой, но ничего лучше не придумал, кроме как держать пленницу в заколдованном доме до тех пор, пока у них не родился первенец. Потом Волчий бог широко открыл ворота и позволил ей уйти. Подарил множество драгоценных камней и золотых украшений. Говорят, стоял, понутив голову, пока она собирала вещи и просил только об одном — чтобы она никогда не рассказывала сыну о том, что совсем не любила его отца.

— Грустная какая-то история...

— Почему? — удивился Янош. — До ворот-то она не дошла. Бросила мешок на землю, развернулась и сказала, что не уйдет, пока Волчий бог не даст ей того, чего ей не хватает для счастья. Он долго думал, что это. Несколько лет мучился, пытаясь узнать. Не для того, чтобы дать, а наоборот, чтобы случайно не подарить, потому что это означало разлуку. Но когда она получила это, то первый делом сказала: «Вот теперь я не уйду от тебя никогда». С тех пор они всегда вместе. Говорят, в те ночи, когда звезды оказываются слишком близко друг от друга и сталкиваются свои силы,

отголосок боя которых достигает земли, заставляя животных тревожиться, а растения наполняя лечебной силой, в лесу можно встретить двух огромных призрачных волков. Они играют...

Сказка завораживала, как и его тон. Такой же безмятежный, как городок на горизонте.

Янош замолчал, а я вдруг возмутилась.

— И что? Ты не дорассказал. Что она хотела получить?

Янош наклонился ближе и тихо сказал мне в самое ухо:

— Дочь. Она хотела дочку.

Я молча смотрела, как приближаются светлые домики, как расползаются пышные кроны деревьев и все громче становятся звуки городской жизни.

Большинство встречных людей при виде нас улыбалось, хотя и не все. Хорошо, а то пришлось бы насторожиться — и чему же они все так радуются? Широкая утоптанная дорога вывела нас напрямик в центр, где домики с большими дворами и садами сменились городскими — двух и даже трехэтажными, из серого камня с небольшими палисадниками, огражденными низкими изгородями. Главную площадь украшала скульптура, где огромный бронзовый волк, наострив уши, смотрел куда-то в сторону, а у его плеча жалась волчица. Они выглядели такими живыми, будто просто притворились неподвижными и в любой момент сорвутся с места и бросятся бежать. Волчица смотрела так хитро, будто веселая проделка удалась.

Я до такой степени залюбовалась скульптурой, что не сразу поняла, когда лошадь остановилась возле дома с вывеской в форме женской человеческой фигуры. Дом портного.

— Не знаю, когда они закрываются, — говорил Янош, помогая мне слезть на землю. — Так что лучше сразу сходить, иначе придется до завтра ждать.

Сразу — так сразу, я сегодня практически не устала. Тем более не так уж много мне нужно, в голове уже сложился примерный перечень необходимых вещей.

— А ты сейчас куда? — спросила его, отвлекаясь от воображаемых рядов платьев и костюмов. Понизу — ботинки на шнуровке. Были у меня такие после выпуска из школы — первым делом купила. И до сих пор помню, насколько они были удобные. И модные в то время. Что модно сейчас, я и под страхом смертной казни не смогу перечислить.

— Я тебя тут подожду, — быстро ответил Янош.

Я огляделась — вон там чуть в стороне таверна стоит, совершенно

верно. Вывеску отсюда видать.

— Зачем? — удивилась я. — Ты можешь пока комнаты снять и ужин заказать. Ты, наверное, голоден?

Он отвел глаза.

— Я тут подожду.

Сама себе удивляюсь, как я раньше не поняла? Я уставилась на Яноша во все глаза.

— Ты что... боишься? Что я сбегу? — спросила. Может, показалось?

Но нет, он и правда, боялся. Хотя, конечно, протестовал.

— Нет. Просто подожду тут и все.

И он уставился на волчью пару, но похоже не видел, что рассматривает, иначе его взгляд не был бы таким равнодушным. Сама знаю, потому что при виде волков меня тянуло расплываться в идиотской довольной улыбке. Янош же смотрел, как на скучный и бесформенный кусок бронзы.

Спорить я не стала и, толкнув дверь салона, сразу вошла внутрь, где меня встретила пожилая женщина в платье необычного серо-зеленого цвета и еще более пожилой мужчина с тщательно прилизанными на макушке волосами. Эффект терялся оттого, что по бокам головы упрямые волосы торчали в разные стороны.

Я давно уже не была в подобных местах и с трудом вспоминала, что делать, но хозяйева к счастью, все сделали за меня. Пришлось только послушно следовать их указаниям — ответить на несколько вопросов и перетерпеть обмер портняжным метром. Казалось, прошло всего минут пять, а я уже выходила на улицу и вслед мне неслись жаркие уверения, что через полчаса все выбранные вещи будут запакованы и доставлены в таверну.

Янош встретил мое появление с облегчением. Неужели, правда думал, что я могу просто взять и уйти? Впрочем, откуда ему знать, что я даже варианта такого не рассматривала. Не знаю, смогу ли его оставить, даже если меня будут заставлять.

А впереди разговор...

Мы быстро поужинали и разошлись по комнатам, чтобы вымыться и отдохнуть. Когда уже темнело, я в новом дорожном костюме такого же потрясающего цвета, как платье портнихи спустилась в зал, полный жизнерадостных городских жителей и нашла Яноша в углу. Перед ним стояла кружка пива, которое он не пил, а только смотрел в нее, будто хотел разглядеть на дне нечто необыкновенное.

Он побрился, сменил куртку на тканную, хотя и прежнего покроя и

вообще так сильно походил на виденного мною в замке князя, что я на миг неуверенно остановилась.

Но откладывать бессмысленно. Когда он посмотрел в сторону лестницы, а действие выглядело почти заученным до автоматизма, я пошла вперед. Мне нужно знать... Очень нужно знать все, что Янош собирается мне сказать.

Я села рядом, потому что сидя напротив, пришлось бы постоянно смотреть ему и лицо, а это испытание не из легких. А так мы смотрели вперед, где через стол разместились большая компания, несколько человек с детьми.

Я не сомневалась, что Янош примет меры и нас никто не услышит. Моментально одна из служанок поставила передо мной толстый стеклянный стакан с фиолетовой настойкой. Черника, скорее всего. Я крепко сжала его в руке, хотя какой помощи можно ждать от посуды? — и сказала:

— Ты хотел поговорить. Я слушаю.

— О нас, — уточнил он.

— Да, я поняла.

— Хорошо, — он повернул голову ко мне, но смотрел все-таки вперед.

И замолчал. Я терпеливо ждала, но ничего не происходило.

— Так хочешь поговорить, что даже не знаешь, о чем? — спросила я, удивляясь звучащему в собственном голосе недовольству.

— Нет. Настолько хочу, что даже не могу решить, с чего начать.

— С чего угодно! Только не молчи! — почти взмолилась я.

Он с готовностью кивнул.

— Ула... Я совсем отвык от роли просителя. Так получалось, что за последние годы мне не приходилось никого ни о чем просить. Так что я просто не помню, как это делается. Но сейчас... я очень многого от тебя хочу.

— Чего?

— Для начала — чтобы ты поехала со мной в замок.

— Разве у меня есть выбор? — горько спросила я. — Ведь это единственное безопасное место, не так ли?

Он подумал.

— Пока да. Но к королю уже отправилась группа выборных с предложением перемирия, они везет амулеты для показа и договор о ненападении. Можешь мне верить, от таких подарков не отказываются, вскоре королевский совет переключиться на другие выдуманные проблемы, а нас оставит в покое. Тогда тебе нечего бояться... независимо от того, где

ты будешь жить. Но я хочу, чтобы ты осталась со мной.

— Я согласна. Я поеду с тобой в замок сейчас, а что будет потом, пока не знаю.

— Это не все, — упрямо продолжал он. — Я хочу, чтобы ты была рядом. Всегда.

Я усмехнулась. Люди так наивны, вон даже Асмаиловый князь использует слово «всегда», которое в принципе глупо использовать смертным, чьей судьбой управляют хладнокровные звезды.

— Громко сказано. Но пока я буду рядом.

— Не надо делать вид, что ты меня не понимаешь! — он подался ко мне и, приглушив голос, добавил:

— Я хочу, чтобы ты не просто была рядом. Я хочу, чтобы ты была моей.

Ну вот он и сказал... Просто взял и сказал вслух.

— Твоей женщиной? — уточнила я.

— Да.

Пальцы сами собой нервно вцепились в стакан. Хотелось залпом опрокинуть в себя содержимое, но с непривычки я бы, пожалуй, порцией такого размера сразу же напилась, а решать подобные вопросы на пьяную голову не менее глупо, чем использовать бесконечные слова.

— Я видела, как ты обращаешься со своими женщинами, — на редкость спокойно ответила я. — Помню... Фиону. Ты хочешь заменить ее мною, поставить на ее место и думаешь, что я соглашусь стать такой же? Все это терпеть?

Градус раздражения стремительно накаливался и я быстро замолчала, потому что дальше могла сказать только какую-нибудь ядовитую гадость.

Янош сидел напряженный, почти окаменев.

— Я не могу изменить своего прошлого, как бы этого не хотел, — нейтральным тоном заговорил и я видела, что такой тон дается ему очень нелегко. — Да, иногда я вел себя с женщинами недостойно. Но в случае с Фионой моя совесть чиста. Я никогда и ничего ей не обещал. Она сама приехала ко мне, сама пришла... сама ко мне пришла. Сама захотела остаться, хотя я сразу говорил — я не смогу дать ей ничего из того, чего хочет получить влюбленная женщина. Да, в чем-то я был не прав. Но я никогда, слышишь, никогда и ничего ей не обещал!

Он смотрел с вызовом, сжав губы в линию, которая все-таки дрогнула и распалась, растеряв всю твердость.

— Где она сейчас? — спросила я.

— Она вернулась к брату.

— Надолго? — некрасиво было бить его по больному месту, но я не могла сейчас остановиться.

Он немного подумал.

— Ты еще не поняла? — неуверенно спросил. — Она уехала навсегда. Ее больше не будет в моей жизни независимо от того, что ты ответишь.

Мне было жаль Фиону... Но недолго. Практически сразу все посторонние мысли выветрились из моей головы. Кроме мыслей о нем. А разве когда-то было иначе?

Я смотрела по сторонам. Люди приходят в таверну что-то отметить, пообщаться, посидеть с друзьями. Мы тут единственные кто сидел с таким видом, будто вот-вот кого-то похороним.

— Леш сказал, чтобы я не требовал ответа сразу. Подумай до утра.

— Что? — я встрепелулась. Надо же, ни разу не подумала о своих друзьях, оставшихся в замке. Особенно о Леше. — Что с ним?

— Все в порядке. — Янош пожал плечами, снова смотря вперед. — Решил развести замковый зверинец. Я выделил ему за стенами участок, когда я уезжал, он целиком был погружен в проект строительства.

— Как? Я думала... — договаривать не стоило. Я думала, Леш, как минимум сидит в темнице. И вот что странно... ни разу не пришло в голову, что его убьют или принесут в жертву, несмотря на то, что он остался во власти круоргов. Как это понимать?

— Он мне много чего тогда сказал, — улыбнулся Янош, возвращаясь к разглядыванию кружки. — Я вначале даже опешил. Ничего себе, думаю, такие вещи говорить своему князю. Хорошо хоть свидетелей не было.

— И что он говорил? — с подозрением поинтересовалась я. И конечно не ошиблась.

— О тебе, — Янош вздохнул. — Он рассказывал о тебе.

— Не надо!

Мне совсем не хотелось слышать, что сказал ему Леш. Наверняка описывал, как я годами предано ждала одного только князя. Может именно этим вызвано желание держать меня при себе? Просто намерением отплатить за спасение жизни единственным способом, которого, по его мнению, я ждала?

— Не буду. Но я тогда еще пытался поговорить с твоими подругами... С Роксаной, но она ничего не сказала. Похоже, я не очень-то ей нравлюсь. А с этой маленькой... вообще не стал. Она как меня увидела, побелела и чуть в обморок не грохнулась. Не решился пугать. Но... — он опустил голову. — К тому времени, когда явился гонец от Жоста, я уже верил, что... Что сам во всем виноват. Потом... Мариза эта...

— Ты видел Маризу?

— Да.

— И как она тебе? — жестко спросила я, с огромным вниманием рассматривая его лицо. Только попробуй отвернись, зло думала я, но ему хватило ума не дергаться и не отводить взгляд.

— За последние годы я видел множество разных Мариз. Эта от них ничем не отличалась, — четко выговаривая слова, сказал.

И снова замолчал, с какой-то глупой и болезненной улыбкой смотря на меня.

— Мне не нужно благодарности, — неожиданно решила я. Впрочем, действительно, не нужно. — Это был мой выбор и я не рассчитывала получить взамен награду. Ты мне ничего не должен.

Он вдруг потянулся и крепко обхватил мои руки прямо поверх стакана.

— О чем ты говоришь? — почти с угрозой поинтересовался. — Какая, в бездну, благодарность? Да я не жил эти годы, просто бросался в пропасть, никого и ничего не жалея! Все думал, когда же пройдет... когда я перестану тебя любить. Вспоминать каждый твой поцелуй... Каждую улыбку. Каждое слово! Ты о чем сейчас вообще?

Я уже не могла вспомнить, о чем.

— Ты не можешь мне отказать, — с опаской сказал Янош. — Потому что иначе у меня не будет шанса получить твоё прощение. Нет! Я вру, прикрываю красивыми словами совсем другое, далеко не столь благородное желание... Это я не могу дальше без тебя! С нами много случилось... плохого, но сейчас, когда есть шанс тебя вернуть, неужели ты думаешь, я могу позволить себе его упустить? Ула, я не представляю своей дальнейшей жизни без тебя! Ты понимаешь? Я знаю, ты не станешь мне отказывать, только чтобы лишний раз помучить. Ты подумаешь?

— Да. Я отвечу тебе утром.

Не знаю, каким чудом удалось ответить, губ я не чувствовала. Как и всего остального. Только обжигающе теплая ладонь поверх моих рук.

Потом она пропала, а я еще раз посмотрела в наливку. Омут в миниатюре, до самого дна густой и темный. Как его глаза.

Я молча встала, а он так же молча пошел за мной и провел до самой двери. Не смотря на него, я спросила:

— Сегодня безопасно?

— Ну... Да.

— Значит, ты будешь ночевать в комнате? — последнее слово я выделила.

Небольшая пауза.

— Да.

Я зашла к себе, закрыла дверь, разделась и забралась в кровать.

Эта ночь стала одной из самых длинных ночей в моей жизни. И вопрос заключался не в том, что ему ответить, потому как ответ существовал только один и я знала это так же твердо, как знала, что иначе моя жизнь окончательно потеряет смысл. Как и его.

Я никуда от него не уеду, по крайней мере, добровольно. И раз уж выясняется, что с другими мужчинами у меня ничего не получается, глупо оттягивать неизбежное — раз Яношу суждено стать первым, я не вижу причин упираться. Да и если честно, хочу ли?

Не так уж много на свете вещей, чье предназначение не вызывает ни малейших сомнений, но в то, что звезды когда-то давно отдали меня в руки Яноша и с тех пор ровным счетом ничего не изменилось, я верю безоговорочно. Подарок это или наказание, отложенное во времени, неважно.

Так что вопрос даже не в том, что ответить. А как. И кому я отвечу, ведь большая часть Яноша сейчас по сути незнакомый мне князь Тлена и ладно бы просто незнакомый... Получается, что теперь мне придется с ним знакомиться, принимать его и даже учиться... любить.

Временами я все-таки засыпала, а просыпаясь, пыталась прислушаться к тому, что происходит вокруг. На улице иногда раздавались веселые крики, смех и песни, спетые настолько пьяными голосами (но пьяными не от спиртного, а от веселья), что вскоре сменялись раскатами хохота и пропадали только когда празднующие уходили далеко от таверны.

Когда наступил рассвет, я поднялась и тщательно причесалась. Накатило то спокойствие, которое бывает как раз при рождении нового дня. Принятие неизбежного. Как ни печально понимать, но жизнь течет независимо от твоего существования и осень сменится зимой, как и века назад. И рассвет закончится закатом, как и в начале сотворения нашего мира. Пойми это, почувствуй — и все стает проще, говорила бабушка. Я тогда не понимала, старательно скрывала улыбку, чтобы ее не обидеть. О чем речь? Как такое можно говорить, ведь именно я — основа мира, вокруг которого кружится все остальное. И никак иначе.

С тех пор прошло много времени. Даже, может, слишком много.

Не знаю, что меня дернуло надеть единственное купленное вчера платье. И почему я вообще его купила? Наверное потому, что оно очень сильно напомнило мне те, что носили пансионерки. Мою форму прежних времен, когда жизнь казалась бесконечной и безоблачной.

Застегнув потайные пуговички я, больше не останавливаясь,

отправилась к двери и широко ее распахнула. Янош стоял у стены, опираясь на нее спиной, но был умыт и чисто одет, так что много времени тут не провел. Увидев мое изумленное лицо, вдруг негромко рассмеялся.

— Просто мимо проходил. Правда.

Эти ремешки и застёжки на его куртке вызывали почти неконтролируемое любопытство и желание рассмотреть их поближе. Зачем, интересно, ему столько карманов? Что в них спрятано?

Я подошла и встала рядом, тоже прислонившись к стене спиной. Пусть он первый начнет! Янош тут же спросил.

— Что ты мне ответишь?

Я уже открыла рот, но он вдруг быстро сунул руки в карманы, краем глаза я заметила, что они сжаты в кулаки. Неожиданно нахлынула жалость, ведь ночью я десятки раз повторила каждое сказанное им слово и каждому из них поверила. А потом представила, как это — понять, что много лет подряд обвинял в предательстве женщину, которая спасла тебе жизнь ценой собственной репутации. Да еще ту, которую до сих пор любишь.

— Я же здесь.

— Но все еще достаточно далеко? — уточнил он.

Я молча кивнула.

— Ула... пожалуйста. Скажи мне — да или нет?

Я спрятала за спину такие же сжатые в кулаки руки.

— Я могу повторить то, что уже сказала когда-то.

— Когда?

Перед глазами с готовностью всплыл столь редкий счастливый момент прошлого. Прозрачный купол над беседкой и Янош, который не решается ко мне прикоснуться.

— Тогда, в беседке. Я сказала тебе «Да».

Мгновенно зыбкую картинку прошлого сменило его настоящее лицо. Теперь другое, но, пожалуй, не менее прекрасное.

— Ты сказала мне Да, — со странной интонацией, то ли удивлением, то ли ужасом сообщил он.

— Именно.

Почему-то было немного неловко от его близкого присутствия, что прямо скажем, казалось нелепым. Особенно после того, как я только что согласилась стать его женщиной.

Он вдруг схватил меня за руку и почти поволок в сторону лестницы.

— Пошли!

— Куда? — удалось выговорить, только когда мы уже переступали порог таверны.

— Увидишь.

Почти бегом пересекая двор, он вытащил меня на дорогу, где стояли извозчики. Схватил под руку и быстро посадил в ближайший открытый экипаж. Наклонившись к вознице, что-то тихо сказал ему на ухо и тут же оказался рядом. Уселся так близко, что чуть ли не тыкал в бок локтем, когда почти подпрыгивал на месте от нетерпения.

— Куда мы едем? — я никак не могла прийти в себя от изумления. Сейчас передо мной был прежний Янош, только почему-то с другими глазами. Но такое ребячливое нетерпеливое поведение статусу князя никак не соответствовало. Как это понимать, учитывая, что в Ластнице не бывает безумия?

— Сейчас увидишь, — широко улыбался он.

Мы недолго катили по пустым улицам, всего через несколько минут извозчик остановился. Звонкий стук лошадиных подков по брусчатке стих, Янош протянул деньги, которые не глядя достал из кармана и тут же потащил меня из экипажа за руку. И дальше за собой, открывая внезапно возникшую на дороге ажурную калитку.

Когда я вступила во двор, то чуть не упала оттого, что он усиленно тянул меня дальше, а я, наконец, увидела, куда меня привезли.

Это был местный храм.

Убедившись, что двигаться я не в состоянии, Янош молча подхватил меня на руки и понес к человеку, который ковырялся на клумбе, а при виде посетителей сразу поднялся, отряхивая с ладоней землю. На нем была рубашка храмового служителя, а поверху — старый рабочий фартук.

Подойдя ближе, Янош опустил меня на землю и предельно вежливо сказал.

— Доброе утро. Мы хотим, чтобы вы зарегистрировали наш брак. Немедленно.

И ему снова пришлось меня держать, потому что ноги снова отказались служить хозяйке, на этот раз стоять, да и удивилась я куда больше служителя, который всего лишь окинул нас задумчивым, слегка флегматичным взглядом.

Мне же пришлось вдохнуть так глубоко, как только позволили легкие.

Над остроконечной крышей храма медленно всплывало новорожденное солнце.

Наконец служитель перестал размазывать по рукам грязь, капризно выпятил нижнюю губу и спросил смиренным голосом великомученика:

— Прямо сейчас? Ранее утро...

— Почему бы и нет, раз уж все мы все равно не спим? — поинтересовался Янош.

— А как же родственники и друзья? — с тоской продолжил служитель, которому, похоже, не улыбалось вместо умиротворяющего занятия садоводством исполнять свои давно опостылевшие трудовые обязанности. — Если вы придете вместе с ними, они смогут порадоваться за вас!

— Они порадуются за нас позже, — твердо ответил Янош и я, наконец, смогла выдохнуть.

Служитель покосился на меня, в очередной раз обреченно пошевелил губами и смирившись, направился к тропинке слева от храма. Видимо сбоку были пристроены служебные помещения, скрытые от нескромных глаз густыми зарослями кустов.

— Через несколько минут заходите, я буду готов.

Когда он исчез за углом, я обернулась к Яношу. Уже и не помню, когда в последний раз видела его настолько решительным и спокойным, но точно еще во времена до суда. Здорово, наверное, совсем ни в чем не сомневаться, такой стойкой уверенности хочется позавидовать.

— Янош... Я не думала, что ты захочешь... Что ты станешь... Что мы вот так сразу...

— Лучше быстрее, — убеждено ответил он.

В голове что-то отчетливо скрипело.

— А, — наконец сообразила я. — Ты хочешь пожениться сейчас, в тайне, чтобы никто не узнал? Хочешь тайный брак?

— Еще чего, — насмешливо фыркнул он. — Мой брак никогда не будет тайным. Мы получим свидетельство с твоим новым именем и по приезду в замок закатим здоровенный праздник.

При сообщении о празднике мне поплохело. Но куда больше впечатляло... впечатляло... Я даже не сразу поняла.

— Ты имеешь в виду... — пролепетала я.

Он кивнул.

— Точно. Асмаиловая княгиня Глена... Звучит?

Я закрыла рот, чтобы хотя бы не выглядеть глупо. Собралась с мыслями, для чего пришлось приложить немало усилий, потому что они бросились врассыпную, как упавшие на пол юркие круглые бусины.

— Подожди... Мы так не договаривались! Я никак не подхожу...

— Ты не можешь мне отказать, — довольно резко прервал Янош и его куртка возмущено хрустнула, вторя словам. — Ты уже согласилась. Тогда, в беседе, помнишь?

— Это было раньше. Но сейчас зачем? Я и так согласна, чтобы мы...

Он снова прервал.

— Я не хочу получить тебя по-другому.

Вот как... Я снова опешила.

— То есть иначе ты от меня откажешься? — уточнила я и голос почему-то дрогнул.

На талию легли его руки, тяжелые и удивительно горячие для такого прохладного утра. Тут же соединились за спиной, закрылись, как крепкий навесной замок.

— Нет, — твердо ответил он. — Мне не придется, потому что ты согласишься. Ты ведь обещала, верно? А что изменилось теперь?

— Как это что? Одно дело — выйти замуж за обычного служащего королевского надзора и совсем другое — за темного князя!

— Ты боишься?

— Почему сразу боишься?

— Ну тогда что? — очень терпеливо спрашивал он.

— Теперь свадьба будет значить не только, что мы стали семьей. Это будет значить, что мне придется делать множество вещей, в которых я не то что не разбираюсь... Я и близко не хочу приближаться ко всем этим обязанностям! Я хочу жить спокойно!

— И все? Это единственная причина?

— А мало? — удивилась я.

— Я обещаю, — с напускной торжественностью сообщил князь, а судя по лицу, Янош снова трансформировался в главаря круоргов. — Что освобожу тебя от всего, чего тебе не захочется делать. Никаких обязанностей. Никаких приемов, переговоров и жалоб.

— Жалоб?

— По традиции, окрестные жители приходят с жалобами именно к хозяйке, исключая случаи нападения грабителей и убийц.

Я и не знала. Куда мне еще слушать чужие жалобы, тем более что кроме самого выслушивания нужно как-то реагировать? Что-то решать, искать выход? И это мне, которая даже со своей жизнью не способна

толком разобраться, поэтому просто пассивно плывет по течению?

— Это все? — уточнил Янош и в голосе слышалось поистине княжеское терпение.

— Ну, в общем... Так, без подготовки... Нет платья, — упрямо бубнила я себе под нос, почему-то жутко смутившись.

— Почему нет? Это лучше платье, которое ты могла выбрать, — негромко сказал он, опуская глаза ниже. И правда... я напоминала себя прошлую. Оказывается, не только себе самой.

— А у нас даже колец нет, — заявила я, уже до конца осознав, что отказать ему действительно не смогу.

И главное — не хочу.

— А ты сделай, — спокойно ответил Янош, отпуская меня и жутко захотелось, чтобы его руки вернулись на положенное им в данный момент место.

— То есть? — все-таки я сейчас плохо соображала. Каким-то нереальным казалось все вокруг, будто по бокам высились декорации спектакля, которые иногда устраивались в пансионе. Там белокурые рыцари стояли на одном колене, декламируя перед прекрасными избранницами высокопарные стихи из сборников старинных поэтов, а девы в белых пышных платьях тайком стирали со щек слезы умиления.

Правда, стоявший передо мной человек в куртке наемника с черными непроницаемыми глазами совершенно не походил на рыцаря. Впрочем, я тоже мало напоминала юную восторженную даму.

— Омниум. Из... травы к примеру.

Янош подошел к клумбе и безо всякого сомнения выдернул оттуда пучок декоративной травы с длинными узкими травинками. Оторвал одну и, обернув вокруг пальца, с улыбкой протянул мне.

В тот момент я почему-то подумала, что если бы еще хоть в чем-то сомневалась, то теперь последние сомнения растаяли бы, как дым от костра в высоком небе. Что если бы до сих пор я любила его хоть немного меньше, то сейчас втрескалась бы по самые уши.

Когда мы входили в полутемное храмовое помещение, в руке Янош сжимал два кольца, а меня все больше охватывало чувство призрачной нереальности.

Впереди, на широком постаменте, разложив на стоящей перед ним стойке бумаги и перо, стоял служитель в длинном золотистом одеянии. На похоронах, между прочим, они выражаются в темно-коричневое.

— Служительницы приходят позже, так что петь песни и осыпать вас цветочными лепестками будет некому, — буркнул он, когда мы подошли

вплотную.

— Обойдемся, — уверил его Янош. А я смотрела на узкие витражные окна за постаментом, где изображалось, как к небу с земли поднимались цветочные гирлянды и взвевались птицы с разноцветным оперением и казалось, все это только видение.

Служитель выпрямил плечи, дернул за ворот, поправляя мантию и начал церемонию. Вскоре читаемая им речь слилась в гладкий фон и стала монотонной, как шум бегущей в реке воды и текла почти так же лениво, как вокруг в мягких лучах солнца оседала поднятая нашим вторжением пыль.

«...каждый день, до самой смерти», — бормотал он, а я думала, что все это происходит понарошку.

«...крепка, как каменные горы», — с пафосом вещал служитель, а я пребывала в уверенности, что этот непонятный спектакль вот-вот возьмет да и закончится.

«...и пусть звезды укажут вам единственно верный путь».

Янош крепко, почти до боли сжимал мою ладонь, а я рассеяно смотрела на витраж, ожидая, когда остатки сна развеются.

«...и будьте счастливы!», — повысил голос служитель и внезапно наступила тишина. Я даже не заметила, когда мы успели обменяться кольцами. Просто посмотрела вниз и увидела на пальце тончайший серебристый омниум из круглого стебля травки, у которой не было острых краев, иначе став твердым он мог бы поранить кожу. Вот уж никогда не думала, что мои магические навыки шай-парс однажды пригодятся в таком необычном деле.

На талию уверено легли твердые ладони, Янош развернул меня к себе и поцеловал.

Тогда я, наконец, поняла, что скорее всего, не сплю.

Он был настойчив и под неожиданно сильным напором я постепенно отклонялась, ровно до тех пор, пока его рука не проползла по спине и не поймала мой затылок. Теперь отпрянуть не получилось бы, даже взбреди мне в голову такая глупость. Потому оставалось только обнять его и позволить себе раствориться... В его мягких губах, уверенных руках и даже скрипе гладкой кожи куртки, за которую я держалась.

Я не помнила его прошлых поцелуев, но почему-то была уверена, что теперь они совсем другие. Что между нами больше нет ожидания и осторожности, а только какая-то нездоровая жажда, смешанная с отголосками долгих ночных кошмаров и приправленная горечью необъяснимого одиночества, когда ты постоянно среди людей, но все же совсем ничей.

Служитель вежливо покашлял, что на фоне глухого стука моего сердца прозвучало, как раскат грома среди ясного неба и Янош неохотно оторвался от моих губ, а после даже немного отодвинулся, не отводя взгляда.

— Назовите ваши имена, будьте так любезны, — процедил служитель, потупился и устался в лежащую на стойке грамоту.

— Янош Ходецкий, сын Акристана, — перо шуршало по бумаге, пока Янош скользил по моему лицу глазами, мягко и нежно, будто осторожно прикасался пальцами. — Асмаиловый князь Тлена, чьему роду присвоен знак Фоенты, — не меняя тона, продолжил он, когда служитель дописал. — Хозяин Гнезда гранитной соли и всех прилегающих земель.

Скрип мгновенно оборвался, мы разом повернулись к служителю. Он поднял голову и глядел на нас во все глаза, при этом странно покачивая головой, точно не контролировал своих движений. Молчание затягивалось, Янош смотрел тем самым княжеским взглядом, будто маскарадная маска осыпалась пеплом, явив свету истинное лицо прячущегося под ним человека. Я любовалась витражами, где-то глубоко в душе жалея всего этого бракосочетания, похожего на безнадежную попытку вернуться к прежнему существованию, чего проделать невозможно даже при огромном желании. Даже принесся звездам какие-нибудь немислимые жертвы, пусть и кровавые.

Служитель вскоре откашлялся и, нахмурившись уже по-настоящему, продолжил быстро заполнять бумаги.

— Девушка? — деловито спросил, не отрываясь от работы.

— Улана Доджес, остальное повторите.

Служитель бросил на меня косой взгляд, смысл которого расшифровать не удалось и молча дописал все нужное. Схватив грамоту, отошел к стене, где поставил печать и тут же вернулся, протягивая бумагу Яношу.

Тот взял, пробежал по тексту глазами и, похоже, убедившись в правильности изложенных сведений, кивнул, подхватил меня под локоть и повел к двери.

Перед тем как переступить порог я оглянулась, чтобы в последний раз окинуть взглядом и по возможности запомнить место, где так просто и буднично по какой-то совершенно необъяснимой причине взяла да и сбылась моя мечта тех времен, когда я жила в пансионе и была невестой молодого светлого мага.

Вместе с залом я увидела лицо служителя. Оно было строгим и встревоженным.

Когда мы вышли за ворота, переглядываясь уже далеко не так

оживленно, как несколько минут назад, я вздохнула.

— Ты назвал свое имя. Наверное, нам лучше тут не задерживаться?

Он согласно кивнул.

— Да. Служителя опасаться не стоит, он не стал бы болтать, но зато обязан докладывать обо всех проведенных церемониях в городскую управу, так что когда и к кому в руки попадет отчет... Лучше не рисковать.

Вокруг как раз просыпался городок. Извозчиков стало куда больше, все открытые коляски были заняты и везли людей по делам или просто на утренние прогулки, тут и там звучали приветствия, смех и обмен любезностями. По тротуару шли две девушки в облачения храмовых служительниц. Похоже, те самые, которые осыпали бы нас лепестками, если бы мы так не спешили и дождались их прихода.

Ластаца... Чудесный городок, в котором ко всем прочим чудесам еще сбываются давние и полузабытые мечты.

— А можно мне отдельную лошадь? — спросила я, с трудом отрываясь от окружающего покоя. Здесь прекрасно, конечно. Спокойно, радостно и тихо, как в уютном доме, где твоего возвращения ждет кто-то вроде любимой бабушки.

Но это не мое место.

...День прошел довольно однообразно, хотя поездка получилась больше похожей на прогулку. Не скажу, что мы особо торопились, потому что часто останавливались полюбоваться на пейзаж или пропустить встречные неуклюжие обозы.

К вечеру мы добрались до небольшого городка, где дома, все как один были разукрашены темной коричнево-желтой краской, видимо потому что где-то поблизости ее и изготовляли. Таверна оказалась небольшой, но зато недавно выстроенной, судя по кучам строительного мусора, сваленным прямо во дворе. Когда мы вошли в здание, оказавшись прямо напротив широкой лестницы, так что вдалеке виднелся кусок коридора и две ближайšie двери, Янош вопросительно посмотрел на меня и я твердо ответила.

— Две. Бери две комнаты.

И он без единого протестующего слова взял две.

Пужинали мы молча и быстро. Я даже внимания особого не обратила на то, что именно ем.

Перед сном я искупалась в притащенной слугами лохани, тщательно расчесалась, натянула единственную ночную сорочку, удобную, но совершенно простую, даже без единой вышивки. Когда я ее покупала, как-то не думала о том, что следующим утром возьму да и выйду замуж.

Я перетащила последнюю не затушенную свечу на столик у кровати и, подойдя к двери, нерешительно замерла. А потом подняла руку и отодвинула засов. Ладони были горячие и влажные от пота, но это быстро прошло, всего лишь стоило представить лицо Яноша в момент, когда он поймет, что дверь открыта.

Я знала, что он придет в любом случае, сделает попытку, даже если будет совершенно уверен, что я его не пущу. Янош и раньше-то был довольно упертым, а теперь, став князем, просто забыл, что такое неуверенность и на что она вообще похожа.

Сев на краешек кровати, я устала на дверь и подумала, хорошо бы он пришел быстрее, иначе вскоре я начну нервничать, а там, кто знает, могу и вовсе передумать.

И честно говоря... когда он вошел, на его лицо действительно стоило посмотреть. Чистое яркое изумление моментально сплавилось с облегчением и тут же ушло, превращаясь в нечто решительное и такое открытое, что сердце забилося быстрее. Хорошо бы запомнить его таким получше, чтобы потом была возможность припоминать и посмеиваться. Вот только времени запомнить мне не дали.

Одним плавным движением поставив запор на место, Янош пошел вперед и я только и успела, что вскочить на ноги.

Наверное, я слишком долго его ждала.

Наверное, и он слишком долго ждал. Мне показалось, он ко мне просто бросился. Не знаю, что было бы, попытайся я его остановить. Услышал бы он отказ? Но с другой стороны, какая разница, ведь я не собиралась этого делать.

Я много чего слышала о близких отношениях, в бараках не очень-то было принято приглушать голоса, рассказывая о личном. Та же Роксана не шибко стеснялась, пересказывая, как бывает, сносит крышу. Ну и конечно я ни разу не верила, что нечто подобное происходит на самом деле.

И это тоже было неважно, потому что когда его глаза оказались так близко, что смотреть куда-то еще стало просто невозможно, а руки обнимали меня так уверенно, будто именно для этого и созданы, я успела подумать, что никогда и никто не смотрел на меня настолько восторженно и откровенно.

А потом просто растворилась в нем. Как-то вдруг нас перестало быть двое и одежда оказалась чем-то совершенно лишним, так что ее наличие вызывало почти недоумение. И постоянно казалось, что он еще слишком далеко, гораздо дальше, чем должен быть.

Все время, когда его губы не были заняты, он почти неслышно что-то

шептал, я разобрала свое имя и еще много знакомых слов, но толком не вслушивалась, потому что временами этот шепот походил на тихую жалобу. Вполне вероятно это и была она — единственная возможная для него форма пожаловаться на все, что произошло во времена, когда мы были слишком далеко друг от друга.

Когда я упала на кровать, то даже не почувствовала боли, хотя вероятно должна была с такой высоты удариться спиной. Янош оказался сверху и скользя по моему лицу горящими глазами, неуверенно сообщил:

— Ты должна сказать, чтобы сейчас я не спешил. Слышишь? Скажи!

И его губы, словно прозвучавшая только что просьба их никоим образом не касалась, снова скользили, крепко прижимаясь к моей коже.

— Зачем?

— Иначе тебе будет больно.

— Ну и что?

Он опять с усилием оторвался, словно в виде компенсации обнимая меня еще крепче, хотя крепче казалось давно уже некуда.

— Ведь это только раз, слышишь, — пьяно зашептал на ухо. — Всего раз, а потом... потом будет только лучше и лучше. Я обещаю.

Я запустила руки в его волосы, поднимая голову и заглядывая в его глаза. Они сверкали, как самые яркие звезды, переливались бликами света даже в тени одной-единственной горящей свечи. Это лицо над моим казалось странным сплавом камня и беспрерывно движущегося потока пыли. Я заглянула в самую глубину глаз, где плавали мои бесстыдные отражения и увидела там кое-что поразительное.

— Ты не сможешь не спешить, — заявила я и с удивлением услышала свой собственный радостный смех. Не знаю, чему именно я так обрадовалась. — Не сможешь... Но я и не хочу, чтобы ты сдерживался. Ни капли.

Почему-то я очень хорошо помню свою последнюю более-менее связную мысль перед тем, как мне стало не до размышлений.

Я вспомнила лицо Роксаны и ее слегка снисходительный голос. «Это только в первый раз больно, потерпишь и все», — уверено говорила она.

Если бы я могла, я бы рассмеялась и ответила бы этому воспоминанию, что на самом деле все совсем не так. О каком «потерпишь» речь? Мне понравилась каждая минута происходящего, настолько все они были настоящими и какими-то правильными. Мне понравилось все. Даже боль.

А больше всего — нравилось знать, что это только начало.

Заснул Янош в моей комнате, с инстинктом захватчика присвоив себе

мою подушку, мое одеяло и собственно, чего скрывать, даже мое тело. Думаю, если бы я попыталась, к примеру, столкнуть его с кровати, то пришлось бы падать вместе с ним, потому что он не отпускал меня даже во сне.

А я вдруг выяснила, что спать в одной постели с мужем совсем не то же самое, что спать с подругами. Ведь не станешь же прижиматься к ее боку, где теплее всего и таять от одного воспоминания о лежавшем рядом теле? И уж рядом с подругами совсем невозможен вариант, когда посреди ночи просыпаешься и с удивлением обнаруживаешь, куда именно способны заползти его руки. Причем, видимо, неосознанно, потому что их хозяин крепко спит.

Проснувшись я как обычно, когда заря только-только окрашивала небо розовым. Янош спал все так же крепко, похоже, сказывались последние дни вынужденного бодрствования и вообще усталость, как физическая, так и моральная.

Женщины все же гораздо крепче, с гордостью решила я, выползая из-под его руки и одеваясь. Он что-то недовольно бурчал, пока я умывалась и расчесывалась, но так и не проснулся.

Спустившись в зал, я поняла, что попала ко времени, когда на кухне только-только разжигают печь. И почему-то не вернулась в комнату, а предпочла остаться и ждать, пока мне не приготовят завтрак, сидя за пустым столом и слушая звуки доносящейся из кухни возни и обрывки разговоров. Хотя завтрак мог и подождать... первым делом я попросила заварить мне мурсовки, которую пьют, чтобы не было детей. Довольно сложный сбор, поэтому не самый дешевый, но думаю, теперь легко могу себе позволить нечто подобное.

Только получив большую кружку, я вдруг подумала, что со стороны мое поведение выглядит не ахти. Комнаты мы с моим попутчиком взяли разные, а отвар так или иначе с утра пью. Впрочем, минутку поразмыслив, я поняла, что сейчас мне настолько безразлично, что подумают и скажут в таверне, что большая степень безразличности встречается разве что у трупа.

Как раз решался вопрос, позавтракать ли в одиночестве или все же дождаться Яноша, когда он спустился в зал. При виде меня облегченно улыбнулся.

— Доброе утро, — он сел рядом и потянулся ко мне, чтобы поцеловать, но я резко отпрянула. Вокруг уже были люди и мне совсем не хотелось посвящать их в наши отношения.

Он озадачено приподнял брови, медленно отодвигаясь назад.

Тем временем подошла девушка и приняла заказ. Когда она исчезла на кухне, Янош вдруг нетерпеливо дернул головой, словно отбросил в сторону какую-то неприятную мысль и бодро сказал:

— Ладно. Кстати, ты хорошо выглядишь. Выспалась?

Я молча кивнула, стараясь не смотреть на него слишком пристально. А вот ему не помешало бы немного приглушить этот блеск в глазах.

— Что пьешь?

— Мурсовку, — я тут же схватила чашку и отхлебнула большой глоток, потому что его нужно пить теплым, а на вкус отвар не ахти, так что лучше делать это залпом. Вот только попробуй такую гадость выпей залпом, у меня лично не получается. Видимо, с непривычки. Поморщившись, я вдруг увидела, что Янош больше не улыбается и смотрит как-то странно, слишком серьезно, что ли. Или растеряно?

— Что-то не так? — насторожено поинтересовалась я.

— Ула...

Он с усилием замолчал, но почти сразу снова улыбнулся:

— Нет. Все хорошо.

Перед нами уже ставили омлет. Аппетит был на редкость замечательным, я даже обдумывала вопрос добавки, но решила не стоит, а то засну по дороге. Кстати, о дороге. Отхлебнув еще глоток из чашки, я повернулась к Яношу.

— Слушай... Я думаю, нам нужно возвращаться в замок. Ты же спешишь?

Он вздохнул, расправляя плечи.

— Да. Мне нужно быть там как можно скорее. Но если ты против...

Я быстро помотала головой. От замка со всеми прилагающимися проблемами мне теперь не избавиться. Значит, лучше столкнуться с неизбежным сейчас, до того, как страх станет неуправляемым и превратит меня в запуганную овцу.

— Нет. Лучше сразу.

Он наклонился ближе.

— Ула... Мы можем остаться тут на день. Просто побудем вдвоем. Ведь неизвестно, когда еще...

— Нет, — перебила я, почему-то стараясь не слышать его слов и с трудом сдерживая непонятное желание отодвинуться в сторону. — Не надо. Давай быстрее поедem в замок.

И снова не поняла причин такого серьезного и даже неуверенного взгляда. Но разве он не сам говорил, что нужно спешить?

— Хорошо, — наконец ответил Янош.

Ближе к вечеру этого дня начался дождь, который не подумал заканчиваться даже утром. Еще через день стало понятно, что зарядили продолжительные дожди, так что наше путешествие никак нельзя было назвать солнечным. Примерно через неделю я немного простыла, но к тому времени желание попасть в замок как можно быстрее стало таким навязчивым, что ни о чем другом я уже не думала.

За окном очередной таверны лил привычный тусклый дождь, Янош сидел возле кровати, протягивая мне чашку с лечебным чаем.

— Мы можем позволить себе задержаться. Тебе нужно выздороветь, — решившись, сказал он.

— Не надо, — чай был теплым, я выпила его залпом, смывая горький травяной вкус купленной в аптеке микстуры.

— Тебе может стать хуже.

— Не станет, — отмахнулась я, ставя чашку на столик, а потом схватила его за рубашку, притягивая ближе. — Хватит сидеть так далеко!

Не знаю насчет беспрекословно получать желаемое, но вот способ отвлечь Яноша от чего угодно я нашла в первый же день брака. Это оказалось удивительно легко.

Но собственно дело было далеко не только в желании отвлечь. Так получилось, что Янош невероятно быстро, всего дня за три научился отвлекать меня. Он умел погружать в пустоту. Дарить немного небытия, когда вокруг ничего, кроме нас, разве что непроницаемая темнота, может даже злая, но это неважно, потому что она не посмеет приблизиться, пока мы вместе.

Чем больше мы приближались к замку, тем более замкнутым делалось его лицо. В крупной деревне, где мы остановились на последнюю ночевку, Янош был опознан. Не знаю, кем и когда, но стоило спуститься в общий зал к ужину, как хозяин самолично перехватил нас у входа и препроводил в отдельную комнату, где обслуживали только важных гостей. Рассадил нас согласно этикету по разные стороны стола и, смотря мимо мельтешивших вокруг служанок, которых оказалось целых три, Янош стал тем, кем его жаждали видеть окружающие. Настоящим Князем, который не только не болтает, принимая пищу, но даже не смотрит в сторону женщин взглядом, содержащим хотя бы отдаленный интерес. Все три девушки, кроме вполне понятного после ходивших о круоргах слухов опасения испытывали чисто женское любопытство, я ощущала их осторожные изучающие взгляды не реже, чем Янош и каждый из них заставлял спину выпрямляться, а лицо приобретать неумолимость и спокойствие вечной мерзлоты.

Я знала, что так будет, потому даже не расстроилась. Комнаты мы как

обычно заказали отдельные, как обычно он пришел ко мне ночью, как обычно остался ночевать и утром за завтраком, допивая очередную кружку мурсовки, которая уже не казалась особо отвратительной на вкус, мыслями я находилась в замке. Наверняка там уже знали о нашем приезде, не мог трактирщик не отправить гонца с радостным известием. Значит, остался последний, решающий шаг.

Лошадей нам выдали свежих, красивых и отдохнувших, на сопровождении не настаивали и даже дождь прекратился, хотя в воздухе все еще висела неприятная мелкая морось.

Не знаю, о чем я думала по дороге. Скорее всего, ни о чем. Может, училась погружаться в небытие одной силой мысли, без помощи Яноша, хотя изначально знала, что без него это пустая трата времени. Без него больше не может быть ровным счетом ничего.

После обеда при приближении к очередному лесу я вдруг внимательно принялась в него всматриваться. Выпуклые очертания намокших верхушек, смазанных расстоянием и рисунок выступающих из-за него гор. Знакомые... очертания.

Почти сразу дорога сделала резкий поворот и из-за леса показался замок.

Народу, конечно, собралось великое множество. Может и не все население замка, но довольно близкое к этому числу количество.

Я вцепилась в луку седла, смотря строго вперед и стараясь не пялиться круглыми от ужаса глазами на встречных людей, которые все как один при появлении лошадей останавливались и, повернув головы, провожали нас обжигающе любопытными взглядами.

На воротах при нашем приближении прозвучал горн, а стражники встали навытяжку и подняли алебарды в приветственном жесте. Янош кивнул им и не притормаживая, въехал, словно нырнул головой вперед, под широкую арку ворот.

Когда я увидела столпотворение у крыльца главного здания, то с трудом подавила желание по-быстрому развернуть лошадь и сломя голову ускакать куда-нибудь на край света. Служащие и младшие стражники стояли плотными стенами, оставив посередине проход, на крыльце виднелся пан Гектор, нацепивший по случаю возвращения приемного сына праздничный камзол, а за его спиной пани Поли, замковый смотритель и несколько старших круоргов. Ученики расположились еще дальше, почти вплотную к стенам.

Затормозив почти у ступенек, Янош, не мешкая, соскочил с лошади, бросил поводья, даже не обратив внимания на подбежавшего конюшенного мальчишку, который все-таки успел их подхватить и оглянулся на встречающих. Быстро осмотрел лица, в основном приветливые и улыбочивые, но не способные скрыть интерес, который еще острее проступал в момент, когда взгляды останавливались на мне.

— Все собрались? — спросил Янош. Пан Гектор тут же выступил вперед.

— Мы рады твоему возвращению, Янош...

Однако тот даже не дослушал, повернулся ко мне и, схватив за руку, не столько помог спуститься вниз, сколько просто стащил. Я крепко ухватилась за его рукав, он незаметно наклонился ближе и почти беззвучно сказал на ухо:

— Не забывай, что это они служат тебе. А не наоборот.

Поставил на землю рядом и только тогда улыбнулся. Мне, пану Гектору, своим людям...

— Я рад, что вы все здесь. Хочу представить свою жену, вашу

хозяйку, — Янош светился мягкой, немеркнувшей уверенностью и, судя по тону, ни секунды не сомневался, что в ответ на подобное заявление окружающие немедленно должны испытать неземной восторг и даже, возможно, преклонить передо мной колени.

Я лично сильно сомневалась в подобном исходе дела.

— Улана Ходецкая, Асмаиловая княгиня Глена.

От жуткой тишины, наступившей после его слов я только крепче сжимала жесткий рукав куртки, удивляясь, как вообще еще чувствую свои пальцы. И вот еще интересно, это просто я оглохла или все вокруг превратилось в камень? Вероятно, не я... Ведь слышно, как легко дует ветер.

Собственно, лица круоргов остались практически невозмутимыми, разве что среди прочих выделился Габрис, вот уж кто удивления не скрывал и его глаза грозились вот-вот вывалиться наружу и поскакать по ступенькам, как резиновые мячики. На пана Гектора смотреть было страшновато, поэтому я покосилась в сторону. И увидела Лешика. Хоть один человек, встреча с которым принесла радость. Почему он не подходит? Ладно, тогда...

Чуть весь воздух из легких не выбило, когда талию обхватила твердая рука, силой удерживая меня на месте. И правда, я тут же опомнилась. Вероятно, странно бы смотрелось, если бы по приезду новоиспеченная княгиня первым делом бросилась в толпу слуг и повисла на шее совершенно постороннего для нее мужчины.

На самом деле это только кажется, что все длилось невыносимо долго. Прошло всего несколько секунд. За Лешем я увидела Тосю и успела поразиться выражению еле сдерживаемого ужаса на ее лице. Неужели за время моего отсутствия произошло что-нибудь непоправимое?

Вдруг очнулся пан Гектор, шагнул ближе. Нетвердо ступая, спустился вниз по ступенькам. Теперь крайне невежливо делать вид, что его в упор не видишь, ведь так или иначе в дальнейшем нам придется общаться. Я нехотя подняла глаза.

Он улыбался. Оказалось, передо мной стоит очень пожилой и вероятно не совсем здоровый человек. Открытие очень неожиданное и почему-то трогательное, если не сказать больше.

Через секунду пан Гектор положил нам на головы ладони, как делают родители, благословляя детей. Правда, чаще всего делают до, а не после свадьбы, исключая случаи, когда... Впрочем, это не наш случай.

— Будьте счастливы, дети, — негромко проговорил он, а после совершенно неожиданно обхватил наши головы и крепко прижал к себе. Мы

чуть лбами не стукнулись, но я не посмела, конечно, сопротивляться или даже просто скорчить недовольную мину. Мало того, что Яношу все происходящее, похоже, понравилось, потому что он улыбался все шире, так еще и пан Гектор подозрительно хлюпал носом, будто сдерживая слезы.

Я не верила ни глазам своим, ни ушам. Не то чтобы я считала пана Гектора злейшим своим врагом, но мне казалось, желание никогда не знать меня лично и оградить от подобного знакомства Яноша было у него одним из приоритетных. А оно вон как получилось...

Потом словно прорвало плотину. Нас окружили круорги, наперебой частящие поздравления, доносился чей-то восторженный смех, Яноша постоянно кто-то обнимал, а я наконец-то увидела прямо перед собой ухмыляющуюся физиономию Лешика.

— Поздравляю. Какая приятная неожиданность! — сказал он, но таким красноречивым тоном, что я на удивление сильно покраснела. Он коротко поклонился, хмыкнул и отошел, безуспешно пытаясь стянуть губы вместе и скрыть улыбку. Весьма многозначительную, надо сказать.

Так-так... Припомним.

Тося не решилась подойти. Я позвала ее кивком.

— Все в порядке? — тихо спросила, пока Янош выслушивал очередные здравицы и обнимался с очередным круоргом, которые благодаря одежде походили друг на друга так сильно, что казались одинаковыми воспитанниками какого-нибудь закрытого заведения.

— Да, — пролепетала она.

— Оставайся рядом, пойдешь со мной. Хорошо?

Тося послушно кивнула.

К счастью, вскоре все закончилось, нам позволили войти в замок и сопровождать нас отправилось всего ничего — человек пять. Янош провел меня в свои комнаты, где оставил в обществе Тоси и пани Поли, а сам с паном Гектором удалился в кабинет. Тося моментально спряталась в углу комнаты, которая по первому взгляду оказалась гостиной. По объяснениям пани Поли, в княжеских покоях обустроена только спальня князя, его кабинет и гостиная, а остальные комнаты не используются и даже не обставлены. Она тут же предложила завтра с утра прислать человека, ответственного за обстановку и предложила помощь в выборе мебели и всего, в чем только возникнет необходимость при обустройстве новых комнат.

— Завтра? — я заволновалась. — Мне нужна своя спальня, пусть обустраивают мне одну комнату, какой угодно мебелью, но чтобы к вечеру все было готово.

Взгляд Пани Поли ненадолго задержался на моем лице, а после она кивнула.

— Как пожелаете. К вечеру все будет готово.

Весьма кстати вспомнилось прошлое — разговор в нижней мастерской, куда пани Поли привела меня на новую работу... Обмен новостями между ней и Бертой. А ведь они из тех редких людей, что не позволяли себе ни малейшей насмешки или осуждения, но несмотря на это пересказывали новости четко и подробно, так что подтекст был легко уловим. Значит, мое желание немедленно оказаться в отдельной комнате тоже станет достоянием окружающих. Хорошо если из этого не последует вывода, будто наш с князем брак вообще фальшивый. Получается, нужно действовать куда осторожнее и уж тем более не стоит сейчас заикаться о мурсовке, которую я хотела попросить подавать мне к завтраку.

Для начала постараемся ограничить круг знающих и не заострять внимание на том, что стоит скрыть.

— Комнаты для прислуги тут есть?

— Да. Но тоже не обустроены.

— К вечеру подготовьте одну для Тоси, с этого момента она является моей фрейлиной и должна постоянно находиться поблизости. Однако взять ночевать ее к себе, как вы понимаете, — тут я сделала упор, — никак не могу.

Надеюсь, намек вышел прозрачным, как родниковая вода. В любом случае есть еще шанс, что вначале слухи станут расползаться в каком-нибудь другом, более безопасном направлении, а потом... Потом я привыкну.

Больше всего сейчас мне хотелось остаться с Тосей, развалиться на диване и откинувшись на подушки, просто отдохнуть и поболтать, но вместо этого я сделала строгое внимательное лицо и доброжелательно спросила:

— Пани Поли, скажите, что важного я должна знать о внутреннем устройстве замка? Какие вопросы решать первым делом?

Она подумала, потом твердо ответила.

— Замковое хозяйство давно обслуживается по накатанной схеме. Нет ничего слишком важного или срочного... при условии, что вы не хотите немедленно изменить существующий порядок.

— Не хочу. Ни сейчас, ни вообще.

— Тогда все вопросы могут подождать до времени, когда у вас возникнет желание что-нибудь улучшить или изменить. Или если возникнут непредвиденные ситуации. Разве что кроме одного — покои и

прислуга госпожи Фионы...

— А что с ними? — с трудом выговорила я, спиной ощущая взбудораженный взгляд Тоси.

— Вам следует решить, как распорядиться ее имуществом. В ее комнатах осталось много дорогих вещей, в том числе драгоценности. По собственному желанию мы не можем ничего предпринимать, поэтому ждем приказа. Вы хотите оставить, как есть, убрать или... забрать себе, чтобы использовать?

— Нет, пользоваться чужими вещами я не собираюсь, — резко ответила я. — И вообще пусть вопрос имущества Фионы решает князь.

По лицу пани Поли скользнуло легкое удивление.

— Вы хотите, чтобы вопрос по внутреннему устройству замка и его прежних... жительниц решал лично князь?

— Да, именно так.

Видно было, что отказать она не решалась, хотя вероятно прозвучавшее предложение выходило за допустимые здесь рамки. Пока она не набралась решимости протестовать, я быстро сменила тему.

— А что там насчет прислуги?

— Обе фрейлины покинули замок вместе с госпожой. Но к ее покоям остались причислены служанки, которые занимались уборкой, уходом за личным гардеробом и исполнением мелких поручений.

— Сколько их?

— Семь.

Семь человек! Большинство девушек я, вероятно, знала лично и почти наверняка всех знала в лицо.

— Так как вам в любом случае потребуется прислуга, — продолжала пани Поли, — можете оставить прежних девушек, подготовленных к исполнению подобных обязанностей.

В комнате снова сгустилась тишина.

Как оказалось, я не готова решать чью-то судьбу. Совсем. У меня никогда не было служанок и уму непостижимо, зачем мне нужно целых семь человек? Но если я откажусь, куда их денут? Не думаю, что их жизнь станет проще, когда им найдут более трудоемкую работу. А может вообще отправят из замка? Что кстати делают со слугами, когда больше не нуждаются в их услугах?

— Что вы мне посоветуете? — пролепетала я, впервые после приезда не пытаясь натянуть на лицо маску стервозной и многоопытной хозяйки дома. Мне пока не хватало ни сил, ни уверенности долго строить из себя мраморную статую и подбородок еще не очень высоко задирался, видимо в

отсутствии хоть какой-либо тренировки.

Пани Поли вдруг посмотрела с настоящим участием.

— Я советую оставить девушек себе. Они действительно прекрасно справлялись со своими обязанностями и без лишних одергиваний способны прекрасно обслуживать. Кроме того, это покажет, что на ваше отношение к окружающим не влияют личные чувства, такие как пренебрежение к слугам только оттого, что раньше они прислуживали Фионе. И потом... как вы сами понимаете, это был не их выбор. Служанки — люди подневольные.

Да уж... это я хорошо понимала. Помнила. Да и вряд ли когда забуду, разве что лет через пятьдесят. Если доживу.

— Пусть останутся у меня, — ответила я. — Спасибо за совет.

Она молча поклонилась.

— Я могу идти?

— Да. Только позовите, пожалуйста, лекаря, если можно, пусть придет немедленно.

— Конечно. Как пожелаете.

Когда пани Поли исчезла за дверью, я молча спрятала лицо в ладони и подалась вперед, чуть ли не утыкаясь лбом в колени. Спина сгорбилась сама собой.

Я это сделала! Приехала в замок и посмотрела в лица его жителей. И дала кучу поводов для каких угодно сплетен, кроме главной — моего дикого страха. Никто так и не понял, как жутко, просто до колик в животе я боялась всего того, что произошло после момента, когда на горизонте вырос замок. И надо признать, действительность оказалось не такой страшной, как представлялось по дороге.

Плечо легко сжали. Тося сидела напротив, в ее глазах плескался тот самый животный, с трудом контролируемый ужас.

— Все хорошо, просто я устала.

Ее губы задрожали.

— Он тебя заставил? — вдруг выпалила она.

Я не сразу поняла, о чем речь.

— Кто?

— Князь. Заставил выйти за него?

Даже не желая лишней раз пугать Тосю, я не удержалась от смеха. Надо же, темный князь да вдруг станет заставлять никому не известную безродную служанку без копейки приданого выходить за него замуж. Сложно представить, какими качествами должна обладать девушка, чтобы кому-то вроде Яноша пришлось принуждать ее к замужеству силой.

— Что ты, Тося! Я сама согласилась.

— Но как? — изумилась она, убрала руку и неуверенно уселась на диван рядом. Тут же крепко сцепила пальцы. И еще что-то было в ее глазах, какой-то вопрос без ответа, какая-то неразрешимая, мучительная загадка. И боль, приходящая нежданно-негаданно и принуждающая терпеть ее неуютное общество.

— Ну, как... Я знала его много лет. Еще до суда. Когда-то давно мы были помолвлены.

Ясные глаза почти не мигая, смотрели мне в лицо.

— Но когда мы...

— Тося. Я пока не хочу об этом говорить. Может, потом. Может, никогда, понимаешь?

Она вздохнула, но кивнула. Значит, беспокоило ее отнюдь не любопытство.

— Надеюсь, ты также понимаешь, что об услышанном не стоит болтать никому постороннему? — вздохнула я. И снова кивок в сопровождении сонного моргания длинных ресниц.

— Тося... Что случилось?

— Значит, они не такие уж ужасные? Не убийцы?

— Кто они?

— Круорги.

Я пожала плечами.

— Те, что проживают в замке, наверное, нет. Думаю, проще их воспринимать как отдельную магическую школу, потому что их права признаны королем, у них существует кодекс строгих правил применения магии, они не могут просто так убивать людей... По крайней мере, невиновных. А ты разве не знала? Разве тут в замке бывали случаи, доказывающие их вину?

— Нет.

— Откуда тогда вопрос?

Она вдруг резко опустила глаза. Но по розовым щекам и упрямо сжатому рту стало понятно, откуда взялось столько пронзительного интереса.

— А как же Бай? — расхохотавшись от облегчения, спросила я. О, мать звезд, как здорово понимать, что на самом деле не случилось ничего жуткого!

Тося снова изумлено распахнула свои голубые глаза-озера.

— Как ты узнала?

Я не стала заикаться о своей женской наблюдательности и огромном

жизненном опыте, так как сама сильно сомневалась, что обладаю подобными достоинствами.

— Наугад сказала.

— Бай, — вздохнула Тося. — А что Бай? Меня раньше, до фабрики, мама учила, что когда девушке нечего предложить будущему мужу в качестве приданого, то он заслужил хотя бы ее невинность. А Бай... говорит, что не готов заводит семью прямо сейчас, но позже мы поженимся обязательно. Недавно танцы во дворе были... Он выпил немного, как заявил для смелости и сказал, что если я с ним... Ну, не пойду, значит, я его совсем не люблю. И значит, ему не нужна девушка, которая ценит не его, а возможность выскочить замуж. Я... — она заметалась, дергая локтями, так что довольно больно заехала мне по ребрам и даже не заметила. — Я совсем не ожидала, так обиделась. В глазах слезы, в груди сердце сжимается и болит, будто вот-вот остановится.

Тося рассказывала с таким чувством, будто пребывала в полной уверенности, что испытала что-то, другим неизвестное. Будто нечто подобное не приходится пережить любой женщине старше тринадцати. Хотя, как знать... Слова используют одинаковые, но переживают ведь все по-разному? И каждый раз, будто впервые...

Честно говоря, не представляю, где тут особая трагедия... Наоборот, удача — неподходящий Тосе парень отсаялся очень вовремя, забудь и живи дальше, и счастье мимо не пройдет.

Но как такое сказать? Ведь для нее это Трагедия с большой буквы и практически приравнивается к концу света. Попытайся я отмахнуться, как от сущего пустяка, у Тоси появится еще один человек, которого с непоколебимой уверенностью можно считать предательницей.

— И что? — вместо этого участливо спросила я.

Она потупилась.

— Я... расстроилась, хотела убежать. В глазах слезы, не видно ничего, как по дороге не упала, не знаю. А в кустах наткнулась на человека какого-то, ну, неудобно стало, я и пригласила его танцевать. А оказалось... это круорг. Я, как мы на свет вышли, сначала жутко испугалась, даже язык отнялся. Но он так смотрел, Ула, — Тося робко улыбнулась. — Знаешь, как... как смотрят голодные дворовые собаки, когда им сухарь бросаешь. Будто я ему своей жалкой подачкой чуть ли не жизнь спасла!

В голове будто наяву вся эта картина возникла. Да уж, надо думать, после атмосферы страха, в которой все темные маги вынуждены тут обитать и вдруг вот так запросто одно из самых пугливых созданий забывает, кто ты есть, берет да приглашает на танец! В женском обществе

круорги, конечно, недостатка не испытывают, но то, что получаешь за деньги по сравнению с отданным добровольно... несравнимо.

— Да... наверное, для него это был совсем неожиданный подарок. Да еще ценный, ты права. И что?

— Да ничего. С Баем я больше не разговариваю, ну его! А этот... круорг, он еще приходил два раза ко мне в мастерскую. Вначале принес конфеты. Но я испугалась, девчонки как увидели, побелели все, говорят, не приближайся к нему, мало ли чего он хочет! Говорят, круорги девушек до дна выпивают и остаются... только такие сухие оболочки. И что раз он мне конфеты принес, обязательно хочет получиться что-то взамен. И понятно дело, что — он же мужчина и кровавый маг. Так что второй раз я к нему не вышла и теперь стороной обхожу. Но... как вижу издали — и страшно, и жалко его. А главное... сердце так колотится, будто хочет выпрыгнуть. Прямо ему в руки.

Вылив на меня весь этот кипящий поток эмоций, которые Тося, похоже, копила в себе уже довольно давно, не понимая, что с ними делать, она, наконец, успокоилась.

— Да слышала я эту байку про сухие тела. Не волнуйся, Тося, это неправда. Тут тебя никто не тронет, тем более теперь... Главное, чтобы он очередным Баем не оказался.

— Нет, — она уверено качнула головой. — Он не такой.

Спорить, понятное дело, бесполезно. Да и самой хочется надеяться, что действительно не такой. К тому же теперь у меня куда больше возможностей оградить своих друзей от неприятностей. Вот, кстати, еще дилемма. Можно конечно предупредить этого несчастного круорга, что княгиня с ним сделает, если он посмеет обидеть Тосю. Но не буду же я проделывать этого постоянно, с каждым очередным поклонником? Да и она, если узнает, не обрадуется.

Лучше бы я и не могла ничего подобного! Ну его, в бездну всю эту власть вместе с замком в придачу! Пока я ругалась сквозь зубы, Тося задумчиво улыбнулась, а глаза забегали, будто она в срочном порядке решала, за какое из неотложных дел теперь браться в первую очередь.

Тут я вдруг вспомнила.

— А где Роксана? Она не пришла...

— Мы же не знали, что это ты с князем едешь, — удивилась Тося. — Я вообще чуть не упала, когда увидела, кого князь привез и еще потом... Когда сказал, что ты его жена. Подумала, что наверное, с утра надышалась той травой, которую музыканты курят как раз под окнами мастерской, вот и мерещится теперь... А Роксана уехала. Вышла замуж за этого своего

Каркуна. Они всей бригадой уехали, когда достроили летний дом, тот, где с веранды озеро видать.

Хм, интересно, она замуж вышла, чтобы уехать и детей завести, как хотела или чтобы быть ближе к юноше, который в бригаде?

Главное, пусть будет счастлива, попросила я звезды. Собственно, традицией обращаться к ним с просьбами по понятным причинам я давно уже не пользовалась, а уж просить лично для себя и под страхом смертной казни ничего бы не стала. Но для Роксаны...

— Ну а Лешик, как я уже видела, в полном порядке, — довольно ядовито добавила я.

Тося пожала плечами и промолчала. Но при его имени ее лицо засветилось, как у каждого, кто был с Лешиком в приятельских отношениях. Хорошо все-таки, когда в жизни тебе попадаются не только подлецы, но и настоящие люди, душевность которых расходуется вокруг них, как круги по воде.

Я вздохнула и у звезд просить больше ничего не стала. Хорошего понемножку, обращусь лучше завтра.

Когда пришел лекарь, Тося как раз ушла за своими вещами, так что я без помех и свидетелей потребовала себе сбор мурсовки, потому что решила — проще для всех, если я буду заваривать себе ее сама, тем самым избавив замок от лишних сплетен. О необходимости держать язык за зубами даже предупреждать не пришлось, лекарь проскрипел, что должен получить подтверждение князя, я благосклонно позволила спросить у мужа его мнение и вскоре у меня в руках лежал мешок с густо пахнувшей пряным перцем травой.

Прекрасно. Хватит надолго.

После все закружилось в бешеном ритме.

Когда на улице темнело, моя комната была готова, а Тосе принесли кровать, утром обещая доставить все остальное.

В лучах вечернего солнца мы сидели за столом у камина, перебирая нарисованные от руки картинки, где карандашом отмечали подходящие модели и цвета. Мы решали, что должен включать гардероб порядочной княгини. Я же теперь не могу ходить в платьях пансионерки или еще хуже в рабочей одежде служанки? А другой у меня нет.

В дверь постучали и появился прислужник.

— Ужин будет подан через полчаса, — заявил. — Вас ждут в малой столовой.

Я поморщилась. Нет уж, это слишком.

— Передайте мои извинения и скажите, что я устала и хочу поужинать

у себя.

Он молча поклонился и исчез. А я напоролась на острый Тосин взгляд.

— Что такое?

— Но ты... не устала, — обвинила она.

— А я не обязана никуда ходить. Мне Янош разрешил делать, что угодно.

— Но ведь... — она помялась и решительно договорила. — Ты говорила, что он тебя замуж... Что ты сама согласилась?

— И что?

— Значит, он тебе не безразличен? — склонила она голову к плечу.

— Ну, предположим. И что?

— А то... Он же там один останется против всех, а ты даже на минутку не покажешься? Разве ты не должна хотя бы немного с ними посидеть и составить князю компанию? Поприветствовать их, как хозяйка?

— Ничего я не должна! — заявила я. — Мне князь разрешил делать, что угодно, поэтому я не собираюсь торчать среди них на ужине! Он знает, почему!

Тося неожиданно упрямо сжала губы. И когда только такую привычку приобрела?

— Но... остальные-то не знают, почему. Разве нет? Что они подумают?

Я вскочила на ноги и сообщила, что мне плевать, пусть думаю, что угодно и оставят меня в покое. И вообще, некоторым несовершеннолетним давно пора спать!

Оставшись в одиночестве, я по какому-то наитию затушила лампы и оказалась почти в полной темноте. Глаза привыкали все сильнее и вскоре серебряные пятна лунного света на полу стали казаться даже слишком яркими.

Когда пришел Янош, лунный свет ухватился за него, будто за родного и повинувшись совершенно непонятному и необъяснимому приступу ревности я пошла навстречу и схватив его за руку, повела за собой, хотя любой круорг и сам прекрасно видит в темноте.

Не скажу точно, но похоже, именно этой ночью, в пронизанном лунными пятнами мраке и родилась та, вторая, ночная Ула.

Прошло несколько дней и временами казалось, что я начинаю привыкать к замку и новому окружению. Перешедшие по наследству от Фионы служанки практически бездельничали, потому что нам с Тосей чужой компании не хотелось, а гардероба, за которым требовался уход так и вовсе неизвестно еще сколько придется ждать. Настаивать, чтобы денно и ночью заставили работать всех, кто умеет держать в руках иголку я не стала, мне собственно было без разницы, в каком виде представать перед гостями, не говоря уже о жителях замка.

От праздника в честь свадьбы я отказалась, вернее, вежливо, но уверенно отложила на потом. Неспешное течение окружающей жизни практически завораживало, не хотелось нарушать его никакими искусственно созданными помехами.

Единственный всплеск нашего болота случился, когда от короля прибыл гонец с кучей бумаг, содержащих официально отозванный приказ об удержании речной зоны возле шайнарской границы. Сами по себе бумаги мало что значили, но скорость ответа и готовность к диалогу явно показывала, как сильно королевский совет заинтересовался возможностью получить охраняющие амулеты.

Князь снова выиграл и получил, что хотел.

Первая партия амулетов была одноразовой — разряжалась после первого удара мечом/ножом или сама по себе по истечению нескольких дней после первого контакта с кожей хозяина. Круорги принялись решать, насколько сильно их можно улучшить, чтобы сохранить зависимость Совета от поставок, но и не продешевить — в амулетах небольшого уровня защиты те могли быстро разочароваться.

Кроме того, король потребовал, чтобы амулеты поставлялись строго ко двору и не распространялись среди всех желающих, способных оплатить их стоимость. Я слышала, что Янош согласился, правда, взамен потребовал положительного решения на когда-то поданное им в Совет прошение и круорги взбудоражились, как разворошенное осиное гнездо, потому что все поголовно хотели, чтобы у Яноша получилось задуманное.

Я старалась не лезть в их дела.

Дни проходили довольно однообразно. Все еще было солнечно, поэтому мы с Тосей отправлялись с утра в сад, где долго бродили среди зарослей и болтали о всяческих пустяках, и при этом, не сговариваясь,

тщательно избегали некоторых запретных тем.

Иногда я засиживалась в библиотеке, где наконец-то добралась до учебника по омниумам. Был соблазн стащить и спрятать книгу в комнате, чтобы всегда держать под рукой, но подумав, от этой идеи я отказалась. К чему дергаться, она теперь моя от первой до последней страницы, так что пусть остается в специально предназначенном для книг месте.

Часть времени до обеда я тратила на создание омниумов, но не как раньше, когда в качестве заработка просто создавала ткань и украшения, а пытаюсь изобразить нечто новое со страниц учебника. И ровным счетом ничего не получалось, мне ни разу не удалось поймать изменчивую форму капли вина и отразить ее в камне. Про насекомых с искрой жизни я вообще молчу. Конечно же, на помощь со стороны рассчитывать не приходилось, потому что в замке не протолкнуться от специалистов по темной магии, но нет ни единого, кто бы разобрался в шайнарской!

Погода все еще оставалась прекрасной, хотя было далеко не так тепло, как летом. Но воздух в горах суше, чем в деревне или столице, потому даже легкий внезапный ветерок пронизывал до самых костей.

В общем, на жизнь жаловаться не тянуло, хотя конечно я постоянно забывала, что теперь являюсь хозяйкой самой себе. И между прочим, заодно всем окружающим. Про громаду замка над головой вообще молчу.

Дня через три после приезда мы с Тосей как обычно дышали свежим воздухом, оккупировав небольшую лавочку посреди клумбы с фиолетовыми и пурпурными крокусами, когда сбоку, на дорожке у пушистых осенних кустов показался Габрис в компании еще одного круорга.

С Габрисом по приезду я так ни разу и не успела поболтать, потому быстренько вскочила на ноги, призывно взмахивая рукой.

— Габрис!

Подойдя, он склонил голову в насмешливом поклоне.

— Ваша светлость.

О, мать всех звезд! Снова забыла правила этикета и практически опозорилась. Правильно мне намекал пан Гектор, что не помешает завести себе консультанта, который отточил бы мои навыки принародного поведения.

Зато чего у меня не отнять, так это умения переводить стрелки. К примеру, эти нашивки на воротнике его куртки...

— Габрис, ты теперь участник первой линии? Мои поздравления!

— Благодарю.

Настала пора вспомнить о вежливости и поздороваться с его другом.

Невысокий молодой человек с привычными темными глазами и прекрасной осанкой, впрочем, смотрел мимо меня. Прямо на Тосю. И судя по тому, как упорно она сверлила взглядом землю под ногами, так что та, казалось, вот-вот задымится, они тут прекрасно помолчат и без нашего общества. А по-светски поболтать можно и в другой раз.

— Габрис. Я хочу пройтись до лебединой беседки. Не составишь мне компанию? — поинтересовалась я.

— С удовольствием, — он подал мне руку и мы, не оглядываясь, направились по дорожке в сторону озера. Некоторое время он развлекал меня какой-то бессмысленной, но веселой историей, но стоило добраться до первой окруженной зарослями арки, как я остановилась и самым невежливым способом его перебила.

— Габрис... Расскажи мне кое-что. Я хочу знать...

Да, еще не привыкла приказывать. Особенно в таких делах. А просить-то как неудобно!

— Хочу спросить кое-что о... Ну, тогда, в замке Жоста... Ты же там был? Когда князь приехал?

Он смотрел исключительно внимательно.

— Почему ты не спросишь у князя? — вдруг поинтересовался.

— Есть вещи, о которых я никак не могу спрашивать у князя! — завела я.

— Хм... Ладно, у князя может и не можешь. Но нет вещей, о которых нельзя спросить у собственного мужа.

Я вскинула голову. Что-то не поняла, кто тут вообще княгиня? Почему все вокруг считают себя вправе делать какие-то непонятные намеки на мои отношения с князем? Каким боком они их касаются? Пан Гектор, к примеру, вчера заявился и сообщил, что мне пора приступать к замковым делам. Мол, сначала он мне поможет разобраться, что и как, а после определит других помощников из числа круоргов и отпустит в «свободное плаванье». А когда я отправила его вместе со всеми замковыми делами напрямиком к Яношу, тоже так же смотрел... встревожено.

— Вы хотите, что он занимался и этими вопросами тоже? Принято, что их решает хозяйка замка, — удивлено спросил пан Гектор.

— У него достаточно помощников, чтобы найти, кому еще заниматься этими делами! — непроизвольно разозлилась я.

Он поклонился и вышел. А теперь Габрис туда же! Ну да ладно, раздражение придержим, сейчас у меня совсем другие планы, только ссоры и не хватало.

— Ты можешь мне кое-что рассказать или нет? — напрямую спросила

я, отбросив в бездну все эти ужимки и вежливости.

— Ну ладно, спрашивай, — сдался он.

— Расскажи мне... о Маризе.

— О Маризе? Постой, это... это та знакомая Жоста, которая на тебя безумно похожа?

— На меня? — изумлено переспросила я. Вообще-то говорили, что мы довольно сильно друг от друга отличаемся.

— Да, я как увидел, сначала подумал, это Жост тебя так придел, хотя все равно странно смотрелось. Ладно бы просто придел... но поведение, мягко скажем, раскованное, откуда взялось?

— И что? Что случилось между ней и князем?

Он вдруг довольно улыбнулся, даже слегка зажмурился.

— Ну во-от... Наконец-то! Ревность! А то иногда наблюдаешь, как ты равнодушно сквозь него смотришь, так кажется, тебе на князя совсем плевать.

— Говори уж, — неожиданно покраснела я.

— Мариза. Ну что Мариза... Мы познакомились вечером того дня, когда приехал князь. Нас троих и Фиону пригласили к ужину, за столом возле Жоста сидела женщина, которую я принял вначале за тебя. И не я один, честно говоря. Когда прибыл князь, мы как на иголках сидели, ведь решалось, что с нами будет. Вернее, как нас накажут за проваленное задание. Янош приехал один, вошел, кивнул, посмотрел на нас по очереди, словно проверял, все ли части тела на месте, а потом повернулся к Жосту. И тут замер. Лицо такое у него было... знаешь, будто у старика палку отняли, на которую он опирается и теперь уже ничего не мешает упасть. Так и Янош... будто опоры лишился. А Жост вскочил, разрешите, говорит представить одну из прекраснейших женщин королевства, чьим поклонником я являюсь уже в течении нескольких лет. И с тех пор она становится только краше и все сильнее кружит голову, подобно самому редкому и изысканному вину. Мариза де Тувисс! Та вскочила и к Яношу... Походка такая... все тело на обозрение выставлено, платье разве что руки и ноги прикрывает, в общем, есть на что посмотреть. Подошла к нему вплотную, голову задрала и улыбается, ну... будто давнему любовнику.

Я неожиданно прикусила губу.

— А он... Посмотрел ей в глаза и вдруг как отрезало. Просто отвернулся к Жосту. «Где она?», спросил. Тот, конечно, доволен, улыбка до ушей. Какие, говорит, дела во время ужина? Усадил князя рядом с собой, по другую сторону от него Маризу эту. Та уж расстаралась скрасить общество, как могла, разве что грудью на его тарелку не укладывалась. А уж шептала

так томно, что я, к примеру, вспотел. Да, женщина что надо. Я б не отказался...

Вдруг, увидев это мечтательное выражение я взяла да ка-ак щипнула его за руку! Он натурально охнул, растирая кожу, зато масляный блеск в глазах растаял.

— В общем, я понимаю, конечно. Такие женщины — они на время. Просто вечерок провести. Они целиком и полностью твои... до тех пор, пока им платят. Это хорошо иногда, но когда ищешь чего-то большего, они уже перестают интересоваться. В них больше не остается ничего важного, понимаешь?

Так сразу понять я может и не могла, но все равно кивнула.

— Князь на нее даже не смотрел. Ни о чем не говорил, разве что на вопросы сухое да или нет отвечал. Эта... Мариза, она очень злилась, правда. В конце ужина я видел, как она под стол салфетку утянула и натурально в ней дыры ногтями просверлила. На лице улыбка, глазки призывно прикрыты, а руки прямо дрожат от ярости. В общем, на ее счет можешь не волноваться.

— Спасибо... Что рассказал, — уточнила я. Еще не хватало благодарить за какие-то намеки о ревности, волнении и тому подобному!

Сегодня в парке было совсем пусто. Листва деревьев давно уже осыпалась, если бы не эти кусты, утыканные мясистыми плоскими кругляшками, вокруг было бы довольно грустно.

— А ты не хочешь узнать еще и о... Фионе? — невинным тоном поинтересовался Габрис.

О, Синяя звезда, дай мне сил! Что ж это такое то? Издать какой-нибудь утвердительный звук я так и не смогла. Он вдруг стал серьезным.

— Я видел, как она уезжала. Утром. Мы тоже собирались, получилось, что я раньше остальных во двор вышел, а она там верхом на лошади уже сидит, а князь стоит рядом. Я не стал на рожон лезть, за дверью спрятался. Не чтобы послушать, а чтобы не мешать. Вот, она значит, ему говорила, зло так, сухо. Как у вас, у баб, там принято? Лучшие годы жизни на тебя положила, любила безумно и все еще люблю. И просто скажи хоть слово, хоть намекни и все будет по-прежнему. И она ему все простит. Слышишь, Ула? А князь вместо этого ответил: «Я ее люблю». Все, потом свист хлыста, стук копыт и Фионы как не бывало. В общем, женщины такие существа непредсказуемые. И вы... совершенно алогичные. Просто ни капли здравого смысла!

Я сильно удивилась такому переходу от яблок к колбасе.

— Иногда я думаю, что самый простой способ описать ход ваших

мыслей — гадание на костях. Задаешь вопрос и чего это она решила, что я имел в виду одно, когда прямо сказал совсем другое? — и тянешь кость. Так и получаешь ответ, ничуть не хуже всех остальных.

Надо же... Прямо анализ провел, видимо, после длительных усиленных размышлений.

— Ты что... новую цель себе поставил? Получил первую линию на воротник и теперь перешел на изучение повадок женщин? — наобум предположила я. И увидела, как его лицо вытягивается.

— Как ты узнала? — озадачено спросил он.

— Никак. Угадала.

Он, похоже, не поверил, но и переспрашивать не стал.

— Примерно так, — согласился. — И это куда сложнее, чем предыдущая цель, если прикинуть. Вот эта твоя... Тося. Пригласила Анри танцевать, глазки ему строила, улыбалась, а щас смотрит мимо, как на пустое место! Вот как это пояснить? — завелся он. Потом подскочил и втиснувшись в разделяющие нас и лавочку кусты, раздвинул их локтями. Кусты трещали, отчаянно сопротивляясь, но в конце концов, сдались. Он стал присматриваться. Потом хмыкнул.

— Или вот, — сказал, — сидят теперь! Иди, посмотри.

Я в своем новом пышном платье тоже полезла следом, но оно так цеплялось за сухую траву и ветки, что пришлось задрать его выше колен. Так, покрасневшись и с задраным подолом в руках, я пролезла в чащу кустов к Габрису и уткнувшись носом в последний слой веток, увидела, как Тося все так же сидит на лавке, а Анри теперь сидит рядом, сжав в ладони ее пальчики. А Тося не вырывается и даже наклонилась к нему ближе.

— Вот как это понимать? — сварливо спросил на ухо Габрис.

Я прикинула, что отвечать бесполезно. Сама бы хотела знать, что все это значит. Впрочем, задуматься стоило о другом. Когда мы полезли из кустов обратно на тропинку, наше триумфальное появление обрело зрителей в виде двух служанок, которые даже замерли, не рискуя проходить мимо. Представляю, что теперь за слухи пойдут...

Ночью я на всяких случай пыталась объяснить Яношу, что сегодня днем в кустах с Габрисом... Это не то, что можно подумать, увидев со стороны, а мы просто...

— Я даже и не думал. В колючих кустах... И в голову бы не пришло, — ответил он, опуская руку на мое голое колено и крепко прижав, провел ладонью до бедра.

И дневная Ула привычно исчезла. Та, вторая... я даже не всегда верила, что мы нечто целое. Ночная вела себя так, как я и представить себе

не могла. Она вела себя не просто откровенно... а крайне бесстыже. Ну, на мой дневной взгляд. И все же я позволяла ей существовать. Отстранялась в сторону и когда в темную комнату приходил Янош, отпускала к нему — обнимать до боли в руках, целовать до распухших губ, настойчиво требовать небытия и дарить ответный покой. Для нее было жизненно важно почувствовать своими ребрами стук его сердца и прикоснуться пальцами... губами и языком к коже, которая пахла так сладко, что уходя рано утром, я еще долгое время не ощущала других запахов.

Днем мы с ним практически не виделись. У Яноша было множество дел, ужинал он обычно с гостями и деловыми партнерами, а я старалась не мешать, тем более все эти залетные дельцы и представители королевского двора априори вызывали у меня неприязнь.

Вскоре, когда по некоторым относящимся к женской физиологии причинам я не могла принимать у себя мужчину, я заперла дверь, решив, что он прекрасно поймет смысл моего поступка. Так и произошло. По крайней мере, при встрече днем с его стороны никаких вопросов или комментариев не последовало. А на следующую ночь Янош и сам не пришел. На третью вообще уехал из замка и вечером не вернулся, оставшись ночевать там, куда поехал решать какие-то неотложные дела. Он и раньше часто уезжал, правда, всегда возвращался строго к ужину.

Утром, когда Тося меня причесывала — вернее училась причесывать, потому что не особо-то у нее и получалось, она вспомнила про какое-то чудо-средство для укладки волос и решила немедленно сбегать за ним к травнице. А вернувшись, принесла известие, которое не сразу решилась объявить. Но ее бледное лицо и подрагивающие губы, а особенно нечто напоподобие жалости в глазах яснее ясного указывали, что дело нечисто.

— Что случилось? — жестко спросила я, за прожитое в качестве хозяйки время уже убедившись, что порой строгость срабатывает куда лучше ласковых расспросов.

— Князь вернулся на рассвете... С ним женщина, — пролепетала Тося. Я усмехнулась.

— Заканчивай с прической, — и отвернулась к зеркалу.

— Ты совсем не волнуешься? — спросила она уже уверенней.

— Заканчивай, сходим и посмотрим, что там за гостья такая, — ответила я. Я и правда совсем не волновалась. Наверное потому, что совершенно точно знала — если он мне изменит, я уйду тем же днем. И больше никогда не вернусь. А еще я была полностью уверена, что Яношу это известно ничуть не хуже меня самой. Наверное, даже лучше.

— Ты же его не пускала ночью, правда? — спрашивала Тося.

В ответ на мой вопросительный взгляд пояснила.

— Моя комната рядом, я слышу, как он к тебе приходит. В последний раз... ушел обратно.

— Это временно.

— Разве ты не знаешь, что мужчины находят других, если... если не получают, чего хотят?

Я резко развернулась, волосы выскользнули из ее рук.

— Тося, это ты после Бая решила? Или это уже Анри? Я его убью, если он тебя обидит!

Она неуклюже мяла в руках щетку.

— Нет, не Анри. Он не такой! Он меня даже не целовал ни разу! Только конфеты носит и все.

Я подумала и отвернулась к зеркалу.

— Заканчивай.

Прическа была завершена в полном молчании и к нашему обоюдному удивлению получилась лучше обычного. И правда, неплохое средство Тосе посоветовали.

Через несколько минут мы шли к кабинету пана Гектора, куда по слухам отправился князь с гостьей сразу же по приезду. Прошли мимо стражи и впереди тут же показался один из слуг, который молча распахнул перед нами дверь. Кабинет с тех пор, когда я здесь работала, ничуть не изменился. Гостья с чашкой чая в руке сидела возле пана Гектора, а сам хозяин кабинета казался на редкость мятым и всклокоченным. Я даже сыронизировала про себя, что похоже, его причесывал кто-то вроде Тоси. Уже и не помню, когда видела его таким возбужденным. Наверное, в день, когда он приходил просить меня о помощи после побега Яноша...

Гостья оказалась не особо молодой и красивой, но зато выглядела до крайности самоуверенной. Была одета в дорожный костюм, причем судя по его состоянию, путешествовала уже довольно долго.

Обменявшись приветствиями, я попросила Яноша уделить мне несколько минут своего времени. Мы вышли и дойдя до конца коридора, заняли мягкий уголок в полукруглой нише. Удобное место, отлично видно расходящиеся коридоры и кто по ним проходит.

Я выбрала кресло, а Янош сел на диван, даже не пытаясь ко мне прикасаться. Я четко отделяла ночную Улу от дневной. Не стоит показывать окружающим, что между нами происходит, по большому счету даже намечающийся сейчас разговор для меня уже нечто выходящее из ряда вон.

— Поговаривают, ты привез любовницу, — без улыбки заявила я.

Он довольно хмыкнул, но отвечать не стал. Только смотрел пристально и жадно, так, что я поспешно отвела глаза. Судя по ощущению мурашек на коже, так он смотрит на меня ночью, но в темноте я не вижу. Вот пусть для ночи свои взгляды и оставит!

— Так кто она? — не сдержала я любопытства. Уж слишком загадочный у него был вид.

— Ты знаешь, Гектор меня в свое время вытащил, не оставил на улице. Опекал и воспитывал, как мог. Так вот, похоже, это его призвание. Мы много лет искали следы его пропавшего кузена, который еще в молодости сбежал от правосудия и прятался где-то в провинции. Нашли доказательства, что он погиб, но осталась сирота, дочь. Эта женщина продает информацию, где ее можно найти... Если все получится, как задумано, вскоре квочка Гектор получит нового цыпленка женского пола в возрасте двадцати лет. И поговаривают, не самого простого характера. Впрочем, Гектору не привыкать.

— Понятно.

Забавно будет понаблюдать пана Гектора в роли опекуна, потому что в случае Яноша он давно уже больше друг, чем учитель.

— Мне пора, — с сожалением сказал Янош, прерывая мои размышления о личности новой родственницы. — У меня сейчас встреча со старостами деревень южного склона. Там овец таскают какие-то звери неуловимые и уже одного пастуха разорвали. Придется разбираться.

Я хотела сказать ему, чтобы сегодня ночью он приходил, уже можно. Но почему-то не сказала, только сидела и молча смотрела, как Янош удаляется по коридору обратно к кабинету пана Гектора.

Впрочем, ночью он пришел. За последние три дня ночная Ула сильно изголодалась и прибывала в полной уверенности, что уставший после поездки и разбирательств с овцами Янош первым запросит пощады.

Как и не бывало! Сдалась я первой, закрыв глаза и провалившись в сон еще до того, как дыхание восстановилось, а сердце успокоилось и забилося в привычном ритме.

Но следующим утром, придя в библиотеку, я решила вплотную заняться омиумами. Наверное, на меня таким образом подействовала царящая в замке атмосфера, кипящая различными проблемами и нерешенными делами, когда все чем-то заняты и только одна я бездельничаю.

К вечеру уставшая спина и ноющая шея компенсировались в виде найденного ответа. Прямо сказано не было, но из текста я сделала вывод, что для создания камней мне просто-напросто не хватает магического

резерва. Что объем накопленной силы слишком мал и не способен превратить жидкость в камень, пусть даже я возьму самую густую, вроде смолы.

Уверена, наверняка этот вопрос можно решить, правда, в учебнике по совершенно необъяснимой причине о способах увеличения резерва не было сказано ни слова. И тогда я вспомнила, что в замке я не единственная шай-парс, ведь князь рассказывал о человеке, способном видеть сквозь толщу земли. Как я вообще могла забыть? На следующий день сразу после завтрака, оставив Тосю в комнате читать какую-то книжку, я отправилась искать шай-парс Гутана, который управляет земной твердью.

Не сразу удалось выяснить, что он проживает обособлено, в домике между озером и склоном горы. В общем-то, эта зона уже не являлась замковой, но меня спокойно пропустили за ворота по той простой причине, что круоргами была введена система наблюдения за появлением чужаков на окружающей замок территории. Не знаю, как она работает, не интересовалась, но действует безотказно. Хотя вдалеке за мной все равно шел человек, наверняка приставленный в качестве охраны.

Узнать в сидящем на кресле-качалке пожилom человеке сородича оказалось проще простого — на его бицепсах чуть выше локтей застыл рисунок сложенных горкой гладких камней. Гутан смотрел перед собой отсутствующим взглядом и на приветствие не ответил.

Вероятно, отправился под землю, решила я и громко озвучила просьбу, благодаря которой оказалась у его дома и посмела отвлекать от размышлений. Помочь больше никому, но может он знает хоть что-то, способное натолкнуть меня на правильный путь поиска?

Вначале казалось, что он не слышал, но потом камни с тихим шуршанием зашевелились и Гутан перевел в мою сторону не менее тяжелый взгляд. И вдруг резко поморщился, как от вони, которая неожиданно заполонила чудный горный воздух окрестных земель.

— Шли бы вы барышня отсюда, — зло сказал. — Ничего я вам не скажу.

Я опешила. Как княгиня, между прочим, я могла его и повесить! Конечно, я не стану этого делать, но непонятно...

— Почему вы так со мной разговариваете. Что я сделала? — изумилась я, от неожиданности не удержавшись от вопроса. Получилось совсем не по княжески.

— В том-то и дела, госпожа, — он посмотрел мне в глаза, выделяя обращение, которое в моем случае являлось прямым оскорблением. — В том-то и дело, что ничего. Ничего из того, что он заслужил!

Я быстро облизала губы, боясь услышать продолжение. Хотя к чему забивать голову лишними страхами? Может, имеет место быть простое недоразумение?

— Кто он?

И с ужасом услышала вполне предсказуемый ответ.

— Князь.

Несколько часов я провела, запершись в своей комнате, где тупо носилась из угла в угол.

Мне казалось, эта каменная глыба с куском гранита вместо сердца и мозгов одним движением сделал именно то, в чем заключался его талант — пробрался в глубину и сдвинул с места какой-то единственный неустойчивый камень, сдерживающий поток и теперь лавина хлынула, снося по пути все заградительные заслонки, выстроенные разумом в попытке внятно объяснить свое поведение.

Разве я хотела всего этого? Замок, титул, власть и возможность вешать неугодных? Разве мне нужны были толпы слуг, с которыми неизвестно что делать и вереница просителей за воротами? Разве я хоть однажды мечтала о муже, способном утереть нос королевскому совету?

Мне ничего этого не нужно! Но я пошла за ним... В очередной раз! А теперь вынуждена выслушивать подобные высказывания от человека, которого вижу впервые в жизни?

С какой стати?!

Я закипала, как огромный котел с мятой жестяной крышкой, отчего она только грознее и громче дребезжит под действием пара. Может Яношу следует приструнить своих псов?

Но нет... меня не сломает какой-то злобный огрызающийся пес! Не так просто!

Есть и другие методы получит свое. Конечно, я не стану опускаться до угроз или любых других принудительных мер, а просто продолжу поиски в другом месте. И сделаю все по-своему!

Дождавшись раннего вечера, когда заканчивались занятия у третьей линии, которой теперь преподавал и Габрис, я попросила Тосю за мной не ходить и отправилась в учебное крыло круоргов. По дороге встретила пана Гектор, который держал под мышкой несколько толстых папок, а в руке — массивную печать с блестящей деревянной ручкой.

Кстати, иногда стоит следовать ампула доброжелательной и равнодушной хозяйки в пику всем полученным утром обвинениям.

— Пан Гектор? Как идут дела? — спросила я, выразив всеми возможными способами такую сильную степень заинтересованности, которая без утоления неминуемо приводит к коликам в животе и мучительной смерти. Послушаю немного жалобы на загруженность, не

переломлюсь.

— Справляемся, — вместо этого ответил он, коротко поклонился и прошел мимо.

Я пожала плечами. Нет, нет, это никакой ни очередной камень, заставляющий лавину двигаться быстрее. Мало ли... Дурное самочувствие, нет настроения болтать, со всеми бывает. Ну и ладно! Тем более и мне некогда.

Габрис находился в учительской, где складывал в коробку сухие коричневые куски то ли кожи, то ли ткани. Я старательно отвела глаза, чтобы не возникло желания поинтересоваться, что это и зачем.

Тем более, мне некогда!

Всего-то и успела, что сесть. И тут же вскочила, потому что ни одна мышца моего тела не желала находиться в покое и бездействии.

— Габрис! Мне нужно найти способ, как увеличить свой магический резерв, расширить его... Понимаешь, о чем я?

Он вскинул голову.

— Понимаю... Только не понимаю другого. Почему ты пришла сюда? Почему не обратилась с этим вопросом к князю?

Я нахмурилась.

— Он слишком занят. Не хочу беспокоить и отвлекать его по пустякам.

Габрис думал долго.

— Вот как... — теперь его голос звучал очень сухо. — Тогда вот тебе мой ответ — все дела подобного уровня решаются только с разрешения князя. Так что ничем помочь не могу.

— Это твой ответ? — переспросила я, почему-то решив, что он, вероятно, просто шутит или дразнится. Он не мог мне отказать, даже толком не разобравшись в проблеме!

— Да.

— Но почему?

Он нервно облизал губы. Надо же... Вон какой бледный. Настолько сильно Габрис не нервничал даже во время, когда мы попали в плен.

— Потому что я очень люблю своего учителя, — вдруг тихо сказал.

Я подскочила на ноги и, не прощаясь, вышла из комнаты. Хотя судя по свисту в ушах, скорее не вышла, а все-таки вылетела.

Что же это такое? Какой-то сговор? Чем я им всем не угодила?

К Тосе с таким вопросом не пойдешь. Единственный, кому я верила, так это Лешик. Он, кстати, сегодня должен ночевать в замке, потому что завтра будет решаться вопрос о списке опасных животных, которых предложено разместить в зверинце. Его кстати, переселили в основное

здание, так что не придется выходить на улицу, где за мной тут же хвостом пристроится вездесущая охрана.

Терпеть не могу!

Я быстро спустилась на этаж ниже и проскользнув мимо охраны, спряталась в коридоре, убедилась, что вокруг никого нет и тихо постучала в дверь.

Леш открыл без вопросов и, похоже, был моим визитом удивлен. Последний раз мы виделись пару дней назад, когда гуляли с Тосей в саду, Леш тогда предлагал нам прогуляться с пользой и заодно посмотреть на недавно привезенных южных птиц, но мы не захотели. Чего на них смотреть, вот на мраморную жабу...

— Что-то случилось? — быстро спросил он, как только увидел мое лицо.

— Нет!

— Хм...

Он проводил меня взглядом, запер дверь и, сложив руки на груди, молча оперся на стену, а меня уже распирало, так и лезло наружу все это безобразие.

— Мое терпение уже практически на исходе, — заявила я, разрезая ребром ладони воздух. Раньше за мной такой привычки не наблюдалось. — Все как стоворились делать мне намеки, что я тут чужая, ненужная, да и в принципе никто! Пан Гектор считает, что со мной нельзя говорить о вещах серьезных, а только о погоде и цветах! Этот... шай-парс вообще нахамил сегодня ни за что, а Габрис отказался помогать, отправил к князю!

— К князю? — Леш неторопливо отлип от стены и сел за стол. — Но ты вместо этого... пришла ко мне?

— Я просто в ярости! Как будто я хотела заполучить этот дурацкий замок и общество кучи чужих людей в придачу! Будто я напрашивалась!

— Все, я понял, — прервал он. Я набрала побольше воздуха, но продолжать не стала. Дальше наружу рвались уж совершенные несуразности, так и лишнего недолго сболтнуть.

— И что ты думаешь? — спросил Лешик.

Я уселась рядом с ним.

— Я жутко злюсь.

— А почему? — каким-то незнакомым голосом продолжил он.

— Как почему? Да потому что они все лезут в дела, которые их совершенно не касаются! Такое говорят...

Он дернул рукой, словно не желал ничего слышать.

— Может потому, что ты... сама чувствуешь, насколько неправа? Это

всегда злит, когда знаешь, что окружающие говорят правду. Ту самую бесспорную истину, которую ты в упор стараешься не замечать!

Я онемела. Где человек, который всегда меня понимал и без всяких просьб старался помочь и поддержать?

— Леш... И ты против меня?

— Ты пришла ко мне, — жестко сообщил он.

— Ну... да.

— Ты не пошла к Яношу! — заявил Леш.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что все вокруг прекрасно видят... Так что да, Ула, я хочу сказать удивительную вещь, которая тебя немало поразит — ты не права!

И снова пришла злость. Даже Леш... Даже он?

— В чем же? — ядовито поинтересовалась я.

Он оперся руками на стол и подался вперед.

— Мне всегда было смешно следить за влюбленным со стороны. Они все такие болваны! Как полусонные овцы, хотят и вздыхают, вместо того чтобы собраться и действовать. Это всегда умилительно и забавно. Но... поверь сейчас человеку, которого однажды из-за тебя чуть не убили! То, что ты делаешь с Яношем, это... это страшно.

Я молча смотрела, чувствуя всю неизбежность и неохватную мощь сходящей лавины, которая только что достигла максимальной скорости. И больше ее не остановить.

— Поясни, — отчеканила я.

— Запросто. Ты хоть представляешь, как вы смотрите со стороны? Как он на тебя смотрит, Ула... за один такой взгляд любая женщина отдала бы пару лет молодости. А как смотришь ты?

— Как?

— Никак... Ты смотришь куда угодно, но только не нас собственного мужа. Когда вы рядом, кажется, что ты одна, сама по себе, а он так, просто невзрачное приложение к твоей королевской особе.

— Ты заговариваешься! — зашипела я.

— Знаешь, Ула, — теперь его голос был не менее злой, чем мой собственный. — Ты хоть раз задумывалась, как сильно его любят круорги? Для большинства он гораздо больше, чем отец или брат, он тот, кто подарил им возможность жить спокойно! Вытащил из мрака одиночества и снял печать отщепенцев! Все хотят, чтобы Янош был счастлив. Но он не счастлив... из-за тебя! Вот, послушай... он ко мне приходил несколько дней назад, ночью. Ему потребовалась компания, потому что наш князь желал выпиться. И я составил ему компанию. И знаешь, что он сказал, когда язык

развязался до той степени, когда с него слетает все самое потаенное, самое важное и тревожное? Все, что стараешься гнать из головы подальше и не думать?

— Что?

Леш на секунду крепко сжал зубы, скулы чуть не прорвало от резкого движения.

— Он сказал, что иногда ему кажется, что если... вместо него ночью к тебе войдет кто-то другой, ты... не заметишь разницы.

Неожиданность была что надо. Я вцепилась руками в стул и, похоже, мое лицо само за меня ответило.

— Он очень пожалел о своих словах, — словно оправдываясь, продолжил Леш. — Сразу помрачнел, протрезвел и ушел. Но сказанного не вернешь. Это сказал не пьяный язык, это говорило сердце!

— Что ты... вы несете? Как я могу не заметить разницы? — из последних сил сдерживаясь, разъяренно поинтересовалась я.

— Не знаю, — он качнул головой. — Неважно, Ула, узнаешь или нет. Важно, что он... думает именно так.

Я вскочила. Все, хватит с меня!

Видят звезды, я очень старалась. Я ужасно старалась привыкнуть к замку, круоргам и смириться со своей новой ролью. Но они все против меня! Они так обожают своего князя, что однажды, пожалуй, придушат меня собственными руками, лишь бы сделать ему приятно. Сделать его счастливым. Даже Леш... предатель!

Я летела по коридору к кабинету Яноша, намереваясь немедленно со всем этим покончить. Я никогда не хотела такой жизни. Богатство? Да пропади оно пропадом! Все эти люди... Вся эта сила... Власть.

В бездну!

Распахнув дверь, я залетела без предупреждения и застала его каким-то непонятным занятием. Он стоял у стола и услышав звук, дернул плечом, немного отставляя локоть. Стало видно, что Янош держит перед собой в руках какой-то предмет. И встал спиной к двери, чтобы этого не заметили входящие люди. Поведение настолько необычное, что стоило выяснить... выяснить причину происходящего немедленно. Что еще он скрывает?

Когда я подошла ближе, то увидела, что он крепко сжимает картину в темной простой раме. Тот самый портрет его родителей, который мне показали в первое посещение дома пана Гектора. Оказывается, портрет не потерян, а всегда был с ним? Или пан Гектор привез?

Судя по лежащей на столе упаковочной бумаге и коробке из плотного картона, картину хранят где-то в ящике. Интересно, почему он не повесил

портрет в своем кабинете, а держит взаперти, как что-то запретное?

Янош дернулся, но не обернулся. Почувствовал меня спиной, как у него это часто получалось в последнее время.

— Хорошо, что они меня сейчас не видят, правда? — глухо спросил он, не отрывая взгляда от родных лиц. Я стояла чуть сбоку и видела, как жадно он рассматривает людей, подаривших ему жизнь.

— Почему? — по-настоящему удивилась я.

— Потому что они не смогли бы мной гордиться, — с какой-то застарелой горечью произнес Янош.

— Почему не смогли? — еще больше удивилась я.

— Ты же мной не гордишься.

Он сказал так просто, так сухо, что возражения застряли в горле, как кусок колючей травы. Сказал так уверенно и легко, будто что-то неважное, но шло из глубины, о которой я давно не думала. Ведь давно уже Янош был для меня просто картонной фигурой, выкрашенным черной краской магом, который меня любит. И вроде ничего не изменилось... И гром не прогрохотал, и комнату не озарило яркой вспышкой, но всего за секунду ось вселенной со скрипом сдвинулась, еле-еле повернулось и все стало по-другому.

— И не любишь меня, — ничего не замечая, продолжал он. — Не хочешь от меня ничего. Денег, общего завтрака, утреннего поцелуя... детей.

И опять я ничего не смогла сказать.

— Я не жалею, — словно опомнившись, быстро добавил он. — Сам виноват. Мне хватит того, что есть. Просто... иногда мне кажется, что ты со мной несчастна. И...

Он вздохнул и замолчал.

Янош...

Я подошла, молча утыкаясь лбом ему в спину. Как давно я не видела, чтобы он проявлял хотя бы малейшую слабость. Так привыкла к его силе, ведь после приезда в замок, хотя нет... гораздо раньше я начала считать его самым сильным человеком из всех мне известных. Полным магической, физической и духовной силы. Я легко привыкла, что он всегда улыбается мне и пытается сделать мою жизнь легче, даже если это значит, что ему приходится брать на себя дополнительные заботы, которыми должна заниматься хозяйка замка. Но не занимается, потому что все еще плавает где-то далеко, пытаюсь увериться, что сама по себе и не видит под собственным носом единственного человека, которому любовь нужна так же сильно, как и ей самой.

— Янош...

Спина шевелилась, хруст бумаги указывал на то, что он пакует картину обратно. Привычно быстро. Как часто он ее достает? Смотрит на них и жалеет, что стал сыном, которым невозможно гордиться? А я об этом не знаю?

А что тогда я вообще о нем знаю?

— Ты почему пришла? Что-то случилось? — картина спряталась в ящике, ящик задвинулся в стол, а его голос стал деловым.

Неужели я не могу прийти просто так? Когда... я приходила к нему просто так? Хотя бы поздороваться?

— Я... — но голос сорвался. Лавина схлынула и ушла. Да, я не смогла ее остановить. Но она столько всего унесла с собой. Столько всего лишнего.

Раздался стук в дверь и внутрь заглянул пан Гектор.

— Янош, — по мне скользнули равнодушные глаза. — Пора.

Пан Гектор вернулся в коридор, но дверь оставил приоткрытой.

— Мне нужно идти. Так что случилось? Все хорошо?

Нет, хорошо не было. Но...

— Иди, — сказала я.

Он развернулся, немного нахмурился, будто колебался, наклонился, но поцеловать не попробовал. Только посмотрел как-то обречено и ушел.

Я уперлась руками в стол и медленно опустилась на диванчик.

Что же произошло? Как так получилось?

Я его наказываю? В голове тут же зазвучали возмущенные голоса протеста, перечисляя самые весомые доказательства обратного. Приехала с ним в замок, сделала все, как он хотел. Вышла замуж, пускаю по ночам в свою постель. Простила его!

Так что я тогда делаю?

Я его наказываю...

Нет, не может быть!

Но ведь что-то я делаю неправильно?

Сложно просто взять и саму себя отругать. Потому я прибегла к проверенному способу — представила бабушку. Она не смотрела укоризненно, не покачивала головой, ни цокала языком, а как обычно просто мягко положила мне на макушку руку.

— Ты не права, Ула, — беззлобно сказала. — Каким бы сильным он тебе не казался, есть вещи, против которых не выстроишь защиту, даже если ты сильнейший круорг из ныне живущих.

Как можно не поверить собственной бабушке?

И что теперь?

Янош, конечно, сильный. Он еще долго выдержит, верно? И простит мне все, в это можно не сомневаться. Все простит, даже измену. Даже, наверное, предательство. Только потому, что сам винит себя во всех событиях прошлого и считает, что видимо лучшей семьи не заслужил.

Но ведь это уже прошлое? А значит, оно прошло, его больше нет.

Что я делаю? Неужели мне до сих пор не хватило времени расставить приоритеты? Выбрать между сладкой жалостью к самой себе и возможным будущим счастьем нашей семьи? Решить, что самое важное? На это не нужно много времени, ведь я точно знаю, что!

Нет ничего важнее Яноша и нашего общего счастья. Так сколько я буду упрямо считать, что все и так прекрасно?!

Совершенно точно так дальше нельзя. Но главное, теперь я и сама так больше не смогу.

Ужинать не хотелось, я сидела в комнате до самой темноты. Янош всегда приходил в одно и то же время. Когда до его прихода оставалось всего ничего, я встала и выскочила в коридор, даже не прикрыв за собой дверь.

К Яношу тоже вошла без стука. Он сидел за столом, дописывая какие-то бумаги. Неужели до сих пор работает?

Я даже не знаю, когда он отдыхает. Он разбирается с делами каждый день... с утра до вечера. А ночью приходит ко мне.

И несмотря на данную в храме клятву, я даже не пыталась ему помочь, забрать хотя бы часть его обязанностей. Хотя бы самых простых и необременительных.

— Ула? — он сжал ручку и отложил ее сторону. — Ты...

Разве нормально, что муж, увидев на пороге спальни собственную жену, так удивляется? И... настораживается.

— Я ни разу не была в твоей комнате, — с трудом выдавила я, осматриваясь. Он молча ждал.

— Здесь... красиво.

Брови Яноша удивлено приподнялись. Комната была вполне обычной и вряд ли сильно отличалась от комнат рядовых круоргов.

— Красиво везде, где есть ты, — пояснила я.

Нет, надо по-другому, пока решимость объясняться не испарилась. Надо говорить прямо, без вступлений. Я шагнула ближе, он поднялся мне навстречу, опуская руки по швам. Я взяла его за руки, тесно переплетая наши пальцы.

— Я почему-то тебе не сказала... Я очень люблю тебя, Янош.

Он не верил. Мне показалось, он не верит! Я упрямо продолжала:

— Я безумно тебя люблю. И не менее сильно уважаю. Разве тебя можно не уважать? — сказала я, настойчиво смотря снизу вверх в его замершее от неожиданности лицо. Или от нежелания спугнуть? — Ты не бросаешь своих, даже если речь о рядовом круорге. Ты пришел бы к Жосту, даже если бы они не взяли пленными женщин. Ты не стал мстить и захватывать родственников королевских советников, не стал разводить бойню и жертвовать в угоду своему самолюбию жизни своих людей. Ты не задумываясь женился на девушке, брак с которой для князя совершеннейший мезальянс. Ты обращался с ней, как с королевой, хотя она этого не заслужила и даже ни разу не задумался, стоит ли она того. Я очень люблю тебя, Янош.

— Правда? — с хрупкой надеждой спросил он, так и не двигаясь.

Я завела наши руки себе за спину.

— Правда.

Он молчал.

Все еще не верит. Хотя и неудивительно.

— Я была не права. Прости! Вела себя, как... как последняя стерва. Прости!

Молчит.

— Я докажу! Хочешь, я перестану пить эту треклятую мурсовку? Выброшу, как только переступлю порог своей комнаты? Ты понимаешь, к чему это приведет?

— Понимаю, — усмехнулся он и ненадолго задумался. — А почему ты вообще ее пила?

— Не знаю... — я и правда толком не могла объяснить. — Какая-то жуткая неуверенность в завтрашнем дне... мы посреди страны, где одни чужаки. Почти в бегах и неизвестно, доедем ли до замка. Королевские воины на хвосте. Кругом опасность.

— Но в замке безопасно, — возразил он. — Да и вообще... теперь безопасно везде, по крайней мере, касательно королевского совета. А простых разбойников и раньше-то бояться не стоило. Никто и никогда не посмеет тронуть тебя... или детей. Только переступив через мой труп, а это задача далеко не самая легкая.

— Я понимаю... теперь. Хочешь, не буду пить?

Даже интересно, что он скажет. Я наклонила голову, смотря на его лицо чуть сбоку. Что же ты скажешь?..

— Хочу, — резко ответил Янош и его руки, наконец, проснулись, обнимая меня так крепко, что дыхание замерло.

— Значит, договорились! Считаю, ее нет. Кстати... Ты уже

освободился? Я тут подумала, что мы слишком редко разговариваем. Мне хотелось бы, чтобы ты рассказал, как жил все эти годы, все время после... после отъезда на шайнарскую границу. Расскажешь?

Он кивнул и отвернулся, осматривая камин и пол напротив.

— Можно пододвинуть к огню диван, — предложил, на глаз прикидывая расстояние.

— Здорово!

— А еще, — он снова посмотрел на меня и улыбнулся. Такая улыбка, живая и теплая мне нравится куда больше прежних! — У меня есть сладкое вино от поставщика королевского двора. Оно почти без градусов, как компот, можно наслаждаться вкусом и не пьянеть. — И стал серьезным. — Рассказывать придется очень долго.

— Ну и что? Начнем сейчас. Не успеем — продолжим завтра.

— А потом о себе расскажешь ты?

Я вздохнула. Как-то не приходило в голову, что взамен придется делиться своими секретами. Хотя... какие там секреты, мой рассказ наверняка будет куда короче и намного скучней.

— Хорошо. Но сначала ты!

Он тут же кивнул.

— А завтра ты научишь меня, как обращаться с просителями. Что с ними вообще делать. Будешь учить целый день! — чересчур радостно, со слишком большой дозой воодушевления в голосе заявила я. Он сделал вид, что не заметил. И правда, мелкий промах можно простить. Ведь видно, что я стараюсь, теперь уже по-настоящему!

— Вполне равноценный обмен, — величественно согласился Янош, отпустил меня и отошел, чтобы передвинуть диван к огню. Кстати, в голову пришла хорошая идея. Надо обставить комнату... с мягкими креслами, здоровенным камином, небольшой библиотекой и винным шкафом. Только для нас двоих. Все равно половина комнат поблизости пустует!

Потом Янош достал вино, вытащил из пузатой бутылки пробку, но, на секунду замерев, вдруг оставил ее в сторону и быстро вернувшись ко мне, снова крепко обнял, насторожено заглядывая в лицо.

— Тебе со мной хорошо? — тихо спросил. И я поняла, что ответ существует только один.

— Очень! Хотя знаешь, — я широко улыбнулась. — Пожалуй, мне все же не хватает кое-чего... Для счастья.

Впрочем, смотря в глаза своего мужа, я знала, что и это у меня будет.

Эпилог

Однажды я подумала, что замок удивительно похож на огромное

живое существо, вполне разумное, но крайне ленивое и неповоротливое. Его дыхание — ветер, развевающий флажки на башнях и он же, прячущийся в траве и кустах замковых парков и садов. Его кровь — люди, которые текут по коридорам, пересекают огромное сердце центральной площади и наполняют каменные внутренности гулом человеческих слов, смеха, шагов и дыхания. Его глаза-окна смотрят в сторону гор, где зеленеет лес, и на долину, разделенную извилистой дорогой, по которой приходят гости. Иногда незваные, но все равно интересные.

Замок нуждается в уходе и ласке, иногда — в защите. И в любое время главное, что ему необходимо — это мы, его жители.

На самом деле заботиться о замке оказалось совсем не сложно и даже здорово. Вероятно, это я поняла в момент, когда влюбилась в его стены, в его звуки и запахи, в его дух. Влюбилась без памяти, легко, уверенно, хотя конечно далеко не так сильно, как в собственного мужа. Людям нравится заводить себе домашних животных. У кого-то это мелкая собачка, у кого-то молчаливые рыбы. У меня — огромный каменный зверь, который не помещается у ног, а наоборот, возвышается над головой почти так же высоко, как окружающие горы. Но хотя размерами он больше обычных любимцев, в остальном точно такой же — честный и преданный хозяевам. Заботу о замке невозможно считать работой, это — удовольствие.

Не знаю, почему раньше я воспринимала его только как бесполезную грудку камней и считала не подарком, а обузой. Все это в прошлом.

С просьбами просителей дела обстояли также довольно просто. В основном они заключались в перечне нужд деревни: новый лекарь, кузнец, староста, и прошениями об обеспечении справедливого суда, то есть охраны процесса, чтобы не допустить подкупа судьи и обеспечить правдивые показания свидетелей. С деньгами, связями и несколькими круорами, которыми я располагала, удовлетворить все надобности проживающего на приписанных к замку территориях населения оказалось проще простого.

Первый омниум-камень я создала, когда еще не выпал снег. Гутан долго со мной занимался, обучая плотно сжимать силу в резерве так, чтобы освобождалось место для очередного притока. Обычно в процессе она вырывалась и уходила в пустоту, но при должном уровне концентрации все-таки постепенно начинала слушаться и сжиматься.

Когда очередной выскользнувший поток обрушился на налитую в блюдце воду и она, переливаясь и играя всеми цветами радуги, вспыхнула, оставив после себя плоский покатый камешек, я и сама жутко удивилась.

А через минуту уже неслась по коридору, одной рукой придерживая

юбки, а в другой сжимая созданное чудо. У Яноша была встреча с представителями горной гильдии, которые хотели начать разведку гор круоргов и просили обеспечить безопасность. Об этом я вспомнила только когда влетела в кабинет и увидела кучу сидящих вокруг стола незнакомых людей. Ну, теперь уж поздно, я поздоровалась и все-таки пошла к нему. Молча протянула водяной омнинум.

Мы переговаривались одними глазами, без слов. Он осторожно провел по камню пальцами, спрашивая, это правда? Да, с восторгом подтвердила я. И он ответил, что никогда не сомневался в том, что однажды у меня все получится. И что это только начало, не зря же мне для преобразования выделена часть сада с крошечным озером, почти таким же, как на картинке в учебнике по омниумам.

При таком количестве народу, конечно, исключались любые личные слова или прикосновения, не говоря уже о поцелуях, но мне хватило его глаз и касания шершавых подушечек пальцев к ладони.

Конечно, я тут же отправилась обратно и попыталась продолжить работать. Правда, вскоре мне пришлось отложить свое обучение на неопределенное время.

К концу зимы, если припомнить, произошло всего три события и все три имели для меня особое и почти одинаковое значение, хотя сравнивать их по степени важности конечно глупо, как, к примеру, сравнивать вкус клубники и дорожной пыли. Разные вещи для разных целей, как-то так. Единственное, что их объединяло — все три оказались чем-то вроде рубежей, которые отмечаются на карте по мере того, как течет твоя жизнь.

Когда выпал первый снег, в замок прискакал очередной королевский гонец. Оказалось, королевский совет удовлетворил просьбу темного князя и отныне в магических академиях вводят курс темной магии, где студентам будут рассказывать правду о ее истоках и назначении. И даже обучать первичным приемам отбора силы крови в критических ситуациях. Конечно, ничего такого, что не стоило знать непосвященным, никаких подробностей о кровавых ритуалах, только теория и самая безобидная практика.

Янош, кстати, начал разбираться с еще одним вопросом, на долгое время поглотившим с головой всю первую линию. По их утверждениям, смертельно больные люди также подходили для вытягивания из них сил, причем почему-то первым делом вытягивались именно боль и болезнь, поэтому изредка выходило, что больной излечивался. То есть получалось, что круорги могли практически лечить, если конечно, все было сделано тонко и остановлено вовремя, что для темных магов все-таки дело непростое.

Хотя чаще смертельно больные все же умирали, но зато умирали без боли.

Новость о введении в академии магии круоргов прировняла их ко всем остальным магическим школам. Я видела светящиеся восторгом и гордостью глаза всех встречных круоргов, начиная от Габриса и заканчивая самыми юными учениками, они казались почти ненормально счастливыми. Даже зная, что во многом круорги считают себя тесной, дружной и немного обособленной от обычных людей группой, было удивительно видеть, что теперь все они поголовно верят в свое будущее и совсем его не боятся.

Поэтому данная новость стала первой моей вехой. На время, естественно, пока не наступила вторая.

Это произошло раним утром, когда я привычно проснулась и решила, что пора вставать. Потянувшись, я думала, что умываться холодно, но будить Яноша, чтобы он согрел воду неохота, а служанку звать лень. Уже садясь и спуская ноги с кровати, я обратила внимание на это... на эту странность.

Вьюнок лежал на моем животе, свернувшись кольцом вокруг пупка. Такое и раньше бывало, но не... третий день подряд. Я тут же вспомнила, что за последнее время он совершенно не передвигался, почти не шевелился, разве что сонно и лениво разминался иногда, на время расправлял листья и снова впадал в спячку.

Я осторожно улеглась обратно в постель, откинувшись на подушки и проводя по животу пальцами. Так громко вздохнула от осенившей меня догадки, что рядом заворочался Янош и тут же проснулся. Он очень хорошо меня чувствовал, даже не знаю, отчего. Неужели все семейные пары такие?

— Что случилось? — хриплым со сна голосом спросил он и перевел глаза на движение. Я сосредоточено водила пальцами по коже и думала.

Тогда он поднял руку и положил мне на живот.

И через секунду мне пришлось резко отдернуть свою руку и замереть, потому что в момент, когда его пальцы прижались к коже, я увидела, как под ними зашевелился вьюнок и... Он и раньше проявлял интерес к окружающим людям и предметам — мог протянуть усики и изучить. Яноша тоже часто обнюхивал, но никогда раньше...

Вдруг по его ладони расплылось чернильное пятно, быстро обретая очертания узорных листьев, которые расплзались во все стороны, сворачиваясь вокруг центра, где медленно проявляясь, распускался небольшой цветок с круглыми лепестками.

Мы оба замерли, Янош повернул руку, чтобы лучше рассмотреть, как

шевелиться и дышит вьюнок, который никогда раньше не цвел. На его широкой ладони цветок выглядел совсем крошечным.

— Что это? — одними губами спросил он.

Я вздохнула.

— Он... чувствует в тебе знакомую кровь. Принимает за своего. Потому что... теперь ты во мне, теперь ты часть меня.

Других объяснений не было... Просто не могло быть.

Янош осторожно шевелил пальцами, заставляя рисунок перетекать по коже и поблескивать на свету.

— Ты не думала, — отрешенно спросил он. — Что все самое лучшее в жизни случается как-то... неожиданно?

— Что? — у меня глаза чуть на лоб не полезли. Неожиданно? О чем он? Когда перестаешь пить мурсовку, то нечто подобное как раз таки очень ожидаемо!

— Нет, я не о том, — он так и не отрывался от хрупкого цветка. Признаться, даже прожив с живым рисунком множество лет, сейчас и я не могла не любоваться его цветением. — Вроде предполагаешь, что может случиться нечто хорошее, и все равно каждый раз... как чудо. Не думала?

— Не знаю. Не думала, — призналась я, внимательно следя за его рукой. Что теперь положено делать? Идти к лекарю? Менять гардероб? Отказываться от верховых прогулок? Исключить из рациона жирное и жареное? Попросить кухарку наквасить побольше капусты? Обустроить детскую? Что?..

— И правда, — вынуждено призналась я. — Неожиданно...

Ну а третье событие вообще доказало мне, что все в жизни до крайности справедливо и любой рано или поздно получит по заслугам!

В тот день приехала Натали, племянница пана Гектора, которую он уговорил-таки погостить в замке.

Конечно, мы вышли ее встречать, и не просто чтобы показать, что рады знакомству, а еще и от любопытства — в замке давно уже ходили слухи о ее взбалмошном характере и всем не терпелось увидеть это чудо чудное своими собственными глазами.

На первое приглашение пана Гектора она ответила, что лучше выйдет замуж за какого-то неизвестного нам мясника Петра, чем явится в полный круоргами замок. Видимо, в их городе это страшная угроза...

Потом ее пришлось выкупать из тюрьмы, потому что Натали ввязалась в торговую авантюру, где более опытные участники, конечно же, ее надули и осталась без гроша в кармане, да еще под арестом, потому что ко всему прочему взяла в долг деньги у какого-то почетного господина и кто бы

сомневался, не смогла отдать.

Пан Гектор отказался от помощи Яноша и лично оплатил гонца, залог и сам долг.

После этого на второе по счету приглашение она ответила, что подумает и если встанет перед выбором — умереть с голоду или увидеть любимого дядюшку, то наверное, все же выберет второе.

Согласилась Натали, как ни странно после того, как месяц проработала в пекарне, куда ее устроили как раз по просьбе пана Гектора. Судя по всему, лучше уж круорги, чем ежедневная побудка до рассвета и густой печной зной.

День выдался морозный, Янош все время дергал меня за воротник, проверяя, хорошо ли тот застегнут. Я привычно терпела и только повторяла, что отлично себя чувствую и болеть прямо сейчас не собираюсь.

Вскоре в воротах показались крытые сани и лихо подкатили к крыльцу, чуть не отдавлив ноги стоящим поблизости зевакам.

Дверцу открыли и показалась Натали собственной персоной. Из-под меховой шапочки во все стороны лезли курчавые волосы, а синие глаза сверкали задором и в каком-то сильно насторожившем меня предвкушении оглядывали замок. Ни малейшего смущения при виде кучи незнакомых людей, чьи взгляды с любопытством ее изучали, Натали не испытала. Похоже, давно привыкла к подобному вниманию и судя по лицу, даже научилась получать от него удовольствие.

Пожалуй, нас ждут непростые времена.

Потом она улыбнулась и обратила внимание на пана Гектора, вырядившегося по случаю появления единственной племянницы в серый, блестящий золотой вышивкой праздничный камзол и новую шубу из коричневого меха. Что камзол, что пан Гектор сияли на солнце, как начищенные пятаки и гостье похоже стало приятно такое искреннее внимание. Ну, судя по чистому детскому восторгу в глазах. Она вылезла из саней и сделав пару шагов, первым делом споткнулась об ногу Леша, который в своем новом полушубке, залихватски распахнутом на груди, кучковался вместе с остальными зеваками. Тот успел подхватить гостью, не давая шарахнуться на укатанный лед, а после они изумлено уставились друг на друга.

— Смотри, где стоишь! — наконец, рывкнула Натали и оттолкнув помощника, двинулась к дядюшке, тут же вернув на лицо приветственную милую улыбку, а Леш остался на месте, глупо хлопая очумевшими глазами. Даже руки не опустил, так перед собой и держал.

Я не сдерживаясь, рассмеялась.

Как он там говорил? Сразу узнаю? Хорошо бы не благородная? И вообще, мне наверняка повезет, она будет самой доброй и милой. И как еще?.. Сплошное удовольствие наблюдать за двумя влюбленными идиотами, которые кругами друг вокруг друга ходят, развлекая своим поведением всех окружающих?

Я повернулась к Яношу, который улыбался не менее широко. Тоже видел.

Ну что же... Наша очередь веселиться!

Table of Contents

[Шолох Юлия Дикий вьюнок](#)

[Пролог](#)

[Часть 1](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)

[Часть 2](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)

[Часть 3](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)